ИОСИФ ВЛАДИМИРОВИЧ
ГУРКО
1828–1901

ГУРКО

Борис Тумасов

ПОД СТЯГОМ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

ИСТОРИЧЕСКИЙ
РОМАН

АСТ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Астрель
Москва
2002

УДК 821.161.1–311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6–44
Т 83

Оформление
В. И. Харламова

Тумасов Б. Е.
Т 83 Гурко: Под стягом Российской империи: Исторический роман/Б. Е. Тумасов. — М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2002. — 400 с.: ил. — (Русские полководцы).

ISBN 5-17-012007-9 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-271-03536-0 (ООО «Издательство Астрель»)

О жизни прославленного русского полководца И. В. Гурко (1828—1901) рассказывает новый роман известного писателя-историка Б. Тумасова.

УДК 821.161.1–311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6–44

Формат 84×108/32. Подписано в печать
15.10.2001.
Гарнитура «Школьная». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 20,68.
Тираж 10 000 экз. Заказ № 4197.

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.14.953.П.12850.7.00 от 14.07.2000 г.

ISBN 5-17-012007-9
(ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-271-03536-0
(ООО «Издательство Астрель»)

© Тумасов Б. Е., 2002
© ООО «Издательство Астрель», 2002

БСЭ, М., 1972, т. 7.

Гурко, Ромейко-Гурко Иосиф Владимирович (16(28). 7. 1828, Могилевская губ., — 15(28).1. 1901, с. Сахарово, ныне Калининской обл.,) русский генерал-фельдмаршал (1894). Окончил Пажеский корпус (1846), служил в лейб-гусарах. Будучи флигель-адъютантом и состоя в свите царя (1862–1866), выполнял административные поручения, связанные с выполнением крестьянской реформы.

Во время Русско-турецкой войны 1877–1878 показал себя талантливым и решительным военачальником. Командуя с июня 1877 Передовым отрядом, совершил в июле успешный поход в Забалканье, за что получил чин генерал-адъютанта. В сентябре—октябре начальник кавалерии Западного отряда под Плевной, в октябре возглавил отряд из войск гвардии, с которым овладел турецкими опорными пунктами Горный Дубняк (12(24) октября) и Телиш 16(28) октября), чем завершил окружение Плевны. Выдвинул план немедленного наступления за Балканы зимой 1877. В ноябре наступлением на Этрополь-Орхание занял удобные исходные позиции в предгорьях Балкан. В декабре, командуя 70-тысячным отрядом, совершил труднейший переход через Балканы, считавшиеся недоступными зимой, занял Софию и разбил турецкие войска под Ташкисеном (19(31) декабря). Продолжая наступление, нанес поражение турецким войскам

под Филиппополем (3–5 (15–17) января 1878) и занял Адрианополь. С 1878 генерал от кавалерии. В 1879–1880 помощник главнокомандующего войсками гвардии и Петербургского военного округа и временный петербургский генерал-губернатор, в 1882–1883 временный одесский генерал-губернатор. В 1883–1894 генерал-губернатор Привислинского края и командующий войсками Варшавского военного округа, руководил строительством крепостей и стратегических дорог. Проводил русификаторскую политику в Польше. С 1886 член Государственного Совета. С 1894 в отставке.

Борис Тумасов

ПОД СТЯГОМ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

Пролог

Есть поверье: когда на свет появляется человек, отмеченный Богом, природа о том дает знать. Господь как бы извещает: в мир вступает личность необычная...

В семье белорусского дворянина, начальника всех резервных и запасных войск Российской империи Владимира Иосифовича Гурко ждали прибавления семейства. Небо было в редких облаках и ничто не предвещало грозы. Но в ту минуту, когда старая повитуха внесла в гостиную новорожденного и протянула отцу, прокоталгром.

Повитуха перекрестилась:

— Быть сыну воином, ваше благородие. Вишь, как Перун усердствует. Как мальчика назвать изволите?

— Иосифом, старая, Иосифом...

Случилось это в год 1828 в Могилевской губернии в вотчине генерала Гурко.

Здесь, в этом краю промчались детские годы Иосифа. На всю жизнь запомнил он родные места: хвойные леса, озера, аиста на крыше и речку Березину, берегом которой тянулся караван нескольких телег и карета рыдвана, в которой семейство Гурко уезжало в Петербург к месту службы отца.

С детства знал Иосиф, что через Березину уходила отступавшая армия французского императора Наполеона...

С молоком матери впитал Иосиф Владимирович любовь к Белоруссии и Могилевщине. К его удовольствию,

отец, уйдя в отставку, вернулся доживать свои лета в имение.

Обучаясь в Петербургском Пажеском корпусе, Иосиф на каникулы наезжал к родным. С деревенскими ровесниками ставил невод, бывал в ночном, а по весне, будучи уже старшеклассником, пробовал ходить за плугом и, вдавливая его в землю, смотрел, как отваливается под лемехом пласт. Отец говаривал, что мифические боги черпали от земли силу. Воистину, она — мать человеку.

Однажды Гурко услышал от отца слова, которые запомнил на всю жизнь: «Человек, забывший отчий край и свое прошлое, не достоин уважения».

По окончании Пажеского корпуса Иосиф Владимирович связал свою судьбу с армией. В чине поручика он принимал участие в подавлении польского восстания 1863–1864 годах. Он считал это восстание бунтом шляхты...

В истории государства Российского жизнь генерала Гурко, пожалуй, и осталась бы мало известной, но произошли события великой значимости. Пять веков балканские славяне угнетались Османской Портой, а в 1877–1878 годах Россия в войне с Турцией добилась создания независимой Болгарии, облегчила положение сербов, черногорцев и других балканских славян.

В боевых действиях Дунайской армии на Балканах взошла полководческая звезда Иосифа Владимировича Гурко. Командуя 8-й Гвардейской кавалерийской дивизией, он в числе первых переправился через Дунай, отбросив вражеские войска от пограничного города Систово и повел наступление вглубь турецкой обороны.

Назначенный командиром Передового отряда генерал Гурко подошел к Балканам в районе Хайнкиейского перевала, считавшегося турецким командованием непроходимым. Однако Иосиф Владимирович провел отряд через перевал и вышел в Долину Роз, овладев древней столицей болгар городом Тырново.

В это время Дунайская армия вынуждена была задержаться у Плевны. Это внесло серьезные коррективы в ход боевых действий российской армии. Было ясно:

без овладения Плевной и разгрома плевненской группировки переносить войну в Забалканье невозможно.

В разгроме Плевненской группировки важную роль сыграл Иосиф Владимирович Гурко. Гвардия, которой он командовал, замкнула кольцо окружения и тем ускорила ликвидацию плевненской группировки...

Наступила зима. Она оказалась плохим союзником Дунайской армии. К Шипкинскому перевалу подошли турецкая и Дунайская армии, Шипка в историю русско-турецкой войны вошла героической страницей.

Командуя всеми гвардейскими войсками Дунайской армии, генерал Гурко овладел рядом городов у подножия Балкан и создал плацдарм для перехода российской армии в Забалканье, куда стягивались турецкие войска и строились укрепления.

У Иосифа Владимировича созрел дерзкий план — провести российскую гвардию через зимние Балканы. Никто не мог даже помыслить, что план этот осуществим. Военные теоретики не предполагали, что российское командование согласится с доводами Гурко. На пути у гвардии были настолько непреодолимые препятствия, что предложения Иосифа Владимировича многие считали просто безумством.

Зимой, в метель и непогоду, у российской армии на пути через Балканы были леса и заснеженные ущелья, валуны и скалистые горы, обледенелые утесы и редкие, нехоженые тропы, известные разве только местным охотникам. Все это делало зимний переход через Балканы невозможным не только для крупных воинских соединений, но и для мелких отрядов.

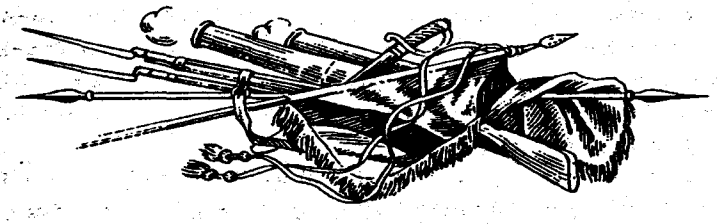
Однако Гурко повел российскую гвардию на штурм Балкан. И это было не авантюрой, а талантливо разработанной операцией, тщательно подготовленной и не раз проигранной со штабными офицерами...

Трое суток, таща на себе пушки и зарядные ящики, семьдесят тысяч солдат шли в горы. Падая и замерзая в снегу, русские войска перевалили через Балканские горы, взломали турецкие укрепления и заняли Софию...

Российская гвардия совершила подвиг, равный суворовским чудо-богатырям, перешедшим через Альпы...

Выйдя в Забалканье, войска генерала Гурко повели ожесточенные бои у Филиппополя и, преследуя турецкую армию, овладели Адрианополем, принудив Оттоманскую Порту подписать условия Сан-Стефанского мирного договора.

Эти события и стали звездными часами в жизни Иосифа Владимировича Гурко, проложили его «след» в русской истории.



Глава 1

В 1876 году Россия стояла на пороге русско-турецкой войны. Шло формирование Дунайской армии, ее перебрасывали к румынской границе. Определился главнокомандующий, брат царя, великий князь Николай Николаевич. А на Кавказ, в Кавказскую армию отправлялся другой брат царя, Михаил Николаевич.

В Бухаресте выработали условия совместных действий против Османской Порты. Турция искала войны, Россия ее хотела, и на то она имела причины...

Осенью 2-й Гвардейской кавалерийской дивизии генерала Иосифа Владимировича Гурко было предписано передислоцироваться к западному рубежу империи, в район города Бельцы. С получением приказа к новому месту отправились квартирьеры, определились с казармами, конюшнями, квартирами для господ офицеров у гостеприимных молдаванских дворян. К прибытию дивизии подобрали просторное помещение для штаба.

Вся первая половина сентября у Иосифа Владимировича Гурко была хлопотная. Один за другим он отправил эшелоны с теплушками, загруженными воинским имуществом, орудийной прислугой, ездовыми, лошадьми, платформами, на них пушки, санитарные фуры, тюки прессованного сена.

По железной дороге уехал начальник штаба дивизии генерал Нагловский со штабными офицерами, а весь личный состав ушел к новому месту конными переходами.

Накануне, напутствуя командиров частей и своего заместителя генерала Рауха, Гурко говорил:

— Господа, следите за личным и конным составом. Чтоб коней перековывали, обязательно. Дивизия должна быть в полной боевой готовности. Война неизбежна.

Отправив дивизию, Иосиф Владимирович на короткое время задержался в Петербурге; предстояла встреча с главнокомандующим, в интендантском управлении, надо было увидеться с сыном.

С Василием, проходившим учебу в старшем классе Пажеского корпуса, встреча была короткой и немногословной. Гурко сына любил, но и не баловал. Провожая отца, Василий посетовал, что не имеет возможности поучаствовать в войне на Балканах, на что Иосиф Владимирович ответил:

— В твоей жизни еще будет возможность с оружием в руках постоять за честь России, а ныне овладевай теорией, дабы с достоинством носить звание офицера.

Возвращаясь от сына, Гурко вспомнил, как однажды Александр Второй в Зимнем говорил ему:

— От министра слышал, вы проявляли желание с добровольцами оказать помощь восставшим сербам? Скоро ваше желание исполнится. Османы достаточно испытывают наш гнев.

Перед самым отъездом к дивизии Иосиф Владимирович получил приглашение от баронессы Вревской, жены покойного товарища по армейской службе барона Вревского. Юлия Петровна овдовела совсем молодой и, переехав в Петербург, имела приличный салон, вела переписку с Тургеневым и была великой патриоткой.

Гурко навестил Вревскую и весь вечер убеждал ее отказаться от затеи в случае войны отправиться в госпиталь медицинской сестрой. Иосиф Владимирович описывал тяжести лазаретной службы, но баронесса была неумолима. Кажется, ее на это дело поощрял Тургенев. Последним аргументом Гурко было то, что Иван Сергеевич не видел ужасов войны. Но и это не переубедило баронессу...

Там, на Балканах, возвращаясь к этому разговору, он вспоминал ее лицо и глаза большие, синие, что васильки полевые.

О войне говорили как о свершившемся факте. И хотя дипломаты еще скрещивали шпаги и скрипели перьями, а посольские коляски мчали из Стамбула в Вену, а из Берлина в Санкт-Петербург, военные уже угрожающе бряцали оружием.

Император Австро-Венгрии Франц-Иосиф делал смотр армии, флот ее величества британской королевы и императрицы Индии Виктории драил орудийные стволы и поднимал пар в котлах, а германский кайзер Вильгельм уже повернул своих бравых гренадер лицом к Франции. Россия требовала свободы братьям-болгарам и славянам, притесняемым турками, воссоединения армянских земель...

Родившийся в семье военного, начальника всех резервных и запасных войск Российской империи, и сам посвятивший свою жизнь армии, Гурко понимал, что только чудо могло предотвратить войну. Но чуда не предвиделось.

Под флагом ислама, зеленым знаменем пророка, раздувался религиозный фанатизм, проповедовалась война с гяурами. Военно-феодальный гнет Турции для болгарского народа и всех славян, оказавшихся под игом Османской империи, нес с собой геноцид.

В Болгарии усилилось национально-освободительное движение. В 1875 году в Герцеговине и Боснии местное население подняло восстание против турецкого владычества. В начале весны 1876 года вспыхнуло восстание в Болгарии, жестоко подавленное турками. Многие болгары, жившие в России, выехали на родину, чтобы принять участие в сражении с турками.

Башибузуки свирепо расправлялись с болгарами. Село Батак они сожгли, а из семи тысяч жителей пять тысяч убили.

Восстания сербов, черногорцев, болгар нашли широкий отклик в России.

Могла ли Россия равнодушно взирать на все обострявшееся положение на Балканах?

В России были уверены: начнутся боевые действия Дунайской армии и болгары примут в них участие, окажут помощь российской армии.

К поезду Гурко приехал накануне отправления, поднялся в вагон. Был генерал роста чуть выше среднего, худощав, с походкой многолетнего кавалериста.

В купе Иосиф Владимирович оказался один. Сняв шинель и фуражку, причесал стриженные под ежик волосы, присел к столику у окна.

Сияли зеркала, красным плюшем были обтянуты диваны, а вдоль всего коридора протянулась мягкая ковровая дорожка. На стыках вагон подрагивал, и ложечка в пустом стакане мелко позвякивала. Оставляя клубы дыма, стлавшиеся по сырой земле, паровоз пыхтел, гудел сипло, упреждая о своем приближении.

Гурко смотрел, как за окном удаляются поля и леса с перелесками, речки и озера. Поезд прогромыхал по мосту. Осталась позади деревня с рублеными избами, копенками свежего сена. По прижухлой траве бродило небольшое стадо.

Серые запавшие глаза генерала смотрели на мир с интересом. Иногда Гурко поглаживал поседевшую раздвоенную бороду. Ему вспомнилось родное село в Могилевской губернии, детские годы, усадьба...

Осталась позади будка путевого обходчика. А вот и сам путеец с желтым флажком в руке...

Мягко открылась дверь купе, проводник внес свежий чай, поставил на столик. У светофора поезд замедлил ход, потянулись станционные постройки, пакгауз, перрон, усыпанный желтым песком с ракушечником. А вот и приземистый вокзал из красного кирпича, медный колокол у двери.

Лязгнув буферами, поезд остановился. На перроне пустынно, только один станционный дежурный в красной фуражке. Проследовал встречный товарняк, и тут же ударил колокол, и поезд тронулся. И снова леса, поля, деревни... И Гурко думает: как велика Россия, до западной границы дня три добираться, а уж на восток, то и в месяц дай Бог уложиться...

До отхода поезда на Могилев-Подольск оставалось больше трех часов, и Гурко вышел на Крещатик. Шелестели привялыми листьями каштаны, шуршали шины пролеток, цокали копыта по мостовой. В предобеденную пору Крещатик малолюден.

Иосиф Владимирович спустился вниз, к Привозу, прошел через базар, он гудел — многоязыкий, крикливый, поражал обилием всякой зелени, краснел помидорами, горами баклажанов и пупырчатыми нежинскими огурцами; свешивались с прилавков, доставая хвостами до земли, сазаны и карпы, сомы и щуки, а на крючьях висели бараньи и свиные туши, окорока говяжьи, полки ломились от всякой битой птицы...

Торговки орали зазывно, оглушали.

Покинув Привоз, Гурко направился вверх, к вокзалу, мысленно прикидывая, когда он попадет в Могилев-Подольск.

За долгие годы армейской жизни Иосиф Владимирович больше привык к конному транспорту, к верховой езде или на фаэтоне, нежели к поезду.

Утомительно тянулось время. Как и до Киева, в купе был один, просмотрел все приобретенные газеты, а в обеденный час ему вдруг захотелось той еды, какая доставалась ему в детские годы от дворовых ребят. И Иосиф Владимирович попросил проводника купить ему на привокзальном базарчике малосольных огурцов, отварной картошки и полуфунт сала, да еще кваса доброго.

Генерал вспоминал, как в детстве родители отпускали с дворовыми ребятами в ночное. Паслись рядом лошади, а мальчишки пекли в костре картошку и всю ночь рассказывали всякие были и небылицы. Щипали траву кони, фыркали, ржали призывно и Гурко завидовал этим мальчишкам, что часто бывают в ночном...

Не от того ли генерал по-доброму относится к молодым солдатам-первогодкам и требует к ним уважения...

— Солдат, — говорил Гурко, — человек, защитник Отечества. И не муштрой его воспитывать надобно командиру, а наставлением добрым и образцом достойным...

В Могилев-Подольске генерала дожидался адъютант с конвойным десятком драгун.

Закутавшись в подбитую мехом шинель, Иосиф Владимирович уселся на кожаные подушки фаэтона и, закрыв глаза, долго отдыхал от вагонной тряски. Четверка вороных бежала резво, фаэтон слегка покачивало на мягких рельсах. Екала селезенка у пристяжной, стучали копыта коней, день выдался погожий, и генерал снял фуражку. Ветерок ерошил редкие волосы, и Иосиф Владимирович пригладил их. Он посматривал по сторонам, любовался белыми мазанками, плетнями, садами, еще не сбросившими листвы, высокими тополями.

Вот позади осталось озеро. На его блюдце плавали дикие утки. И все это напомнило Гурко далекое детство в Могилевской губернии, вот такое же озеро, где он ловил карасей...

«Было ли такое? — подумал он, и сам же себе ответил мысленно: — А ведь было. И детство было, и корпус Пажеский, и первый офицерский чин... Теперь же эту жизненную школу пройдет Василий, потом сыновья Василия, а там и его внуки...»

Так, ступеньками, и жизнь идет. Сидевший напротив адъютант промолвил:

— Верст пять осталось.

— Сразу в штаб.

Осенние сумерки сгущаются быстро. Солнце коснулось края земли, показались городские строения.

— Бельцы, ваше превосходительство. Вон и здание штаба.

В штабе командира дивизии ждали генералы Раух и Нагловский. Доклады были короткие, но четкие. Расспросив о состоянии дел в дивизии, Гурко отправился на квартиру.

Будто и в штабе не задержался, а когда вышел, часы показывали двадцать два часа. На квартире Иосифа Владимировича встретил денщик Василий. Он уже истопил баню, приготовил чистое белье и, пока генерал купался, успел запечь добрый кусок мяса, густо приправленный перцем, и заварил свежего чая. Гурко ценил расторопного денщика, молчаливого и исполнительного солдата, а еще больше проникся к нему уважением во время болезни.

Это случилось два года назад, когда болезнь свалила его. Доктор не мог определить, что за причина недомогания и, когда никакие процедуры не помогли, Василий что-то сварил на плите, по всему дому потянуло какими-то травами. Потом он настаивал свое варево на спирте, и когда Гурко выпил, у него перехватило дыхание, а во рту долго держался вкус трав.

Ночью Иосиф Владимирович несколько раз пропотел, каждый раз Василий менял ему белье, а утром генерал, словно и болезни не было, спросил денщика, кто обучил его врачеванию. И тот поведал, что узнал это от бабки своей, жившей в Псковской губернии.

Дорожная суета укачала Гурко. Спал он крепко, но по устоявшейся привычке, едва рассвет забрезжил, был на ногах, засобирался в штаб. Денщик подал чай, хлеб с маслом, и генерал успел спросить о хозяевах. Василий поведал, что хозяин винодел, у него огромное хранилище, где множество бочек с разными винами. А хозяйка молодая и уже не раз справлялась, когда же приедет генерал.

Василий отправился на кухню. Гурко усмехнулся. Для такого молчуна, как Василий, и этот рассказ, видимо, был слишком утомительным.

На ходу кинув денщику, что, если позволят дела, появится только к обеду, Иосиф Владимирович отправился в штаб.

С приходом дивизии в Бельцы оживилась жизнь светского общества. Вечерами играла музыка, знать устраивала приемы, вечера, обеды и ничто, казалось, не предвещало нарушения ритма жизни.

Но это сторона внешняя. На самом деле ни одно собрание не могло не окончиться разговорами о событиях на Балканах. Восхищались храбростью сербов и черногорцев, подвигами русских добровольцев, проклинали злодейства янычар и башибузуков.

Генерал Гурко от званых обедов отказывался, ссылаясь на занятость, не жаловал и дворянские собрания. А однажды хозяйка дома, где он жил, пригласила его к вечернему чаю, и Иосиф Владимирович не посмел отказаться. Хозяин угощал генерала своими винами, а хозяйка сетовала, что генерал не жалует собрания и не появляется на балах. На что Гурко отшутился, пообещав непременно по весне исправиться, а хозяин перевел разговор, любопытствуя, когда война может начаться. И на это Гурко отшутился, сказав, что ответ может дать российское правительство, а еще точнее, Всевышний.

Беседы за чайным столом у хозяев были редкими, и Иосиф Владимирович тому был рад. Дел в штабе по мере приближения войны собиралось немало. Гурко появлялся в штабе утром, когда городок еще спал, дорогу проделывал пешком, когда выпавший снег еще не растаял или его не втоптали в грязь. Дежурный по штабу докладывал генералу, подавал сводки из частей, выслушивал распоряжения. Если случались какие-то чрезвычайные происшествия, то о них Гурко требовал докладывать незамедлительно и в любой час.

В тот год зима в Молдавии выдалась мягкая, с легкими морозами. В Бельцах снег выпал только к Новому году. А из Петербурга писали: снега завалили улицы и стояли морозы. Даже не верилось.

На Крещение полковые священники отслужили молебен, в дивизии побывал начальник штаба Дунайской армии генерал Непокойчицкий, а вскоре, по согласованию с румынским правительством, войска начали выдвигаться к турецким границам.

По сведениям российской разведки, полученными от болгар, турецкое командование усиленно готовится к боевым действиям. Их таборы встали по правобережью Дуная. Формируются резервы в Забалканье. Особенно укрепленным районом оказался треугольник крепостей

Сумистая — Шумла — Варна, где турецкое командование держало свои значительные силы.

Всю вторую половину марта Гурко провел в частях своей дивизии. Проверял их боеспособность. Остался весьма довольным. Ранним утром возвращался из Ургенов. У штаба охрана, под навесом кони на привязи. Часовые приветствовали генерала. Иосиф Владимирович поднялся на крыльцо, толкнув дверь, вошел в помещение. Дежурный доложил, что с минуты на минуту должен подойти начальник штаба, получена телефонограмма от главнокомандующего. Гурко прочитал. Дивизии предписывалось передислоцироваться в район Зимницы.

Присев к столу, где лежала карта и очки Нагловского, Иосиф Владимирович попросил заварить чаю. От печи тянуло теплом, и вскоре ему стало жарко. Снял папаху и шинель, провел ладонью по бороде, склонился над картой Балкан. Глаза пробежали от верховий Дуная до гирл. Побродив в поисках возможного места переправы, карандаш уткнулся в Зимницу, напротив болгарского городка Систово. Здесь, по сведениям, правый берег крутой, обрывистый, для высадки войск малоудобен, а посему противник не будет считать его местом возможной переправы.

Вошел Нагловский. Крупный, седой генерал, принимавший участие еще в Крымской войне, поздоровался, спросил:

— Гадаете, где переправляться?

Гурко указал:

— Пожалуй, у Систово.

— Такого же мнения. А что скажете по телефонограмме великого князя? В районе Зимницы уже сосредоточилась дивизия Драгомирова.

— Думаю, переправу начнет 14-я пехотная дивизия генерала Драгомирова, а нашу 8-ю кавалерийскую введут в прорыв.

— Я подготовил распоряжение по дивизии о передислокации. Судя по всему, весной надо ожидать объявления войны.

— Штаб армии в Кишиневе, там пока и Радецкий с корпусом... Я вот о чем подумал, Дмитрий Степанович.

Коли в исторический экскурс обратиться, то российские войска через Дунай переправлялись еще при великом князе Святославе Владимировиче. И он вел дружину в несколько тысяч. Потом дунайские воды будоражили войска графа Румянцева, посланные матушкой Екатериной на турок. А еще генерал Дибич в царствование Николая Навловича. Теперь вот нам суждено Дунай преодолеть...

Нагловский перешел к телеграфу, а Гурко прикрыл веки и на короткое время забылся во сне, две последние ночи были бессонными. Сам не заметил, как задремал.

И послышался ему знакомый голос:

— Иосиф!

«Кто меня зовет?» — подумал Гурко.

Силился вспомнить. Вдруг догадался. Это же мать позвала его. Господи, подумал он. Ведь сорок лет, как говорила она в последний раз с ним...

И снова мысли о далеком детстве. Лесная сторона, небольшая усадьба. Березы, лиственницы. Село рядом, избы...

Потом увиденное в дреме исчезло, и Иосиф Владимирович увидел отца. Тот говорил ему строго:

— Помни, Иосиф, ты рода древнего, наш предок наместником Смоленским был.

Очнулся Гурко, о сне мысли: к чему бы? И подумал, уж ли и там, на том свете, мать вспоминает его? А ведь и я, матушка, не забываю вас... И решил сегодня же послать Василия в церковь, поминальную заказать...

Мысль перебросила его в Санкт-Петербург. С Александриной, женой, расстались холодно. Да они никогда близки и не были. Он все больше по гарнизонам, она, красавица, жила своими интересами...

Уже здесь, в Бельцах, накануне отъезда в Унгены, уходя в штаб, повстречал хозяйку дома, Софью. Она сказала игриво:

— Генерал, ваш Василий не позволил мне прийти к вам этой ночью. Он встал у двери и сказал: его превосходительство спит.

Софья была молода и привлекательна. Иосиф Владимирович улыбнулся, поцеловал хозяйке руку.

— Милая Софья, Василий пожалел мои старые, бренные мощи.

— Так ли уж, генерал? Побойтесь Бога и не отриньте меня вдругорядь...

В аппаратной застучал телеграф, и Гурко отправился знакомиться с новой телефонограммой.

Начало марта 1877 года. Час войны неумолимо близился. Не одну бессонную ночь провел министр иностранных дел России князь Александр Михайлович Горчаков в здании своего министерства, что у Певческого моста на Мойке.

Вот и это утро он встретил на своем рабочем месте. Тихо в кабинете, только мягко постукивали большие напольные часы в футляре из красного дерева. Весь пол просторного кабинета укрыт скрадывающим шаги пушистым ковром. Потолки и карнизы высокие, лепные. У стен строгие шкафы, полные книг. Кожаные, с золотым тиснением переплеты за чистыми стеклами.

Скрестив на груди руки, Горчаков неподвижно смотрел в зашторенное окно. Пасмурное небо над Санкт-Петербургом, тяжело падает сырой снег с дождем. Дуют порывистые ветры с Балтики, раскачивают фонари. В брезентовых венцератках мокнут извозчики, торопливо снуют пешеходы. Подняв воротник шинели, на противоположной стороне улицы укрылся в подворотне жандарм.

Ненастная погода — и неспокойно на душе у российского канцлера князя Александра Михайловича Горчакова. Хитро плетет интриги бывший прусский канцлер, ныне рейхсканцлер германский Бисмарк. Заручившись его поддержкой, нагло ведет себя империя Габсбургов, ее территориальные аппетиты непомерны, в предстоящей войне дорого обойдется России Австро-Венгерский нейтралитет. Подстрекаемый лордом Биконсфилдом, турецкий султан Абдул-Хамид настроен к России непримиримо.

Горчаков вернулся к столу, уселся в жесткое кресло. Старческие руки с синими прожилками легли на рез-

ные подлокотники. Чисто выбритое лицо с пышными седыми бакенбардами, чуть выдающийся подбородок и плотно сжатые губы выражали строгость, а стоячий воротник белоснежной сорочки и темный фрак придавали российскому канцлеру вид официальный.

Стар князь и хвор ногами. К восьмому десятку подбираются годы, но мудрость и ясность ума не покидает его. Более шестидесяти лет служит Горчаков в Министерстве иностранных дел. Довелось быть послом в Лондоне и Риме, Берлине и Вене. Дипломатию с азов познавал, преданность и честность России делами высказывал. Душой князь Горчаков не кривил и перед министром иностранных дел графом Нессельроде не угодничал. Не гнулся даже перед всесильным начальником Третьего отделения Бенкендорфом и за то долгое время в немилости был, слыл в официальных кругах либералом.

Однако сам канцлер таковым себя не считал. О том история судит. Когда 18 марта 1871 года революционный Париж впервые создал правительство пролетарской диктатуры, прусское командование в тот же час поспешило выразить готовность помочь правительству Тьера подавить выступление парижского пролетариата. Бисмарк разрешил Тьеру увеличить армию для расправы над коммунарами. У русского царя диктатура пролетариата вызвала гнев, а канцлер Горчаков выразился при этом совершенно определенно: «Парижская коммуна угрожает всему европейскому обществу». И немедленно рекомендовал версальскому правительству быстрее заключить мир с Германией, дабы покончить с парижским пролетариатом.

Министром иностранных дел Горчаков стал после неудачной Крымской войны. Тогда прежний министр иностранных дел Нессельроде заявил о никчемности российского Министерства иностранных дел. Впрочем, немец Нессельроде на данном посту никогда честно не служил России.

Вступая в новую должность, Александр Михайлович Горчаков в присутствии близких друзей, поэта Тютчева и дипломата Жомини, выразил свою политическую ли-

нию вполне определенно: «Отныне № 1 положим конец немецкой дипломатии графа Нессельроде... Мою внешнюю политику будут определять интересы России, и только России».

Прошло короткое время и о российской дипломатии заговорили с почтением. С ней начали считаться. В кабинетах и салонах Европы с уст не сходила доктрина горчаковской циркулярной депеши, в коей русский канцлер наметил четкую программу действий, отражавших определенный этап в истории внешней политики России после Крымской войны...

К отмене унизительного Парижского трактата Горчаков готовил российскую дипломатию пятнадцать лет. И едва смолкли пушки пруссаков, а французские дипломаты, смирив гордыню, покорно подписали мирный договор, означавший конец Франко-прусской войны 1870 года, как канцлер Горчаков объявил всему миру, что Россия более не считает себя связанной Парижским трактатом, ограничивающим ее суверенитет на Черном море, и будет строить корабли Черноморского флота, а Севастополь будет военно-морской базой...

Поверженная пруссаками Франция вынужденно промолчала, Британия и Османская Порта — смирились...

Горчаков снял очки в золотой оправе, мягкой замшей протер стекла. Неожиданно мысли унесли его в далекие юношеские годы... Лицей... Первый набор... Друзья-лицеисты — Пушкин, Дельвиг, Пущин...

Он, Александр Горчаков, баловень науки, пример прилежания, безуспешно подражающий Александру Пушкину в пиитстве... Припомнились пушкинские строки, к нему, Горчакову, обращенные:

Тебе рукой Фортуны своенравной
Указан путь и счастливый и славный, —
Моя стезя печальна и темна...

«Провидец был дорогой друг Пушкин», — промолвил сам себе князь. Память донесла другое пушкинское послание:

Что должен я, скажи, в сей час
Желать от чиста сердца другу?
Глубоку ль старость, милый князь,
Детей, любезную супругу...

— Любезную супругу, — прошептал князь.

Сжало сердце. Четверть века, как умерла красавица-жена Мария Александровна Урусова. Пятнадцать лет всего-то прожил с ней, а иной теперь и не надо...

Явился советник посольства барон Жомини с неизменной папкой синего сафьяна. Тот самый Жомини, который с приходом Горчакова на пост министра иностранных дел воскликнул: «Наконец-то Россия приобрела министра, какой будет стоять на страже интересов этого достойного государства».

В Министерстве иностранных дел говаривали: канцлер и старший советник — две части одного целого. Для подобных утверждений имелись основания, у Горчакова и Жомини на внешнюю политику России один взгляд.

— Садитесь, дорогой Александр Генрихович. Какие известия из Порты?

— Реакция Стамбула на условия конвенции по-прежнему отрицательная.

— Рука лорда Биконсфилда.

— Коварство туманного Альбиона, и несть ему начала и конца. По всему, не миновать войны, как мы ни бьемся.

Горчаков промолчал. Барон близок к истине. Но в душе канцлера все еще теплилась надежда на мирное решение балканского вопроса.

Если бы только Британия не подстрекала Порту...

Дипломатическая обстановка в последние годы обострилась.

Бисмарку удалось объединить Германию. Немцы добились успеха во Франко-прусской войне. Агрессивные аппетиты Германии росли, Бисмарк искал повода для нового похода на Францию. При этом он пытался заручиться согласием России. Но во внешней политике Российской империи не предусматривалось дальнейшее ослабление Франции, тем более усиление военного могущества Германии. Находясь в Берлине в 1875 году, царь и Горчаков оказали давление на Бисмарка, и тот свалил подготовку войны с Францией на фельдмаршала Мольтке и штаб.

В тот раз позиция России спасла Францию от поражения. Горчаков прекрасно понимал: Бисмарк не простит этого, он затаился, и теперь, когда обстановка на Балканах предельно обострилась, германский канцлер станет действовать во вред России. Русский министр иностранных дел оказался прав. Вспыхнувшее в 1870 году восстание в Боснии и Герцеговине привлекло внимание всей Европы. Освобождение славян от многовекового угнетения под лозунгом «защита братьев славян» Россия принимала как свое кровное дело. Однако оказание конкретной помощи восставшим наткнулось на сопротивление Австро-Венгрии. Министр иностранных дел Дьюла Андраши на запрос Горчакова, согласна ли Австро-Венгрия добиваться автономии для Боснии и Герцеговины, ответил отказом. Боснийский вопрос страшил Андраши и императора Франца-Иосифа возможностью слияния Боснии, Герцеговины с Черногорией и Сербией в крупное южнославянское государство у границ Австро-Венгрии, Андраши пугали и славяне, входившие в состав Австро-Венгрии. Они также могли потребовать для себя автономии. И Андраши настаивал всего лишь на реформах для Боснии и Герцеговины.

Горчаков на встрече с Бисмарком и Андраши (они съехались в Берлине в мае 1876 года) предложил меморандум, в котором содержались гарантии по осуществлению некоторых реформ для славян, находившихся под турецким владычеством.

На тут вмешались англичане. Хищный британский лев давно уже занес свою когтистую лапу над Балканами и Черноморским побережьем Кавказа. Биконсфилд в который раз продиктовал султану курс внешней политики. С присущей средневековой жестокостью турки подавили восстание в Боснии и Герцеговине.

Еще не смолкли залпы и не развеялись пороховые дымы, как поднялись против турецкого ига сербы и черногорцы. В Сербию выехали русские добровольцы,

Россия оказала повстанцам дипломатическую и материальную помощь. Назревали русско-турецкие и русско-австрийские конфликты, грозившие перерасти в общеевропейскую войну. Горчаков был склонен решить дело дипломатическим путем. Вместе с тем на его запрос о том, каково будет отношение Германии к возможным осложнениям между Россией и Австро-Венгрией, Бисмарк ответил четко: немцы поддержат Австро-Венгрию. С другой стороны, Бисмарк не скрывал, что он заинтересован в военном конфликте между Россией и Турцией...

Горчаков прикусил губу.

Мир на Балканах... Он слишком призрачный. Абдул-Хамид играет на соперничестве великих держав. Еще в Ливадии Горчаков и царь убедили английского посла лорда Лофтуса в необходимости созыва международной конференции. Александр Второй, успокаивая английское правительство, заверял Лофтуса: Россия не посягнет на Константинополь и проливы...

В декабрьские дни 1876 года в зале Константинопольского дворца состоялась конференция послов. Завершалось обсуждение балканского вопроса. Под мерный плеск черноморской волны убаюкивающе журчали речи дипломатов. Представители великих держав сошлись на проекте автономии для Боснии, Герцеговины и Болгарии.

На заключительное заседание пригласили турецкую делегацию. Ей приготовились огласить условия конференции. Однако, совсем неожиданно, в работе конференции произошел сбой: вмешался султан Абдул-Хамид. В окна дворца, где заседали дипломаты, донеслись залпы артиллерийского салюта. Изумленные представители великих держав повернулись к турецкой делегации. И тогда встал министр иностранных дел Оттоманской Порты Саффет-паша, сказал торжественно: «Великий акт, который совершился в этот момент, изменил форму правления, существующую в течение шестисот лет: провозглашена конституция, которой его величество султан осчастливил свою империю. Самая полная, какую только может пожелать

свободная страна, конституция провозглашает равенство...»

Граф Игнатьев, мысленно уже подготовивший отчет в Петербург об итогах конференции, недоуменно посмотрел на представителя Англии лорда Солсбери. Гладко выбритое лицо англичанина сделалось пунцовым. Накануне, как выяснилось позже, Солсбери имел встречу с британским послом в Константинополе, и тот предупредил его, чтобы тот не смел оказывать влияние на турецкое правительство в угоду России.

Когда же министр иностранных дел Порты произнес, что на основании дарованных конституцией реформ турецкое правительство отклоняет решения Константинопольской конференции, граф Игнатьев чертыхнулся и потребовал заставить Оттоманскую империю принять выработанные условия. Однако лорд Солсбери дипломатично поднял руки. Конференцию похоронили явно англичане.

Погрузившись в свои мысли, канцлер молчал. Жомини не нарушал его думы.

Три месяца назад по настоянию Горчакова Россия и Австро-Венгрия подписали Будапештскую конвенцию. Русский канцлер обеспечивал России нейтралитет Австро-Венгрии в случае войны с Портой. Враждебные происки Англии и совместные действия Австро-Венгрии и Германии против России побудили русское правительство принять требование Андраши на включение в Будапештскую конвенцию условия о предоставлении Австро-Венгрии выбора момента и способа занять своими войсками Боснию и Герцеговину.

Стремясь урегулировать балканский кризис мирным путем, Горчаков дал задание русскому послу в Константинополе генерал-адъютанту Игнатьеву поехать в главные европейские столицы и добиться подписания протокола, в котором подтверждались бы постановления Константинопольской конференции.

Мартовская поездка графа Игнатьева в Вену и Берлин привела к принятию Лондонского протокола. К нему прилагались две декларации. В первой говорилось: если Оттоманская империя переведет свои войска на

мирное положение и приступит к реформам относительно славян на Балканах, Россия незамедлительно проведет переговоры о разоружении. В случае несогласия султана во второй декларации оговаривалось считать Лондонский протокол потерявшим силу. Горчаков вернулся к беседе с Жомини.

— Вчерашнего дня я имел встречу с Михаилом Христофоровичем Рейтерном. Глубокоуважаемый министр финансов по-прежнему тверд в убеждениях: война накладна для России, для российских сейфов.

— Его записки государю известны?

— Тревога не без основания. Военная кампания нанесет нашей казне урон изрядный.

— Казне российской, ваше сиятельство, причиняли урон не только недруги.

— Ваша правда, — сокрушенно кивнул Горчаков. — Восемнадцать миллионов на коронацию его императорского величества ощутимо, и то тогда, когда в России множится зловредный нигилизм, возникают разные недозволенные общества, сыскиваются враги Отечества, подбивающее людей на смуту.

— С вольнодумством у нас, ваше сиятельство, есть кому бороться. А на нигилистов, кои в деревнях мужиков смущают, тюрем в России предостаточно.

— Так-то так, любезный Александр Генрихович, Россия до беспорядков французских не допустит, но, когда нигилизм и финансовые трудности, можно ли мыслить о военных действиях?

— Думаю, ваше сиятельство, нынче старания наши тщетны, кампании военной не избежать.

— То и прискорбно. Когда дипломаты сдают позиции военным, в разговор вступают пушки. — И помолчав, продолжил: — Государь император намерен выехать к войску.

— Это война, ваше сиятельство.

Горчаков поднялся. Встал и Жомини.

— Если суждено государству Российскому скрестить оружие с недругом, любезнейший Александр Генрихович, долг дипломата, а мой наипервейший, делить тяготы с армией.

С прибытием на Варшавский вокзал Александра Второго со свитой вся станционная суета на время улеглась. Очищенный от копоти, протертый до блеска, паровоз стоял под парами. Повсюду дежурила усиленная охрана: казаки, гвардейцы, жандармы.

Шестидесятилетнего, стареющего императора в поездке сопровождали цесаревич наследник Александр Александрович (будущий император Александр Третий), военный министр Милютин, сотрудники генерального штаба, адъютанты и другие чины двора.

Вслед за царским поездом на запасных путях формировались еще несколько составов с разной обслугой: поварами, лакеями, кухонными рабочими, прачками.

Грянул оркестр, замер почетный караул. Александр в новой шинели с золотыми эполетами поднес ладонь к папахе, обошел строй, сказал военному министру громко, чтобы слышали гвардейцы:

— С такими молодцами, Дмитрий Алексеевич, мы через Балканы с песней прошагаем. — И, остановившись, поздоровался: — Здравствуйте, преображенцы!

Гвардейцы еще больше подтянулись, рявкнули дружно, спугнув воронью стаю с голых, потемневших от дождя ветвей, с водокачки.

— Здра...жела...ваше вели...ство!

Царь и Милютин поднялись в вагон-салон. На перроне забегали, замельтешили штабисты, отдавались последние указания, генералы, свитские рассаживались по вагонам.

Лязгнув буферами, поезд тронулся и, набирая скорость, вышел за стрелки семафора. Застучали на стыках колеса. Вагон, отделанный орехом, с резной мебелью, круглым мраморным столом, вокруг которого жались белые, с позолотой стулья, слегка покачивало на мягких рессорах.

Александр снял шинель и папаху. Расшитый золотом стоячий воротник мундира уперся в бритый подбородок. Пальцами пригладил низкие, тронутые сединой бакенбарды и пышные, чуть приподнятые на концах усы. Несмотря на годы, император сохранил военную выправку.

Александр посмотрел в окно. Унылые фабричные бараки, прокопченные заводские корпуса, свалка мусора. Царь недовольно поморщился. Он не любил окраины, населенные рабочим людом — источники смут, нарушения порядка и, сколько помнит себя, избегал появляться за фабричными заставами. Разве что вот так, из окна поезда, когда ехал в Москву, или из окна кареты, следуя за город. Александр резко обернулся, сказал категорично:

— Кампания, Дмитрий Алексеевич, должна завершиться к зиме.

Милютин промолчал.

— Вы сомневаетесь?

— Исход кампании, ваше величество, зависит от нескольких факторов: в первую очередь — чем нас порадует наш канцлер, князь Горчаков. И, конечно же, насколько главнокомандующий Дунайской армией великий князь Николай Николаевич и его штаб будут придерживаться диспозиции Генерального штаба.

Царь вскинул брови:

— Вы так уверены в планах Генерального штаба?

— К этим разработкам, ваше величество, имеем непосредственное отношение я и генерал Обручев.

При имени Обручева царь хмыкнул:

— В таланте штабном сей генерал, может, и преуспел, но его бывшая приверженность ко всяким нигилистам не делает ему чести. — Нахмурился. — Будучи в Лондоне, как помните, он встречался с государственным преступником Герценом. А общение с вольнодумцем Чернышевским? Да и отказ выступить на подавление польских мятежников бросило тень на его мундир.

— Ваше величество, стоит ли вспоминать грехи молодости?

— Грехи молодости, говорите вы?

— Да, ваше величество.

— Не защищайте. Вы ведь тоже грешили всякими идеями. Я не забыл. — И погрозил пальцем.

Милютин нахмурился. Александр сделал вид, что не заметил недовольства военного министра, однако разговор изменил:

— Двадцать отмобилизованных нами дивизий уже стоят на Дунае. Теперь, когда Порта отклонила Лондонский протокол, отказав Боснии и Герцеговине в автономии, а Черногории и Сербии в территориальном расширении, мы дали распоряжение на мобилизацию еще семи дивизий, вы, Дмитрий Алексеевич, колеблетесь в сроках?

— Нам, ваше величество, пока неведомо, как поведут себя Франц-Иосиф и Вильгельм. Пока мы предполагаем, а Господь располагает. Бывают ситуации, когда даже наш всесильный дипломат Александр Михайлович оказывается бессильным.

Милютин отдернул шторку с карты Балкан.

— Генерал Обручев убежден: турецкое командование постарается уклониться от боя и изберет тактику сидения по крепостям Силистрия — Рушук — Шумла — Варна. Прежние неудачи российских войск объясняются нашим стремлением овладеть данным мощным укрепленным районом. Ныне мы не станем воевать их крепости, на что потребуются многие месяцы, если не годы.

— Есть ли какие уточнения по плану кампании?

— В принципе Генеральный штаб оставляет все в первоначальной диспозиции, разработанной генералом Обручевым: сосредоточив армию в Румынии и прикрываясь со стороны Австрии крупными силами кавалерии, немедленно выйти к переправе через Дунай, — палец министра скользнул от Оряхово к Систову. — Эти пункты имеют естественную береговую защиту и неприятель нас меньше всего ожидает.

Император промолчал. Милютин продолжал говорить:

— Генерал Обручев считает, из трех операционных направлений — приморского, центрального и западного — наиболее приемлемым центральное: Систово — Тырново — Адрианополь — Константинополь.

— Почему? — прервал царь.

— Как мы уже докладывали вам, ваше величество, предложенный путь — кратчайший к Константинополю. Он пролегает по территории, населенной в основном

дружественным болгарским народом. Вместе с тем, отдалив боевые действия от Черноморского бассейна, мы не позволяем противнику воспользоваться своим преимуществом на море для удара во фланг и тыл Дунайской армии.

— А кто возглавит нашу группировку войск в районе Рущук — Варна?

— Ваше величество, великий князь намерен передать ее цесаревичу.

— Я не случайно спрашиваю. Сосредоточение турецких войск в этом районе может угрожать нашей центральной группе.

— В генеральном штабе это понимают, ваше величестве, и оттого мы обязаны держать здесь нашу усиленную группу.

Царь кивнул:

— Прекрасно.

— Однако, ваше величество, в данной диспозиции мы постоянно ощущаем дыхание австрийских солдат на наших затылках. А у армии, коей постоянно угрожает удар с тыла, действия скованы.

— Будем уповать на милость Божью.

— И на канцлера, князя Горчакова, — пошутил Милютин.

— Босния и Герцеговина — слишком дорогая цена за относительные гарантии, — проворчал Александр. — Император Франц-Иосиф решил сожрать больше, чем вместит его габсбургское брюхо.

— Ваше величество, у Габсбургов аппетиты всегда алчные.

— Да, — согласился Александр и добавил: — Видит Бог, Россия стоит перед необходимостью. Без нейтрализации Австро-Венгрии в этой войне мы не освободим славян. — Помолчав, неожиданно для Милютина сказал: — Понимаю вашу неудовлетворенность, Дмитрий Алексеевич, вам хотелось бы видеть в действующей армии на первых ролях генерала Обручева, но у меня есть братья и я должен с ними считаться. — И чуть погодя: — На приеме генералов Дунайской армии я в коий раз убедился, что российские солдаты горят желанием скорее вступить в войну, дабы освободить славян от турецкого ига. Пожалуй, их общее мнение выразил генерал Гурко. Мы, говорил он, считаем это нашей святой обязанностью.

— Да, ваше величество, таково настроение армии.

— Похвальное рвение.

Император прошелся по вагону, задумавшись. Наконец остановился, глянул Милютину в глаза:

— Ваш брат, Николай Алексеевич, был мне опорой в столь сложном вопросе, каковым являлась крестьянская реформа. Признаюсь, меня пугал его либерализм, но, когда решалось: быть крестьянину свободным или нет, мне импонировали взгляды вашего брата. Нынче, по истечении пятнадцати лет, меня страшат равно два слова: либерализм и нигилизм.

После ухода военного министра царь подсел к столу. Дежурный офицер подал кофе и печенье. Однако Александр к еде не притронулся, под мерный перестук колес он прикрыл веки, думал о том, что Рейхштадтское соглашение в любой момент может оказаться непрочным. Андраши наглец, а Бисмарк коварен. Когда, вложив свое охотничье ружье в чехол, Бисмарк занялся политикой, уверяя, что объединит германские княжества под эгидой Пруссии, Европа хохотала над безумным скандалистом и дуэлянтом. Однако, смеху вопреки, королевские гренадеры промаршировали по дорогам княжеств, нанизывая их одно за другим на прусский штык, будто баранье мясо на шампур. И тогда лица державных правителей вытянулись от удивления и негодования. Но было уже поздно. Прусские генералы вышли на границы Франции и через цейсовские стекла разглядывали ее сочные луга, а их усатые бомбардиры выкатывали на огневые позиции стальные крупповские пушки.

Рейхсканцлер Бисмарк ненавидел и вместе с тем опасался России.

Приложив немало усилий, чтобы ускорить войну между Россией и Оттоманской Портой, Бисмарк рассчитывал на военное и финансовое ослабление Российской империи, что позволило бы германскому канцлеру, не вступая в вооруженный конфликт с русской армией,

вторично проучить проклятых французов и выколотить из них добрую контрибуцию на развитие германской промышленности.

Бисмарк злопамятен. Он не забыл, как в Берлине князь Горчаков решительно потребовал объяснения, почему Германия концентрирует свои войска на французской границе.

— Говорят, — заметил тогда русский канцлер германскому, — вы убеждаете дипломатов в том, что Франция готовит на вас вооруженное нападение, а фельдмаршал Мольтке твердит, что Германия должна проучить французов. Война стала неизбежной?

От столь категоричного вопроса Бисмарк пришел в замешательство, и ответ носил оттенок провинившегося гимназиста.

— Германия, — говорил он, — не имеет никаких претензий к Франции, а громыхает оружием Мольтке со своим штабом.

Александр потянулся к столику, разломил печенье, жевал медленно. Он ехал на Балканский театр военных действий в целях поднятия царского престижа, твердо уверенный: победа над Турцией будет быстрой и достаточно легкой. Нет, царь не разделял сомнения военного министра Милютина. Россия выставила на Дунае свою лучшую армию.

Перейдя в свой вагон, Милютин снял шинель, запахнул, одернув китель, пригладил расчесанные на пробор волосы. У военного министра открытое лицо и серые, чуть удивленные глаза. В вагоне потемнело, но Дмитрий Алексеевич не велел зажигать свечи. Ему хотелось в этот вечер побыть одному, расслабиться, забыться от штабной, напряженной жизни.

Став военным министром, он редко отдыхал, а в последний год, когда Генеральный штаб в предвоенной обстановке работал днями и ночами, Милютин позабыл, какую ночь спал нормально.

Военным министром Дмитрия Алексеевича назначили в нелегкий для России час. Поражение в Крымской

войне, унизительный мир требовали пересмотра всей армейской структуры. Милютин занялся реформой в армии. От рекрутского набора Россия перешла к обязательной воинской повинности, были образованы военные округа, созданы юнкерские училища. Демократические мероприятия обновили и улучшили качественный состав армии. Началось, хотя и медленно, ее перевооружение.

В канцлере Горчакове военный министр увидел политического деятеля, который превыше всего ставит интересы России, и проникся к нему глубоким уважением. Когда министр иностранных дел добился отмены Парижского трактата и Россия получила возможность приступить к строительству Черноморского флота, Дмитрий Алексеевич первым поздравил Горчакова с огромной дипломатической победой.

— Вы, — сказал он, к удовольствию канцлера, — взяли бескровный реванш за Севастополь. Убежден, в кабинете лорда Гладстона объявлен негласный траур.

На что Горчаков ответил:

— Да, в балканских и черноморских делах английская дипломатия — активная сторонница Порты.

Война с Турцией стала неизбежной. Господствовавший в Оттоманской империи самодержавный деспотический режим, до крайности тормозивший ее экономическое развитие, превращал некогда сильную страну в полуколонию европейских держав. Оттоманский банк в Константинополе был банком англо-французским. Англо-французские банкиры держали в руках всю финансовую систему турецкой империи.

Внешний долг Турции в предвоенный год дошел до пяти с половиной миллиардов франков. Порта не могла оплачивать даже проценты по займам. Турция приблизилась к государственному банкротству. Настал крах социальной и экономической политики, основой которой был и «государственный кредит, как могучий двигатель всех чудес».

Дмитрий Алексеевич прильнул к окну. Поезд проскочил церковь на пригорке, она далеко просматривалась, и снова замелькали поля, местами еще в снеговых блюдцах, леса, перелески.

И так захотелось Милютину дыхнуть сырым, но чистым, настоянным на хвое воздухом. Сойти бы сейчас и в лес. Отринуть заботы, освободить голову от планов, цифр и сводок.

Дмитрий Алексеевич даже улыбнулся такой несбыточной мечте.

Протяжно и тонко засвистел паровоз, закачались вагоны. Состав огибал пригорок и Милютин снова увидел ту же церковь. Поезд замедлил ход. Миновали полустанок. Дмитрий Алексеевич мысленно возвратился к предстоящей кампании.

Главная российская армия разворачивалась на Дунае, однако и Кавказскому театру военных действий Генеральный штаб уделял значительное внимание.

Намечалось предотвращение турецкого вторжения в Закавказье. В рапортах военного атташе в Константинополе в мае и июне 1876 года подробно сообщалось о военных приготовлениях Турции на Кавказе.

Осенью того же года на Ливадийских совещаниях этому важнейшему стратегическому пункту придавалось большое значение. Об Александрополе и его стратегическом значении говорилось, «что он, ввиду быстро меняющихся политических обстоятельств, наиболее соответствовал возможности в случае необходимости быстрого движения наших войск в пределах Турции».

Такой же точки зрения придерживался русский посол в Константинополе генерал-адъютант, граф Игнатьев.

В целях предотвращения турецкого вторжения решено было усилить Александропольский лагерь, а также пунктами военного сбора предусматривался Ахалык, Эривань и Кутаис.

Когда российскому Генеральному штабу стало известно, что турецкие войска готовятся к захвату всей кавказской территории, Тифлиса, Владикавказа и Петровска, Милютин представил царю соображения по мобилизации русской армии. Газета «Правительственный вестник» 19 ноября 1876 года официально сообщила о мероприятиях, «имевших целью предотвратить вторжение турецких войск на Кавказ и оказать помощь балканским народам».

— Я уверен, — сказал царь Милютину, — продвижение Кавказской армии вглубь встретит теплую поддержку коренного населения.

— Убежден, ваше величество, ибо армяне терпят не только постоянные унижения от Порты, но и физическое истребление.

Милютин прижался лбом к оконному стеклу.

В Оттоманской империи разжигали антиславянские настроения, бряцали оружием военные, к власти пришел султан Абдул-Хамид Второй. Политику коварного и жестокого Абдулы, повелителя турецкой империи, прозванного «кровавым султаном» за резню славян и армян, дополнял великий визирь Мидхат-паша.

Оторвавшись от окна, Милютин всмотрелся в карту Балкан. Извилистая лента Дуная разделила Болгарию с Румынией. Декларация независимости Румынии — дело недалекого будущего. К этому приложил свою руку князь Горчаков, к неудовольствию Андраши и Бисмарка. Из вассальной от Турции Румыния сделается самостоятельным государством и союзником России в этой войне. Румынская армия встанет бок о бок с русскими войсками на правом фланге...

В Молдавии и Бессарабии уже сосредоточилась дунайская армия, ставка главнокомандующего, великого князя Николая Николаевича в Кишиневе. Здесь, до начала боевых действий, намерен разбить свою главную квартиру и государь.

Взгляд Дмитрия Алексеевича прошелся по Герцеговине, Боснии, где свободолюбивые горцы не выпускают оружия, унаследованного от отцов и дедов, из мужественных рук... Задержался на Сербии. Князь Милан не знает страха. Сербская армия и русские добровольцы генерала Черняева приковали к себе многотысячные таборы Сулеймана-паши.

Заложив руки за спину, Дмитрий Алексеевич прошелся по ковровой дорожке. Восточный кризис дал себя знать и на франко-германской границе. Бисмарк аукнул борзописцев, и немецкая печать на все лады принялась поносить французов. Писали о концентрации французской кавалерии вблизи германской границы.

По принципу преследуемого толпой вора, который громче всех кричал: «Держи вора!» Бисмарк упал на тощую грудь лорда Биконсфилда: «Франция готовит вторжение в Германию! Необходимо заключить оборонительный и наступательный союз!»

В Лондон к послу Шувалову срочно полетела депеша Горчакова: альянс Британии с Германией не должен состояться...

В британском кабинете лорды с холодным сердцем и лисьим нюхом отклонили предложение Бисмарка. Лорд Биконсфилд, усаживая за круглый стол переговоров лорда Солсбери и Петра Шувалова, сказал: «Не Германии надо опасаться Франции, а французам немцев».

Шувалов и Солсбери составили протокол. Порте рекомендовали принять мягкие реформы, урезанные даже по сравнению с предложениями Константинопольской конференции.

Накануне отъезда Милютин повстречался с Горчаковым. Князь уведомил, что представители «европейского концерна» подписали Лондонский протокол. Осталось выслушать ответ Порты.

— Как я хотел бы избежать военного столкновения, — сказал российский канцлер. — Но человек, предполагает, а Господь располагает.

В вагоне дали свет. Милютин включил ночник, разделся. Долго лежал, вслушиваясь, как переговариваются колеса. Мысли вернулись к делам насущным. Началось формирование болгарского ополчения. Приток добровольцев велик. Это те, кто живет в России и кому удалось вырваться из Болгарии. Вспомнил, как в последний день октября прошлого года принимал представителей от славянского комитета — писателя Аксакова и купцов Третьякова и Морозова. С ними приехал и генерал Столетов, назначенный командиром болгарского ополчения. Разговор был долгим, касались обмундирования и вооружения. Представители Славянского комитета заявили, что в их адрес уже поступают народные пожертвования на ополчение и благодарили, что во главе его встал генерал Столетов, а офицерами русские добровольцы...

Пока не решено, как будут использоваться болгарские дружины. Император считает: им место в качестве вспомогательной силы, а он, Милютин, убежден, уже в ближайшие месяцы болгары сумеют сражаться за свою родину вместе с русской армией.

Едва запахло войной, как дипломатия пришла в движение. Рейхсканцлер Бисмарк завлекал Вильгельма далеко идущими планами. Ему не пришлось прилагать больших усилий, кайзер был готов поделить дипломатическое ложе со своим железным канцлером.

— Восточный кризис, — сказал Бисмарк, — позволит нам перессорить русского медведя с британским львом и австрийскими музыкантами, лишив Францию ее вооруженных заступников. Мы поставим легкомысленных французов в дипломатическую изоляцию.

— А если русский медведь заломает габсбургских музыкантов? — спросил Вильгельм.

— Я сплю, а мне снится треск костей, сцепившихся в схватке льва и медведя!

— Британия не забывает: Россия, покорив Среднюю Азию, закрыла ей дорогу в Хиву и Бухару, Самарканд и Коканд. Русский солдат штыком коснулся британской жемчужины — Индии.

— О, английский лев зубаст. И не приди русские в Среднюю Азию, кто знает, не вонзил бы в нее зубы британский хищник? Однако мы не должны забывать, что габсбургские музыканты и немецкие бюргеры говорят на одном и том же языке... Реально, когда зазвенят русские сабли и турецкие ятаганы, мы склоним императора Александра и его хитрого лиса Горчакова закрыть глаза на Эльзас и Лотарингию. Только при этом мы согласимся на господство русских в Бессарабии, австрийцев в Боснии, а чопорных англичан принудим греть свои бока в песках Египта...

Изучив проект Горчакова с предложением созвать европейскую конференцию, Бисмарк снарядил в Петербург фельдмаршала Мантейфеля с письмом кайзера. Рассыпаясь в благодарностях за поддержку Германии в

1870–1871 годах, Вильгельм писал Александру Второму, что в отношении России его политика будет покоиться на памяти о тех днях.

Русский царь однако оказался не прост. Ответно он предупредил Вильгельма, что «...несмотря на все желания поддержать в восточном вопросе согласие держав... он может оказаться вынужденным занять особую и сепаратную позицию».

При этом Александр четко спрашивал, может ли Россия быть уверенной в помощи Германии?

Вопрос был поставлен ребром. Вопреки дипломатической этике Бисмарк промолчал. И тогда Александр обратился к военному уполномоченному германского императора в Петербурге генералу Вердену за официальным ответом. Верден немедленно запросил Берлин.

Дальнейшая игра в молчанку сделалась невозможной. В октябре 1876 года германский посол в Петербурге Швейниц получил предписание канцлера передать русскому правительству ответ, таивший многозначительные политические последствия. Бисмарк писал: «Мы сначала сделаем попытку убедить Австрию в случае русско-турецкой войны поддерживать с Россией мир... Если, несмотря на наши старания, мы не сможем предотвратить разрыв между Россией и Австрией, и тогда для Германии еще нет оснований выйти из состояния нейтралитета. Но нельзя наперед утверждать, что такая война, особенно если в ней примут участие Италия и Франция, не приведет к последствиям, которые заставят нас выступить в защиту наших собственных интересов. Если счастье изменит русскому оружию перед лицом коалиции всей остальной Европы и мощь России будет серьезно и длительно поколеблена, то это не может отвечать нашим интересам. Но столь же глубоко будут задеты интересы Германии, если возникнет угроза для австрийской монархии и для ее положения в качестве европейской державы или для ее независимости: это приводит к исчезновению одного из факторов, на которых основывается европейское равновесие».

Ответ, достойный Бисмарка, категоричный и угрожающий. Германия поддержит империю Габсбургов.

В беседе с Горчаковым, на котором присутствовал Жомини, Швейниц доверительно заявил: рейхсканцлер Бисмарк согласится на активную поддержку России при условии, если та даст согласие на обладание Германией французских провинций Эльзаса и Лотарингии. Горчаков не скрывал разочарования:

— Мы ждали от вас иного, а вы привезли нам то, о чем нам давно известно.

И переглянулся с Жомини.

Беседа заводила их в откровенно дипломатические дебри.

— Русские гарантии Эльзаса и Лотарингии, зафиксированные в договоре, могут изменить наши позиции, — сказал немецкий посол.

На что Горчаков ответил:

— Это принесло бы нам мало пользы. В наше время договоры имеют призрачную ценность.

Ни один мускул не дрогнул на лице Жомини, Швейниц ядовито отпарировал:

— Однако, ваша светлость, вы сами выражали сожаление, что мы не связаны с вами никаким договором...

Приблизительно в то же время, как царь Александр Второй ставил вопросы перед Вильгельмом в Вене, на Балльплатцен, министр иностранных дел империи Габсбургов венгерский дворянин Дьюла Андраши через специального уполномоченного барона Мюнха обратился с подобным вопросом к канцлеру Бисмарку. На аудиенции с Бисмарком австрийский уполномоченный высказал тревогу Франца-Иосифа, что русские войска в Болгарии доставят Австро-Венгрии немало хлопот. Канцлер хмыкнул, посоветовал австрийцам в таком случае оккупировать Россию. А если у Габсбургов возникнет желание активно противодействовать России, они могут договориться о совместных действиях с кабинетом лорда Биконсфилда.

Заявляя так, немецкий рейхсканцлер четко определил позицию Германии. Она не допустит разгрома Австро-Венгрии, но вместе с тем не намерена воевать против России за балканские интересы Габсбургов.

Андраши расстроился: на Вильгельмштрассе не помешали России ввести войска в Болгарию. Бисмарк за войну России с Оттоманской Портой.

Неделя, как унялись дожди, и отпаровав, просохшее поле покрылось первой зеленью.

День смотра Дунайской армии удался теплым, солнечным. Милютин находился в свите императора. Лошадь нетерпеливо перебирала копытами, и Дмитрий Алексеевич то и дело осаживал ее.

Множество знатных гостей наехало из Кишинева и ближайших сел. Украинское и молдавское дворянство, румынские бояре явились целыми семьями. Весело и шумно среди гостей.

До ушей военного министра доносились обрывки разговоров:

— Бал у генерал-губернатора?

— Я с вами вполне согласен, засилье господ офицеров...

Седой господин с лицом скопца громко рассмеялся:

— Знаю, отчего ваше недовольство. Ваша Марийка каблуки сбила с удалым поручиком.

Поблизости от Гурко две кокетливые барышни посматривали на него, переговаривались. До Гурко донеслись слова:

— Генерал... Старик.

— Нет... Еще не совсем... Я согласна...

— Ах, нет. Он, поди, и ухаживать не может... — Захихикали.

— Господа, господа! — пытался обратить на себя внимание молодой помещик. — Приглашаю на охоту!

Дама с туго перетянутым торсом томно ворковала с усатым офицером:

— Ах, штабс-капитан, штабс-капитан...

Войска ждали государя... Он прикатил вместе с великим князем. За каретой следовала сотня лейб-гвардии казачьего полка.

Александр ступил на подножку, чуть замешкался. Ему подвели коня. Царь разобрал поводья, приложил руку к папахе:

— Здорово, солдаты!

— Здра... жела... ваше вели...ство..! — раскатилось по строю.

Милютин заметил: император сегодня выглядел лучше, нежели вчера, на военном совете в доме предводителя кишиневского дворянства господина Семиградова.

Подавленность Александра на военном совете сказалась на присутствовавших. Сидели молча, не прерывая доклад начальника штаба генерала Непокойчицкого. Тому помогал его заместитель генерал Левицкий.

Охарактеризовав общую обстановку, Непокойчицкий уведомил, что еще в мае русские моряки сумели поставить в низовьях Дуная минные заграждения, лишив турецкие мониторы и канонерки возможности хождения по реке.

Вокруг длинного стола сидели командиры дивизий и корпусов, слушали, делали для себя пометки. Задумчив генерал-лейтенант Гурко, спокоен генерал Карцев, чей ореол взойдет на Троянском перевале, в заснеженных Балканских горах. Откинулся на спинку стула мастер штыкового боя генерал Драгомиров. И не ведает, что не далека та ночь, когда его дивизия первой переправится через Дунай.

Рядом с генералом Радецким, положив ладони на стол, сидел генерал Столетов, командир болгарского ополчения. Это был высокообразованный генерал, окончивший университет и Военную академию, знаток нескольких языков, прошел путь от солдата до генерала, участвовал в Крымской войне и боевых действиях в Средней Азии.

По правую руку от императора, откинувшись на спинку стула, восседал великий князь Николай Николаевич.

У военного министра было свое нелестное суждение о главнокомандующем. Знал его упрямство, а главное — отсутствие необходимого военного кругозора. Однако возражать царю, пожелавшему видеть великого князя в должности главнокомандующего, Милютин не стал.

Невысоко оценивал Дмитрий Алексеевич и военные дарования начальника штаба Дунайской армии генера-

ла Непокойчицкого, чей боевой талант не поднялся выше участия в подавлении (в молодые годы) Венгерского восстания.

Непокойчицкий сутулился, докладывал монотонно, усыпляюще. Царь не дергал начальника штаба, не прерывал вопросами, время от времени он лишь хныкал недовольно, хмурился. Указка в руке Непокойчицкого скользила по Балканам.

Милютин записал в журнале: «Чем объясняет штаб отклонение от разработанной раннее диспозиции?»

Решил задать вопрос после доклада.

Непокойчицкий замолчал, Александр спросил:

— Нельзя ли уменьшить расходы на провиант? Казна наша — как дырявый мешок, сколько ни наполняй, всегда пусто.

Неожиданно для всех поднялся генерал Гурко. Александр удивленно посмотрел на него:

— Вы, Иосиф Владимирович, имеете, что сказать?

— Ваше величество, разделяя вашу озабоченность о государственной казне, смею заверить, солдаты уже сегодня недополучают продовольствия, коего им положено на средства, отпускаемые казной.

Александр нахмурился. Главнокомандующий попытался что-то сказать, но царь упредил:

— Иосиф Владимирович, я, как и вы, сторонник сытости солдата и, когда говорил об уменьшении расходов на закупку продовольствия, имел в виду, что средства шли по назначению, а не протекали в песок.

Тут подхватился генерал Левицкий:

— Ваше величество, мы вынуждены передать подряды на снабжение армии товариществу Гретера, Горвица и Когана.

— Чем объяснить выбор подрядчика? — насторожился Милютин.

Ожидавший подобного вопроса от царя, Непокойчицкий ответил поспешно:

— Товарищество приняло на себя поставку с оплатой в кредитных рублях.

— Но где достанет золото товарищество? — снова подал голос Милютин.

— Товарищество получает его, используя международные связи, в частности, по нашим сведениям, у Рокфеллера.

Докладывая о состоянии снабжения войск продовольствием и фуражом, Непокойчицкий не до кошта раскрывал карты, Гретер и его компания заготавливали их не на правах подряда, а на условиях комиссии, то есть суммой, отпускаемой товариществу командованием Дунайской армии в кредитных билетах по биржевому курсу. Себе товарищество брало десять процентов комиссионных от стоимости продуктов. Отсюда и вытекало, чем дороже обходился солдатский провиант, тем больше получало комиссионных товарищество.

— Учтите, объявлен набор еще семи дивизий, — сказал Александр.

— Мы это предусмотрели, ваше величество. Ко всему, вступив на территорию Болгарии, мы рассчитываем на помощь населения.

— Ваша диспозиция ведения войны сегодня несколько не соответствует плану Генерального штаба, — заметил Милютин. — Не приведет ли это к дроблению ударных сил?

Великий князь повернулся к военному министру, ответил самоуверенно:

— От Черного моря до Систово у турок крепкая оборонительная линия. Все правобережье в войсках. Как известно в Генеральном штабе, в районе рушукских крепостей, по нашим данным, Абдул-Керим-паша держит стопятидесятитысячную армию. В противовес ей создана нами группа войск цесаревича Александра.

Милютин промолчал. Царь спросил:

— Где предполагаете начать переправу?

И снова ответил главнокомандующий:

— Это, ваше величество, до поры мы намерены сохранить в тайне, дабы не стало известно неприятелю. До начальников колонн и дивизии приказ будет доведен накануне переправы.

Император нахмурился:

— Мое пребывание на военном театре и пребывание военного министра не умаляет ваших обязанностей как главнокомандующего.

— Ваше величество, это не недоверие вам, — поспешил смягчить обстановку Непокойчицкий. — Место переправы уточняется с учетом сведений, поступающих от полковника Артамонова.

— Разведку полковника Артамонова снабжают информацией болгарские патриоты, — добавил великий князь.

Полковник Артамонов встал, ожидая вопросов, но император будто не заметил его.

— Ну, хорошо, — примиряюще проговорил он, — участие болгар в данной войне, я думаю, заставит других государей согласиться с нами на признание прав за этим многострадальным народом. Долг России подать руку помощи братьям нашим на Балканах и угнетенным армянам на Кавказе...

* * *

Затрубили фанфары, возвестив начало смотра. Милютин встрепенулся, оторвался от воспоминаний. Подъехал генерал Кнорин, с кудрявой шелковистой бородой на пробор, поздоровался.

Милютин подозвал Гурко:

— Иосиф Владимирович, на совещании вы кое-кому на мозоль наступили.

Гурко усмехнулся:

— Ваше превосходительство, мы еще боевых действий не начали, а солдат уже обворовывают.

— Печально.

— Прескверно. Хотя о казнокрадстве российском сколько уж говорят.

— Ваша правда, генерал. Но как искоренить зло сие? История твердит, Петр Великий и палкой бил, и в ссылку отправлял, а они все воруют.

— Не допускать к казне государственной. А коли довелось, то помнить об отечестве должен.

Военный министр не успел ничего ответить, как главнокомандующий, великий князь Николай Николаевич, высясь в седле как глыба, подал знак. По полю разнеслась команда, ударили барабаны, полки тронулись. На рысях, салютуя саблями, пронеслись драгуны, кирасиры. Играл оркестр. Блеск золота погон, краски мундиров. Развевались расчехленные знамена.

Вот седоусый генерал-лейтенант Ганецкий, перед кем Гази-Осман-паша снимет саблю, повел своих гренадеров. Рослые, крепкие солдаты — один к одному. Им, не уступая, промаршировали, отбивая шаг, орловцы и брянцы, павловцы и суздальцы.

В полку угличан невзрачный с виду барабанщик сбился с ноги, что не осталось не замеченным Александром. Он проворчал недовольно, по-французски:

— Неуклюжий солдат.

И было невдомек коронованному владыке, что этому неказистому барабанщику история Российской империи уже отвела свое достойное место, равное суворовским чудо-богатырям. То случится, когда батальон, штурмуя шипкинский редут, заляжет под градом пуль и шрапнели, и сам генерал Скобелев будет готов отвести солдат, считая атаку сорвавшейся, вдруг поднимется барабанщик и скажет лежавшему неподалеку командиру полка полковнику Панютину, как обычно, буднично скажет:

— Ваш благородь, чего на него, турку, глядеть, пойдем на редут, как того присяга требует.

И призывная, раскатистая барабанная дробь всколыхнула солдат. Встанет полковник, примет у знаменосца полковое знамя. Ударят угличане в штыки, опрокинут, погонят врага.

За тот бой генерал Скобелев вручит барабанщику Георгиевский крест, а полковник Панютин скажет, обнимая:

— Спасибо, солдат Иван Кудря, от позора и бесчестия спас...

Гремела музыка, соблюдая равнение, проходили батальоны, полки, дивизии. Замыкая парад, прошли два батальона болгарских ополченцев в черных куртках с алыми погонами, в каракулевых шапках с зеленым верхом, в высоких сапогах и серых шинельных скатках через плечо...

Император повернулся к военному министру:

— Настал час. Сегодня князь Горчаков доведет до сведения послов, что Россия находится в состоянии войны с Оттоманской Портой...

Заручившись согласием румынского княжества, 24 апреля 1877 года Дунайская армия перешла границу от Александрии до Рени и, преодолевая ненастье, дожди и половодье, четырьмя колоннами двинулась к Дунаю.

В полках читали царский манифест об объявлении войны:

«Божиею милостью мы, Александр Второй, император и самодержец всероссийский, царь польский, великий князь финляндский и прочая, и прочая. Всем нашим любезным верноподданным известно то живое участие, которое мы всегда принимали в судьбах угнетенного христианского населения Турции. Желание улучшить положение его разделяет с нами и весь русский народ, ныне выражающий готовность свою на новые жертвы для облегчения участи христиан Балканского полуострова...

Повсюду на своем пути вы встретите села, города, крепости, реки, горы и долы, напоминающие великие русские имена, доблестные подвиги, славные победы русских войск. Кагул, Рымник, Измаил, Дунай с вражескими на нем твердынями, Балканы, Адрианополь, Константинополь... Перед вами будут вставать как живые то величавые лики древних князей, витязей русских — Олега, Игоря и Святослава; то величавые образы царей и цариц — Великого Петра, Великой Екатерины, Благословенного Александра, Доблестного Николая; то величавые лики великих вождей Румянцева, Суворова, Кутузова и других с их чудо-богатырями...»

Накануне, прежде чем отдать манифест на подпись царю, Милютин предложил исключить имя Николая:

— Господа, — сказал военный министр, — покойный государь Николай Павлович непривлекательно выглядел 14 декабря на Сенатской площади... Да и в Крымской войне, сами знаете.

Однако генерал Кнорин, больше свитский, чем боевой, внимательно посмотрев на военного министра, сказал:

— Дмитрий Алексеевич, государь вас не поймет. Покойный император — отец Александра Николаевича.

2 мая российская армия остановилась в ожидании переправы на Нижнем Дунае. Главнокомандующий перевел свою квартиру в Плоешти, куда в начале июня переехал и Александр.

В Лондоне в этом усмотрели угрозы Британской империи. Лорд Биконсфилд повел переговоры с Веной. В личном письме к Андраши английский премьер предлагал совместные действия против России, причем Англия обязывалась послать флот в проливы, а Австро-Венгрии ударить в тыл русской Дунайской армии.

Получив информацию от российского посла в Лондоне, князь Горчаков хмыкнул:

— А ведь, милейший Александр Генрихович, риск союзников не равнозначен. Английские крейсера наведут жерла своих орудий на пока еще здесь не существующие российские военные корабли, а армия австрийская столкнется с мощью российской армии... Нет, нет, при всей своей авантюрности Андраши не решится подписать такой договор с Биконсфилдом.

— Вполне разделяю вашу точку зрения, — согласился Жомини.

— Позвенят оружием и успокоятся, не решатся на мобилизацию, — мудро заключил канцлер Горчаков. — Но в будущем устройстве Востока они постараются принять самое деятельное участие.

2-я Гвардейская кавалерийская дивизия генерала Гурко в конце апреля выдвинулась к Дунаю и расположилась в верстах трех от Зимницы, ниже по течению, а выше встала дивизия генерала Драгомирова.

Заняв исходные позиции, принялись готовиться к переправе: вязали плоты, ночами с рыбацких укромных стоянок перегоняли лодки, большегрузные баркасы, перепрятывали от глаз турецких караулов, в прибрежных камышах готовили штурмовые отряды. С утра, еще рассвет едва небо тронет, а Гурко среди солдат.

Саперы, приметив появление на берегу генерала, удивлялись:

— Когда только и спит.

— Ты, вот, Ерема, за себя в ответе, а он за всех нас ответ держит.

А Иосиф Владимирович, сколько не появляется на берегу, все на ту сторону поглядывает. Полноводен Дунай и широк, не раз плотам пересекать течение. Как закрепятся штурмовые группы, немедля орудия перевозить, коней...

В Плоешти, встретив Драгомирова, спросил:

— Ну-с, Михаил Иванович, кто первым потянет?

Драгомиров, хохол с хитринкой, прищурился:

— У нас, в Конотопе, парубки казалы, як до девчат в соседне село ходилы: кто перший, тому и шишак.

— Так то за девчат.

— А тут, Иосиф Владимирович, кому судьба укажет. Знаю, вы хоть и кавалеристы, а уже переправу сладили.

— Да за вашими саперами не угнаться.

— Пехота-матушка. А турки не ждут, из Систова ночами слышно, османы песни поют, а в кофейнях, видно, гуляют.

— Это хорошо, Михаил Иванович, если мы на них, как снег на голову, свалимся.

Пошутили и разъехались. Но оба понимали: не исключено, переправу могут начать обе дивизии сразу, одна — основную, другая — отвлекающую.

Май начался дождями, первым раскатистым громом. Накинув брезентовый плащ, Гурко отправлялся на рекогносцировку. Ехал осторожно, так, чтобы не привлекать внимание неприятельских дозорных. Мысленно соглашался с Драгомировым, турки концентрации их дивизий еще не обнаружили. А коль прознали, то о подготовке к переправе им еще не известно.

Прошлой ночью через Дунай удалось переплыть на малой лодочке болгарину. Рассказал, у Систово турки переправы не ожидают, потому — и беспечны, их силы у Никополя и Рутука.

Ехал Иосиф Владимирович берегом Дуная и думал о том, что почти девять веков назад этими местами во-

дил свою дружину киевский князь Святослав. И очень приглянулся ему край придунайский. Даже столицу свою перенести сюда замыслил. Но коварны были византийцы. Всеми силами выступил их император Иоанн Цимисхий и принудил Святослава уйти в Киев. А когда плыл киевский князь по Днепру, подстерегли на днепровских порогах степняки-печенеги и убили Святослава.

Гурко увлекался историей еще с Пажеского корпуса, особенно историей войн с древнейших времен, военного искусства. Подробно вникал, разбирал крупные сражения, анализировал их...

В одну из рекогносцировок к нему присоединился молодой Скобелев. В отличие от отца, командира кавалерийской дивизии, молодой Скобелев хотя и был уже известным генералом, но, пока еще отряда под свое командование не получил, числился в резерве.

Появившись в дивизии Гурко, сказал:

— Хочу, Иосиф Владимирович, быть в той дивизии, каковая первой окажется на том берегу. Позвольте быть у вас?

— Почту за честь, Михаил Дмитриевич, но я склонен считать, начнет переправу дивизия генерала Драгомирова.

Ехали молча, хоть и мысли об одном, о предстоящей переправе. У противоположного берега рыбак выбирал сети. Видно было, как серебрилась рыба в ячейках. Увидев всадников и догадавшись, что это русские, рыбак долго приветственно махал им.

— Война войной, а жить надо, — сказал Гурко. — Семью кормить надо.

— За этот приветственный жест турки и застрелить его могли.

Возвращаясь в дивизию, Скобелев заметил:

— За тем лесочком есаул Баштанников со своими казаками-пластунами. Не проведать ли нам их?

— Пожалуй, я, Михаил Дмитриевич, повременю.

— Я же, с вашего позволения, заверну к старым знакомым.

Расставаясь, Гурко пожелал:

— Надеюсь, Михаил Дмитриевич, вам недолго осталось ходить без команды.

Глава 2

У подъезда особняка графини Узуновой, что поблизости от Исаакиевского собора, под мелким, моросящим дождем мокли извозчики, в свете фонарей блестели омытые фаэтоны и коляски.

Всю ночь не гасли в окнах особняка огни. Офицеры-измайловцы провожали на театр военных действий братьев Узуновых. Стояна — на Дунай, Василька — в Кавказскую армию. Не в поисках героических поступков покидали братья Петербург, а горя стремлением способствовать освобождению Болгарии от турецкого ига и облегчить участь многострадального армянского народа.

Братья-близнецы, друг от друга не отличишь: оба коренастые, крепкие, что грибы-боровики, черноволосые, черноглазые, с аккуратно стриженными усиками. Носили Узуновы в свои двадцать пять лет погоны поручиков, оба были добрыми и службу знали.

Когда война стала реальностью, братья написали императору прошение о переводе в боевые полки. Прочитав его, царь спросил у флигель-адъютанта:

— Уж не старой ли графини Росицы внуки? — И услышав «да», добавил: — Похвально! У поручиков в жилах болгарская кровь, кому как не им освобождать бабкину родину...

Пирушка была шумной, хлопали пробки, и шампанское плескалось через край бокалов. Громкие речи и клятвенные заверения, напутственные пожелания.

— А помнишь, Стоян, как тебя в корпусе в карцер вместо Василька посадили?

— Друзья, друзья! За наш родной Дворянский полк! (Впоследствии переименованный в Константинопольский кадетский корпус.)

— Генерал Черняев, гордость нашего полка. Слава Черняеву!...

К утру гости разъехались. Опустел, затих особняк. В большой зале братья остались вдвоем.

— Вишь, какая баталия случилась. — Василько указал на разгромленный стол. — Ровно неприятель прошелся.

Стоян застегнул ворот мундира:

— Я свеж, брат, и голова у меня ясная. Если не возражаешь, пойдем к бабушке, она, поди, заждалась своих беспутных внуков.

Обнявшись, братья направились на половину старой графини.

— Не пойму, Стоян, почему государь разлучил нас? Тебя на Дунай, к генералу Столетову, а меня на Кавказ, в Эриванский отряд генерала Тергукасова.

— Сие загадка, а ключ от нее у государя.

— А может, это к лучшему? Ты будешь описывать мне, как идет война на Балканах, а я о своих походах.

— Ты, Василька, славно придумал. Слушай, брат, у князя Васильчикова обратил я внимание, как ты за Верочкой Кривицкой ухаживал. Уж не влюбился ли?

— Пока нет, но она мне нравится. И кто знает, не уезжай я из Петербурга, может, и сразила бы меня стрела Купидона.

— Верочка славная, только бы не превратилась в свою сварливую маменьку.

Оба рассмеялись.

— А уж мужем помыкает, не доведи Бог, — снова сказал Стоян. — Мыслю, он у нее артикулы выделывает.

— Что и говорить, у такой не только артикулы, во фрунт будешь тянуться, — поддержал брата Василько.

В гостиной ровно горели свечи. Со стен строго смотрели на братьев их дальние и близкие предки. От времен Ивана Грозного тянулось генеалогическое древо Узуновых, а графский титул жалован им самим Петром Великим за подвиги одного из Узуновых в Полтавской битве, чем в семье несказанно гордились.

С той поры все мужчины в их роду носили офицерскую форму. Известно, что служили Узуновы и у генералиссимуса Суворова в Альпах, и у фельдмаршала Кутузова на Бородинском поле. Многие предки братьев

Узуновых сложили головы на поле брани, защищая отчизну.

А вот писанные маслом портреты деда и графини Росицы, а с ней рядом отец и мать братьев. Стоян и Василько, по воспоминаниям кормилицы Агафьи, в мать удались. Графиня Росица об умерших говорила неохотно и скупо: «Живые о живом думают», — отвечала, когда братья просили рассказать о родителях.

— Ну-с, прихорошимся, — сказал Василько. — Предстанем пред очами графини молодцами.

Причесавшись и одернув мундиры, братья вступили в комнату Росицы.

Графиня не спала. Она сидела в обтянутом красным бархатом кресле у камина. Несмотря на свои семьдесят лет, была она красива: пышноволосая, темнолицая, чуть горбоносая, с редкими морщинами на лице, а рот, не потерявший зубов, украшали яркие губы.

— Пришли бабушка-матушка, — проговорили в один голос братья и опустились на колени по обе стороны кресла.

Увидев внуков, графиня нахмурила брови.

— Явились, повесы. Думала, про бабку и забыли.

И хоть с виду говорила Росица сурово, в голосе ее слышалась неподдельная любовь к внукам. Оба они были ей еще и детьми, ибо мать их умерла при родах, а отец, сын графини Росицы, погиб в Севастополе в Крымской кампании.

Графиня погладила братьев по волосам, вздохнула:

— Жаль, не видят вас ныне ни отец ваш, граф Андрей, ни дед, граф Петр Васильевич...

И задумалась. Молчали Стоян и Василько, не нарушали мыслей старой графини.

А вспомнились ей юность, родное село в горной Болгарии, отец и мать, подруги, с кем ходила с кувшином к роднику и полола огород, резала виноград и молола зерно на ручной мельнице, варила кукурузную мамалыгу. Через многие лета пронесла графиня ее вкус...

Наконец графиня Росица заговорила:

— Много-много лет тому назад, вот уже полвека, привез меня ваш дед в Санкт-Петербург, но я помню

родную землю, горы, сады... Мой многострадальный народ... Если бы не граф Петр Васильевич, лихой штабс-капитан, что было бы со мной? Болгария, мой отчий край! Русские солдаты приходили нам на помощь не единожды. И ныне будет священная война. Потому, благословляя вас, радуюсь: на правое дело идете. Ведь и в вас течет частица болгарской крови. Там, в Болгарии, живут ваши братья и сестры. — Она поерошила им волосы. — Ну, ступайте с Богом, не следует вам видеть, как роняет слезы графиня Росица.

Отогнув полог, Стоян вышел под теплое майское солнце. День только начинался, а лагерь болгарских ополченцев оживал. Царила праздничная суета. Из Ясс прибыл главнокомандующий со штабом, ожидалось освящение Самарского знамени, вручаемого ополчению городом Самарой. Знамя привезли самарский голова и общественные деятели волжского города.

У белых, ровных рядов палаток в ожидании сигнала появились дружинники в черных куртках с алыми погонами. На каракулевых зеленоверхих шапках нашиты кресты, обуты в высокие яловые сапоги, через плечо серые шинельные скатки. Каждый день вливаются в дружины все новые и новые добровольцы. Разные по годам, но почти все одной судьбы. Кто-то, участвуя в восстании против турецкой неволи, нашел приют в России, иные перешли турецкую границу, влились в черногорскую и сербскую армии. Трудными дорогами добирались они к месту формирования ополчения, и всех объединяло неуемное желание скорее принять участие в освобождении своей родины.

На зеленом лугу болгарские священники в полном облачении. Солнечно, и только в стороне синевшей Карпатской гряды клубились кучерявые облака. Они лениво сползали в предгорные долины. А над Балканскими горами небо ясное. Там родина бабки Стояна Росицы, и поручик Узунов вдруг почувствовал, что на Балканах частица и его родины...

Тихо и тепло на плоештинском лугу. В цвету сады, яркая зелень, и оттого луг, где расположились ополченцы, нарядный и веселый.

Из просторной палатки вышел главнокомандующий великий князь Николай Николаевич со штабом, с ним генерал Столетов и другие офицеры. Подошел начальник штаба ополчения подполковник Рынкевич в болгарской форме и с ним самарские гости.

Запели трубы, понеслись команды: «В ружье!», и пять дружин, выстроившись в каре, замерли. У стола, покрытого белой льняной скатертью, остановились главнокомандующий Дунайской армией и начальник штаба генерал Непокойчицкий, генерал Столетов и подполковник Рынкевич.

— На колени! — прозвучал голос Столетова.

К аналою подошли священники, отслужили молебен и, вскрыв ящик, освятили знамя. Развернув полотнище, священники показали дружинникам трехцветное знамя Болгарии — малиновое, белое, светло-синее. Все увидели золотой по черному фону на белой полосе широкий прямоугольный крест, а в его центре образ Иверской Божьей Матери. Повернули полотнище другой стороной. На ней такой же крест и образы славянских первоучителей Кирилла и Мефодия.

Настала минута прикрепления полотнища к древку. Первый гвоздь забили главнокомандующий и Непокойчицкий, затем выбранные дружинники. Крестясь, они подходили к древку, целовали его и только после этого ударяли по серебряной шляпке гвоздя.

Торжественно застыли ряды дружин. Вот к древку приблизился воинк в национальном костюме. Был он стар, но держался бодро.

Его грудь украшали награды, а за широким поясом устрашающе торчали турецкие пистолеты и отделанный золотом ятаган.

Это был знаменитый болгарский воевода Пеко Петков, снискавший уважение боевыми подвигами в Балканских горах, где его отряд многие годы наводил ужас на турок.

Столетов протянул Петкову молоток:

— Герою Болгарии!

У старого воина навернулись слезы:

— Всю жизнь я ждал этого часа, вот оно, рождение болгарского воинства! — Повернулся к дружинникам, вытер глаза. Голос его звучал по молодому: — Да поможет Бог пройти этому святому знамени из конца в конец несчастную землю болгарскую! Да осушит его шелк скорбные очи наших матерей, жен и дочерей. Да бежит в страхе все нечистое, злое перед ним, а за ним станут мир и благоденствие!

Подняли древко с серебряным, вызолоченным копьем. Священник прочитал шитое вязью на ленте: «Город Самара — болгарскому народу в 1877 году... Да воскреснет Бог, и расточатся враги его».

Зашелестело знамя, и радостные крики «ура!» огласили луг. Когда все стихло, великий князь повернулся к Столетову:

— Ваше мнение, генерал, по использованию ополчения? Как силу вспомогательную или боевую?

— Считаю, ваше высочество, болгарские дружинники не только способны занять достойное место в рядах действующей Дунайской армии, но и почитают для себя за честь вместе с русскими солдатами освобождать свою отчизну...

Газета «Русский инвалид» в № 100 за 1877 год, высоко характеризуя боевой дух болгарских дружин, писала: «Успех формирования первых двух батальонов превзошел все ожидания. Понятливость, дисциплина, рвение и любовь к делу, добровольно на себя принятому, отличают всех этих болгар, до последнего человека».

В приемной начальника разведки Дунайской армии больше часа дожидался полковника Артамонова средних лет болгарин, худой, как высохший сук, с темной, задубевшей кожей. Вся его одежда — льняная рубаха, расшитая в крестик, и латаные, потертые штаны, ноги плотно обхватывали стоптанные кожаные поршни.

Адъютант начальника разведки читал, делая какие-то пометки, вопросов болгарину не задавал, твердо усвоив, что, если появляются подобные посетители, разговаривать с ними должен только полковник с глазу на глаз.

Посетитель не скучал, не проявлял нетерпения. Усевшись у стены, он дремал. Но стоило скрипнуть двери, как болгарин тут же вскочил. Артамонов широко раскинул руки:

— Здравствуй, Димитр, гость дорогой, здравствуй! В самый раз прибыл. — Пропустив болгарина в кабинет, сказал адъютанту: — Нам кофе. — Сняв фуражку, причесал коротко стриженные волосы: — Рад видеть тебя, Димитр, в полном здравии. В твоих сведениях нужда превеликая.

Кофе пили неторопливо, наслаждаясь. Артамонов задавал вопросы, болгарин отвечал лаконично.

— О чем сообщают Христо Бричка и Энчо Георгиев?

— Им удалось, не вызвав подозрений османов, пройти в самое низовье Дуная, а Живко Нешов пробрался в верховья. Связь держали через голубиную почту. Наши предположения подтверждаются, в районе Систово турки высадки не ждут.

— Почему?

— Дунай широкий и берега крутые.

— А какие силы сосредоточил здесь Абдул-Керим?

— Три табора пехоты в Систово при трех дальнобойных орудиях да батарею и шесть таборов в Вардимском лагере.

Полковник подошел к карте на стене.

— Зимница, Зимница. Что же, Димитр, подумаем. А тебе спасибо. Увидишь товарищей, поклонись им. Передай, Артамонов просил их на своей родной земле, в тылу врага быть нашими ушами и глазами. — Прощаясь, обнял болгарина. — Переплывая через Дунай, остерегись.

— Не первый раз. Пусть братушки скорее освобождают нас. Башибузуки свирепствуют, терпение наше иссякло.

— Скоро, скоро уже.

— Помогай вам Господь.

8-й армейский корпус генерал-лейтенанта Радецкого, переправившись через Прут и не встречая никакого сопротивления, продвигался по румынской земле.

Встали за Бухарестом, вблизи Дуная.

Начало июня выдалось жарким. На горных вершинах таяли снега, а полноводный Дунай местами вышел из берегов, мутной водой затопил прибрежные луговины и тальник.

Федор Федорович Радецкий проверял готовность дивизий Гурко и Драгомирова к переправе. Осмотром остался доволен. Все подручные средства собраны, осталось ждать приказа. Какая дивизия первой начнет переправу, ни он, командующий корпусом, ни Гурко, ни Драгомиров, сопровождающие Радецкого, не знали. Командиры дивизий переговаривались вполголоса:

— Полагаю, Михаил Иванович, Федор Федорович сейчас гадает, какая дивизия на том берегу окажется.

— Думаю, матушка-пехота.

— Скорее всего так. Тогда нам, кавалеристам, в прорыв идти.

Радецкий остановился за кустарниками, долго вглядывался на ту сторону Дуная, на его ширь, сказал:

— Турок на эту преграду уповает, а мы его проучим. Думаю, недолго ждать... Вы, господа, оба на главном направлении.

— Почтем за честь, Федор Федорович.

13 июня разыскал Радецкого фельдъегерь штаба армии поручик Узунов, вручил пакет строгой секретности. В нем генерал-лейтенанту Радецкому поручалось начать переправу через Дунай в ночь с 14 на 15 июня.

Тут же приписка главнокомандующего: «Полагаюсь на вас, Федор Федорович, и на русского солдата. Дай Бог вам удачи».

Прочитал Радецкий, поднял глаза на поручика:

— Как фамилия?

— Узунов, ваше превосходительство, — подтянулся Стоян.

— Узунов? — переспросил генерал. — Не покойного ли графа Петра Васильевича сын?

— Внук, ваше превосходительство.

Лицо Радецкого посветлело:

— Знавал я вашего деда, служил у него. Вы что же, при штабе главнокомандующего состоите?

— Никак нет, ваше превосходительство. Прикомандирован от болгарского ополчения при ставке главнокомандующего, имею разовое поручение.

— Прекрасно. Особенно если в деда удались. — И уже уходившему Стояну сказал: — Советую вам, поручик, задержаться в дивизии генерала Драгомирова. Не пожалеете...

14-я пехотная дивизия генерала Драгомирова и приданные ей подразделения подтягивались к Зимнице скрытно, ночью. Генерал Драгомиров наказал:

— Огней не разводить, передвижение без песен и барабанного боя. А по прибытии на место соблюдать меры предосторожности: кучно на Дунае не появляться, артиллерию и понтоны маскировать в улицах, у реки, коней на водопой водить малыми партиями.

Для себя Драгомиров облюбовал квартиру в Зимнице, что выходила окнами на Дунай. Солдаты выставили рамы, и генералу — обзор противоположного берега полный.

Ночью слышно, как в Систово гуляют в ресторане турецкие офицеры, перекликаются караульные солдаты. Систовский гарнизон не велик. Не ждут турки переправы. «Это и хорошо, — думает Драгомиров, — меньше крови будет».

А сердер-экрем Абдул-Керим-паша, главнокомандующий турецкой армией, лично провел рекогносцировку этой местности, после чего уверенно заявил: «Скорей у меня вырастут волосы на ладони, чем русские здесь переправятся через Дунай».

Но дивизии Драгомирова и Гурко уже изготовились.

На рассвете 14 июня к генералу Драгомирову вызвали полковника Волынского полка Родионова с офицерами.

Дожидаясь их, генерал времени не терял. Склонившись над листом бумаги, он выводил: «Пишу накануне великого для меня дня, где выяснится, что стоит моя си-

стема воспитания и обучения солдата, и стоим ли мы оба, то есть я и моя система, чего-нибудь».

Вошли офицеры. Драгомиров поднялся из-за стола.

— Господа, великая святая борьба начинается. Честь первыми пересечь Дунай выпала на нашу дивизию. Ваш полк начнет. В этой лощине, — Драгомиров подошел к окну, указал на устье ручья Текир-Дере, — будут приставать понтоны. Ваша задача — закрепиться и удерживать плацдарм до переправы остальных частей. Вслед за нами переправится дивизия генерала Гурко. Мы обеспечим кавалерии прорыв.

— Ваше превосходительство, — подал голос Родионов, — здесь нет бродов, большая глубина. Ко всему турецкий берег Дуная обрывистый и высокий...

— Полковник, приказ есть приказ. И я верю российскому солдату...

Поручик Узунов явился в 14-ю дивизию лишь к вечеру следующего дня. На той стороне Дуная в зелени садов белели дома Систово, высились минареты.

Никакого особого движения, означавшего бы, что именно у Зимницы сосредоточен передовой отряд, какому суждено начать переправу, Стоян не увидел. Однако офицер Брянского полка, знакомый Стояну, доверительно сообщил: брянцам поручено прикрывать фланги переправляющихся частей...

Ночь выдалась тихая, лунная. Серебристый свет отражался в дунайской воде. Поручик Узунов, на сутки задержавшийся в дивизии Драгомирова, стоял на берегу. Переправа уже началась. Солдаты понтонного батальона бесшумно спускали на воду понтоны. Офицеры подавали команды вполголоса. Молча входили на понтоны волынцы. Молчаливы солдаты. Экая ширина, ну как опрокинется понтон, а не все и плавать-то умеют, да и при оружии. Крестились, шептали: помоги, Боже...

Тихо на том берегу, спит Систово, и только лениво перебрехиваются собаки. Один за другим отчаливают от левого, низменного берега реки понтоны, плоты, лодки, а к переправе уже подошел Минский полк. Унтер сказал первой роте негромко:

— Ранцы оставить на берегу, потом доставят. Патроны в карманы. Коли неприятель откроет пальбу, не отвечать, в штыки его, братцы.

Поодаль от Стояна саперы уже наводили паромную переправу. Туда же подъезжали артиллерия, конные казаки. Все делалось без суеты и шума.

Стоян взглянул на часы: около двух ночи. Медленно тянется время. Набежавшие тучи закрыли луну. Стало темно. Но вот на том, нагорном, берегу всполошено закричал дозорный, поднялась беспорядочная пальба. Турецкие пикеты обнаружили переправу.

Рядом с Узуновым остановилась группа офицеров штаба. Стоян узнал среди них Драгомирова. Кто-то из офицеров докладывал генералу:

— Как в русло вошли, начало сносить течением.

Генерал перебил его:

— Понтоны на том берегу не задерживать. Передать: плацдарм держать любой ценой...

Подскакал драгунский офицер:

— Ваше превосходительство, от генерала Гурко. 8-я Гвардейская кавалерийская дивизия наладила переправу. Через час первые кавалерийские эскадроны будут на том берегу, прикроют вас от таборов, какие в Вардимском лагере.

— Передайте Иосифу Владимировичу мою благодарность за поддержку. Встретимся в Систово...

Огонь со стороны турок нарастал. Понтоны и лодки оказались под орудийным обстрелом. Теперь уже в бой ввязались турецкие войска, подоспевшие к переправе.

Когда возвратились первые паромы, Стоян бросился к ним и, прежде чем перегруженная лодка отчалила от берега, вскочил в нее.

— Ваше благородие, и без вас водицу черпаем, — заметил один из солдат.

— И-иэх! — солдаты взмахнули веслами, вырвались на течение.

Дунай бушевал, пенился от разрывов, в воздухе свистела картечь, лопались гранаты. Стоян увидел, как

прямым попаданием снаряда накрыло один из понтонов. Опрокинулась плывущая рядом лодка. Солдаты спасались вплавь, захлебывались.

— Господи, не допусти утонуть, — перекрестился солдат, сидевший рядом со Стояном. — Дай дорваться до басурмана на земле.

По участившейся стрельбе было понятно: к туркам подошло подкрепление из Систово. Теперь переправа затруднится.

Лодка ткнулась в землю.

— Давай, ребята! — крикнул Стоян и выпрыгнул на берег.

Перед ними возвышалась круча. Солдаты вскарабкивались, помогая прикладами, лопатками. Узунов поддерживал солдат, подсаживая, приговаривал:

— Держись, ребята!

А те отвечали:

— Погоди, господин поручик, сейчас мы турку в штыки примем!

А на берегу уже кипел штыковой бой. Полковник Родионов, размахивая саблей, подбадривал солдат:

— Волынцы, помни суворовский наказ: пуля — дура, штык — молодец!..

Перед Стояном возник турок в красной феске. Не успел поручик отразить удар ятагана, как набежавший солдат ударом приклада сбил турка, другого Стоян сразил саблей.

Увлекаемый волынцами, Узунов преследовал отходивших аскеров.

У Зимницы молодой Скобелев в белом мундире отыскал Драгомирова:

— Михаил Иванович, позволь высадиться добровольцам на тот берег.

Драгомиров промолчал, вслушивался в гул боя.

— Михаил Иванович, не доведи Бог, сбросят наших, сорвут переправу.

— С Богом, Михаил Дмитриевич. — Драгомиров повернулся к Скобелеву. — Я со штабом, вслед за тобой. Медлить нельзя...

Бой разгорался. Светало. К туркам прибыло подкрепление, и они снова двинулись в атаку. Их колонны грозили смять редкие цепи русских солдат.

Драгомиров со штабом заторопился к переправе.

— Пехоту, пехоту на паромы, пушки потом! — приказал Драгомиров.

Адъютанты бросились исполнять распоряжение.

С понтонов и лодок вслед за волынцами и минцами высаживались житомирцы.

С румынского берега по систовским высотам ударила русская артиллерия. Скобелев поднял солдат левого фланга:

— Вперед, молодцы, турок бежит!

Оказавшись на правом берегу, Драгомиров крикнул адъютанту:

— Поспешайте на правый фланг, к волынцам, передайте генералу Петрушевскому: надо взять Систовские высоты. Пополнение он получит.

Поднялось солнце. Чадя небо, «Анкета» подтянул две баржи. С них густо посыпалась пехота.

Драгомиров перекрестился:

— Теперь веселее пойдет! — неожиданно увидел Стояна, подозвал: — Поручик, если вы своевременно не воротились к генералу Столетову, поручаю вам быть неотступно при генерале Скобелеве. От пули и штыка турецкого оберегайте его. Передайте Михаилу Дмитриевичу: место у Петрушевского!..

Стоян увидел Скобелева, когда тот, в белом кителе нараспашку, шагал вдоль залегших солдат, весело приговаривая:

— Сейчас, братцы, подмога к нам пожалует, и снова ударим по турку, а покуда передохните да неприятеля отражайте. — И не кланяясь свистящим пулям, пошучивал: — Однако, братцы, не спать. Выиграем баталию, в баньку париться изволь и спи на здоровье.

— Ваш благородь, — поднял голову молодой солдатик, — ну коль убьют, и на полке́ не полежу.

— Дурень, — перебил его товарищ. — Его превосходительство о смерти не думает, его и пули не берут, а ты к земле, ровно вошь к кожуху, прилип и балаболишь, чего не след.

— Те, че, ты вон пожил, стар уже, а я еще и с бабой не намиловался.

По залегшей цепи на всю трехверстовую линию фронта передавалось:

— Скобелев... Скобелев! Глянь-ко, белый генерал!

Поспешавший за Скобелевым поручик Узунов, прислушиваясь к вжиканью пуль, молил: «Лучше в меня, нежели в генерала...»

О Скобелеве ходило немало слухов еще со времен туркестанской войны, и поручику они были известны с кадетского корпуса. Поручение озадачило Узунова, как можно охранять жизнь не остерегающегося генерала при таком горячем обстреле?

Скопившись большим отрядом, аскеры длинными перебежками устремились к русским позициям.

— Поручик, — заметил Скобелев, — вот вам момент проявить храбрость. Поднимайте солдат и следуйте за мной!

Стоян повернулся к залегшей цепи, но его опередил офицер-волынец. Узунов узнал поручика Моторного, с которым учился в Кадетском корпусе.

За поручиком бросились солдаты-волынцы. Поднялись в атаку подольцы. Опережая их, рванулся Узунов. Впереди мчался рослый солдат. Неожиданно он споткнулся и тут же рухнул. Подхватив винтовку, Стоян оказался в гуще боя. Дрались молча, озверело. Стреляли редко, работали штыками, схватывались в рукопашной и тогда в ход пускали ножи.

Обе стороны пополнялись набегавшими солдатами. Теперь уже бой кипел на Систовских высотах, на их склонах, поросших садами и виноградником.

Брянцы втягивали в гору орудия, подбадривали друг друга:

— Навались, братцы! Идет!

Установили пушки, дали залп.

Ударили дробь полковые барабаны, и русские цепи начали охват высот. От Дуная повели атаку стрелки генерала Цвенцвинского, а с правого фланга давила бригада генерала Петрушевского.

К полудню сражение было в разгаре. Время казалось Стояну вечностью. Поле усеяли убитые и раненые.

Крики и стоны, лязг штыков и звон сабель слились воедино.

Окровавленный мундир поручика Узунова прилип к телу. Исход боя решила рота Житомирского полка, которую лично повел генерал Скобелев. Без выстрелов, под барабанный бой она ударила в штыки. Турки дрогнули, побежали. На высотах затрепетали русские флаги, победно заиграли трубы.

В обеденную пору дивизия генерала Драгомирова вступила в Систово. Полки шли под расчехленными знаменами, по улицам, запруженным народом. Город ликовал: встречали русских братьев.

А чуть ниже, наладив понтонную переправу и наплывной мост через Дунай, двинулась дивизия Гурко. Время рассветное и от Систово слышалась усиленная канонада, стрельба. Иосиф Владимирович разыскал Рауха.

— На Драгомирова насели. С первым же переправившимся полком отсеките Вардимский лагерь, чтобы турки не выступили к Систово...

К правому берегу подтягивались понтоны и плоты с конями, орудиями, зарядными ящиками, а по наплывному мосту пошли эскадрон за эскадроном.

К месту переправы дивизии Гурко бежали люди. Болгары кричали, завидев конницу:

— Едут, едут!

Толпа подалась, качнулась. Мальчишки воробьями обсели деревья, орали. Было шумно и весело. Солдат поили холодной водой, угощали сухим вином, спелыми вишнями. Играла музыка, дудели сопилки, били барабаны. Болгары встречали своих освободителей.

К Гурко пришли старейшины, на подносе протянули генералу бутыль с вином — сливовицей, ранние груши, жареную баранину. Иосиф Владимирович поднос принял, передал адъютанту. Поклонился старейшинам. На приглашение задержаться в городе ответил:

— Нет, отцы города, нет времени, нас вся Болгария ждет, ее освобождать еще предстоит.

И отдал приказ не останавливаться, а развивать наступление...

2-я Гвардейская кавалерийская дивизия шла вдогон отступавших из Вардимского лагеря таборам. Турки отходили к Балканам, разоряя болгарские села, сжигали дома, убивали жителей.

Гурко торопил, и по дивизии передавали его приказ:

— Вдогон!

Выдвинув авангард, выставив боковые охранения, дивизия шла часть за частью, эскадрон за эскадроном. Громыхали орудийные батареи, зарядные ящики, санитарные двуколки.

Кавалерия двигалась с шага на рысь и снова на шаг...

О переправе и взятии Систово императору стало известно в тот же день.

В обеденный час оживленно за царским столом. Искрилось, играло золотистым янтарем французское шампанское «Вдова Клико». Александр Второй поднял прозрачный, без резьбы, хрустальный бокал на высокой, тонкой ножке, фирмы «Бакара». Сделалось тихо.

— За первую победу российского оружия. — Голос радостный, чуть возвышенный. — За начало освобождения братьев-болгар от многовековой неволи. За будущую свободную Болгарию!

Облобызав брата, великого князя и главнокомандующего Николая Николаевича, вручил ему орден Святого Георгия. Ура, города!

Дивизия была на марше.

Дорога каменистая, пыль столбом. Она пудрила лица, конские крупы. Душно. Ни облачка, ни ветерка. Застыл горячий воздух.

— Экое пекло, — сказал Нагловский.

Дивизия развивала наступление, не давая турецкому командованию сосредоточиться. Отходили таборы, бросая обоз, в воздухе смрадно пахло, разлагались на жаре трупы.

— Чем стремительней мы продвигаемся, — говорил Гурко в штабе дивизии, — тем больше паники в турецких войсках.

На ночевку остановились в болгарском селе. Жители, спасаясь от турок, бежали в лес, но, узнав, что в село вступила российская армия, вернулись.

В тот вечер солдат угощали вареной мамалыгой, кашей с бараниной, разными фруктами. Но Гурко не удалось отдохнуть, не дал зуммер телеграфа. Генерала вызывал главнокомандующий. И хоть был Иосиф Владимирович недоволен, однако велел денщику собираться и, разбудив генералов Рауха и Нагловского, приказал им продолжать с утра преследовать неприятеля, а сам с конвойным десятком выехал в Систово, где находился великий князь со штабом.

Ехал, гадал, что за экстренность возникла в штабе. Тем паче от болгар было известно: турки собирают силы, подтягивают таборы. Пытаются перекрыть дорогу на Тырново, древнюю столицу болгар.

В пути Гурко видел жестокость башибузуков. Убегая от российской армии, они бесчинствовали, люто казнили болгар. Иосиф Владимирович думал, что надо просить главнокомандующего разрешить на террор отвечать террором... За жестокость нельзя миловать!

Иногда дорогу перекрывали следующие к фронту российские войска, и тогда Иосиф Владимирович съезжал на обочину, пропуская их.

Систово наводнено частями. Домики болгар выглядели празднично. У ворот вывешены национальные флаги. Значит, размышлял Гурко, население верит, что с приходом российской армии наступило полное освобождение Болгарии от турок...

У штаба армии, как обычно, толпились дежурные офицеры связи, адъютанты. У коновязи били землю копытами несколько подседланных лошадей, тут же солдаты — вестовые.

Многочисленная охрана узнала Гурко, пропустила в штабной дом. Иосиф Владимирович застал главнокомандующего в штабе. Великий князь поднялся из-за стола, спросил:

— Вы оставили дивизию на генерала Рауха? — И, услышав утвердительный ответ, сказал: — Ваша дивизия, генерал, выполняет сегодня роль передового отряда, и

штаб армии принял решение усилить вас, преобразовать в ударную силу на главном направлении. Вашему Передовому отряду мы придаем особое значение, как видите. Какие соединения вы получите, вам скажет начальник штаба армии.

И обратился к Непокойчицкому:

— Артур Адамович, введите генерала Гурко в курс.

Иосиф Владимирович присел к столу начальника штаба:

— Я вас слушаю, Артур Адамович!

Непокойчицкий откашлялся, посмотрел на Гурко поверх очков:

— Думаю, генерал, вы понимаете всю меру ответственности, какая на вас возложена?

— Я горжусь доверием, ваше превосходительство.

— Гм!

Поправив очки, Непокойчицкий принялся перечислять дивизии и полки, какие передавались в состав сформированного Передового отряда. Гурко слушал внимательно.

— 24-я гвардейская дивизия генерал-адъютанта, графа Шувалова; соединение принца Ольденбургского; казаки генерала Краснова. — Непокойчицкий посмотрел на Гурко. — Между прочим, Даниил Васильевич получил чин генерала. Император вчера пожаловал ему.

— Рад за Даниила Васильевича. — Иосиф Владимирович действительно обрадовался. Он хорошо знал старого и мудрого казака.

Непокойчицкий назвав еще несколько полков, закончил список лейб-гвардии Преображенским полком, спросил:

— Вам, генерал, все ясно?

— Да, ваше превосходительство, у меня вопросов нет. Уверен, при поддержке главнокомандующего и штаба армии Передовой отряд сможет повторить урок прошлой войны, генерала Дибича, совершить поход на Адрианополь. Марш этот должен быть стремительным и потребует своевременного пополнения свежими армейскими силами.

В ответ Непокойчицкий промолвил:

— Вам, генерал, и карты в руки.

Иосиф Владимирович штаб покидал несколько неудовлетворенным. С одной стороны, радовался столь ответственному назначению, было где применить свои теоретические познания, но, с другой стороны, понял — на поддержку великого князя и тем паче Непокойчицкого слишком надеяться не приходится.

Где голубая бухта Золотой Рог вытянулась узким рукавом, в долине пресных вод летняя резиденция султана. В знойные дни роскошный дворец и тенистый сады овевают свежие морские ветры.

День и ночь верные янычары стерегут великого из великих, султана турецкой империи, наместника Аллаха в этом неспокойном мире, временное пристанище каждого правоверного мусульманина и гяура, иудея и буддиста — всех, кому волей случая позволено вдохнуть жизнь.

Высокая каменная ограда скрывает от взора недостойных султана Блистательной Порты. Абдул-Хамид прогуливается по песчаным дорожкам, мимо фонтанов и благоухающих роз, газонов зеленой травы.

В великий пост — Рамазан, когда Аллах запретил принимать дневную пищу и даже в помыслах не касаться женщины, в летний дворец нет входа ни одной из жен султана. Их место в гареме Долма Багче.

Умеренная еда после захода солнца, сорокадневное воздержание очищают тело истинного мусульманина от скверны, придают ему легкость и возвращают мужскую силу.

В первый день большого байрама, когда пировала вся Порта, Абдул-Хамид съедал всего три чебурека, пил кофе, сваренный на песке, любовался танцовщицами и, дождавшись, когда муэдзин с минарета прокричит слова из Корана, отправлялся к молодой жене.

И впредь велел каждый год доставлять ему новую жену. В этот раз привезли юную красавицу, совсем еще девочку, из южной Румелии. Она была пуглива и застенчива...

Румелия! При воспоминании об этом княжестве на лицо Абдул-Хамида набежала тень, а губы зашептали проклятия. Румелы, которые совсем недавно дрожали как зайцы, едва завидев янычара, теперь, когда русские солдаты подошли к границам Блистательной Порты, сделались дерзкими.

На предложение правительственного Дивана о союзе против России румелы посмели заявить о своей независимости и нейтралитете. А едва армия гяуров встала на Дунае, как король Румелии князь Карел, как именуют его европейцы, позабыв страх, какой наводили на него османы, переметнулся к урусам и объявил войну Оттоманской империи. Его войска вместе с армией царя Александра.

Но настанет час расплаты, и он, султан Абдул-Хамид, бросит князя Карела навечно в Семибашенный замок, а у нечестивцев румелов будут вырывать их собачьи языки...

Под мягкими, расшитыми бисером чувяками Абдул-Хамида песок слегка поскрипывает. Рысьи глазки султана тревожно бегают. У маленького, сухого человека в голубом шелковом халате, украшенном драгоценными камнями, коварная, не знающая жалости душа. Вкрадчивым, воркующим голосом Абдул-Хамид говорит следующему за ним на почтительном расстоянии великому визирю:

— Парламент, сборище болтливых баб, я терплю больше полугода. Теперь я разгоню его.

— Великий и мудрый султан, даровавший Блистательной Порте конституцию...

Едва Мидхат-паша успел промолвить эти слова, как Абдул-Хамид прервал его:

— Мы недостаточно жестокие, мой визирь, не конституция нужна Порте, а ятаган, отсекающий головы непокорным. Слава Аллаху, наши взгляды разделяют и советники инглизы*... Когда на Балканах мы разобьем урусов, я отдам на месяц болгар моим воинам...

У высокого куста вьющейся розы Абдул-Хамид задержался. Рука с синими прожилками потянулась к нераспустившемуся бутону. Султан снова заговорил:

---

*Инглизы — англичане *(тур.)*.

— Армяне — собаки, на Кавказе вступают в армию царя Александра. Против таборов Мухтар-паши стоят отряды армянских генералов Лорис-Меликова и Тергукасова. Кровью подлых армян я залью Кавказские горы.

— Мудрый султан, — осторожно вставил великий визирь, — и здесь, в Стамбуле, армяне готовы отворить ворота города московитам.

Абдул-Хамид хищно оскалился:

— Райя![*] Я не пощажу и стамбульских армян. По нашей милости они держат в руках стамбульские базары и торговлю, раздулись от богатств как пауки, но я напущу на них янычар и башибузуков. Золото армян пополнит опустевшие кладовые Блистательной Порты.

Султан остановился, повернулся к визирю. Ярко блеснул крупный алмаз в его чалме.

— Отчего инглизы льстят нам? Ты думаешь, Мидхат-паша, я слеп и не понимаю? Королева Виктория и ее лорды дрожат от страха: ну как корабли гяуров перекроют им путь в Индию? Оттого сладкозвучной серной заливается английский посол, убеждая нас отдать Золотой Рог под стоянку броненосцев ее величества. Но я сплю спокойно тогда, когда слышу в бухте звон цепей моего флота. Английский посол не услышит от нас ни «да», ни «нет», мой достойный визирь Мидхат-паша. Я буду кормить британского льва многообещающими надеждами.

Карета Лайарда, посла Англии в Стамбуле, катила из шикарного европейского квартала, что в предместье Пера, через предместье Хаскией — еврейский квартал. Подтянутый, чинный, с седыми бакенбардами, сэр Лайард в Стамбуле третий месяц. Напутствуя его, лорд Биконсфилд наказывал: «Интересы Великобритании не выходят за пределы Великобритании».

Лайард понял премьера: туркам надо обещать, подталкивать к войне с Россией, но конкретной помощи — никакой.

Давать займы некредитоспособной стране банкиры Сити не желали. Оттоманская Порта — государство с внеш-

[*] Р а й я — стадо *(тур.)*.

ним долгом в пять с половиной миллиардов франков — не в состоянии выплачивать даже ежегодные проценты.

Посол подумал о том, что Англия достаточно помогла Порте, взяв на себя частичные расходы по поставкам для турецкой пехоты нового образца ружей и стальных крупповских пушек.

За оконцем кареты остались мощенные плитками кварталы с английским и французским, русским и австрийским посольствами, правительственными зданиями, роскошными особняками дипломатов и разноцветными деревянными домами турецкой знати. Потянулись грязные улочки с домишками мелких торговцев, хижинами ремесленного и прочего люда, зловонные, неухоженные районы печально известного Стамбула, рассадника всяких заразных болезней.

Как-то в один из майских погожих дней Лайард выбрался на морскую прогулку. Играли в море дельфины, резали крупными, упругими телами голубую гладь, высоко взмывали над водой. Косые лучи солнца падали на город. Посол долго любовался столицей османов. Огромным амфитеатром она спускалась с семи холмов к берегам Босфора и Мраморного моря. В зелени кипарисов и платанов, чинар и орехов прятались черепичные крыши, белели дворцы и мечети: Софийская Ая-мечеть, красавица Сулеймание, мечеть Баязида с большими куполами и многие другие, возведенные султанами во славу своего правления.

Хозяин многовесельной лодки, турок в красной феске и синих шароварах, указывая на видневшиеся вдали городские постройки, пояснял важному англичанину (Лайард владел турецким языком):

— Господин видит ворота византийских крепостных стен великолепного Стамбула, вон Топ Капусси. Их отворили османы славного султана Магомета.

Мог ли предположить словоохотливый турок, что молча слушавший его англичанин знает историю Византии и Оттоманской Порты лучше, чем он сам, ориентируется в городских лабиринтах, как проживший в Стамбуле многие годы. У сэра Лайарда топографическая карта столицы Оттоманской Порты, изготовленная

Печатным двором Лондона, и на ней не только примечательные места, но и арсенал с военными заводами, гавани и верфи...

Положив бледные, тонкие пальцы на борт лодки, Лайард смотрел на вершину холма, главную, деловую часть Стамбула, его предместья с многочисленными базарами и рынками, лавочками и палатками, где торг ведут всем, что продается на свете: от скота и птицы, оружия и одежды, ковров до всевозможной утвари.

Английского посла особенно привлекал самый большой базар — Безестан. Здесь все гудело и шумело многоязычно. Вдоль крытых рядов теснились и плыли десятки тысяч людей, крутились, как в водовороте, турки и персы, армяне и греки, евреи и арабы. Над всем базаром сладко пахло восточными пряностями...

Хозяин лодки еще говорил о чем-то, но взгляд сэра Лайарда уже остановился на бухте Золотой Рог. Вожделенная мечта корабелов всего мира — иметь такую стоянку. Сколько раз в английском парламенте произносились горячие речи, накалялись страсти вокруг Золотого Рога. Окажись бухта местопребыванием дредноутов ее королевского величества, и русский флот, какой с поспешностью возрождается Россией, окажется навсегда блокированы в черноморской луже...

Одна из задач английского посла — убедить султана согласиться на переход британских кораблей из Безикской бухты в Золотой Рог, но Абдул-Хамид, как хитрый лис, уходит от ответа...

Оставив лодку, сэр Лайард, укрываясь от жары в густой тени чинар, пошел пыльной улицей мимо кофейни, малолюдной в такую пору дня, харчевни, из чрева которой чадило бараньим салом и жареным луком.

На мраморных ступенях мечети нищий в отрепьях тянул руки, причитал слезливо:

— Бакшиш! Бакшиш!*

* Б а к ш и ш — вознаграждение. Здесь: подай! *(тур.)*

Сэр Лайард вытащил из кармана жилета мелкую монету, протянул нищему и не увидел — ощутил в своей ладони туго свернутый листик бумаги.

Опираясь на трость, Лайард постоял чуть-чуть, направился к карете.

В посольстве, усевшись за стол, развернул лист, прочитал: «Аллах милостив...» Британскому послу слова эти сказали о многом.

Великий визирь Мидхат-паша тайно уведомлял: султан хитрит, и с бухтой Золотой Рог вопрос по-прежнему остается нерешенным.

«Нет ничего тайного, что не стало бы явным», — говорит народная мудрость.

Султану донесли: заптий* при выходе из мечети усмотрел в поведении нищего и инглиза нечто подозрительное.

Едва карета инглиза прокатила по булыжной мостовой, заптий ухватил нищего за ворот, потащил в полицию.

Ни добром, ни под пыткой нищий виноватым себя не признал и связь с инглизом отрицал.

Абдул-Хамид велел утопить нищего в сточной канаве, а за инглизом установить наблюдение. Султан догадывался: кто-то из его высших сановников-риджал находится в тайных сношениях с английским послом.

Конечно, Абдул-Хамид подозревает каждого, но больше всего великого визиря. Это он или кто-то из его друзей — «новых османов», «младотурок», как они себя именуют, сообщают инглизам обо всем, что происходит во дворце. Кто как не они мечтают видеть Оттоманскую Порту устроенной на европейский лад?

А может, Мидхат-паша готовит переворот, хочет его, Абдул-Хамида свергнуть? Разве не Мидхат-паша и его «младотурки» свергли султана Абдул-Азиза? Став великим визирем, он потребовал принять европейскую систему правления. И на него, султана Абдул-Хамида,

* З а п т и й — полицейский *(тур.)*.

Мидхат пытался оказать давление, рисуя прелести конституционного устройства Порты.

А что из того получилось? Конституция для Оттоманской Порты — плохой компас, она подобна туману над Босфором. Он, Абдул-Хамид, будет управлять османами, как велит Коран, ибо милостивый Аллах дал султану власть не для того, чтобы слушать каждого сановника-риджала, а повелевать. И жизнь, и смерть всех османов и народов, какие находятся под властью Порты, в руках его, султана Абдул-Хамида.

Пусть инглизы и их стамбульский посол Лайард думают, что держат штурвал корабля, именуемого Турцией, в своих руках. Он, султан, знает; инглизы так же опасаются гяуров, как и османы...

Абдул-Хамид решает Мидхат-пашу пока не казнить, а, лишив звания, выслать из Порты. Участь великого визиря должны разделить все «младотурки».

В штабе ополчения, которое походным порядком двигалось к дунайской переправе, поручика Узунова дожидалось письмо брата. Уединившись, Стоян распечатал конверт, прочитал:

«Любезный брат мой! Судьбе угодно было разлучить нас неизвестно на какой срок. Когда это письмо найдет тебя, весьма возможно, я уже буду на месте, в корпусе Тергукасова. Теперь же пишу с дороги.

Мой неблизкий путь пестрит интересными и весьма любопытными остановками и встречами. От Ростова, в три конных перехода я добрался до станицы Уманской. Ехали степями. Снег стаял, и нежившееся раздолье местами горбилось курганами — могилами скифских князей. Станичники приспособили их как сторожевые. В Кавказскую войну на высоких курганах высились сторожевые вышки с сигнальными шарами, коновязями, караульными землянками.

Степи с высокой травой, после зимы высохшей, — раздолье для диких кабанов, волков, лис, зайцев и иной живности.

По пути мне попадались стада дроф, казаки именуют их дударями. В степных тихих речках, на берегу нередко поросших камышом и кугой, обилие рыбы, а на плесах, что подобны огромным блюдцам, птицы всякой, вспугнешь — стая небо закрывает...

Уманская — станица старинная, ее курень прибыл на Кубань из Запорожья еще с полковым атаманом Чепегой и войсковым судьей Антоном Головатым.

В Уманской я передыхал два дня. Станица большая, в ней размещается Ейский отдел. (Войско кубанское делится на шесть отделов.) Уманская выставляет два полка.

Рядом со зданием атамана отдела — просторная площадь со старинной деревянной Трехсвятительской церковью.

На площади казаки отмечают праздники, здесь они джигитуют, отсюда провожают на войну свои полки и здесь же встречают их. Для казака война — дело привычное. Их служба начинается с юных лет. Длится она подчас десятилетиями, до старости. Уманцы и казаки окрестных станиц уже направили на Балканы добровольцев, а в конце прошлого года из Ейского отдела есаул Баштанников увел на Дунай две сотни пластунов.

В станице мало больших домов, все больше, по местному выражению, хаты, где к жилой половине примыкает темный сарай. И люди, прежде чем попасть в жилую половину, должны миновать помещение для скота.

В Уманской поселился я в доме урядника Сироты. Хозяйство у него крепкое, и сам он с хитрецой. Его сын служит на Дунае, в Кубанском полку, где, со слов урядника, полковым командиром Кухаренко. Отец этого подполковника в свое время был наказным атаманом Кубанского казачьего войска и дружил с поэтом Тарасом Шевченко...

Из Уманской в сопровождении трех казаков мы по бездорожью, преодолевая неимоверно клейкую грязь, выехали в город Екатеринодар.

Сопровождает меня десятник лет пятидесяти, молчаливый старик.

Однако мне удалось узнать, что он участвовал в Кавказской войне, а в Крымскую кампанию отбивал попыт-

ки турок и англичан с французами высадиться у Новороссийска....

Столица Кубанского казачьего войска — Екатеринодар больше напоминает военное укрепление. Ночами в городе темень, чуть съехал с центральной улицы Красной, лошадь в лужах тонет.

Живут в городе казаки, купцы и местная интеллигенция, мастеровые и иной торговый люд.

Есть в Екатеринодаре гимназия, епархиальное училище, магазины и лавки, мастерские и базар...

В местном театре я еще побывать не успел, ибо представления здесь не так уж часты.

Гостиница, где я остановился, имеет громкое название «Гранд-отель». Но этому не верь, нумера здесь тесные и нечистые.

Заходил в управление Кубанского казачьего войска, где нынешний атаман, генерал-лейтенант Кармалин, по словам сослуживцев, прост в обращении и питает интерес к нуждам казаков.

В войсковой канцелярии сказали, что из местного горского населения — адыгов — комплектуется полк, и мне предложили в нем службу, от чего я отказался, ссылаясь на предписание свыше...

Пиши мне, любезный брат Стоян, о ваших баталиях в Кавказскую армию, в отряд генерала Тергукасова».

Осторожные шаги разбудили Стояна. Открыв глаза, он увидел устраивавшегося в палатке капитана. Тот, заметив, что Узунов уже не спит, сказал мягко:

— Извините, поручик, будем жить вместе, хлеб-соль делить. Я Райчо Николов, служил у генерала Гурко, а теперь, как видите, направлен к генералу Столетову.

Узунов сел, свесив ноги, принялся одеваться.

— Рад, господин капитан, делить с вами походную жизнь. Я Стоян Узунов.

— Судя по имени, вы, как и я, принадлежите к народу, угнетенному турками.

— У меня бабушка — графиня Узунова, болгарка.

— Значит, у вас кровь русского и болгарина, и Болгария вам дорога как родина вашей бабушки, поручик.

Райчо был лет на десять старше Стояна. Черноволосый, круглолицый, с подстриженными усами и карими глазами.

— Ваш русский язык, капитан, не хуже моего.

— Я двадцать лет прожил в России. Когда шла Крымская война, мне было тринадцать лет. По поручению болгарских патриотов я переплыл Дунай с секретными сведениями для русского командования. Меня послали в Санкт-Петербургское военное училище, с той поры служу.

Приставленный к Стояну болгарский воинник Асен накрыл столик. Беседа продолжалась за завтраком.

— Вам известно, какое поручение готовит вам генерал? Так вот, когда ополчение переправится на правый берег Дуная, мы начнем формировать резерв, Болгарский комитет принял воззвание. Хотите, поручик, я прочитаю его?

Николов достал из саквояжа лист, отпечатанный на болгарском языке.

— «Болгары! Братья! Царь объявил войну Порте для освобождения многострадального, пять столетий томящегося под невыносимым игом варварского владычества болгарского народа... — Райчо читал и тут же переводил: — На полях сражений биться с нашим вековым врагом бок о бок с русскими стойко, до последней капли крови.

...Наше имущество и наша кровь принадлежат справедливому делу, которое русская армия написала при переходе через Прут на своих знаменах, ибо оно есть дело политико-национального освобождения и возрождения Болгарии...»

Отложив воззвание, Николов задумался. Потом посмотрел на Стояна:

— Трудную, многолетнюю борьбу вел наш народ с османами. Я сведу вас, поручик, с Пеко Петковым, он расскажет и о своих гайдуках, и об Апрельском восстании. Как два года томился на цепи в турецкой тюрьме, ожидая казни. Покажет след цепи на своей шее.

— Благодарю, капитан, за вашу любезность.

— Мой народ прожил сотни горьких лет, нас гнули, пытаясь сломить, отуречить, уничтожить наш язык, культуру, но болгар не поставили на колени... Болгары всегда ждали своего освобождения из Москвы, потому что вам известны наши страдания, об этом пишут ваши газеты. Болгары знают: наша боль вам не безразлична.

— Правы, капитан, для России болгарский народ — братский народ.

Ожидая прибытия воинских частей, выделенных ему ставкой главнокомандующего, Гурко наступления на Тырново не приостановил.

Первыми прибыли казаки Краснова, вслед за ними дивизия Шувалова, а на следующий день пришли преображенцы и бригада принца Ольденбургского.

Всех их Иосиф Владимирович встречал вместе с начальником штаба, давал время на короткий отдых и сразу намечал задачу.

Когда весь отряд был в сборе, Гурко назначил совещание. Сошлись в штабной палатке ровно в назначенный час. Уселись тесно. Вот генерал Раух, с лицом болезненным, под глазами черные тени, рядом с ним граф Шувалов, любимец солдат, из одного котла с ними ест и спит в солдатской палатке, хоть и генерал и титула графского. А вот, с виду прост, однако себе на уме, казачий батько генерал Краснов, смотрит на все с прищуром, того и гляди скажет чего-нибудь с усмешкой. Потеснился, дав место полковнику Оболенскому и принцу Ольденбургскому. Вошли Скобелев и есаул Баштанников.

Гурко обвел всех взглядом, остался доволен. Заговорил с хрипотцой. (Накануне выпил воды из родника, а сам разгоряченный был.)

— Господа, надеюсь, вам известно, с какой целью командование создало Передовой отряд. Нет необходимости разъяснять, какие перед нами поставлены задачи... Мы первыми проложим дорогу через Балканы, и у нас должен быть один девиз: вперед и только вперед! Мы

преодолеем все трудности, но почетную миссию оправдаем и гордимся доверием. Чувством этим должен проникнуться каждый солдат... От нашего наступления зависит продвижение Дунайской армии... О диспозиции наступления будут даны соответствующие указания... Вот наш предполагаемый маршрут. — И Гурко карандашом, как указкой, провел по намеченному пути.

Карандаш остановился перед горной грядой. Краснов головой качнул:

— Конем не разгуляешься.

— Придется спешиться, — согласился Гурко.

— Вашим казачкам, Даниил Васильевич, не грех бы и ноги размять, — вставил Баштанников.

— Есаул, ты хоть знаешь, с какой стороны к коню подходить?

— Господа, — Гурко оборвал смешки, — если вопросов нет, прошу расходиться и быть готовым к выступлению... Нам предстоит отбросить турецкие таборы и проложить дорогу к Тырново, древней столице Болгарии...

По пути разведка донесла: тырновский гарнизон спешно строит укрепления. И тогда Гурко решил: брать город будет 8-я Гвардейская кавалерийская дивизия, а предварительно проведет артиллерийский обстрел укреплений. Генералам Краснову и Шувалову быть готовыми, в случае появления в тылу конницы черкесов, отразить ее удар...

На рассвете залпы орудий сотрясли город. Турки не ожидали столь стремительного натиска, и их таборы спешно покинули Тырново и отступили к Шейново.

С восходом солнца в древнюю столицу болгар вступила 8-я Гвардейская кавалерийская дивизия...

Восторженно встречали тырновцы российских солдат. Они забрасывали их цветами, бежали, держась за стремена, угощали всем, что имелось в домах.

Проезжая берегом шумной Янтры, Иосиф Владимирович вспомнил: где-то здесь стоял замок легендарного царя Симеона, поднявшего восстание против владычества византийской империи. Когда киевский князь Олег плыл морем на Царьград, его дружина шла берегом моря. Болгары помогали киевскому князю...

Подъехал Нагловский. Гурко сказал:

— Дмитрий Степанович, дайте указание по отряду, отдых до следующего утра. Интендантам обеспечить солдат горячей пищей, ротным и эскадронным устроить всему личному составу, здесь, в Янтре купанье. Ничего, что вода холодная, усталь скинут...

Император не ожидал брата. Великий князь явился неожиданно, обрадовал: телеграфное сообщение — генерал Гурко взял Тырново.

— Генерал Гурко? Но, насколько я знаю, его Передовой отряд еще не развернулся и на прошлой неделе генерал занимал участок по реке Росице от Сухиндола до Никона?

— Именно. Самое удивительное, что Гурко бросил на город только своих драгун да совершил обстрел из пушек батареи подполковника Ореуса. Стремительность удара решила все.

— Кто ему противостоял?

— Турки держали у Тырново пять таборов пехоты, батарею и несколько сотен черкесов. Бой был скоротечный, длился не более часа.

— Похвально. Объявите генералу мою благодарность за столь решительные действия.

— Генералу Гурко будет приятно услышать высокую похвалу, ваше величество. И мы не ошиблись, назначив его командиром Передового отряда.

— Какая задача перед ним поставлена?

— Перейти Балканы и выйти в Забалканье.

— И это все?

— По мере возможности, ваше величество, продвижение к Адрианополю...

Разговор между царем и главнокомандующим велся на царской квартире на исходе дня 8 июля. А 10 июля Александр Второй получил телеграмму из Берлина с ядовитым смыслом, за которым угадывался Бисмарк:

— Поздравляю с успехом. Но где же турки?

Император показал ее Милютину:

— Видите, как скверно, когда войну наблюдают иностранные корреспонденты...

На что военный министр ответил:

— Передайте, ваше величество, корреспондентам: будут еще турки. Все впереди.

Кто видел молодого, сурового подполковника в форме болгарского ополченца, никогда бы не подумал, что он способен рыдать, как ребенок.

Да и сам Константин Кесяков не помнил, когда ронял слезу. Разве что в день смерти матери.

Но вот настал час, и его первая дружина переправилась через Дунай. Берег наплывал, но Константину Кесякову время казалось вечностью.

Молчаливо сгрудились дружинники, замерли в ожидании. Толчок, и паром остановился, закачался на воде, подполковник прыгнул первым, ноги подломились в коленях. Сняв шапку, целовал землю. Грудь сжало, по щекам текли слезы.

Не стыдясь, плакали дружинники. Наконец подполковник поднялся, посмотрел на своих воинов:

— Братушки, мы дома, в своей кровью омытой Болгарии. Но прежде чем мы назовем ее свободной, многих не досчитаемся. Знайте, то будет святая смерть, дорогая плата за волю нашего народа. Пойдем же смело за нашими старшими братьями, русскими солдатами.

— Клянемся! — единым криком огласился дунайский берег.

Подполковник, смотрел на Систово, на зелень садов, белоснежные минареты над городом, купол православного храма и мысленно видел себя семнадцатилетним, когда он, Константин Кесяков, вместе с Любеком Каравеловым добирался в Москву, учился в университете и достиг звания магистра математики.

Но Болгария, многострадальная Болгария звала властно к борьбе, и он, закончив Константиновское военное училище, вступает на службу в Преображенский полк в чине поручика, связывается со Славянским комитетом, выезжает в Белград и Сербию, формирует болгарский

легион. Своими глазами видел он, как расправляются османы со славянами.

Теперь Константин Кесяков — подполковник и командир первой дружины болгарского ополчения. Генерал Столетов попросил откомандировать к нему Кесякова, как только было принято решение о создании болгарского войскового соединения.

Последняя дружина покинула паром. Воины строились поротно. В голову колонны пронесли самарское знамя, полотнище полоскалось на ветру.

Подполковник вспомнил день, когда его вручали ополчению. Тогда Кесяков переводил дружинникам, о чем говорили самарские гости и присутствовавший при вручении главнокомандующий Дунайской армией.

А над Систово, над широким Дунаем, над ближними и дальними полями пронесся молчавший многие и многие годы колокольный перезвон. Из города встречать своих болгарских воинов, в строгом облачении, с хоругвями и иконами, шли священники, валил народ. Было торжественно и празднично.

Ворвавшись в Систово с драгомировской дивизией, поручик Узунов так и не успел как следует рассмотреть этот городок. Потому, едва ополченцы переправились через Дунай, Стоян приступил к знакомству с городом. Посмотрел развалины стен лагеря римских легионеров. Подивился множеству магазинчиков и торговых палаток. Городок-то не так велик. Походил по базарам. У каждого свое назначение: на одном лошадей продают, на другом — птицу или иную живность, а вот на третьем — вино бочками.

Болгары то и дело затрагивали Стояна, приглашали в гости. Систовцы всю теплоту своего сердца отдавали своим, болгарским воинам. Они зазывали дружинников в свои дома, пели вместе с ними родные песни, играла их музыка. Но была тишина в кварталах, где жили турки да те болгары, какие служили Порте или хотели походить на османов.

Стоян бродил зелеными улицами, вдоль плетней и заборов из булыжников, любовался каменными домами под красной черепицей. Дома попадались о двух, а то и

трех ярусах, с балкончиками, за каменными оградами, увитыми виноградом. Долго стоял на центральной площади, пораженный великолепием белого храма. Удивлялся, что турки его не разрушили. Ведь фирман* султана запрещал строить высокие церкви.

У причалов на Дунае тесно от складов и пакгаузов австрийского пароходного агентства. От порта мощеная улица, усаженная тополями и чинарами, потянулась вверх, в гору.

В центральной части города — училища, торговое и рисовальное... Улица вывела Стояна в старый район, где кривые переулки, тупики, глинобитные из сырцового кирпича дома, вторые ярусы нависали над пешеходными тропинками. В нижних же размещались торговые лавки или мастерские ремесленников.

Часто во дворах стояли телеги или турецкие арбы. В глубине одной усадьбы Стоян увидел пасечника, он возился у ульев. Заметив офицера, заторопился к калитке, мешая русские слова с болгарскими, пригласил:

— Сердечно прощу на гостуване.

Старый, усатый пасечник, в куртке из домотканого сукна и барашковой шапке, усадил гостя под разлапистым орехом, поставил на стол глиняную миску, до краев наполненную душистым медом, нарезал пшеничного хлеба и, налив в стаканы виноградного вина, произнес:

— За солдат, московцев, за войников болгарцев!...

Лишь под вечер Стояна с трудом разыскал Райчо Николов.

— Моя сестра, поручик, заждалась нас...

В доме, на каменных сваях, было полутемно и пахло топленым молоком и брынзой. Поручик осмотрелся. Он впервые в доме болгар. Кухня, навесные полки, уставленные начищенной до блеска медной посудой, в шкафу глиняные миски и тарелки, расписные чашки. Деревянный пол, устланный лоскутной дерюгой. В просторной горнице под ногами домотканый коврик, старый комод, на нем вязаная накидка. Напротив, у стены де-

---

*Ф и р м а н — в некоторых мусульманских странах указ султана, шаха.

ревянный топчан, покрытый сотканным из шерсти одеялом, а на нем гора подушек. У топчана вычищенная шкура овцы. Мех высокий, пушистый. Посреди горницы празднично уставленный низкий столик.

Старшая сестра Николова, тетушка Параскева, как называл ее Райчо, одетая в платье из грубой шерсти, встретила их приветливо и, усадив на плетеные из виноградной лозы скамейки, долго всматривалась в лицо младшего брата. Потом поправила черный платочек на седой голове, сказала:

— Ты запомнился мне мальчиком, Райчо, а сейчас ты мужчина, и я вижу твои морщины. Ты жив, мой дорогой брат, а сколько раз я оплакивала тебя. Печально, не довелось увидеть тебя в этой одежде нашему Антиму.

— Муж тетушки Параскевы, — шепнул капитан. — Его в апрельские дни убили башибузуки.

В горницу, внеся дымящееся блюдо с мясом, вошла молодая, стройная болгарка, смуглолицая, с черной косой до пояса и в сарафане поверх вышитой рубашки. Улыбнулась добро.

— Обратите внимание, поручик, мою племянницу я увидел только теперь, когда вернулся в Болгарию. Прежде я не знал о ее рождении. У нее редкое имя — Светозара. В молодости муж тетушки привез это имя из Сербии... обратите внимание, поручик Стоян, какая красавица.

От такой похвалы девушка зарделась, потупив глаза, присела. Но вот она подняла очи и на Стояна, при свете свечи глянули большие, темные глаза, под тонкими, черными бровями. А еще были у нее длинные ресницы. Таких глаз и таких ресниц Стоян, кажется, не видел ни у кого. Поручик смотрел на девушку зачарованно. Тетушка Параскева то заметила, перекрестилась, промолвила:

— Слава Всевышнему, теперь не надо прятать Светозарку от проклятых турок. Ты ведь помнишь, Райчо, как янычары увезли нашу тетушку Любомиру. Ей и шестнадцати в ту пору не было. А Светозара так похожа на нее.

Тетушка Параскева заботливо положила деревянной ложкой на тарелку Стояна горячее мясо с луком, а на

лепешку из кукурузы кусок брынзы с пучком пряно пахнувшей травы.

Николов поднял керамическую чашу:

— Выпьем сливовицы, поручик, в память о хозяине этого дома.

Тетушка Параскева кивнула согласно и, пригубив чашку, кончиком платка вытерла набежавшую слезу:

— Сколько, братушка, я слез пролила, ночей недоспала, тебя оплакивала. Не гадала, что спасла тебя добрая Россия, приютила. А и мы в неволе в ее сторону смотрели... — она погладила ладонью лицо Райчо. — Господи, я дожила до того дня, когда могу свободно ходить по родной земле...

С того вечера Узунов еще дважды удалось побывать у тетушки Праскевы. Но не ради тетушки приходил он в ее дом, а затем, чтобы увидеть Светозару, посмотреть в ее глаза, сидеть за их маленьким, низким столиком, помолчать, а коли предоставлялась возможность, поговорить со Светозарой.

На душе у Стояна было тепло и приятно. Во второй его приход Светозара спросила:

— Вам нравится наш город?

— Да, в нем много интересного и немало больших, красивых домов...

— О, это дома чорбаджи.

— Как вы сказали? — переспросил Стоян.

В разговор вмешался Райчо;

— Так в Болгарии называют тех богачей-болгар, какие служат Османской империи. Они и в обычаях придерживаются турок и ислам исповедают.

— Им приход русской армии не в радость?

— Да уж думаю. Некоторые сбежали с турками. Однако запомните, поручик: кое-кто из них будут искать поддержки у российской администрации.

— Думаю, не найдут.

— Как сказать, — засомневался капитан...

Совсем недолго пробыло ополчение в Систово и, получив приказ, ушло в распоряжение генерала Гурко.

В день, когда дружина поручика Узунова покидала город, он успел забежать к Светозаре. Она улыбалась, но

узнав, что Стоян уезжает, огорчилась. И тогда поручик осмелел. Он сказал ей:

— Мой дед, граф Узунов, привез жену из вашей страны. Неужели и мне судьба пошлет такое же счастье?

Светозара глянула на него большими, полными слез глазами, прошептав:

— Аз ште те чевам.

Этот день для поручика был самым счастливым. Светозара оказала ему: «Я буду ждать тебя».

В тот день, когда драгуны ворвались в Тырново, Гурко и город как следует не разглядел и окрестности, проскакали на галопе да на рыси, Тырново позади оставили. А когда изгнали турок, осмотрелся. Боже, красота-то какая. Долина Янтры-реки золотом пшеницы отливает, колос голову клонит. А чуть поодаль поле кукурузы зеленеет. Высокая, в рост человека. Пшеницу вот-вот жать начнут.

Дома, когда жил Иосиф Владимирович в родительской усадьбе, пора эта для крестьянина праздником была. Косари и жницы в поле выходили наряженные, все в одеждах чистых. Мальчишкой Гурко выбегал в поле, когда уже стояли первые снопы. И если случалось, он появлялся к обеду и крестьяне, сидя в кружок, ели, то они звали и Иосифа:

— Ходи к нам, барчонок.

И уж как нравилась ему их еда. Он садился на траву, ел из одной миски, из глиняного глечика пил молоко, а потом слушал, как в сильных крестьянских руках вжикали косы и ровными рядками ложилась пшеница.

Заметив, как смотрит генерал на хлебное поле, денщик, Василий, сказал:

— Этко, ваше благородие, бывало у нас, в деревне, пожнут ржицу, она в суслонах выстоится, зерно к зерну. Отобьют его от колоса цепами, помелят, а из первой мучицы хлеб духмяный, а уж пироги, что с грибами, что с ягодой особливые, губами ешь...

В Тырново Передовой отряд задержался, Гурко вызвали в штаб армии.

Тырново — городок хоть и древний, но уж не так велик. Хотя болгары называли его Велико Тырново. Постройки здесь все из камня, в зелени садов утопают. День и ночь Янтра ревет. Народ приветливый, гостеприимный. Хозяин дома, где жил Иосиф Владимирович, генерала вопросами одолел, о Санкт-Петербурге расспрашивал, как живут в России. А больше всего страшило болгарина, ну как кончится война, уйдут русские братушки и снова турки вернутся.

Гурко хозяина успокоил, сказав, что османов прогнали навсегда и в Болгарии будет свое правительство...

Перед отъездом в штаб армии Гурко посоветовался с Раухом, Нагловским и Шуваловым. Еще раз хотел услышать от них, по плечу ли Передовому отряду пройти через Хайнкиейский перевал. Генералы долго обсуждали, проиграли на карте возможные дороги, какое сопротивление могут встретить, и пришли к общему мнению: путь хоть и труден, но преодолим.

Шайка башибузуков кривого Селима орудовала у Систово. От Дуная, не вступив в бой, она спешно уходила к Тырнову.

Сначала дорога пролегала вдоль течения реки Лома, а к юго-западу у Белы перешли в долину Янтры.

Сотни полторы башибузуков в конном строю следовали за своим предводителем. Кривой Селим, покачиваясь в седле, единственным глазом настороженно ощупывал дорогу. Совсем недавно здесь провел свою армию генерал с рыкающей фамилией, Гурко. Аскеры султана бежали, даже не дав боя. Селим считает: Абдул-Хамид должен казнить трусов. Кривой Селим смотрит на окрестности, на долину. Все безлюдно и только ворчит, как сварливая жена, Янтра. Она несет свои воды в Дунай, бурлит в камнях у берегов.

У Белы через Янтру новый каменный мост о двенадцати пролетах. До ущелья Самовода частые курганы, а от Самовода начались горные ущелья, ведущие к центральному хребту Балка. О них урус-генерал Гурко и разобьет себе лоб.

Миновали монастыри: на правом берегу Янтры — Святой Троицы, на левом — Преображения. Безлюдные, запущенные православные монастыри.

Мрачен взгляд Селима. Гяуры гонят армию великого султана, как стадо баранов. У Селима один глаз, но он видит, как Передовой отряд генерала Гурко наступает им на пятки.

Жарко. Кривой Селим феской отирает пот с лица и снова нахлобучивает ее на бритую голову. Недобрые мысли у Селима. Война с Россией началась неудачно для Порты. Потерять Болгарию для Турции — равно Селиму лишиться последнего глаза.

Кривому Селиму, не забывшему свое безрадостное детство на окраине Стамбула, Болгария — райская страна. Здесь он и его башибузуки уже успели набить свои хурджумы.

В тени разлапистых чинар у реки шайка сделала привал. Стреножив коней, разожгли костры, освежевали баранов. Над долиной потянуло жареным мясом.

Селим умылся, отерся полой длинной рубахи, уселся на траве, скрестив ноги. Ему подали зарумяненный бараний бок. Орудуя ножом, Селим ел жадно, не успевая пережевывать. Ему казалось, он никогда не насытит свое тощее брюхо.

На окружающий мир Селим смотрел, как учил мулла. Мулла читал святой Коран и советовался с Аллахом, Аллах говорил устами муллы.

«Не имей жалости к неверным. Чем больше ты убьешь их, тем быстрее твоя душа вознесется в кущи блаженного рая».

Рай, в представлении Селима, был подобен дворцу и огромному саду главаря всех башибузуков досточтимого юз-баши Ахмед-Юнус-бея, жившего в Адрианополе. У юз-баши Селим с другими предводителями отрядов башибузуков побывал накануне войны. Ахмед-Юнус-бей, седобородый старик с лицом цвета печеного яблока, благословил башибузуков на уничтожение гяуров.

И Селим во всем следует советам муллы и юз-баши. Он не ведет счет жертвам. К чему? Аллах видит старания Селима и воздаст ему должное из милостей своих.

Сердце кривого Селима не дрогнет, а ятаган остер, как бритва, даже тогда, когда глаз видит красавицу гяурку. Селим знает: кончится война и он увезет в Стамбул ту, которая приглянется ему. Мулла освятит его брак, и болгарка родит ему сына.

— О, машалла!* — кривой Селим довольно потирает ладони.

Пока же башибузуки убивают и режут гяуров, как овечек. Стоны и проклятия неверных сладкой музыкой отдаются в душе Селима. Он улыбается. Сегодня на рассвете его шайка оцепила деревню. Местные крестьяне ожидали братушек, а пришел он, Селим, как кара, какую творил Пророк. И никто из той деревни не увидит урусов.

Улегся кривой Селим на кошму, прикрыл глаз. Журчит вода у берега Янтры, убаюкивает. Набежал освежающий ветерок и тут же рассыпался в кроне чинары. Его дуновение коснулось заросшей щетиной лица Селима, чем-то напомнив ему родное селение. Вспомнилось давно забытое лицо матери.

Пробудился Селим в тревоге. Метались башибузуки, вьючили коней, подтягивали подпруги. Селим догадался: урусы поблизости.

Вскочив в седло, кривой Селим погнал коня. За ним, нахлестывая лошадей, с криком уносились башибузуки.

Утро только начиналось, а оперативное совещание при главнокомандующем подходило к концу. Генерал Гурко заканчивал свой доклад. Вывод для всех присутствующих был неутешительным. По данным рекогносцировки, проведенной накануне заместителем Гурко генералом Раухом, турки усиленно охраняют Шипкинский, Гвердинский и Травненские перевалы. Выбить их — потребует длительного времени и больших сил.

— Иосиф Владимирович, — спросил Радецкий. — Так ли уж безнадежно положение на этих перевалах, как уведомил вас генерал Раух?

---

*Машалла — восклицание, выражающее одобрение *(тур.)*.

— Генерал Раух, Федор Федорович, ко всему отличный оперативник.

— Да, известия не из приятных, — снова сказал командир корпуса Радецкий.

— Через Шипку проложена дорога, — заметил великий князь. — Овладеем мы этим перевалом и откроется путь в Забалканье.

— Ваше высочество, но для этого мы пока не очистили северную часть Забалканья, где имеются укрепления турецкой армии. Взятие их связано с огромными жертвами, — сказал Гурко. — Турки встретят нашу армию губительным огнем в спину. Требуется как можно быстрее овладеть этими турецкими укреплениями.

Непокойчицкий язвительно усмехнулся:

— Генерал Гурко не открыл нам ничего нового.

Иосиф Владимирович на начальника штаба не обратил внимания. Посмотрев на главнокомандующего, сказал:

— Мы поискали иную дорогу.

— И вы ее нам можете указать? — великий князь поднял брови.

Гурко подошел к карте Балкан:

— Считаю, для выхода в Долину Роз надо использовать Хайнкиейский перевал. Именно здесь, где турки нас не ждут, считая его непроходимым, мы и проведем свой десятитысячный отряд, спустимся в Долину Роз.

— Вы проводили рекогносцировку в этом направлении? — спросил великий князь.

— Да, ваше высочество. И мы со штабом отряда проиграли возможный маршрут.

Тут снова вмешался Непокойчицкий:

— Как мне известно от полковника Артамонова, сами турки считают данный перевал непроходимым. Неслучайно они назвали его Предательским — Хаин-Богаз. Нет, путь из Присово в забалканское село Хайнкией мы принять не можем.

— Верно, Артур Адамович, путь предательский, — сказал Гурко, — но мы выбираем его, ибо он единственный, какой выведет нас в Забалканье.

— Да, — протянул командир корпуса, — задача сия сложная:

— Не отрицаю, Федор Федорович, — согласилея с ним Гурко. — На расчистку дороги мы ношлем сотню уральцев и конно-саперную команду, а пушки понесем на руках.

В штабной палатке воцарилась тишина. Первым нарушил ее главнокомандующий:

— Господа, если командир Передового отряда так уверен, тогда и возложим эту операцию на генерала Гурко.

Все согласились, а Иосиф Владимирович обратился к великому князю:

— Ваше высочество, в штабе Передового отряда разработаны два варианта действий после выхода в Забалканье.

Николай Николаевич снова поднял брови:

— Именно?

Гурко снова подошел к карте:

— Случись, силы противника окажутся значительными, ограничимся обороной южных выходов Хайнкиейского перевала. Если Бог милует, после достаточной разведки ударим на Казанлык, разобьем резервы неприятеля и угрозой с тыла принудим турецкие войска на Шипке покинуть свои позиции.

— Ваше мнение, господа? — главнокомандующий обратился к присутствующим.

Поднялся полковник Артамонов:

— План генерала Гурко считаю обоснованным. Отряд будет обеспечен болгарскими проводниками. Разведка налажена.

— Прекрасно. А что скажете вы? — главнокомандующий посмотрел на Непокойчицкого.

Начальник штаба проявил сдержанность:

— Командиру Передового отряда отвечать за план. У нас нет основания сомневаться в выводах генерала Гурко и его штаба.

Командир Рущукского отряда цесаревич Александр, молчавший до того, кивнул:

— Я не сомневаюсь в продуманности операции.

— Да, — великий князь потер виски. — Вам, генерал Гурко, придается болгарское ополчение.

— Благодарю, ваше высочество. Когда мы отбросим турок от перевала, дружины генерала Столетова обеспечат его охрану.

— Хорошо, — одобрил такое решение Николай Николаевич. — Вам мы придадим еще полк 9-й пехотной дивизии.

Гурко спросил:

— Позвольте, ваше высочество, в Забалканье поступать на месте согласно обстановке.

— Я ценю ваше рвение, Иосиф Владимирович, и доблесть солдат Передового отряда. В целом план перехода Хайнкиея и последующие операции мы одобряем, но продвижение глубоко на юг запрещаем. Сегодня военный министр довел до моего сведения: из нашего посольства в Париже получено сообщение, турецкое командование перебрасывает морем из Черногории тридцатитысячную армию Сулеймана-паши. Она, естественно, будет брошена против вас, Иосиф Владимирович.

— Сулейман-паша противник серьезный, — промолвил Гурко, — но, ваше высочество, Бог не выдаст, свинья не съест. Российскому солдату ведома наука побеждать...

Штаб покинули Гурко и Радецкий вместе... Федор Федорович уже в седло сел, заметил:

— Тяжелую ношу взвалили вы на себя, Иосиф Владимирович. Не лучше ли было повременить, пока Шипка откроется?

— Нет, Федор Федорович, операция действительно сложная, но, осуществив ее, мы нависнем над турецким флангом.

— Помогай вам Господь, Иосиф Владимирович.

Горы Балканские.

Цепь их тянулась через всю Болгарию с запада на восток. Горы разделили Болгарию на две части: южную и северную. В те времена попасть из одной части в другую можно было, лишь перевалив через Шипкинский

хребет, где имелась сносно проложенная дорога. Были еще проходимыми Твердинский и Травенский перевалы, но такой дороги, как на Шипке, не имелось. Турецкое командование выдвинуло к этим перевалам значительные силы, укрепив их надежно. Убеждение в том, что балканские горы прочно прикрыли Османскую Порту, настолько было велико, что султан Абдул-Хамид, принимая английского посла, бахвалился:

— Мудрый и великий Аллах создал горы, чтобы османы владели Болгарией вечно. Аллах прикрыл Османскую Порту от гяуров. Урусы будут стучаться в нашу дверь, но мы не впустим их.

Но имелся еще перевал, Хайнкиейский. Он был, по мнению турецкого командования, непроходим. Сами турки говорили: когда Аллах творил перевалы, он создал три, но на четвертом устал, сказав османам: «Достаточно и того, что я им дал».

Но генерал Гурко решил: там, где не пройдет армия османов, там пробьются русские солдаты. И он повел свой Передовой отряд через Хаин-Богаз, в Забалканье, в Долину Роз. А было с ним десятитысячное войско: двадцать два эскадрона кавалерии с орудиями, десять батальонов пехоты да болгарские дружины...

Разморенный июльским зноем Николай Григорьевич Столетов, расположившись под тенью чинары, прихлебывал чай. Время от времени он вытирал потное лицо льняным полотенцем, хмурил густые брови. Вспоминал добром родной Владимир, где от лесов веяло прохладой и покоем, отцовский дом и всю нелегкую солдатскую жизнь. В Крымскую кампанию, два десятка лет назад, унтер-офицер Столетов получил солдатский Георгиевский крест. А было тогда ему от роду чуть больше двадцати лет.

Дом, где остановился Столетов, на окраине городка, и отсюда видно предгорье, а вдали синели горы. В последнее время тревожные мысли не покидали генерала. Возвратился из штаба армии Гурко с известием: добро на переход через Балканы получено. Что же, Столетов

убежден, план, разработанный командиром отряда, будет выполнен, в этом Столетов уверен. Гурко тот генерал, который, прежде чем принимать решение, все взвесит, изучит и, собрав данные, тогда и ставит задачу.

Но то, что беспокоило Столетова, непременно беспокоило и генерала Гурко. Передовой отряд на правом крыле ощущает силу турецкого гарнизона Никополя, на левом — Рушука. Турецкие таборы расположены и по другим городкам придунайской линии. А у Видина, по данным разведки, крупное соединение Осман-паши. По всем источникам Передовой отряд, перейдя через перевал, встретит турецкие таборы, вполне изготовившиеся к бою...

Денщик налил в освободившуюся чашку чая, даже не удивился, что генерал уже выпил четыре. Денщик знал: так бывает всегда, если генерал чем-то озабочен.

А думал генерал о том, что сейчас надо бы поддержать Передовой отряд со стороны Западного и Восточного отрядов, однако этого в штабе армии не предусматривалось...

Получить предписание войти в Передовой отряд генерала Гурко Столетов посчитал для себя за большую честь. Принять участие в переходе через Балканы вместе с русскими солдатами для болгарских дружинников будет хорошим уроком...

Когда ополчению вручалось Самарское знамя, на том, на Марином поле, по которому, как рассказывают легенды, пять веков назад любила гулять царица Мара, жена последнего болгарского царя Ивана Шишмана, где белели палатки ополченцев и играли дудки-сопелки, а дружинники, обнаженные по пояс, вставши в круг, водили «хоро», да слышалась песня: «Балканы, Балканы, родные Балканы...» — это одно, а вот когда придется с боями пройти их, иное дело.

Столетову нравилось, как поют болгары. Песни их немножко грустные, с чувством боли за утраченную свободу...

Удачное начало войны обрадовало и ободрило дружинников. Не раз слышал генерал: «Если турок и впредь так бегать будет, то мы вскорости до Царьграда дойдем».

Раздумья Столетова нарушил поручик Узунов, прибывший в Тырново с шестой дружиной. В который раз, промокнув лицо полотенцем, генерал сказал:

— Голубчик, Стоян Андреевич, требуется офицер для связи ополчения с генералом Гурко. Его кавалерия и наши дружины на этой неделе начинают переход Балкан.

— Когда надлежит выехать, ваше превосходительство?

— Завтра с утра у подполковника Рынкевича получите пакет — и с Богом...

Едва полковые трубы нарушили рассветную тишину, как Стоян уже скакал вслед за отрядом Гурко. Солнце уже начало пригревать. День обещал быть жарким.

Солнце уже выкатилось из-за леса, пробежало по краю поля и спряталось за невесть откуда взявшуюся тучку, когда поручик догнал растянувшиеся на марше полки. Пехота шла споро, с шутками:

— Поспешай, братцы, покуда Ярило не припекло!

— Вестимо. Тогда не до балагурства, было бы чем дохнуть!

— Споем, братцы?

— Кузьма, выводи!

И солдат, запевала, расправив грудь, затянул на одном дыхании:

Эй, вы, солдатушки,
Бравы ребятушки...

Рота подхватила, а наперед выскочил удалец, застучал, засвистел...

Едва Стоян миновал пехоту, потянулись легкие пушки, зарядные ящики. Следом шагали расчеты.

Узунов погнал коня вскачь, догнал конницу. Конные дозревали в седлах, клевали носами.

Пыль клубилась за конями, и Узунов заехал с подветренной стороны.

Командира Передового отряда генерала Гурко и его штаб Стоян настиг вскорости. Солнце уже снова выско-

чило из-за тучки и вовсю осветило горы, их вершины, поросшие лесом. Оно начало припекать, и поручик пожалел пехоту, как-то им сейчас, при полной выкладке: подсумок с патронами, ружье с приткнутым штыком, за спиной вещмешок, да еще через плечо тугая шинельная скатка...

Самого генерала со штабными офицерами заметил издалека. Гурко плотно сидел в казачьем седле, а его рыжая, раздвоенная борода покоилась на груди. Генерал смотрел на проходящую конницу, здоровался, подбадривал:

— Здорово, гвардейцы! Молодцы, ребята.

Узунов понял, это едет его, Гурко, 8-я Гвардейская дивизия. Начальник штаба принял донесение Столетова и, приказав поручику следовать с первым эскадроном, подъехал к Гурко.

В ожидании дальнейшего приказа Узунов посматривал по сторонам. Дорога небитая, пыльная, и Стоян с тоской подумал, что в этот день ему не раз предстоит проскакать по ней от головы колонны до арьергарда, в котором, вероятно, пойдут болгарские дружины. А от Столетова снова к Гурко...

По колонне прокатилась команда сделать привал и солдаты рассыпались в поисках какой-нибудь тени. Устроившись, они грызли сухари, курили. К Узунову подсел ротмистр, открыл портсигар:

— Угощайтесь, поручик, здесь таких нет. Из самого Санкт-Петербурга.

— Спасибо, ротмистр.

— Вы, как понимаю, из ополчения генерала Столетова?

— Да, ротмистр.

— Сами русский офицер?

— Наполовину. Хотя я и офицер российской армии, но у меня бабушка болгарка.

— Был слух, вы хотели принять участие в деле под Тырново, но генерал Гурко справился силой драгун.

— Видите ли, речь шла о древней столице болгар.

— Дайте срок, поручик, ваше еще впереди.

— То так. Осман-паша приберег силы.

— Только ли он? Переходы черев Балканы не шутка. Вы думаете, почему генералу Гурко и поручили Передовой отряд?

В голову колонны проскакал генерал Скобелев.

Глядя ему вслед, ротмистр заметил:

— Кажется, Михаилу Дмитриевичу скоро найдут дело, душой чую.

— Мне довелось видеть генерала Скобелева в бою, под Систово. Он, кажется, совсем лишен страха смерти.

— Вот чего нет, того нет. Смерти, поручик, всяк боится. Разве как к ней относиться. Генерал Скобелев ее презирает и тем храбрость солдатам придает. Обратите внимание, как они его любят и, не страшась, в атаку за ним идут.

— Весьма возможно.

— Не хотите, поручик, пожевать холодной телятины?

— Нет, ротмистр, сейчас бы баню принять.

— Чего захотели. В Габрово, извольте...

Короткий привал, и отряд снова тронулся в путь. Скобелев догнал Гурко, поехали стремя в стремя.

— Любезный Иосиф Владимирович, я испросил согласия главнокомандующего быть с вами на перевале.

— Почту за честь, Михаил Дмитриевич. Какие вести из Европы, говорят ли о том в штабе?

— Европа начинает подвывать уже с той поры, когда мы переправились через Дунай.

— Думаю, это только начало. Неистовства начнутся к концу войны.

Чуть помолчали, и снова заговорил Гурко:

— Мы с вами, Михаил Дмитриевич, встали у предгорий Балкан и мы перевалим их. И сделаем, как можно поспешнее.

— Чем вызвана поспешность?

— Турки понимают: Дунайская армия находится в коридоре. Стоит туркам сомкнуть фланги, и наша армия может оказаться в котле... Сейчас пассивность Дунайской армии, как никогда, опасна.

— Я с вами вполне согласен. Но, Иосиф Владимирович, понимают ли это в штабе армии?

— За весь штаб сказать не могу, но генерал Непокойчицкий — вряд ли. Его оперативные способности не выше среднего.

— Печально.

— Сегодня, Михаил Дмитриевич, у нас с вами один путь, к перевалу. Турки не верят в возможность перехода Балкан здесь, но мы им докажем, что и крупными силами Балканы проходимы.

— Позвольте мне, Иосиф Владимирович, открыть с добровольцами дорогу.

Гурко на это не ответил, иное сказал:

— Болгарские лазутчики донесли: в деревне Присово нас дожидаются проводники, они выведут нас в село Хайнкией.

— Долина Роз, Долина крови.

— Постараемся обойтись малой кровью, Михаил Дмитриевич.

Гурко снял фуражку, вытер лоб.

— Разделяю тяготы жизни солдатской, всегда помню о ее святой миссии. Тем паче в нынешней войне. — И разговор перевел. — Вы, Михаил Дмитриевич, изволили выразить желание пройти в Хайнкией с первыми добровольцами. А я полагаю, вам надлежит с частью имеющихся у нас сил продвинуться к Габрово, где, соединившись с отрядом генерала Дерожинского, поступить в распоряжение генерала Святополка-Мирского. Совместным наступлением на Шипку со стороны Габрово, где наиболее значительные укрепления турок, вы прикуете к себе Халюси-пашу, командующего Шипкинским перевалом, и обеспечите возможность нашему Передовому отряду, вырвавшись в Забалканье, повести наступление на Шипку от Хайнкиея. Я даю вам такое распоряжение, заручившись согласием главнокомандующего на совещании.

— Вас, Иосиф Владимирович, не беспокоит отсутствие взаимодействий между отрядами?

Гурко хмыкнул:

— Отчего же... Но я не обсуждаю приказы, Михаил Дмитриевич. Нам велено «вперед» и мы пойдем с верой в успех.

В самом конце июня Мраморное море было сонно и тихо. Набрав в котлах пару, корабли резали синь морской волны. Под плеск волны о корпус парохода Сулейман-паша думал о превратности судьбы человеческой, какая не минует и султанов.

Сулейман-паша сидел в лозовом кресле, нахохлившись, как ворон, а за спиной кучно сбились высшие офицеры его армии: Ариф-паша, Салид, Реджиб-паша, Шукри-паша, Мухлис-паша, Навим-паша.

Опытный военноначальник, удостоенный всех высших наград Оттоманской Порты, тридцатипятилетний Сулейман-паша спрашивал себя и не мог ответить: какую лазейку в душе султана отыскали хитрые инглизы, как лисы, проворные и коварные, как гиены. Их посол в Стамбуле открывает двери великого султана и его визирей так же легко, как открывается вход в те благопристойные публичные заведения для богатых иностранцев в столице Блистательной Порты.

Сулейман-паша — воин, он редкий гость в Стамбуле, особенно с тех пор, как его армия покоряла неверных черногорцев, но молва — конь с крыльями. Когда, свергнув Абдул-Хазиза, султаном стал Мурад Пятый, молва нашептала: заговор — дело рук английского посла Эллиота.

Не прошло и года, эта же судьба постигла и Мурада.

Ныне султан Абдул-Хамид слушает, что в его светлые уши нашепчет англичанин, какой яд вливают в его душу неверные. Уста инглиза лживые.

Кабинет лорда Биконсфилда много обещал, но мало сделал. Втянув Порту в войну с Россией, лорд Биконсфилд теперь выжидает, чем все кончится.

Сулейман-паша анализирует причины неудач, постигших турецкую армию. Проклятые гяуры форсировали Дунай и готовы взойти на Балканы. Терпят поражение опытные военоначальники сердер-экрем* Абдул-Керим-паша, Осман-паша. Совсем в недавнем прошлом Оттоманская Порта наводила страх на весь христианский мир, а теперь, не доведи Аллах, гяуры снимут полумесяцы с мечетей Стамбула.

---

*Сердер-экрем — главнокомандующий *(тур.)*.

Дымы кораблей в море. Сколько черных столбов, столько и пароходов. Всю свою армию прославленный турецкий военачальник переправляет в Адрианополь. Его янычары остановят армию генерала Гурко, а башибузуки поклялись вырезать всех болгар, какие служат неверным гяурам. Он, Сулейман-паша, закроет русским дорогу в Забалканье, в цветущую долину, в райские места, откуда пять веков пополняли свои гаремы султаны и визири, наместники и почтенные люди Блистательной Порты.

Так почему неудачи одна за другой преследуют турецкую армию?

Сулейман-паша никак не может согласиться, что Оттоманская Порта давно уже переживала финансовый и административный кризисы. К началу войны она оказалась неоплатным должником английских и французских банкиров. Они держали в руках всю финансовую систему Турции. Зависимость финансовая диктовала и зависимость внешнеполитическую.

Усилив флот путем закупок броненосцев в Англии и Франции, Порта рассчитывала на морские операции в Черном море и на Дунае, однако Генеральный штаб российской армии построил план войны иначе.

Сулейман-паша склонен считать причиной неудач боевых действий турецкой армии — несовершенство военного правления Оттоманской Порты, сковывающей свободу действий своих военачальников. Пока тайный военный совет при султане обсуждает и утверждает планы, русские генералы наносят поражение за поражением турецкой армии.

Ко всему прочему, сердер-экрем принимает решения, советуясь с сераскиром (военным министром), и докладывает свое мнение военному совету.

И уж, конечно, Сулейман-паша никак не возьмет в толк, почему мушир-топ-хане (начальник артиллерии и инженерных войск) не подчинен сердер-экрему?

Турецкие военачальники лишены права пользоваться оперативным простором, они чувствуют себя зависимыми от всех вышестоящих советов. Их сковывает страх ответственности.

Сулейман-паша отдает должное таланту и смелости русских генералов. А солдаты и офицеры, эти неверные гяуры, сражаются, как львы.

С первых дней войны Сулейман-паша следит за боевыми действиями отряда генерала Гурко. Бесспорно, у русских — это лучший генерал и, кажется, он представляет для Оттоманской Порты главную опасность. И Сулейман-паша считает: его надо нейтрализовать.

У Сулеймана-паши папка со всеми нововведениями в русской армии. Здесь и указ о всеобщей воинской повинности, и сведения о проводимом перевооружении солдат новыми ружьями. Пока это затягивается, но кто знает, что может предпринять военный министр России генерал Милютин? Сегодня пока еще турецкая армия имеет лучшее стрелковое оружие, которое Порта закупила у американцев и англичан, а стальные орудия Круппа из Германии превосходят устаревшие русские бронзовые пушки, но что будет завтра?

Слуга поставил на столик поднос, налил из кувшина стакан холодного апельсинового сока, подал Сулейман-паше.

Молча выпив, Сулейман-паша снова подумал, что у русских генералов нет иностранных военных советников. Они воюют, полагаясь на свой разум и опыт. А к некоторым турецким военачальникам приставили англичан, и те вмешиваются в их дела. Слава Аллаху, Сулейман-паше хоть и навязали инглиза, однако он держит его в стороне и не желает его слушать.

Велев принести карту Балкан, Сулейман-паша зло прошептал:

— Ввяжемся, а там посмотрим!

Подойдя вплотную к перевалу, полк 9-й пехотной дивизии внезапным ударом смял и рассеял табор турецкой пехоты, прикрывавшей вход в Хайнкией. И тут же генерал Раух, выставив заслоны, повел саперную команду и уральцев к завалу.

Во второй половине дня к Хайнкиею начали подходить части Передового отряда.

Гурко торопил солдат:

— Вперед, братцы, вперед! Нут-ко, отряхнется турок, расправит крылья, да и кинется на нас свежими силами. Попытается закрыть нам дорогу в Забалканье. Тогда, ребята, бери его таборы в штыки... Жидок турок против российского солдата... — Подъехал к Шувалову: — Граф, опасаюсь, как бы османы не кинулись новыми таборами перекрыть нам путь к ущелью. На ваших гренадеров надеюсь.

— Генерал, я сам поведу их. — И тут же команду подал: — Первый батальон, примкнуть штыки. За мной!

А вскоре от генерала Шувалова явился связной с докладом:

— Ваше превосходительство, дорога в ущелье расчищена силами отряда генерала Рауха... Генерал Шувалов с батальоном поднимается по ущелью...

— Спасибо, капитан. Передайте генералу Шувалову, первый батальон его дивизии пойдет в авангарде....

Западный отряд продвигался, не торопясь. И не потому, что турки оказывали упорное сопротивление, а по причине осторожности командира 9-го корпуса генерал-лейтенанта Криденера.

Милютин сказал великому князю:

— Опасаюсь, ваше высочество, как бы игра генерала Криденера с Осман-пашой в кошки-мышки не привела к плачевным результатам.

— Вы считаете?

— Я не считаю, последствия предвижу. Перед генералом умный военачальник. В этом меня убеждают разработанные им сербские операции.

— Но, Дмитрий Алексеевич, после того как генерал Криденер овладел Никополем, войскам необходима хотя бы кратковременная передышка. 9-й корпус взял богатые трофеи. Пленен Гассан-паша, а с ним его армия и сто тридцать три орудия. Из них, как вам известно, одиннадцать стальных, крупповских. Западный отряд достиг успехов при взятии Никополя, но в этом не заслуга генерала Криденера, а храбрость и удача вологодцев и козловцев, поддержанных артиллерией. А отдых войскам надо было дать после Плевны.

— Передовой отряд генерала Гурко уже оседлал Хаин-Богаз. Когда встанет на Шипке, тогда и поторопим Криденера.

— Я полагаю, генерал Гурко уже сегодня нуждается в поддержке, — возразил Милютин.

— Ваше превосходительство, в Генеральном штабе также думают об этом, — резко оборвал разговор великий князь.

Главнокомандующий не пожелал прислушаться к предостережениям военного министра, за что пришлось расплачиваться кровью российских солдат.

Преступными действиями Криденера не преминул воспользоваться Осман-паша. За два дня до взятия Западным отрядом Никополя, он, бросив гарем на произвол судьбы, стремительно преодолев двухсотверстый марш и, построив мосты через Искыр, вступил в Плевну.

Оставляя гарем, сорокапятилетний Осман-паша сказал старому евнуху:

— Если небу будет угодно и я побью русских нечестивцев, Аллах пошлет мне столько жен, сколько пожелает моя душа. Но если русские выиграют войну, мне уже не пригодится даже самая юная красавица.

С приходом двадцатипятитысячной армии Осман-паши двухтысячный гарнизон Плевны принялся спешно возводить новые укрепления, ремонтировать старые.

В штабе Дунайской армии только теперь всполошились. Выполнение задачи, поставленной перед Западным отрядом, усложнялось. Вместо двухтысячного плевненского гарнизона Криденера ожидала армия Осман-паши, засевшая за крепкими укреплениями.

В главной квартире Дунайской армии, уединившись с начальником штаба, великий князь Николай Николаевич сетовал на присутствие в ставке царя со свитой.

— Вы знаете, генерал, приезд государя меня сковывает. Создается впечатление, будто он вмешается в руководство армией. Раздражает меня и Милютин. Его постоянные советы надоели. Вы спрашиваете, когда импе-

ратор возвратится в Санкт-Петербург? Судя по тому, как он здесь обжился, нескоро, если не к концу войны. Вы слышали, вскорости сюда прибудет князь Горчаков. Остается приехать министру финансов и молодой царице с фрейлинами, и нам не до походной жизни.

— Ваше величество, не пугайте меня Рейтерном. В делах финансовых мы с вами не ангелы.

— Победы нашего оружия все простят.

— Будем уповать на волю Всевышнего... Однако, если вы, ваше высочество, главнокомандующий, да чувствуете себя скованным, то я будто сижу на раскаленной сковороде. Мне кажется, что военный министр все время пытается обвинить меня в чем-то.

— Необходимо потребовать от Криденера соображения по взятию Плевны. При сложившейся ситуации, как ни прискорбно, Милютин оказался прав.

Маленький седенький генерал кивал, подобно китайскому болванчику:

— Я свяжусь с генералом Криденером по телеграфу...

В тот же самый час, когда великий князь беседовал с Непокойчицким, в царской квартире Милютин высказывал свое неудовольствие Александру Второму:

— Ваше величество, генерал Криденер допустил непозволительную медлительность. Вместо того, чтобы быстро заняв Никополь, бросить отряд против двухтысячного плевненского гарнизона и овладеть Плевной, он выжидал. Этим и воспользовался Осман-паша.

— Простите, Дмитрий Степанович, мы люди с вами хотя и военные, но не будем вмешиваться в стратегические разработки Дунайской армии. Нам пока не в чем упрекнуть ее штаб. Генерал Гурко уже осуществляет спуск в Забалканье.

— Но это генерал Гурко, а что касается действий Западного отряда Криденера, то его ошибка ох как дорого обойдется Дунайской армии.

— Не надо предрекать, Дмитрий Алексеевич.

— Предвижу, ваше величество. Что же касается генерала Гурко, то с силами, какими он располагает, Передовой отряд без поддержки других отрядов и главных сил армии способен выполнить лишь тактическую

задачу или разведку боем, наконец, военную демонстрацию. А ошибка, если не сказать большее, Криденера, связана с многими жертвами.

— Да, я с вами согласен, Криденер допустил оплошность, но не надо нагнетать обстановку, Дмитрий Алексеевич. В Кишиневе мы имели удовольствие собственными глазами лицезреть отличное состояние Дунайской армии. И, полагаю, великий князь Николай Николаевич сам разберется с генералом Криденером. — И, вдохнув, закончил разговор: — Ах, Дмитрий Алексеевич, знаете, о чем я сейчас подумал? Сегодня мне доставили почту из Санкт-Петербурга. «Русский инвалид» сообщает: в Большом театре идет «Баядерка», а в Мариинском — «Жизнь за царя», в Александринском — «Гувернер», а мы тут, на Балканах, лишены прекрасного...

Глаза 3

Четырехугольник крепостей Силистия-Рушук-Пумов-Варна вызывал серьезную озабоченность у русского командования. Особенно с того дня, когда вместо Абдул-Керим-паши Стамбул назначил главнокомандующим Махмет-Али-пашу.

В районе четырехугольника сосредоточилась семидесятитысячная турецкая армия. Столь значительные силы создавали восточному крылу Дунайской армии непосредственную угрозу. Турки могли в любой момент начать здесь наступление либо ударить по русским тылам в Румынии. Именно из этого исходил штаб Дунайской армии, выдвинув против Восточно-Дунайской турецкой армии Рущукский отряд цесаревича Александра и Нижнедунайский генерала Цимермана.

Перезрелому наследнику российского престола до самого конца войны так и будет суждено выполнять миссию защитного барьера.

Однако не станем слишком жестоко судить дела и поступки императорской семьи, тем более цесаревич выполнял предписание великого князя Николая Николаевича. Последний по-своему был прав. Новый главноко-

мандующий турецкой армией Махмет-Али-паша, взяв в свои руки Восточно-Дунайскую армию, начал готовить ее к наступлению. По его настоятельному требованию Стамбул, сняв с Кавказского фронта четырнадцать таборов пехоты, направил их в распоряжение Махмет-Али-паши. Одновременно тридцать шесть новых таборов формировались внутри четырехугольника крепостей.

К концу июля Махмет-Али, сформировав полевую армию, сосредоточил ее у Разграда...

А от Разграда до Плевны сто двадцать верст.

К Кубанским казакам-пластунам Гурко попал к вечеру, когда остановились на ночевку. Палатку есаула увидел издалека. Она единственная в казачьем биваке. Горели костры, казаки варили ужин. Иные тут же, улегшись на траву, спали. От казанов пахло мясом. Гурко удивился, интенданты давненько не баловали солдат ничем мясным, однако расспрашивать не стал.

Есаул Баштанников, кряжистый казак с убеленной сединами головой, встретил генерала радушно, хлебосольно. Казак внес несколько кусков мяса на шампурах, испеченных на угольях пышек, из плетеной сумы Баштанников извлек бутылку сливовицы.

Гурко покачал головой:

— Знатное угощение, есаул. То-то гадал, отчего генерал Скобелев усиленно зазывал меня к казакам.

— Мясом, ваше превосходительство, мои пластуны сегодня расстарались. В лесу кабана дикого убили, каштанами пасся.

Из-под нависших бровей на Иосифа Владимировича смотрели черные, с косым разрезом глаза. По всей видимости, предки есаула, запорожцы, расстарались, влили в свою кровь какой-нибудь турчанки.

Баштанников разлил сливовицу по глиняным чашам.

— Не обессудьте, ваше превосходительство, по-нашему, по-кубански.

Выпили, есаул крякнул, разгладил сивые усы, протянул генералу шампур.

— Закончим войну, ваше превосходительство, ждем вас к нам, на Кубань. Охота у нас знатная, хоть на кабана, хоть на птицу. А уж рыбалка, да никакая-нибудь рыба, а царская, осетр, белуга. Балыки вялим, икру отбиваем, бочонками солим. — Неожиданно сменил тему: — Как мыслите, ваше превосходительство, одолеем турка к снегам?

— Как воевать будем.

— И то так.

— Скоро надо ожидать прибытия из Черногории новых таборов. Морем плывет визирь Сулейман-паша с войсками, а он военачальник отменный, решительный... — Немного погодя, добавил: — Избави Бог, замешкается генерал Криденер с корпусом у Плевны и турки ее укрепят... Тогда Дунайская армия задержится у Плевны... То же с Шипкой случиться может...

Откинув полог, казак внес пузатый, медный самовар, поставил посреди палатки.

— Пластуны с самоваром? — удивился Гурко.

— В обозе возим, ваше превосходительство. Грешным делом, люблю чайком побаловаться. А заварочка у нас дедовская, с запорожских времен, молодые веточки вишни либо яблоньки. Что под рукой.

Гурко пил с наслаждением. Чай пахнул сливами.

И вспомнилось Иосифу Владимировичу: Москва... Трактир в Охотном ряду... Половые в косоворотках... На столиках блеском сияли громадные самовары, высились горы баранок и клубился пар над чашками...

И сказал Гурко, что тревожило:

— Армии Дунайской до снегов бы через Шипку перевалить, завьюжит, быть беде.

— Казачков наших там недостает. Они бы постарались выбить турок с перевала.

— Здесь, есаул, не разовая операция нужна, Шипку не только оседлать надо, ее удержать требуется, дорогу в долину обеспечить.

— Надеюсь, ваше превосходительство, в штабе понимают это.

Гурко потер виски:

— Предложил я великому князю создать ударный отряд из нескольких сотен драгун и казаков генерала Краснова да ваших пластун и выступить к Шипке. И командовать отрядом поручить Михаилу Дмитриевичу Скобелеву, он ведь без дела.

— Что главнокомандующий?

— Против Непокойчицкий. Однако великий князь генерала Непокойчицкого не поддержал. Поэтому я и у вас. Надеюсь, скоро вам предстоит поступить в распоряжение генерала Скобелева. — Гурко поднялся: — Спасибо вам угощение, есаул.

Балканы! Стара Планина! Мать-Покрова вольнолюбивых болгарских гайдуков...

Едва Передовой отряд вышел из ущелья, и вот они, горы. Высокие, в зеленом лесном массиве. Гранитные скалы, леса, поляны, на которых вольно разросся дикий шиповник. Разлапистые деревья грецких орехов, а у вершин альпийские луга: сочные травы с крупными и мелкими цветами, желтыми, синими, белыми и красными, отчего все казалось застеленным огромным, искусно сотканным ковром.

— Выпаса-то! — вздыхали солдаты.

Вышли к деревне Присово, что в Предбалканьи, где начинался путь в село Хайнкией, полкам дали отдых. Отряд подтянулся, явились болгары-проводники. Гурко собрал командиров:

— На марше не растягиваться, господа. Арьергард поведет генерал Раух. — Иосиф Владимирович перевел взгляд на есаула Баштанникова. — Ваши казаки-пластуны пойдут в авангарде. Следом ваша дивизия, граф. — Посмотрел на генерала Шувалова. — Замкнет колону кавалерия. Где пушкам проходить трудно, пехота в помощь. И еще раз, господа офицеры, ни одного отставшего.

— Ваше превосходительство, — обратился к Гурко Столетов, — пустите наперед моих ополченцев. Они рвутся в дело.

— Похвально, генерал, что вы ратуете за своих воинов. Вам, Николай Григорьевич, после взятия Хайнкией, с 27-м Донским полком держать здесь оборону в случае появления неприятеля.

Поручик Узунов стоял с болгарскими проводниками и хорошо слышал разговор генералов.

— Но, Иосиф Владимирович...

— Никаких «но», Николай Григорьевич. Нам предстоит серьезное дело, и при всем моем уважении к болгарским воинам здесь я могу положиться только на российского солдата. Болгарским воинам еще надлежит обстреляться. Убежден, они еще успеют показать себя, так и передайте ополченцам.

— Иосиф Владимирович, это болгарская земля, дружинники будут биться за нее до последней капли крови.

— Разве мы лишаем их возможности сражаться за свою родину? Их патриотический порыв заслуживает глубокого уважения. Оставляя вас здесь, убежден, в случае наступления противника на перевал болгарские воины и донцы удержат позиции. — И, повременив, добавил: — Вы, Николай Григорьевич, прекрасно понимаете: Хайнкией слабая ниточка, которая на сегодня будет соединять наш отряд с Дунайской армией, когда мы окажемся в Забалканье.

— Разрешите отдать распоряжение, Иосиф Владимирович?

— Поезжайте, не будем терять времени, начнем марш. Да и усачи заждались. — Гурко указал на проводников. — Видите, поглядывают нетерпеливо.

Солнце коснулось вершин деревьев, как труба пропела команду и лагерь ожил.

Столетов отъехал, а Раух кивнул ему вслед:

— Может, Иосиф Владимирович, одну из его дружин пошлем с авангардом?

— Нет. На той стороне перевала я намерен дать простор кавалерии. Конной атакой мы овладеем селением Хайнкией...

В окружении штаба Гурко смотрел, как первыми стали подниматься к перевалу пластуны. Казаки шли легко, подоткнув полы черкесок под узкие наборные пояса... И вот уже первые роты вступили на узкую каменистую тропу.

Осторожно прижимаясь к скалам, уходили солдаты в гору. Тропинка, петляя, вела к ослепительно белеющим вершинам, терялась в угрюмо насупившихся горах, где гулял пронзительный ветер и клочьями зависали на скалах рваные тучи, а под обрывом рокотали бурные реки.

В батареях снимали с лафетов орудия, опорожняли зарядные ящики. Орудийная прислуга готовилась нести пушки на руках.

— Распорядитесь помочь им, — бросил Гурко адъютанту. — Снаряды раздать по ротам. Пусть батальонные пустят наперед кашеваров, возьмем Хайнкией, накормим солдат горячей пищей. Поди, от сухариков зубы поисточились... — Гурко повернулся к штабным офицерам: — Ну-с, господа, пора и нам на ту сторону...

За стрелками, ведя коней в поводу, тронулась конница, а следом к Хайнкиею пошли дружины. Солдаты арьергарда напутствовали их:

— В добрый путь, братушки!

Генерал Столетов отдавал указания своим командирам:

— Первой и пятой дружинам прикрыть выходы на перевал, данную задачу возлагаю на вас, полковник Вяземский. В резерве дружина капитана Попова... За Хайнкией мы в ответе... — Повернулся к начальнику штаба: — Я верю в болгарского воина.

— Разделяю вашу точку зрения, — согласился подполковник Рынкевич. — Убежден, турки не предпримут попыток отбить перевал.

— Подполковник, — прервал Рынкевича Столетов, — мы не можем полагаться только на интуицию. Туркам известны на Балканах все тропы, и кто поручится, что они не попытаются отрезать генерала Гурко от основных сил...

Заходящее солнце косыми лучами тронуло вершину гор. Гурко заметил:

— Пейзаж не для солдата, а для кисти художника Верещагина.

— Пожалуй, — согласился с ним Скобелев.

Иосиф Владимирович приподнялся в стременах, обратился к проходившим солдатам:

— А что, братцы, пожалуй, здесь и шинелишки сгодятся?

— Раскатаем, ваше превосходительство! — ответил за всех бойкий солдат.

Все выше и выше поднимался Передовой отряд в горы. Крутая тропинка местами вилась над самым обрывом. Лошади пугливо косились, храпели. Солдаты жались к увалам. Стоян то и дело поглаживал коня по холке, успокаивал.

Лунная ночь спустилась над перевалом. Небо в крупных звездах и синее. А над Санкт-Петербургом, думает Иосиф Владимирович, звезды мелкие и небо белесое.

Гурко и Скобелев спешились, повели коней в поводу. Иосиф Владимирович спросил:

— Вы, Михаил Дмитриевич, нередко бравируете, со смертью играете. Перед кем красуетесь?

Скобелев рассмеялся:

— Нет, ваше превосходительство, не бравирую я, хочу показать солдатам: бояться пули не следует, на врага надо идти смело. Коли же пуля либо штык достанут, так и умирать надо красиво... А меня не убьют, я в свою звезду верю...

Гурко промолчал, лишь усаживаясь в седло, сказал:

— Нет, любезный Михаил Дмитриевич, смерть может быть и нелепой, и тогда не случиться бы лиху, не подставить бы солдат под пули. А солдата беречь надобно...

Мимо, обходя гору, шла драгунская бригада, за ней потянулась 4-я стрелковая бригада. Солдаты переговаривались:

— Эк, внизу теплынь, а тут, вона, в горах, снега...

— Глаза слепнут, братцы!

— Всю обувку в горах порвали. Вона, сапоги каши просят.

— По такой стежке вниз босыми спустимся.

— Ты еще спустись. Не доведи Бог, турок вон ту гору оседлает и на выбор постреляет.

— Всех до едину положит...

Спуск оказался труднее подъема. Ноги скользили на мелких камнях, от усталости дрожало тело. Жалобно ржали кони, садились на зад, упирались передними копытами в каменистую тропу.

Гурко подбадривал солдат:

— Скоро конец пути, братцы. А там привал, еда горячая, сон. Помните, как суворовские богатыри Альпы-горы одолели. Будем их достойны.

К утру, спустившись с перевала, стрелки заняли оборону, а драгуны и казачья бригада повели наступление на селение Хайнкией.

Никак не ожидали турки на этом перевале русских войск. Державший оборону турецкий табор от удара конницы отступил. На помощь из Твердыни прибыл еще один табор. Но и он был отброшен.

Обеспечив оборону Хайнкиея и дав отряду отдых, Гурко принялся изучать обстановку. По сведениям, главные силы Сулеймана-паши скоро должны причалить в портах, и тогда, конечно, часть их двинется на Передовой отряд. Уже первые таборы из бригады Ариф-паши и Салиля, высадившиеся в Деде-Агача, выступили в направлении Нового Тырново и Семенли.

Черногорская кампания не слишком ослабила армию Сулеймана, морской путь не отразился на солдатах.

Анализируя сложившуюся ситуацию, Гурко пришел к выводу: необходимо как можно быстрее овладеть Шипкой и, соединившись с дивизией, наступавшей из Габрово, остановить Сулеймана-пашу.

Изложив свой план на военном совете, Гурко велел начать подготовку к наступлению на Казанлык, предварительно проведя демонстрацию в Новой Загоре.

— В Новой Загоре, — говорил он, — по данным разведки, располагаются пять таборов, в Казанлыке около десяти, столько же обороняют Шипкинский перевал. Не разбив таборы в Новой Загоре, мы не можем идти на Казанлык. Демонстрацию в Новой Загоре поручаю генералу Рауху.

Во второй половине дня, когда Передовой отряд, подойдя к Хайнкиею и сломив сопротивление турок, вступил в село, Иосиф Владимирович велел позвать Баштанникова. Есаул явился незамедлительно.

— Ваши казаки порадовали меня, — сказал Гурко. — В авангарде они действовали храбро и в горах пробирались, как кошки. У них отличная выучка, есаул. Я непременно сообщу о вашей безупречной службе в Екатеринодар, войсковому правительству.

— Рады стараться, ваше превосходительство!

— А сейчас, есаул, я вернусь к нашему прошлому разговору. Вам с пластунами предстоит двинуться к Казанлыку и вместе с генералом Скобелевым, Орловским полком и болгарским ополчением овладеть Казанлыком. Отсюда откроется дорога на Плевну и к главному Балканскому хребту, к Шипкинскому перевалу. Помните наш разговор? Шипка должна быть в наших руках, ее требуется оседлать, ибо через нее дорога в Забалканье для Дунайской армии...

Не задерживаясь в Хайнкийе, ушли казаки-пластуны, с ними увел болгарское ополчение и генерал Столетов. И не ведал Гурко, что это была его последняя встреча с есаулом Баштанниковым. При взятии Казанлыка есаула Александра Баштанникова сразит турецкая пуля.

Во гневе владыка Блистательной Порты. Узнав о переходе Передового отряда генерала Гурко через перевал, Абдул-Хамид велел казнить Измир-пашу и с ним пять генералов, чьи таборы должны были оборонять Хайнкией.

— Кто заверял меня, что этот перевал непроходим и почему в Долине Роз оказался генерал Гурко?

Замерла жизнь в зале Дивана, и никто из сановников, даже члены тайного совета, не осмеливался нарушать уединение великого султана.

Недвижима стража у ворот. Подобно изваяниям, застыли янычары у кованных причудливым орнаментом двухстворчатых дверей дворца.

Тенью скользят слуги. Тише, чем обычно, звенят струи фонтанов, и смолкло все живое в тенистом саду.

На четвертый день, вызванный повелением султана Абдул-Хамида, министр иностранных дел Турецкой империи Саффет-паша был в неведении, что ожидает его в летней резиденции, что услышит. И может, ожидает его смертный приговор или заточат навеки в башню?

В огромном зале, где стены и потолок отделаны мозаикой из золота и драгоценных камней, а на ветвях поют райские птицы, на низком помосте из слоновых бивней в одиночестве восседал Абдул-Хамид, владыка некогда могучей империи. Прикрыл глаза и не поймешь, спит ли, нет?

Ступил Саффет-паша на пушистый ковер, изломился в поклоне. Однако молчит султан, будто не замечает министра. Но вот дрогнули тонкие пальцы рук, пробежались по полам шелкового халата. Сказал, едва разжимая зубы:

— Саффет-паша, едва последний корабль Сулеймана-паши поднял якорь и отчалил из Дубровников, как горцы снова взялись за оружие. — Абдул-Хамид приоткрыл один глаз. — Австрия и Италия хотят, чтобы Черногория и Сербия подписали с нами мир.

— Но, великий султан, их князья заявили, что ведут войну с Оттоманской Портой в союзе с Россией и находятся под ее высоким покровительством.

Голосом резким, не терпящим возражения, Абдул-Хамид прервал министра:

— Если сербы и черногорцы отказались от мира с Портой, я велю уничтожить всех жителей этого горного края...

В тот же день, после вечернего намаза, султан созвал тайный военный совет, решивший выделить орду в тридцать таборов для продолжения военных действий в Черногории и Сербии.

Был обычный день. Российская печать давала благодушные сводки. Но Гурко знал: в наступлении армии

произошел в последние дни сбой и оттого у Иосифа Владимировича на душе беспокойство.

Отчего, Гурко понятно. Он склоняется над картой Балкан, анализирует проходящие боевые действия и думает о том, что пока турки не оказывают активного сопротивления, всякое промедление наступления Дунайской армии чревато серьезными просчетами...

Действия цесаревича-наследника не подлежат сомнению. Его отряд прикрывает четырехугольник крепостей. Он не позволяет турецкой армии нанести фланговый удар по российской армии... На правом крыле Дунайская армия и дивизии князя Карда идут к Плевне...

Плевна, Плевна источник беспокойства. Здесь, в этом городе турки возводят большие укрепления и сосредоточивают сильный войсковой кулак...

Не доведи Бог, завязнуть Дунайской армии под Плевной и турки укрепят Шипкинский перевал, это грозит, что война может затянуться как минимум до будущего лета...

И Гурко идет к телеграфу, чтобы связаться с главнокомандующим.

Халюсси-паша считал Шипкинские укрепления непроходимыми. Возведенные не только по расчетам военных турецких специалистов, но и европейских, они составляли мощный оборонительный узел.

Всей своей мощью Шипкинские укрепления повернулись к Габрово, откуда Халюсси-паша ждал прихода русских. У Среднего Беклема двухъярусные стрелковые окопы, такие же на горах Индийская стена и Изук-Иушь, на Шипке батарея из трех орудий.

Постоянно Халюсси-паша получал пополнения своим таборам, подвоз продовольствия и боеприпасов. Аллах не оставлял без своего внимания воинство Халюсси-паши.

Однако никак не предполагал Халюсси-паша, что ему придется отражать наступление Передового отряда генерала Гурко с юга...

В штаб Дунайской армии Гурко телеграфировал: «Считаю необходимым ускорить наступление в район Шипки...»

Получив телефонограмму, генерал Непокойчицкий фыркнул:

— Гурко как всегда подает советы.

Но с содержанием телефонограммы Непокойчицкий главнокомандующего ознакомил. Тот долго думал, линейкой измерял по карте расстояние, какое отделяло Передовой отряд от Шипки, потом сказал:

— Пожалуй, генерал Гурко бьет тревогу преждевременно. Артур Адамович, по Шипке мы говорили и дали соответствующие распоряжения и Святополк-Мирскому, и Дерожинскому.

— Что ответить Гурко?

— Мы предоставили командиру Передового отряда свободу действий. Телеграфируйте, пусть действует, а мы поддержим...

И генерал Гурко действовал. Он отправил генерала Рауха с двумя батальонами пехоты и конным полком при трех орудиях к Новой Загоре.

Завязав бой с тремя турецкими таборами и конницей черкесов, Раух фланговыми ударами принудил их к отступлению, а атака черкеской конницы, наткнувшись на конницу русских, захлебнулась. Обеспечив тыл, Передовой отряд навалился на Халюсси-пашу. Несколько раньше, когда Гурко брал Казанлык, к Шипкинскому перевалу двинулся отряд Дерожинского. Он начал наступление со стороны Габрово. Его Орловский полк и Донской казачий при одной батарее имели назначение главнокомандующего: оказать конкретную поддержку генералу Гурко по овладению Шипкой.

Дерожинский прибыл к перевалу ранее Передового отряда. Не став дожидаться прихода Гурко, генерал Дерожинский имел намерение повести основное наступление. Две пехотные роты и две сотни казаков, посланные им, сбили с горы Большой Бедек, расположенной к востоку от Шипкинского перевала, три турецких табора. Этим путем Дерожинский предполагал наладить связь с

Гурко, когда Передовой отряд начнет наступление на перевал с юга.

Неожиданно в проведение этой операции вмешался подошедший к перевалу генерал-адъютант Святополк-Мирский. Командир пехотной дивизии, командовавший Габровским отрядом, он не стал дожидаться Гурко, решил действовать самостоятельно.

Халюсси-паша не ожидал такого промаха русского генерала. Он был убежден, что придется встретиться с объединенными силами.

Халюсси-паша творил утренний намаз, когда явился офицер с докладом, что русские начали наступление от Габрово тремя колонами. Одна шла на укрепления, две другие пытались продвигаться на флангах.

— Подошел генерал Гурко и они соединились? — удивленно спросил Халюсси.

Услышав отрицательный ответ, бородатый, со слезящимися глазами Халюсси-паша воздел руки:

— О, Аллах, ты лишил этого русского генерала Святополка разума. Я побью их поодиночке, сначала эту собаку, какая выскочила наперед своры, Святополка, а потом проучу и Гурко. Пусть не умолкают наши пушки и не опускаются ружья у аскеров, даже когда побегут гяуры этих генералов Дерожинского и Святополка...

Сражение было в самом разгаре. Халюсси-паша видел: скоро русские дрогнут и побегут. Наступит час Гурко. Он, Халюсси, повернет таборы на этого хваленого генерала и посрамит его за Хайнкией...

Иосиф Владимирович вел Передовой отряд к Шипке, когда прибывший связной доложил о развернувшихся событиях. Ярость охватила генерала. Он понимал, к чему может привести провал задуманной операции.

Велев Передовому отряду ускорить движение, он тут же дал распоряжение начинать бой, ориентируясь по обстановке. И когда генерал Гурко повел наступление, он оказался в сложном положении. Перед ним стоял весь Шипкинский отряд Халюсси-паши...

Стоян поднимался в горы со стрелками полковника Климановича. По каменистым лесным тропам их вели два габровских проводника. Болгары ориентировались легко, шли быстро. Перед Узуновым маячила коренастая спина Климановича.

Лес кончился, впереди открылась дорога и турецкие укрепления на Шипке и горе Святого Николая. И тут стрелки увидели, как над турецкими укреплениями подняли белый флаг.

— Они сдаются! — закричали несколько голосов.

— Не выдюжил турок, тонка кишка! — повеселели стрелки.

Полковник засомневался:

— Неужели Халюсси-паша намерен сложить оружие?

— Парламентеры! — подал голос Стоян, заметив офицера с белым флагом...

В сопровождении командира первой роты Климанович направился к турецкому парламентеру. Стрелки с нетерпением ждали их возвращения, переговаривались:

— Шипка не Хайнкией, дорога, гляди, какая!

— Теперь наш солдат валом попрет. Скоро войне конец!

— Удаляется парламентер, и наш полковник ворочается. С чем-то?

— Тихо, послушаем, о чем сказывать будет!

— Поручик, — сказал проходивший мимо Стояна Климанович, — Халюсси-паша капитуляцию готовит. Привал, братцы.

— Ваше превосходительство, — зашумели солдаты, — велите щец сварить.

— Будут вам, братцы и щи, и баня.

Не успели стрелки на привал расположиться, как турецкие укрепления ожили. Загрохотали пушки на Шипке, повели стрельбу из окопов аскеры.

— Они время выигрывали, полковник, — сказал Узунов.

— Ах, чертовы башибузуки, — закричали солдата, — пойдем, братцы в штыки!

Климанович поднял стрелков. Турки встретили их отчаянной контратакой. Куда ни кинет взгляд Стоян, из-за укрытий, за камнями-валунами, в горах, как маки, цвели их фески.

Стрелки катились цепью. На них набегали турки. Вот они сошлись в рукопашной.

Смерть опахнула Стояна. Она была совсем рядом. Он, Узунов, чуял ее, но страха не успел ощутить. Поручик разглядел свою смерть. Она появилась перед Стояном в образе красивого офицера с добрым, совсем не злым лицом.

Не успел поручик скрестить с ним саблю, как турок ловким ударом выбил ее из руки Стояна, занес над ним свой ятаган.

Тут бы и принял смерть поручик Узунов, но подоспел стрелок. Длинным выпадом он вонзил штык в грудь турецкого офицера, и сам упал, сраженный чьей-то пулей.

Стоян подхватил ружье и вместе с другими стрелками ворвался в укрепление...

Ночью Халюсси-паша, бросив лагерь и раненых, девять орудий и запасы боеприпасов и продовольствия, горными тропами бежал к Филиппополю.

Узнав об этом, Гурко послал санитаров для сбора раненых. Печальная картина предстала перед ними, повсюду валялись люто казненные русские солдаты.

— Головорезы, истые головорезы! — негодовали солдаты и казаки.

Оставив на Шипке Орловский полк с бригадой, Иосиф Владимирович отвел Передовой отряд в Казанлык, где должен был, дождавшись пополнения, продолжить наступление на Адрианополь...

Когда императору доложили о действиях Передового отряда, он заявил:

— Я всегда ценил военный талант генерала Гурко, он достоин звания генерал-адъютанта.

Передовой отряд стал биваком у Казанлыка. Солдаты устанавливали палатки, драгуны и казаки стрено-

жили лошадей, пустили на выпас, задымили походные кухни, сапожных дел умельцы подбивали подметки, латали сапоги, солдаты штопали одежду. Иные, уставшие от боя и уморенные переходом, спали в тени деревьев, и только караульные несли дозорную службу...

А в крайнем, просторном доме, где разместился штаб отряда, генерал Гурко, разложив на столе карту, при свете восковой свечи вглядывался в карту Балкан. Она помечена знаками, ему одному понятными...

Вот Задунайская земля... Большая часть ее уже освобождена от турецкого владычества. Но сколько еще предстоит прошагать российскому солдату, сколько сражений впереди...

Сегодня явился к нему болгарин, бежавший из Плевны, рассказывал: Осман-Нури-паша город укрепляет и гарнизон у него до трех десятков тысяч доходит. Проглядели Плевну, когда она сама просилась в руки, стояла, нараспашку ворота открыв... А кто повинен? Генерал Криденер и штаб армии. Вот и натолкнется теперь Дунайская армия на серьезное сопротивление Плевны.

Оторвавшись от карты, Иосиф Владимирович полез в карман мундира, достал письмо из Санкт-Петербурга, от Василия. Оно было еще прошлого месяца и читаное им не один раз. Но каждый раз Гурко будто разговаривал с сыном, видел его...

Иосиф Владимирович кашлянул. Убедившись, что начальник штаба не спит, заговорил:

— На наш запрос о пополнении отряда штаб армии молчит. Думаю, они отказались от наступления на Адрианополь.

Нагловский ответил:

— Согласен с вами, Иосиф Владимирович. Как бы это не было связано с прибытием таборов Сулеймана.

— Весьма возможно... Но это, Дмитрий Степанович, одна сторона медали, беспокойство у меня вызывают и Шипка, и Плевна. Насторожил особенно сегодняшний разговор с болгарином. Наш штаб армии проворонил, Осман-Нури вошел в Плевну. А раз он город укрепляет, значит, у него далеко идущие цели.

— Я тоже думал о том.

— И Шипка заставляет решать задачи. Мы ее с вами, Дмитрий Степанович, взяли, а главнокомандующий со штабом наши успехи не закрепили, и как бы турки этим не воспользовались... А Плевна нам может стать поперек горла. Я уже о том телеграфировал великому князю... Обстановка складывается серьезная...

Нагловский подсел к столу, надел очки:

— Что предлагаете, Иосиф Владимирович?

— Пожалуй, Дмитрий Степанович, получи мы подкрепления, ударом Передового отряда по направлению на Адрианополь могли бы оттянуть на себя часть таборов Сулеймана, все бы меньше их концентрировалось в районе Шипки.

— Передовой отряд требует отдыха и пополнения, Иосиф Владимирович, а в нашем положении мы разве что опрокинем таборы Сулеймана-паши, но продолжать наступление, значит, заведомо обречь операцию на поражение.

— Мы, Дмитрий Степанович, это понимаем, но прислушается ли к нам штаб армии...

Спит Казанлык, спят утомленные солдаты, но бодрствуют караулы и дозоры. Не спится и генералу Гурко. Расстались с начальником штаба, лег, а сон не идет. Ворочается, не покидают голову мысли. Отстучал телеграф его, Гурко, соображения к главнокомандующему, но ответа нет. Ему бы пополнить Передовой отряд и из того исходить в дальнейших действиях... Планы, планы... Их он строил, когда на перевал вел отряд, проигрывал со штабом, а в Забалканье оказались в неведении... Нет согласованности с главным штабом. Он понимает: в таком положении марш на Адрианополь, блеф. Но что он мог бы предложить? У него уже есть своя точка зрения на дальнейшие операции. Если прибудет пополнение, он оставит в Казанлыке часть болгарского ополчения и сделает с Передовым отрядом отвлекающий маневр, оттянет на себя таборы Сулеймана-паши, а тем временем главные силы Дунайской армии, перевалив через Шипку, вступят в Забалканье. Тогда он, Гурко, сыграет роль авангарда.

Прежде чем предложить такой план на эту стратегическую операцию, Иосиф Владимирович посоветуется с командирами своего отряда, обсудит предстоящий маршрут, возможные узлы сопротивления, силы противника. Наступление на Адрианополь должно разворачиваться стремительно, предварив высадку всех войск Сулеймана, не дав им сосредоточиться. Закрепить успех Передового отряда немедленно должны главные силы армии...

Гурко садится, трет виски. Знает, Нагловский тоже не спит. Садится, говорит:

— Завтра, Дмитрий Степанович, я выскажу вам свои мысли.

Вышел во двор. Солдатский бивак еще спал, но драгуны уже повели на водопой коней, кашевары растапливали кухни, задымили трубы походных печей.

Гурко прошелся по лагерю. Следом за генералом шагал адъютант штаба. Иосиф Владимирович обернулся:

— В восемь часов вызовите всех командиров частей.

Начинался рассвет, посветлело небо и погасли звезды. Солнце еще не взошло, но его недалекий рассвет чувствовался и по росистой траве, и по свежему запаху леса. Рассвет коснулся близких гор, пробежал от вершин до подножий.

Заиграл трубач и лагерь ожил...

Иосиф Владимирович уважал точность исполнения, и это знали его подчиненные. Совещание не было долгим. Доклад был коротким и четким. Охарактеризовав сложившуюся обстановку, начиная от взятия Шипки и отступления Халюсси-паши, Гурко, сначала намеревавшийся поделиться своими соображениями на будущие действия отряда, воздержался. Решил подождать ответа из штаба армии.

Его поддержали. Все склонялись к тому, что, поскольку адрианопольский план потребовал изменения, надо услышать мнение главнокомандующего, а казачий генерал Краснов с хитрым прищуром подметил:

— У нас, господа генералы, так говорили: полезла баба в воду, да не знала броду.

Вскинул брови Раух:

— У вас, Даниил Васильевич, юмор висельника.

— Нет, господа, — прервал их Гурко, — мы брод знали и свою задачу выполнили, вышли в Забалканье, а второй этап, повремените, я изложу вам, когда свяжусь с главным штабом.

— С решением генерала Гурко полностью согласен, надо подождать, какой будет ответ великого князя, — заметил генерал Нагловский.

Гурко поддержали Шувалов и остальные.

Иосиф Владимирович молчал, хмурился. Наконец сказал:

— Господа, здесь медлить нельзя, однако Передовой отряд в такой ситуации, что мы вынуждены дождаться решения главного штаба.

Осман-Нури-паша немногословен и суров. Это могли бы подтвердить сотни башибузуков и черкесов, вздернутых за то, что отказались рыть траншеи и носить камни. Теперь эти ослушники висели на устрашение другим и их остекленевшие глаза не видели, как располагаются на окружавших Плевну высотах аскеры Османа-Нури.

Осман много учился и много знал. Плевна входила в его далеко идущие планы. Мудрость и опыт подсказали ему: сердер русских, великий князь Николай Николаевич допустил большой просчет, когда вовремя не усилил Передовой отряд. Этот генерал Гурко, по твердому убеждению Османа-Нури, представляет для Порты самую серьезную опасность. Он, как волк, выскочил вперед стаи, и, может такое случиться, ухватит за горло империю.

Осман-Нури сделал свою ставку на Плевну. Он хотел предложить свой план войны сердер-экрему, но главнокомандующий засел в Восточно-Дунайской армии.

Тогда Осман-Нури направил план сераскиру и теперь ждал ответа военного министра, а пока, не теряя времени, готовился оборонять Плевну.

Осман-Нури-паша носит план в своей много знающей голове, прикрытой алой феской. Он уверен: согла-

сись с ним тайный военный совет и русская армия будет отброшена за Дунай.

Согласно плану Осман-паши, он, Осман, двинется через Ловчу на Тырново, а Восточно-Дунайская армия должна подойти к Тырново со стороны Шумлы. Таким фланговым ударам русские не смогут противостоять.

Какое решение примет светлый султан? Пока же пускай генерал Криденер разобьет свою пустую башку о Плевну. До сих пор для Османа-паши загадка, что скрывает душа командира 9-го корпуса русских: хитрость или трусость? Но как бы там ни было, а он, Криденер, медлителен, как поганая баба, а это на пользу Порте.

В штабе главнокомандующего Дунайской армией ничто не предвещало неприятностей. Лишь военного министра одолевала смутная тревога.

Милютин не преминул поделиться сомнениями с канцлером Горчаковым. Тот посоветовал обратиться к императору, но военный министр рассказал о разговоре с Александром накануне, когда речь зашла о Криденере...

В Главной квартире императора царила праздничная обстановка: Шипкинский перевал взят, Передовой отряд готовится к новой наступательной кампании. Генералу Криденеру, попросившему дать отдых своему отряду, начальник штаба генерал Непокойчицкий предписал с целью разведки выслать к Плевне казачью бригаду Тутомлина, а генералу Шильдер-Шульднеру с 1-й бригадой 5-й пехотной дивизии, четырьмя батареями и ротой саперов перейти в Бреславицу, чтобы оттуда, «если не встретит особых препятствий», двинуться к Плевне.

Для совместных действий с Шильдер-Шудьднером к Плевне из Турско-Трестянины должен был подойти 19-й Костромской полк с батареей.

В целях их охранения главнокомандующий выделил Кавказскую казачью бригаду, 9-й Бугский уланский и 9-й казачий полки.

Не имея данных разведки, достаточно попетляв по дорогам (напутали карты) и не ведая, что еще утром

19 июля Осман-паша вступил в Плевну и теперь ждет подхода русских, Шильдер-Шульднер продолжал путь.

И каково же было изумление этого генерала, когда ему донесли, что перехваченная конная разведка противника рассказала о прибытии в Плевну Осман-паши.

Теперь от Шильдера-Шульднера требовалось провести обстоятельную рекогносцировку, собрать все сведения о неприятеле и, установив превосходство его сил, дождаться подхода всего Западного отряда.

Однако Шильдер-Шульднер не изменил полученного накануне плана. К вечеру 19-го июля его девятитысячный отряд подступил к Плевненским высотам.

Перед ним в полной готовности стояла турецкая армия: на высоте Янык-Баир фронтом на север развернулись главные силы Осман-паши — девять таборов с пятью батареями; на этой же высоте фронтом на восток, к Гривице, — три табора с батареей; восточнее Опанцы, на высоте — батарея и два табора; один табор при трех орудиях для прикрытия Ловчанского направления занял позицию южнее Плевны; восточнее Плевны Осман-Нури-паша сосредоточил резерв.

Шильдер-Шульднер решил атаковать высоты и взять Плевну.

Наблюдательный пункт Осман-паши на Янык-Баире. Со вчерашнего дня тот не покидает его. По ночным шумам, улавливаемым во тьме, Осман-паша догадался: русские готовятся наступать.

Предчувствие скорого боя поднимало настроение. Он знал: перед ним неприятель, располагающий силой, вполовину меньшей, чем у него. А врага, дерзнувшего атаковать пусть недостаточно, но все-таки подготовленные к бою укрепления на высотах, Осман-паша уважал.

В своей победе Осман-паша нисколько не сомневался. Только бы генерал Шильдер-Шульднер не стал дожидаться подхода главных сил Западного отряда. И хотя Осман-паша еще не совсем освоился на высотах — укрепления нуждаются в ремонте, надо строить новые —

он не только остановит наступление Шильдер-Шульднера на Плевну, но и наголову разгромит его отряд.

И Осман-паша просит Аллаха, чтобы этот русский генерал не раздумал атаковать плевненские укрепления. Но нет, кажется Аллах милостив к Осману, если судить по движению в стане русских, Шильдер-Шульднер готовится к атаке...

Начало светать. В Плевне муэдзин с высокого минарета заунывным голосом звал правоверных на утренний намаз. Осман-паша опустился на коврик, приложил ладони к груди, сотворил молитву.

— Ли илаху илла-иллаху!*

Поднялся, воздел руки.

— Аллах всемогущ, — сказал он и велел обстрелять из орудий позиции русских.

Не успели батареи открыть огонь, как загрохотали пушки противника. Осман-паша на время удалился в укрытие. Ему принесли чашку черного кофе. Крепкий, с плотной пеной, он сохранял густой аромат.

Кофе взбодрил Осман-пашу.

«Батареи гяуров замолчали», — заметил он и вернулся на наблюдательный пункт.

Ему доложили: русские повели наступление на центр и правый фланг силами пехотной бригады. На левом крыле, вдоль шоссе Плевна — Рушук замечено движение Костромского пехотного полка. Его прикрывает полк донских казаков.

Чуть позже новые сведения: казачья бригада прорывается в тыл с юга.

Но Осман-паша спокоен. Разве есть у Шильдер-Шульднера резервы, которые он бросит в последнюю минуту в бой? Каким бы ни был сильным натиск русских, они выдохнутся.

Приложив к глазу зрительную трубу, Осман-паша видит, как батальоны архангелогородцев и вологодцев густыми колонами, поротно, под сильным ружейным огнем переходят овраг, поднимаются на высоту.

Осман-паша даже лица солдат успевает разглядеть.

---

* Нет Бога кроме Аллаха! *(тур.)*

На русский батальон накатился табор, ударили в штыковую. Русские стрелки рвутся к батареям на Янык-Баире.

— Мой господин, — просит слуга, — удалитесь в безопасное место.

Но Осман-паша невозмутим. Его не взволновало известие, что русские на левом фланге достигли Плевны. Он зло усмехается: «Кем пополнит русский генерал свои потери? Кого он введет в бой?»

Осман-паша отдает должное храбрости русских солдат. Он даже говорит сам себе:

— Хорошо бьются урусы, не прячутся от смерти.

И он посылает против вологодцев и архангелогородцев один из лучших полков янычар, обстрелянных в Сербии.

Теперь Осман-паша наблюдает с любопытством схватку. Они сошлись в рукопашную и никто никому не уступает. Высота покрылась убитыми и ранеными.

Бой не стихает. Уже солнце на полдень встало, прискакал офицер, соскочил с коня:

— Великий визирь, левый фланг дрогнул. Русские ворвались в наши траншеи.

— О, шайтан!

Вскочил в седло, пригнулся к гриве. Издали увидел, как бегут османы.

— Стой!

Рубил саблей своих, давил конем, пока аскеры не остановились. Погнал назад, как стадо баранов, туда, где кипел бой. Не слезая с коня, ждал, когда аскеры пойдут в атаку. Потом подозвал адъютанта:

— Приведите им в помощь табор из резерва.

Сражение за Плевну начало затихать.

— Хвала Аллаху, у урусов нет солдат, чтобы продолжать атаки. — Осман-паша повернулся к штабным офицерам: — Но и мы не можем преследовать отходящего противника. Наши аскеры выдохлись, урусы пощипали их изрядно. Урусы дрались храбро и достойны уважения. Прикажите зарыть мертвых.

Потом долго смотрел в подзорную трубу, как уходят от Плевны русские полки. Наконец, оторвавшись, сказал:

— Они еще вернутся, но теперь уже с большими силами. Надо крепить высоты.

Под Плевной гремели пушки и в пороховом дыму сходились в штыковую батальоны, а в Казанлыке мирно грело солнце и усталые от штурма Шипки блаженствовали солдаты. Весело горели печи полковых кухонь и топились бани.

Генерал Гурко в ожидании ответа перегруппировывал отряд. Собирал данные, высылал разведки по местам предполагаемого наступления, устраивал военную демонстрацию.

Пришло в Казанлык болгарское ополчение. Шли с песней:

Ой вие, болгари юнаци,
Вие вов Балкана сте родени!

Поручик Узунов не скрывал удовлетворения — он снова у генерала Гурко и с ним его друзья, дружинники, а с ними генерал Столетов.

За обедом Кесяков обратился к офицерам:

— Господа, я спрашиваю, что было бы с нами, болгарами, с нашей родиной, если бы не Россия?

За столом слушали внимательно, а полковник продолжал:

— Физическое истребление нашего народа и нашей культуры... Да-да, именно физическое. И не только болгар, но и других братских балканских народов.

— Ты правду говоришь, подполковник. Когда нам трудно, мы знаем: есть держава, готовая подать нам свою братскую руку. Это Россия. Она наша совесть, будущее нашей свободной Болгарии. И будет проклято имя того, кто предаст забвению великодушие народа российского.

Выпив ракии, принялись шумно вспоминать Петербург, товарищей, завели речь об ополчении: провозгласили тост за возрождение войска болгарского.

Капитан Николов увидел Узунова, направился к нему:

— Стоян, я привез вам поклон от тетушки Параскевы. — И склонившись, шепнул: — А особо от Светозары.

Стоян обрадовался:

— Вы серьезно, капитан?

— Настолько серьезно, что начинаю подозревать, уж не влюблена ли она в вас, поручик.

— Спасибо, капитан, не знаю, как Светозара, а мое сердце осталось в Систово.

Николов строго глянул на него:

— Хочу предупредить вас, поручик, Светозара не пустая девица, берегите ее честь.

— Капитан, я не считаю себя вертопрахом.

Райчо смягчил резкость:

— Я вижу в вас порядочного человека, поручик. Простите, а к Светозаре я отношусь как к дочери. — Райчо поднялся, сказал, обращаясь к товарищам: — Когда я покидал Систово, тетушка Параскева наделила меня прекрасным сыром, который варила сама. И, конечно, я привез изрядный бочоночек доброй сливовицы.

— Господа, налейте в свои стаканы ракии и выпьем за прославленного генерала Гурко. Рад, что мы снова в его отряде, — Стоян поднял чашу. — А сливовицу, капитан Николов, поберегите до вступления в Новое Тырново.

— До Нового Тырново! — зашумели остальные.

«Любезная матушка — Росица! От скверной, слякотной весны Санкт-Петербурга, как я вам сообщал, попал я в прекрасный уголок вашей чудесной родины. Воистину, если есть рай на земле, то он находится здесь. Так думал я в тот час, когда попал сюда впервые.

Цвели сады, и все в округе зеленело сочно и ярко. Тихо и ровно гудели пчелы, и сладко пахло медом. — Стоян снял мундир, вытер лоб, снова взялся за перо. — Совсем недавно с помощью ополченца, преданного дружинника, мне удалось побывать в вашем родном селе. Оно, дорогая матушка, все такое же маленькое и каменистое. По-прежнему молодые девушки ходят с кувши-

нами к прозрачному и холодному роднику, а по вечерам поют песни, такие же красивые, как и они сами. Песни все больше печальные, думаю, оттого, что тяжело сложилась жизнь у этого трудолюбивого и доброго народа.

Я спрашивал, не помнит ли кто вас, матушка, но всюду встречал отрицательный ответ. И только одна на старух вспомнила юную Росицу, которую гвардейский офицер увез в Россию.

И когда я назвался внуком той Росицы и гвардейского офицера, радости не было предела. В тот вечер у меня перебывало в гостях все село и меня звали к себе. Я сердцем понял, что все они — мои родственники....

От Василька получил письмо, описывает свою поездку на Кубань, к казакам.

И еще о чем хочу известить вас, матушка Росица. За Дунаем, в Систове, городе, повстречал я юную, чистую, как светлый день, Светозару...

Любовь ли это, пока не утверждаю. Но, когда я думаю о Светозаре, у меня тепло и ласково делается на душе. Я слышу ее ласковый голос, звонкий, как ручей, вижу ясный взгляд и большие, черного бархата ресницы. Она улыбается добро, и мне хочется, чтобы у нее родилось обнадеживающее меня чувство.

Баталии наши проходят успешно, и генерал Гурко готов вести нас вперед...»

Поручик поставил точку в письме к бабушке, вложил в конверт, подписал адрес, подумав, что скажет она, узнав о Светозаре?

Удивления достойно то спокойствие, с каким встретили в ставке главнокомандующего неудачу под Плевной. Получив телефонограмму от Криденера, начальник штаба Непокойчицкий потряс седой головой:

— Как отошли, так и воротятся.

А великий князь Николай Николаевич развел руками:

— Две тысячи, скажу вам, многовато, но в бою жертвы неизбежны. Постараемся к 30 августа овладеть Плевной, поднесем подарок ко дню рождения государю.

Прибыв в Главную квартиру императора, Николай Николаевич был невозмутим и спокоен. Царь дожидался его в присутствии военного министра, канцлера, свитских генералов.

— Дорогой брат, — сказал великий князь, — я понимаю ваше огорчение, но на войне всякое бывает. Тем более под Плевной действовали наши малые силы. Теперь пошлем на Османа барона Криденера.

— Генерал-лейтенант упустил момент. Почему его не было там, когда солдаты Шильдер-Шульднера прорвались в город и почти овладели высотами? — вмешался в разговор Милютин. — Введи он в бой резервы, и над Плевной сегодня развевался бы наш флаг. Вообще както странно, что генералы упускают победы.

— Плевна будет взята, — резко ответил великий князь. — Штаб готовит новый план.

— Упускаем время. Дали возможность Осман-паше укрепиться. Надеюсь, ты исправишь положение? — спросил Александр у брата.

— Непременно, ваше величество. И в ближайшее время.

— Помилуйте, но нам не следует забывать политику и печать, — подал голос Горчаков, — По псводу нашей плевненской неудачи лорд Биконсфилд уже откупорил шампанское, а рейхсканцлер Бисмарк отправился стрелять дичь.

— Я несу ответственность за Россию и армию, следовательно, мне необходимо побывать среди солдат, — заметил император.

— Чуть позже, ваше величество, — великий князь даже привстал от неожиданности.

— Ты считаешь положение на фронте столь сложным и опасным?

— Нет. Но это будет сковывать деятельность ставки.

— Условимся, Ставка в Тырново, а Главную квартиру перенесем в Белу. И незамедлительно.

Великий князь рассмеялся:

— В Белу, в полевой госпиталь, перебралась и баронесса Юлия Вревская. Она служила в Яссах, в госпитале сестрой милосердия.

Император поднял брови:

— Жена покойного барона Ипполита Александровича? Грациозна и недурна. У нее какая-то связь с сочинителем Тургеневым. Мда-а, горький урок старикам — не надо жениться на юных созданиях, — император фыркнул.

Цинизм императора покоробил Милютина. Он глянул на Горчакова. Министр иностранных дел смотрел в окно.

Александр поднялся:

— Как бы ты меня ни убеждал, — император обратился к брату, — я должен побывать у солдат, своими глазами увидеть, как идет подготовка к взятию Плевны. — И уже ко всем присутствующим: — Прошу к столу.

Реплика Горчакова о лорде Биконсфилде, откупоривающем бутылку шаманского, и Бисмарке, отправившемся стрелять дичь, имела под собой основания.

Треволнения, доставленные победами русского оружия в русско-турецкой войне, вызвали всеобщее замешательство в Европе.

В палате лордов лорд Дерби, размахивая тяжелой тростью, брызгал слюной:

— Под угрозой мощь Британской империи. Штык русского солдата еще немного и упрется в Стамбул. Русские проникли в Туркестан, мы позволяем им прикоснуться к жемчужине Британской короны — Индии.

Лорд Биконсфилд совещался с королевой Викторией. Англия ограничилась военной демонстрацией и усилением активности британского посла в Стамбуле.

И вдруг, после разуверений в возможности сопротивления Порты, первая удача Осман-паши. А вслед за ним переходит в наступление армия Сулейман-паши.

Европейские газеты (а к войне были допущены тридцать корреспондентов от сорока пяти газет мира) запестрели бойкими статьями с театра военных действий. Прикомандированные к русской Ставке, корреспонденты (шпионы по совместительству) французским «Наполеоном» и английским виски развязывали языки высшим штабным офицерам. Военная тайна переставала быть тайной.

Посол Британии Лайард щедро информировал военный совет Порты о всех задуманных операциях штаба Дунайской армии.

По-иному воспринял плевненскую неудачу генерал Гурко. Получив это известие, он долго смотрел на карту Балкан, потом сказал своему начальнику штаба:

— К нашему огорчению, Дмитрий Степанович, предчувствия наши сбылись. Осман-паша преподнес великому князю и Главному штабу урок. Горько, что он обходится Дунайской армии немалыми жертвами. Боюсь, на этом наши неудачи не закончились. Помните, мы с вами уже вели об этом разговор?

Вошел генерал Раух, подсел к столу. Понял, о чем идет разговор:

— Неужели не предвидели?

— Да уж как сказать. — Гурко пригладил бороду: — Убежден, на этом наши неудачи под Плевной не закончились. Она задержит Дунайскую армию на северной стороне Забалканья.

— Ваше предложение, если бы вас, Иосиф Владимирович, спросили? — задал вопрос Раух.

— Только длительная осада Плевны. — Гурко повернулся к Нагловскому: — А помните, как намедни я вам, Дмитрий Степанович, излагал, в случае прибытия к нам подкрепления, свой план действий Передового отряда?

— Не забыл.

— Так вот, воистину говорят, человек предполагает, а Господь располагает. Однако нам помеха не Господь, а главнокомандующий со штабом. — Замолчал, склонился над картой.

Чуть погодя Раух снова спросил:

— Ваше мнение, Иосиф Владимирович?

— В данном случае, оно зависит от Главного штаба.

— Значит, будем дожидаться распоряжения...

А оно не заставило долго ждать, поступило к вечеру. Великий князь рекомендовал пехоте далее долины Тунджи не ходить, а кавалерии активизироваться...

Главная квартира императора в дни переезда напоминала кочующую орду. Разве что не гнали гурты скота и не скрипели кибитки.

Государев поезд растянулся на версту. Коляски императора и многочисленной свиты, усиленный конвой из казаков лейб-гвардии с Дона и Кубани, уланы и драгуны пылили по дорогам Румынии и Болгарии.

За государем следовали адъютанты в генеральских эполетах, первые чины двора, обергофмейстеры, обер-егермейстеры, вторые чины двора, гофмаршалы, гофмейстеры, камергеры, врачи и огромный штат лакеев и слуг. Катились экипажи военного министра и министра иностранных дел. Оторванные от своего аппарата, лишенные своевременной информации и возможности своевременно вмешиваться в дела министерств, они нередко просто присутствовали при Александре Николаевиче.

Обоз в триста телег, груженный всяким так необходимым для его величества и свиты скарбом, тянули тамбовские битюги. А чтобы не скрипели колеса, везли в обозе для смазки ступиц несколько бочонков дегтя.

А спросить у российского императора любопытства ради: что погнало его из петербургских дворцовых палат в столь далекий и лишенный комфорта вояж? Скажи государю, что ему надлежало бы из Санкт-Петербурга следить за военной кампанией, и царственная особа взглянула бы на такого советчика, как на безумца. Он — император и его присутствие на театре боевых действий, как он мыслил, положительно влияет на ход войны.

Никто не пытался разубедить в этом российского самодержца. А когда главнокомандующий при всей своей посредственности утверждал, что чувствует ответственность за безопасность царствующего брата, он, мягко говоря, лгал. Императору ничего не грозило ни в Румынии, ни в Болгарии. Его главная квартира ближе чем на семьдесят верст к фронту не приближалась, разве что поездка под Плевну, и охранял ее крепкий караул...

И хотя стоит его имени собор в Плевне, но не только Александру возводил этот храм народ болгарский. Геро-

ев российских поминая, укладывали строители кирпич за кирпичом.

Александр Второй был император незаурядный, владеющий несколькими языками, достаточно хорошо знавший государственное право и финансы, он получил от своего папаши императора Николая Первого огромный, давший основательную течь корабль, именуемый Россией. Он нашел в себе силы и, окружив престол людьми недюжинного государственного ума, заботами и радетелями интересов российских, удержал корабль на плаву и занялся его капитальным ремонтом. В том ему опорой были Горчаков, Рейтерн, Милютин и иные сановники.

Российская действительность требовала реформ. Обнажившаяся в Крымскую войну экономическая и политическая отсталость ускорила процесс перехода России к буржуазному укладу жизни...

Но поднимался на борьбу рабочий люд, крестьяне пускали помещикам красного петуха, родилось тайное общество народников «Земля и воля», оно готовилось к террору. Заговоры и бомбы против императора и его сановников считались высшим проявлением революционности.

Весьма возможно, отправившись на Дунай, царь, сам не ведая того, задержал свою смерть.

На «царский валик», как называли солдаты высоту, с которой император наблюдал за боевыми действиями под Плевной, Александр Второй прибыл с многочисленной свитой. Между Тучинским оврагом и деревней Радищево с колясок пересели в седла, добрались до высоты. Государю поставили походный стульчик, подали подзорную трубу.

Он внимательно всматривался в плевненские укрепления, хмыкал, качал головой, наконец сказал, ни к кому не обращаясь:

— Фортеция знатная. — Обернулся к Милютину и главнокомандующему: — Дмитрий Алексеевич, странно, как Осман-паше удалось в столь короткий срок воз-

вести этакие сооружения? Видели, две новые линии редутов, экий высоченный бруствер, траншеи, блиндажи, батареи, окопы?

— Ваше величество, Осман-Нури-паша — лучший из лучших турецких генералов. Я придерживаюсь правила: противника лучше переоценить, нежели недооценить.

— Что ты скажешь, брат? — царь перевел взгляд на великого князя Николая Николаевича.

Главнокомандующий предпочел отмолчаться. К высоте подкатил громоздкий фургон. Проворные лакеи накрыли здесь же царский столик на три куверта. За обеденным приготовлением следил ведавший царской кухней генерал.

Александр Второй от ухи с форелью отказался, но охотно пропустил стопку анисовой водки.

— За удачный штурм Плевны! Как, Дмитрий Алексеевич?

— Дай-то Бог, ваше величество.

— А, Николаша?

— Разнесем, — пробасил главнокомандующий и выпил вторую стопку.

Милютин укоризненно взглянул на великого князя:

— Поменьше бы потерь.

Царь усмехнулся:

— Богом определено, кому жить, кому раненым быть, а кому и на поле брани голову сложить.

— Согласен, — посмел вставить Милютин, — однако, не помедли мы ранее, сегодня не стояла бы Плевна на нашем пути.

— Вы имеете в виду нерасторопность генерала Криденера?

— Да, ваше величество.

Великий князь промолвил, насупясь:

— Генерал Криденер ответил за свои действия.

Александр Второй не стал продолжать разговор, принялся за пышущий жаром бифштекс. Ел не торопясь, отрезая малыми кусочками.

— В бифштексах англичане преуспели, — заметил он.

Великий князь сказал:

— Что до меня, то я предпочитало пожарские котлеты.

— Уж не для того ль ты, Николаша, в Бухарест наведывался, чтоб отведать сочных котлет? — царь хитро прищурился.

— Донесли, канальи, — расхохотался великий князь. — Был грех, встречал петербургских императорских театров прима-балерину Числову. Неравнодушен к балету.

— К балету ли? — царь поднялся, отрезал сухо. — Дальнейшие диспозиции за вами, главнокомандующий и за штабом Дунайской армии.

И сызнова плевненская неудача.

Второй штурм Плевны и армия, натолкнувшись на глубоко эшелонированную линию обороны противника, понеся большие потери, отходит. На совещании в главном штабе великий князь сказал:

— Будем готовиться к новому штурму. Подтянем резервы, усилим артиллерию. Готовьтесь, господа. Государь остался нами недоволен.

Пока Иосиф Владимирович Гурко разбирался в предыдущих советах главнокомандующего, из штаба армии новая телефонограмма с приказом: на Адрианополь не выступать, ибо неудачная плевненская операция не позволяет главным силам выйти в Забалканье.

Одновременно штаб армии уведомил генерала Гурко о прибытии в Адрианополь всех войск Сулейман-паши...

Напившись острого кваса, что готовил ему денщик Василий, Гурко лег на жесткий топчан, укрылся шинелью. Мысли не покидали голову.

Осман-Нури-паша приковал Дунайскую армию к Плевне, и теперь Передовой отряд предстал один на один с армией Сулейман-паши. Остается не дать Сулейману прорваться через перевал и соединиться с Осман-пашой...

Размышлял генерал Гурко и не ведал, что султан Абдул-Хамид уже подписал фирман о назначении главнокомандующим всеми балканскими войсками Сулейман-пашу...

Иосиф Владимирович продолжал думать о том, что прежде чем закрыть пехотой и артиллерией Шипкинский перевал, не пустить через Балканы таборы Сулеймана, необходимо бросить в рейд Казанский и Астраханский полки. Они устроят диверсии на железной дороге и проведут разведку...

Накинув шинель, Иосиф Владимирович вышел. Звездное небо и свежо, а днем от жары изнываешь. Душисто пахло маслом казанлыкской розы и созревающими яблоками. Год урожайный удался, ветки гнутся. И виноград налился янтарным соком, много крестьяне надавят вина. Даст Бог, ныне не отберут турки его у крестьян, не увезут бочонки в туретчину...

А Стояну в эту ночь снилось, будто он в Петербурге, в комнате у бабушки. Графиня Росица грозит внуку пальцем и строго говорит: «Сердцем почувствуй, любовь ли это. Люби, как твой дед, граф Петр. Он взял меня в жены, презрев пересуды».

Бабушка что-то шептала, ласково гладила ему волосы. Руку бабушки сменила рука Светозары. Светозара, как наяву, стоит перед ним. Большими глазами она смотрит на него и спрашивает: «Что знаешь ты о моей любви? Готов ли взять меня в жены?»

«Готов! Готов! — хочет крикнуть Стоян и просыпается. — Бабушка, верно, получила мое письмо, — думает он. — Одобрит ли она меня или пришлет кучу назиданий?..»

Бабушка сказала: «презрев пересуды». Не избежать и мне злых языков, а если привезу Светозару в Петербург...

Что же, пусть позлословят, разве побоюсь я этого? Позлословят и примут, как принял свет графиню Росицу...

Из скупых сведений беженцев-болгар и данных разведки вырисовывалась картина, сложившаяся в Забалканье к 24 июля. У Филиппополя стояли семь таборов

бежавшего с Шипки Халюсси-паши; двенадцать таборов и три эскадрона, полторы тысячи черкесов и четыре батареи Реуф-паши готовы принять удар у Новой Загоры. По железной дороге малыми эшелонами (больше не позволял турецкий транспорт) перебрасывались таборы Сулейман-паши.

Гурко связался с главнокомандующим, но вразумительного совета не получил. И тогда он предложил ударить по еще не совсем сосредоточившимся бригадам Сулеймана в районе Семенли-Карабунар.

Ответ не заставил себя ждать. Великий князь сообщил, что право командира Передового отряда действовать по своему усмотрению...

И тогда, посоветовавшись со своим штабом, Иосиф Владимирович принимает решение, удерживая Казанлык, начать наступление из Старой Загоры на Новую Загору, тем самым предупредить возможное соединение армий Сулейман-паши с Восточно-Дунайской армией и закрыть неприятелю путь через Балканы.

Вызвав генерала Краснова и предложив ему сесть, Гурко сказал:

— Даниил Васильевич, обстановка в целом по всему нашему фронту такова, что надеяться на переход главных сил Дунайской армии через Шипкинский перевал не приходится и причина в Плевне.

— Одна ошибка потянула за собой хвост, — заметил Краснов.

— Да уж куда хуже, Даниил Васильевич. Однако будем исходить из нашего плана.

— Что предлагаете, Иосиф Владимирович?

— Ваша задача, Даниил Васильевич, пройтись по начавшемуся скоплению таборов Сулейман-паши в районе Семенли-Карабунар, внести хотя бы малую дезорганизации в концентрацию войск противника и осуществить разведку боем.

И Гурко указал на карте маршрут рейда бригады.

— Добре, Иосиф Владимирович, пора моим казачкам размяться. Да и кони наши застоялись.

— Вот и хорошо, Даниил Васильевич, а основные силы Передового отряда тем временем начнут наступле-

ние из Старой Загоры на Новую Загору. С нами, генерал, держите постоянную связь. Помните, Сулейман-паша противник достойный.

В своем мнении о Сулейман-паше Гурко оказался прав. Это был военачальник серьезный, думающий. Едва оказавшись в роли главнокомандующего всеми балканскими войсками, он сразу же пытается навести порядок в таборах, вводит жесточайшую дисциплину. Сулейман-паша замыслил прорвать фронт русских и выйти к Сиотовской переправе, отрезав Дунайскую армию от России.

Генерал Гурко разгадал этот маневр и предпринял наступление к Новой Загоре. Сулейман-паша был в недоумении, он имел сведения о численности отряда Гурко и никак не предполагал, что этот генерал будет ему серьезной помехой. Сулейман-паша считал: на пути у него встанет корпус генерала Радецкого.

Неудачная попытка прорваться в районе Пиргоса-Мечки-Трестники, Сулейман-паша решает нанести новый удар, и для того его тридцатитысячный отряд устремился к городку Елене.

На военном совете Сулейман заявил:

— Я всажу свои таборы в стык восточного фронта, где стоит корпус генерала Радецкого. Я сам поведу войска и да поможет мне Аллах!

В обороне остались две дружины и сотня донских казаков. Залегли вперемежку, по виноградникам. Потревоженно гудела Старая Загора. Постреливали, выжидали.

Прокравшиеся в город башибузуки и жители-турки расправлялись с беженцами-болгарами.

Генерал Столетов наказал дружинникам держаться до подхода ополчения.

Ночью лихие головушки казаки совершили набег в тыл турецких позиций и рассказали: турок привалило тьма, расползлись саранчой.

То же подтвердил захваченный турецкий пехотный офицер. Ясно было: у Сулейман-паши не меньше двадцати таборов. Полторы тысячи болгарских воинов и казаков должны сдержать наступление пятнадцати тысяч османов. Если не сегодня, то завтра турки начнут атаку.

Асен, денщик поручика Узунова, принес кусок отварной солонины и ломоть пресного хлеба. Стоян пожевал нехотя, запил водой.

Обстановка сложилась трудная, силы были неравные. Сколько они продержатся? Одна надежда на подкрепление. Успели бы. Теперь события развивались в считанные часы...

Получив сведения, что Сулейман-паша уже сосредоточил силы у Новой Загоры, где таборы Реуф-паши составили правое крыло, в Чир-пане — левая колонна Халюсси-паши, а сам Сулейман у южного Карабунара, генерал Гурко разделил Передовой отряд на три колонны: первой, под командой принца Лейхтенбергского, Гурко поставил задачу овладеть Новой Загорой и нависнуть с фланга над армией Сулейман-паши; средней колонне генерала Цвецинского со стрелковой бригадой перейти из Казанлыка в Чайнакчий. При этой колонне и сам Гурко. Командиру левой колонны генералу Борейте велено через Оризари перейти в Лыджу.

Сняв все наличные силы из Старой Загоры и оставив в заслоне две дружины и сотню казаков, принц Лейхтенбергский двинулся в Новую Загору.

В пути, узнав от разъездов, что Реуф-паша взял направление на Арабаджикиой для соединения у Старой Загоры с Сулейман-пашой, принц, племянник императора Александра Николаевича, слабый умом, но с гвардейской выправкой, заметался. Отправив колонну на Новую Загору, с остальными дружинами болгарского ополчения и артиллерией он вернулся в Старую Загору.

Едва расположившись, принц Лейхтенбергский получает новые данные: его кавалерия завязала бой с табором Рауф-паши. Принц тут же отправился ей на поддержку. Однако, не войдя в соприкосновение с турецкими войсками и убедившись в превосходстве неприяте-

ля, он немедленно приказывает отходить к Старой Загоре, одновременно сообщив генералу Гурко о своей невесть какой и откуда приключившейся болезни.

К счастью болгарских дружинников, оставшихся в обороне Старой Загоры, армия Сулейман-паши в тот день успела продвинуться только до Арабаджикиоя. Напрасно турецкий военачальник торопил, его задерживал войсковой обоз.

Опаздывал и Халюсси-паша. А Реуф-паше помешала конница первой колонны принца Лейхтенбергского.

Мечутся ополченцы подполковника Кесякова и капитана Попова, переходят из Старой Загоры в Новую и обратно, не успевают укрепиться с пятой и второй дружинами рядом, ждать Сулейман-пашу. А буквально по пятам за ними шли два табора...

А в Старой Загоре дружинники ждут, успеют ли подтянуться остальные дружины.

Увидел Стоян, как подошли первая и третья дружины, заняли оборону ...

Собрал генерал Столетов командиров дружин. Вот они, полковники Депрерадович и Толстой, подполковники Калитин и Кесяков, капитан Попов, поручики Павлов и Узунов, сказал негромко:

— Нас три тысячи, турок в пять раз больше, но будем бить врага не числом, а умением.

Ответили одним выдохом:

— Будем!

— Когда станет невмоготу, не отступать станем, а отходить, поражая врага.

И генерал остановил взгляд на каждом. Задержался на красивом поручике Павлове. И не предвидел генерал Столетов, какая лютая смерть ожидает поручика. Уже в Казанлыке станет ему известно, как над раненым Павловым глумились турки. Они отрубили ему руки и ноги, подняли на штык тело...

— Расчехлить святыню нашу, знамя Самарское, чтоб всем было его видно для поднятия духа дружинников и на страх врагам, — сказал Столетов.

Едва офицеры возвратились в свои дружины, как турецкие батареи открыли яростный огонь. Снаряды пе-

репахивали землю, дробили камень. Вдруг враз смолкли пушки. Минутную тишину взорвали вой и дикий визг. Турки двинулись в атаку. Табор за табором бежали османы. Заалело поле от фесок, впереди, размахивая саблями, бежали офицеры. Стоян поймал одного из них в прорезь взятой у Асена винтовки. Выстрела не услышал, ощутил толчок в плечо. Нелепо взмахнув руками, турок упал.

Запели трубы — и поднялись дружинники и казаки в штыковую. Не выдержали турки, покатились назад.

Едва дружинники залегли, как османы снова двинулись в атаку. Пальнули картечью с батареи казаков и болгар, но турки продолжали наседать. И снова ополченцы и казаки приняли их удар.

Столетов передал приказ: держать Новозагорскую дорогу, ожидая подхода по ней главных сил Передового отряда. Не знал генерал Столетов, что Гурко ввязался в бой с Реуф-пашой. Стояна вызвали к Столетову.

— Поручик, проберитесь на батареи, передайте поручикам Гофману и Константинову перенести огонь на турецкие резервы. Добрая мишень, сомкнуто ходят. Картечью их, картечью!

Подоспели драгуны-астраханцы.

Их полковник Белогуров с высоты седла, увидев, как трудно болгарам-дружинникам, скомандовал:

— В дело, драгуны!

Понимает Столетов: тяжело болгарам, впервые в бою, но держатся хорошо и хотя уже немалые у них потери, но не отступают. Не раз слышал генерал, как поднимались они в атаку с песней: «Напред, юнаци, на бой да вървим...»

А там, где держит оборону дружина Кесякова, слышится песня: «Шуми, Марица».

С визгом понеслась на позиции русских конница черкесов. Залп орудий остановил их после второго, черкесы повернули лошадей.

Но уже турки завязали бой у знамени. Закричали болгары:

— Знаменосец ранен!

Столетов поспешил на крик. Но его опередил подполковник Калитин, подхватия знамя. А вокруг вой и рев турок. И голос подполковника:

— Клятву, клятву блюдите, болгары! Напред, герои!

Добрый конь вынес Калитина из боя, но пуля догнала. Знамя перехватил унтер-офицер Тимофеев.

С батареи Стоян пробрался к ополченцам, поднял их в атаку:

— На нож, войники!

Ударили дружинники в штыки, отбили османов. В полдень Столетов вызвал полковников:

— Сколько еще продержимся?

— Сулейман-паша ввел новые резервы. Первая и третья дружины держатся с трудом. Надо резервы!

— Этого я вам не могу обещать.

— Таборы Весели-паши обходят с запада. Есть угроза перерезать нам пути отхода.

— Велите второй и пятой дружинам начать отход. Будем отступать на Казанлык через город. Улицы преграждайте баррикадами из повозок. Отражайте натиск турок. По выходе из Старой Загоры первой и третьей дружинам сосредоточиться у Дервентского ущелья, поддержать вторую и пятую дружины. Отправляйте раненых. Отход поэшелонно, перекатами. Обеспечьте возможность жителям-болгарам уйти из города. А дружинникам передайте: отступление наше — не бегство с поля боя, а отход вынужденный, когда на одного пять-шесть врагов навалились.

Впоследствии, когда на совещании своего штаба генерал Гурко анализировал проведенную операцию, он особо отметил стойкость болгарских воинов.

Под прикрытием драгун и ополченцев сплошным потоком уходили беженцы. Скрипели колеса фур, груженных домашним скарбом. Посылая проклятия османам, брели старики и подростки, тащили узлы и корзины, цепляясь за материнские подолы, плелись дети, усталые, голодные. Старухи гнали коров и коз. Горе и слезы сопровождали покинувших родные места.

Удерживая одной рукой повод, другой — дремавшего в седле мальчика лет пяти, Стоян с горечью смотрел на печальную картину. Иногда его взгляд встречался со взглядом бредущей в толпе болгарки, матери ребенка, которого он вез.

Ехавшие обочиной дороги драгуны брали детей на коней, ополченцы несли малышей на руках...

...Тонконогий арабский жеребец под кривым Селимом косит глазом, храпит и шарахается, наступая копытами на трупы на улицах Старой Загоры. Горят дома.

Селим плеткой огрел прянувшего коня, процедил зло:

— Шайтан!

Хмельные от крови, рысят за Селимом башибузуки, а навстречу другая шайка, с бубнами и литаврами. Звон меди, грохот барабанов, веселый смех.

Впереди встречной шайки гарцует башибузук. В вытянутой руке, как знамя, шест, увенчанный головой ребенка.

Башибузуки Селима радостно поприветствовали товарищей, разъехались.

Дикие вопли и крики висели над Старой Загорой... Путь шайке Селима перегородила опрокинутая телега. На ней зарезанные болгары.

Повернул Селим коня, объехал завал. За городом пустил коня вскачь. Следом раскинулись в беге кони его башибузуков. Гонит кривой Селим, торопится, не мог обоз с беженцами уйти далеко.

Дробный цокот копыт по каменистой земле, свирепые выкрики башибузуков. Скоро, скоро настигнут. И видится Селиму привычная картина: как, теряя узлы и корзины, врассыпную убегают болгары, а башибузуки секут их ятаганами, режут во славу Аллаха милостивого...

Рота ополченцев поручика Узунова прикрывала отход беженцев. Издали, по клубам пыли, догадались: преследуют башибузуки.

Велев дружинникам укрыться и подпустить шайку, Стоян зло подумал: «На легкую добычу настроились».

И подал команду:

— Стрелять залпом, подпустив шайку. Спешившихся в штыки!

Не ожидал кривой Селим такой встречи. Телеги совсем рядом. Дико завизжали башибузуки, подняли ятаганы...

Сухой, как треск валежника, залп выбросил из седел несколько башибузуков. Вздыбились кони, сбились всадники. Только теперь они увидели ополченцев. Выставив штыки, они бежали на башибузуков.

Поворотила шайка. Бросив убитых и раненых, понеслись к Старой Загоре. Опережая башибузуков, уносил быстроногий жеребец кривого Селима...

Передовой отряд, выполнив задачу, поставленную генералом Гурко, стягивался к Казанлыку. Иосиф Владимирович дал телефонограмму главнокомандующему и вскорости из штаба Дунайской армии было получено предписание: отряду всеми наличными силами идти к Шипкинскому перевалу. Ознакомившись с телефонограммой, Иосиф Владимирович долго думал: это был приговор отряду... И генерал Гурко тут же написал приказ по Передовому отряду, отметив его мужество и стойкость и в нем подчеркнул роль болгарских дружин в защите Старой Загоры.

В отряде и ополчении читали приказ генерала:

«Вы показали себя такими героями, что вся русская армия может гордиться вами и сказать, что она не ошиблась послать в ряды ваши лучших своих офицеров, в ядро будущей болгарской армии. Пройдут года, и эта будущая болгарская армия с гордостью скажет: «Мы потомки славных защитников Старой Загоры».

Собрав командиров отряда, Гурко доложил им о предписании главного штаба Дунайской армии. Распоряжение выслушали молча и хоть было обидно, такой путь прошли, в Забалканье города и села освобождали, казалось бы, дорогу на Адрианополь проложили... Но все понимали, когда Дунайская армия завязла под Плевной, никакого пополнения ждать не приходится. Отряд может надеяться только на собственные силы.

Какой дорогой поведет их генерал Гурко? К Шипке два пути, назад на Хайнкиейский перевал либо по ты-

лам противника, врага, во много раз превышающего Передовой отряд в силе...

Оставив после совещания генералов Нагловского, Рауха и Шувалова, Гурко, прежде чем начать разговор, прошелся по комнате, потом остановился у карты. Подошли к карте остальные. Иосиф Владимирович потер лоб:

— Господа, мы поставлены перед фактом. Я немало размышлял, из чего исходит Сулейман-паша? Убежден, он знает, что нам предписано покинуть Забалканье, но как мы уйдем, Сулейман гадает. Скорее всего, он склонен думать, что Передовой отряд будет возвращаться проложенной дорогой, на Хайнкией, где нас подстерегают многочисленные таборы. Но, господа, мы изберем иной путь. Мы будем прокладывать дорогу к Шипке ту, в какую не очень верит Сулейман-паша. И мы пробьемся, одновременно нанося удары по противнику.

Главнокомандующий Дунайской армией великий князь Николай Николаевич не ожидал такого поворота событий. Удачно начатый Забалканский поход Передового отряда, суливший повторить урок прошлой русско-турецкой войны, набег генерала Дибича на Адрианополь, не увенчался успехом, вызвав неудовольствие императора.

Виновен ли в том генерал Гурко? Нет, он сделал все возможное для наступления в глубь Забалканья, но малочисленность Передового отряда не позволила развить наступление. Гурко нуждался в поддержке главных сил, а их приковала Плевна.

Военный министр Милютин, побывав под Плевной, пришел к заключению: первый и второй штурм проведены без должной разведки и в этом виновны и главнокомандующий, и главный штаб Дунайской армии.

Они исходили из ложного мнения, что само количественное превосходство русской армий на этом направлении — залог успеха.

Возвратившись в Главную квартиру, Милютин пригласил генерала Непокойчицкого:

— Артур Адамович, не считаете ли вы, что при сложившейся ситуации, дабы не положить российских солдат, правильно будет основательно подготовиться?

Непокойчицкий легко согласился, пообещав убедить в этом главнокомандующего.

Разговор, и довольно нелюбезный, между начальником штаба и великим князем случился на следующий день.

— Мне кажется, вы, Артур Адамович, заразились духом военного министра.

— Помилуйте, ваше высочество, вам прекрасно известно мое нелюбезное отношение к Дмитрию Алексеевичу, но в данном вопросе, считаю, он прав.

— Я обещал моему державному брату взять Плевну в августе и не мешкая. А уж затем перебросить в Забалканье главные силы армии и мы покончим с войной в этом году. Вы же, Артур Адамович, вместе с военным министром хотите затянуть боевые действия.

— Ваше высочество, хорошо, если третий штурм будет успешным, а как постигнет неудача? Государь с нас спросит. Нет, лучше обложим Плевну и принудим Османа сложить оружие...

После отхода Передового отряда от Старой Загоры Главный штаб был озабочен Шипкинским перевалом, ну как Сулейман-паша прорвется к Плевне и соединится с Османом? Потому и была поставлена перед Гурко задача вывести отряд к Шипке...

— Артур Адамович, я главнокомандующий и позвольте мне решать, быть ли третьему штурму. В одном убежден, с имеющимися силами мы в состоянии одолеть и Сулейман-пашу, и Османа-Нури. И попрошу вас, генерал, подобных советов мне не давать.

Непокойчицкий поклоном головы дал понять, он извлек урок.

Передовой отряд шел к Шипке стремительно. Переход были длинными, а отдыхи короткими. Даже ночных привалов не делали. Надо было отрываться от преследования то Реуф-паши, то Халюсси-паши.

Встречавшиеся по пути таборы опрокидывали чаще всего штыковыми ударами. И тогда генерал Гурко бросался на неприятеля в первых рядах. Призывал:

— Вперед, братцы, вперед!

Нередко пускали наперед кавалерию. И снова Гурко в седле, с обнаженной саблей. Когда путь преграждали укрепления, на рысях выезжали пушки, вели беглый огонь и тут же шла в штыковую пехота.

За Передовым отрядом гнались и Реуф-паша, и Халюсси-паша, но Гурко ускользал, генерал знал: его могут настигнуть крупные соединения противника и тогда неизбежны огромные потери.

Отряд забыл про усталость. Сам Иосиф Владимирович дремал в седле.

Однажды и сон в седле увидел. И был он такой сладкий, потому как очутился в родительской усадьбе, детские годы... Всю ночь шел тихий, теплый дождь. Он монотонно барабанил по черепичной крыше, вдосталь напитал землю... В такую пору матушка говорила, грибной дождь.

И если он, Иосиф, отправлялся по грибы, то с ним шла и дворовая девка Катерина, мягкая, как пампушка. Она звала его барчонком...

Он, Иосиф, любил собирать грибы, ходить в лес, слушать перекличку птиц...

Пробудился Гурко, он в седле, и конь идет иноходью. Усмехнулся, сон, а будто наяву все было... Рядом денщик Василий рысит. Повернулся к нему Гурко, спросил:

— Ты, Василий, по грибы хаживал?

Денщик на генерала посмотрел удивленно:

— Ваш благородь, аль мужицкое дело грибное? То девкам в радость.

К исходу третьих суток подошли к перевалу с южной стороны. Путь перекрыли таборы Халюсси-паши.

И снова, как там, на Хайнкиейском перевале, первыми ударили солдаты дивизии генерала Шувалова, а по флагам, где стояли турецкие батареи, непрерывный, беглый огонь повели пушки отряда.

Сломили первые таборы и вслед за гренадерами двинулась 2-я Гвардейская кавалерийская дивизия и дру-

гие части Передового отряда. Прикрывал продвижение арьергард генерала Рауха.

В полночь Передовой отряд перешел Шипкинский перевал.

Глава 4

Отряд, какой привел на Шипку генерал Гурко, расположился на перевале. Иосиф Владимирович телефонограммой доложил о выполнении распоряжения главнокомандующего, принялся ждать дальнейших указаний.

Однако Главный штаб отмалчивался. Генерал Нагловский по этому поводу отпустил шутку:

— Там, Иосиф Владимирович, не до нас. В штабе к государеву торжеству готовятся. Великий князь в заботах, как бы императору угодить.

— Что же, подождем, Дмитрий Степанович, пока о нас вспомнят, хотя я неопределенности не терплю. И пока мы на Шипке, надобно укрепляться. Чую, недалек тот час, когда Сулейман-паша попрет на перевал, ему ох как эта дорога надобна. У него, знаю, ближайшие планы с Осман-пашой соединиться. И, коли это произойдет, не миновать Дунайской армии отступления к Систовской переправе.

— Вы, ваше превосходительство, так думаете?

— В этом уверен. И у Сулеймана на такой основе и стратегический план построен. Я всегда высоко ценил военный талант Сулейман-паши. И то, что нам удалось его обыграть на той стороне Забалканья, наша удача и маневренность Передового отряда...

Телефонограмму получили через сутки. Главнокомандующий приказывал Передовой отряд распустить, занять оборону на перевале.

— Я этого ожидал, — сказал Гурко. — На этой стороне перевала надобность в таком мобильном отряде, способном осуществлять роль авангарда наступающей армии, в данном случае отпала.

Эти слова Иосиф Владимирович произнес на совещании генералов Передового отряда. Однако, сказал он,

наш опыт нам еще пригодится, когда Дунайская армия перейдет в наступление. И генерал Гурко дал приказ по отряду: закрепиться на перевале, ожидать наступления турецких таборов.

Из штаба Дунайской армии на Шипку вместе с провиантом и боеприпасами доставили почту. Стоян только воротился от подполковника Кесякова, когда Асен принес письмо. Оставив ужин, Узунов распечатал конверт.

Выражая беспокойство молчанием брата, Василько описывал свою жизнь.

«Из Екатеринодара, любезный брат Стоян, как я писал тебе, в сопровождении десятника и нескольких верховых казаков добрался я по удивительно липкой грязи до станции Кавказская, сел в поезд и без особых осложнений приехал во Владикавказ.

На местном базаре у какого-то заезжего туземца купил я доброго скакуна. Хоть и не дешево, но помня, хороший конь — верный товарищ. Отсюда, из Владикавказа, дождавшись обоза и маршевой роты, при одной приведенной в готовность пушке двинулись в дальний путь.

Чем дальше уходила дорога, тем становилось теплей. Я снял шинель и башлык, а солдаты, маршировавшие вслед за обозом, перекинули через плечо скатки.

Цвели сады. Горные реки стали полноводными. Путь наш пролегал по горной дороге. Солдаты продвигались осторожно. Чечня в мятеже. В аулах отношение к нам враждебное. Для местных жителей мы — неверные, гяуры. Помнят газават*, и муллы призывают к священной войне. Говорят, Гази-Магомед, сын Шамиля, приведет в Чечню свою конницу. Слух есть, тот Гази-Магомед имеет чин генерала и его мусульманская конница должна высадиться на Черноморском побережье.

---

* Газават — священная война мусульман против «неверных» *(арабск.)*.

Нашу колонну уже дважды обстреляли. Вынесутся конные чеченцы, погорячат коней, пальнут и, погрозив нагайками, ускачут.

Горы — их надежная защита. Вот и представь себе, каково снабжение Кавказской армии при таком враждебном тыле...

У нас на Кавказе наступление идет медленно из-за распутицы. Турки, как мне рассказывали, первоначально сопротивления почти не оказывали. Корпус генерала Лорис-Меликова вышел на северо-восток от Карса к Визинкею и Зивину. Турецкий главнокомандующий на Кавказском фронте Ахмет-Мухтар-паша бежал из Карса в Бозгалу, намереваясь сколотить в Эрзуруме новую армию.

В штабе офицеры поругивают Лорис-Меликова за его медлительность и что он не взял Эрзурум, а повернул к Ардагану. Лорис-Меликов, как утверждают, намерился увеличить свой отряд за счет Ахалцихского и Эриванского отрядов (в коем мне служить определено) и только после того пойти на Ахмет-Мухтара.

Главнокомандующий великий князь Михаил Николаевич замысел генерала Лорис-Меликова одобрил. Колонна генерал-лейтенанта Геймана была придана Ахалцихскому отряду, который продвинулся почти к самому Ардагану.

В деле под Ардаганом мне участвовать не довелось, но из рассказов очевидцев имею представление.

Крепость сию возводили английские инженеры. Укрепления новые, гарнизон около десяти тысяч турок при ста орудиях.

При взятии Ардагана хорошо поработали наши осадные орудия и пехота. Штурм прошел успешно...

В самом конце мая я с трудом добрался к месту назначения. К тому времени Эриванский отряд двумя колоннами перешел границу, взял Баязет и, отвлекая внимание Ахмет-Мухтара, через Алашкерн продвинулся к монастырю Сурб-Оганесу. Тут я и настиг отряд.

Не могу закончить письмо, не сказав о командире эриванцев генерале Тергукасове, армянине, умном, с хитринкой в глазах, и талантливом стратеге. Он пользуется

большой любовью у солдат, ибо о них проявляет постоянную заботу. Он чуткий и строгий командир... В следующем письме опишу, как проходят наши баталии...»

Достав лист и чернила, Стоян тут же сел за ответ.

Сулейман-паша срывал злость на Реуф-паше и Халюсси-паше, по чьей вине, как он считал, турецкая армия понесла большие потери у Старой Загоры. Сулейман-паша распалялся, он не мог согласиться с тем, что генералу Гурко удалось обхитрить его, сердер-экрема, лучшего из лучших военачальников Блистательной Порты. Брызгая слюной, он кричал:

— Вы оба ублюдки! Вы позволили этому льву вырваться из клетки, посчитав, что он уже без когтей. Но вы забыли, у этого льва есть зубы, и вы на своей шкуре еще убедитесь в этом. Теперь, когда он засел на перевале, я пошлю вас с вашими таборами прокладывать моим войскам дорогу.

Оба паши гнули спины перед сердер-экремом, а он уже отвернулся от них и, сидя на персидском ковре, обложенный подушками, слушал своего любимца Вессель-пашу, чьи таборы должны приблизить победу.

Но Вессель-паша говорил о больших потерях. Сулейман-паша хмурился. Две тысячи за один город! И это из тех таборов, какие делили с ним походную жизнь в Черногории!

Но что это такое? Нет, Сулейман не ошибся, Вессель-паша назвал цифру погибших черкесов. Сулейман-паша сердито оборвал:

— Меня не интересует, сколько русские пули отправили в потусторонний мир бродяг без отечества. Черкесы для меня — навоз из конюшен великого султана.

— Но, досточтимый сердер-экрем, черкесы гибли не только от картечи русских пушек, но и от пуль болгарских собак. Сегодня дружинники генерала Столетова впервые сражались с нами, и милостью Аллаха триста из них мертвецы. Твои аскеры, сердер-экрем, отрубили им руки и свалили в кучу на съедение трупным червям и хищникам.

— Смерти достоин каждый, кто даже бросит косой взгляд на османа. За вину поднявших на нас руку мы предадим лютой казни их детей, жен и матерей. Твоим таборам, мой любимый Вессель-паша, я отдаю всех болгар Старой Загоры, а их трупы устелят мостовую, чтобы копыта турецких коней дробили их кости...

— О, достойный сердер-экрем, ты доставил аскерам воистину праздник, он усладит их душу. Они вырежут неверных во славу Аллаха.

С приездом в Главную квартиру канцлера Горчакова Александр Второй попытался в министре иностранных дел сыскать внимательного слушателя.

Получив сведения об отходе Передового отряда генерала Гурко из Забалканья, император, встретив Горчакова на прогулке, взял его за пуговицу:

— Ох, Александр Михайлович, Александр Михайлович, нелегкая ноша венец царский. Я прекрасно осведомлен о бедственном положении крестьян, убедился собственными глазами, когда проехал по России до самого Тобольска, потому и подписал указ о крестьянской реформе. А народ наш неблагодарный, вам ли не знать, о чем шепчутся в салонах мои недоброжелатели? Их злые языки утверждают, будто мой державный дядя тайно отрекся от трона в пользу моего покойного родителя Николая Павловича, а сам в мир подался. А отчего бы? Не от сладкой жизни царской. Вот ведь и мне ношу трудную нести. Нет покоя. И что же вместо благодарности мне, царю-освободителю? Знали бы бомбометатели, которые на государей руку поднимают, как горька власть. — Александр неприятно поежился, вспомнив покушение на него десятилетней давности.

Оно и поныне страшило его...

Александр велел применить к заговорщикам самые суровые меры...

Горчаков внимательно всматривался в водянистые глаза императора и думал о том, чего больше у Александра: самомнения или величия?

Царь вернул его к разговору.

— Российская чернь к бунтам тяготеет. Ей, видите ли, существующий порядок неугоден. А с чернью разговаривать надобно кнутом. Вы согласны со мной?

— Ваше величество, не грех прислушаться и к голосу рейхсканцлера Бисмарка, коий утверждал, что лучшее средство отвлечь народ от политики, в которой он ровным счетом ничего не смыслит, — доказывать, что правительство само заботится о народных интересах.

— Вы либерал, и вам претит слово «кнут». Меня же от либерализма излечили нигилисты. Покушаясь на своего государя, они подписали себе смертный приговор. Разве венец царский — легкая ноша?

— Помилуйте, о чем вы говорите, ваше величество? И Христос возлагал на чело свое венец терновый.

— Да, да, справедливо заметили. Спас нерукотворный. Не тернии ли война нынешняя? Вон какие она нюансы преподносит.

— Видит Бог, ваше величество, в свое время я хотел решить вопрос полюбовно, мирно, без баталий. На то усилий положил немало.

— Беда не ходит в одиночку, Александр Михайлович. Кампания затягивается. Проглотили горечь Плевны, недоглядели Забалканья.

— Мда-а...

— Что Британия?

— Кабинет Биконсфилда занимается словопрениями. Королева Виктория ножкой топает. Ей бы из пушек флота ее величества по нам пальнуть, да некоторые лорды не желают... А Андраши ретивость выказывает, прожекты строит, как бы коммуникации в Румынии перерезать. Императору своему Францу-Иосифу уши прожужжал, однако австрийские генералы пыл его охлаждают: «Нам-де с Россией не тягаться. Даже если их турки потеснят». Лорды английские австрийцев с нами рады стравить.

— Что рейхсканцлер германский?

— Кабы Бисмарк верил в австро-венгерское оружие, он бы непременно заодно с Андраши песни пел, дабы мы впредь не мешали германцам намять бока французам, а буде возможно, и ребра поломать... Но опасается прус-

ский лис: ну как мы поколотим солдат усача Франца-Иосифа?!

Горчаков потирал немеющие пальцы рук. В последнее время боль обострилась. Царь сказал:

— Я благодарю Бога, что во главе российской дипломатии стоите вы, князь.

— Ваше величество, мне на покой скоро.

— Нет уж, извольте, Александр Михайлович, развяжем гордиев узел, потом подумаем.

За первыми громкими победами, когда казалось, что уже ничто не может предвещать ненастья, явилась горечь неудач. Тревожные вести о положении Западного отряда, отвод Передового отряда генерала Гурко из Забалканья породили массу слухов.

Главнокомандующий пытался успокоить императора, прислал телеграмму: «Получил телеграмму от Криденера, что после вчерашнего боя под Плевной, неприятель оказался будто бы в превосходных силах, и что он вчера отступил к Булгарени... Намерен непременно атаковать неприятеля, еще и лично вести третью атаку... Генерал Гурко на Шипке.

Пока оставляю его там. Заеду к тебе в Белу...»

Великий князь обвинял Криденера. Он повторял то, о чем царя предупреждал Милютин...

Показал телеграмму военному министру Милютину. Тот прочитал, отложил:

— Ваше величество, о каком наступлении может идти речь? В прошлый раз штурм велся, не имея никаких планов, диспозиций по соединениям. Каждый генерал действовал на свой риск и страх...

Александр хмурился. Перед ним стоял флигель-адъютант с бумагами, ждал указаний. Император был расстроен поражением Криденера, и ему было жаль и себя, и брата. Он продиктовал флигель-адъютанту ответ в Ставку: «Крайне огорчен новою незадачею под Плевной. Криденер доносит, что бой продолжался целый день, но громадное превосходство сил турок заставило отступить на Булгарени. Завтра ожидаю Имеретинского с подробностями. Пишу тебе с адъютантом наследника, Оболенским. Под Рущуком и к стороне Разграда ничего не было».

Государь император не знал, как главнокомандующий воспринял телеграмму генерала Криденера. А тот, получив ее, тут же кликнул своего адъютанта Скалона и, громыхая, сказал:

— Экой у тебя, Митька, дядюшка. Барон бестолковый, — и повторил: — не барон, а баран. Ну-кась, разбери его депешу. — Сунул полковнику телеграмму.

Тот прочитал, поднял глаза на главнокомандующего:

— Надо понимать, ваше высочество, генерал Криденер отступает от Плевны.

Великий князь взорвался:

— Бежит, бежит барон от Османа, как трусливый заяц. Ты, Митька, дай телеграмму моему державному брату. А я поеду к нему следом.

В Главной квартире императора вечерами играл военный оркестр — царь любил духовую музыку, важно прогуливались свитские генералы и иные чины, дышали на ночь свежим воздухом, обменивались новостями, чаще придворными сплетнями, о которых узнавали из петербургских писем.

Идя на совещание, Милютин приблизительно представлял его ход. Главнокомандующий станет просить пополнения, искать оправдания, государь обещать, а он, военный министр, называть номера войсковых соединений, прибытие которых ожидается на Балканы не раньше октября.

Вчера только Милютин послал телеграмму в военное министерство: готовить эшелоны к отправке.

Вечерело. Бела обозначилась светящимися окошками, огласилась звоном колокольцев возвращающегося с пастбища стада, вдали и поблизости перекликались хозяйки.

На душе Дмитрия Алексеевича потеплело, и какая-то грусть сжала сердце. Набежало и всколыхнуло давнее, пережитое... Давно то случилось с ним. Еще в те годы, когда служил на Кавказе. Довелось ему попасть под

Моздоком в терскую станицу. Молодая казачка, хозяйка квартиры, налитая соком, как зрелое яблоко, поила его парным молоком, жарила мясо дикого кабана с острыми приправами, какого ему никогда ни ранее, ни позже не доводилось пробовать.

Всю силу любви познал в те короткие дни Милютин и сладость жизни поведал, искренне сожалел он, что не родился от простой казачки, была бы у него такая жена с ее заботами и волнениями, а он бы пахал землю...

В императорском просторном шатре в массивных шандалах горели свечи, у входа дюжие лейб-гвардейцы несли караул, Милютин вошел вслед за главнокомандующим и начальником штаба. Государь и царевич Александр уже ждали их.

— Прошу садиться, — император указал на стулья, расставленные вокруг стола. И, повременив, пока генералы усядутся, усмехнулся иронически: — Плохой подарок поднесли вы мне ко дню рождения. Меня тревожит сегодня положение под Плевной. Оборот событий после очередного штурма заставляет нас задуматься. — Посмотрел на великого князя и Непокойчицкого.

Главнокомандующий, насупившись, водил пальцем по столу. Все молчали. Наконец Николай Николаевич заговорил:

— В Ливадии, как помните, я настаивал на увеличении численности Дунайской армии.

Милютин подумал: сейчас великий князь потребует дополнительные войсковые соединения.

Главнокомандующий сказал:

— Мы должны получить резерв, который обеспечит нам перевес над неприятелем. Не так ли, Артур Адамович?

— Совершено верно, армия нуждается в пополнении.

— Прискорбно, только под Плевной наши потери составили шесть тысяч солдат, — вставил Милютин.

Главнокомандующий сделал вид, что не слышит. В разговор вступил император:

— Для усиления действующей армии мы приняли решение мобилизовать гвардейский корпус. Исключая кирасир. Дмитрий Алексеевич, что у вас?

— Мы ожидаем прибытия шестидесяти пяти батальонов, двадцати пяти эскадронов и нескольких батарей.

Великий князь махнул рукой:

— Знаю и то, что буду получать их малыми пакетиками...

— Ваше мнение, господа?

— Считаю новый штурм Плевны возможным после тщательной разведки и подготовки. За это время подтянуть подкрепления. Данные разведки проверить через полковника Артамонова, — сказал Милютин.— Не грех укрепить командование.

— Кого имеете в виду? — главнокомандующий насторожился.

— Криденера, ваше высочество.

Уже расходились, когда император остановил Милютина:

— Дмитрий Алексеевич, вы назвали барона Криденера, и я не могу не согласиться с вами. Сколько горя он причинил мне. Говорят, под Плевной отличился генерал Скобелев. Князь Александр Константинович Имеретинский рассказывал, будто там, где наступал молодой Скобелев, турки начали отступать на Софийскую дорогу. Они готовились покинуть город. Ах, барон, барон, — сокрушался Александр.

— Генерал Скобелев, ваше величество, на месте рекогносцировки установил: к западу от реки Тученины фронтом на юг и запад турки не имели укреплений, а посему предложил генералу Криденеру нанести главный удар по плевенскому укреплению именно здесь. При таком ударе мы принудили бы противника выйти из редутов, что нам на руку, даже имея равновесие сил.

И Милютин, указав на карте район Плевны, наиболее удобный для наступления российской армии, продолжил:

— Данные разведки Скобелева подтвердили местные болгары. Барон Криденер, однако, не принял предложений, как мне кажется, разумных, за что жестоко попла-

тился. Штурм плевненских редутов во второй раз дорого обошелся российскому солдату.

— Князь Имеретинский говорил: у Осман-паши английские советники.

— Турецкую армию обучают английские инструкторы, ей продают винтовки и орудия Великобритания и Германия.

— Какое вероломство. Они подписывают с нами договоры, а сами торгуют оружием.

— Нам, ваше величество, необходимо изменить тактику. Рассчитывать только на храбрость российского солдата, значит, нести большие потери.

— Согласен с вами. Прошу помочь великому князю в разработке плана нового штурма Плевны...

Покинув Белу, великий князь Николай Николаевич направился в Булгарени. В коляске главнокомандующего примостился полковник Скалон, его адъютант. Следом скакала сотня драгун. Сорокаверстный путь проделали за пять часов. Скалону хотелось размять ноги, но главнокомандующий всю дорогу молчал. В ночной темени полковнику казалось, что великий князь спит.

Начало светать, вокруг поблекло. Над землей потянулся туман. Драгуны плыли в нем, подобно сказочным богатырям. Стало свежо.

— Митька, плесни-ка чарку, зябко. — И, крякнув, пожаловался: — Державный братец насулил, а Милютин цифирью насытил, а по мне, лучше синица в руке, нежели сокол в небе.

Повздыхал, выругался крепко:

— Ну, Митька, удружил твой дядюшка.

Скалон оторопел. Не иначе, отстранит великий князь генерала Криденера от командования корпусом. Но Николай Николаевич кашлянул в кулак, сказал со смешком:

— Быть бы биту барону, да не хочу потакать военному министру. Он на твоего дядюшку обозлился...

Криденера разыскали в госпитальной палате. Он пил утренний чай, когда ему доложили о прибытии главнокомандующего. От испуга полное лицо генерала побагровело. Скалон подскочил к нему, помог сесть. Криденер жалобно пролепетал:

— Я, ваше высочество, хотел государю к его именинам Плевну поднести.

— Вижу, вижу, голубчик, вы и сами переживаете. Однако ж, барон Николай Павлович, на расправу ты жидок. Но не будем поминать прошлое, генерал, надо подумать, как положение исправлять.

Через заслоны прорвались, сломив сопротивление таборов Халюсси-паши. Ночью турецкие батареи не осмелились обстрелять колонну Гурко, побоялись — снаряды могут лечь в расположении своих.

Не дожидаясь рассвета, Иосиф Владимирович дал команду генералу Рауху 1-й Гвардейской кавалерийской дивизией уходить к Ловче, а коневодам 8-й Гвардейской кавалерийской дивизии укрыть лошадей и начать окапываться. Знал Иосиф Владимирович, скоро за перевал начнутся жестокие бои. Сулейман-паша начнет штурмовать Шипку. Ему необходимо овладеть дорогой к Плевне.

Пехотинцы, драгуны, ополченцы строили оборонительные укрепления, рыли ложементы, ставили фашины.

Гурко, Столетов и другие командиры появлялись среди строивших оборонительную линию, торопили. Часто раздавался голос Гурко:

— Земля каменистая, рук не жалейте, ребята. Хороший ложемент, солдату защита, а турку смерть.

Собрав командиров батарей, приказал:

— Батареи установите, чтобы фланги прикрыть. Турок в лоб попрет, свинца наглотается, так он попробует нас с флангов взять.

Ставили пушки, где генерал Гурко указал. И разгадал замысел Сулеймана-паши. Тот батареи по высотам установил, на вершинах горных, чтоб обстрел не только перевала вести, но и дороги к Шипке.

Вскоре турецкие батареи охватили Шипку подковой. К перевалу поднимались таборы, готовились к удару.

Иосиф Владимирович понимал: силы защитников перевала недостаточные. Того же мнения и Столетов. Его ополченцы заняли оборону среди солдат и драгун.

Ночью Гурко пробудился от ликующих криков. В землянку, отбросив полог, заглянул генерал Столетов:

— Иосиф Владимирович, Брянский полк пришел!

Не проявлявший своих чувств генерал обрадовался. Помощь, хоть и недостаточная, но вовремя. Генерал чуял, Сулейман-паша со дня на день начнет наступление.

Шум в стане русских турки услышали, и после утреннего намаза Сулейман-паша появился на позиции со своим штабом. Он долго рассматривал в подзорную трубу укрепления русских, потом расположения своих батарей, наконец заявил:

— Начинайте обстрел их расположения и не прекращайте, пока не перепашете все их укрепления. А тем временем пусть аскеры роют траншеи по флангам, сжимайте кольцо вокруг русских.

Подозвал Халюсси-пашу:

— Когда солнце взойдет на той вершине, посылайте таборы в атаку.

Гурко видел, как поднялись аскеры в атаку. Они шли беспорядочно толпами, табор за табором.

— Пойду поднимать своих ополченцев, — сказал Столетов.

А из траншей навстречу туркам поднялись солдаты и по команде батальонных и ротных: «На руку!» приняли таборы в штыки. И уже ни криков «алла», «алла», ни «урра», только стоны и рев сотен голосов.

Не выдержали аскеры, откатились на свои позиции, отошли и солдаты, укрылись в траншеях.

В тот день еще трижды подступали таборы, и трижды поднимались в контратаку солдаты и дружинники.

К вечеру бой стих. В укрытиях от полковых кухонь потянуло варевом. По темну солдаты пошли за едой. А в расположении турок было слышно, как зовет муэдзин правоверных на молитву.

В штабной землянке Гурко собрал командиров, батальонные и ротные отмечали потери и у всех одно: надо резервы. Об этом же говорил и генерал Столетов с командирами дружин.

Согласился с ними Гурко, но в то же время сказал:

— А резервами, господа, мы не ведаем. Однако штаб армии и генерала Радецкого уведомим.

Присутствующие на совещании замолчали. Да и с чем еще речь вести. Однако генерал Гурко продолжил разговор:

— Уверен, господа, еще несколько таких напряженных дней, таких натисков и турки начнут выдыхаться. Считаю, тогда Сулейман-паша перейдет к тактике выжидания, когда мы какой просчет допустим. Нет, он не откажется нас сломить, потому как позарез нужна дорога к Плевне, но он постарается сохранять таборы и реже атаковать наши позиции...

Закончив совещание, Иосиф Владимирович покинул штабную палатку. День заканчивался и солнце скрылось за горой, а небо сделалось серым с розовинкой. Тихо на Шипке, постреливали редко и беспорядочно. Поблизости от палатки стоял поручик из ополчения. При появлении генерала отдал ему честь. Гурко спросил:

— Если не изменяет мне память, поручик, вы были прикомандированы к штабу Передового отряда?

— Так точно, ваше превосходительство. На марше к перевалу Хайнкией.

— Да, да, поручик.

— Узунов, ваше превосходительство. Стоян Узунов.

Гурко прищурился, потер лоб, вспоминая о чем-то. Потом сказал:

— А я ведь вашего батюшку знавал. В Пажеском корпусе учение с ним проходили. А бабушка ваша родом из Болгарии? Не изволили вы жениться? Либо невесту в Питере оставили?

— Никак нет, ваше превосходительство. Если получу согласие бабушки, отсюда невесту приведу.

Гурко улыбнулся:

— Желаю удачи вам, поручик. Непременно побываю на вашей свадьбе...

По войскам служили молебен о даровании победы российскому оружию, попы провозглашали здравицу государю и самодержцу всея Руси и прочая и прочая Александру Николаевичу...

Днем император отстоял обедню в царской походной церкви — просторной зеленой палатке. Протоиерей собора Зимнего дворца Никольский сочным баритоном пропел многие лета государю и его семейству, благословил императора.

Звонили колокола в Тырново, Габрово, Систово и по всей земле болгарской, освобожденной от ига османов...

Вечером в Главной квартире император устроил прием. Пенилось в хрустальных бокалах шампанское, веселились гости и свитские генералы.

Румынский князь Карл, чьи дивизии встали под Плевной, азартно доказывал американскому наблюдателю капитану Грину, что именно ему, князю Карлу, Румыния обязана своим государственным возрождением.

Американский наблюдатель Гринел ел серебряной ложкой черную азовскую икру с желтым вологодским маслом, не отвечал, только хмыкал. Наконец, насытившись, поднял на князя глаза, заметил с издевкой:

— Ваше сиятельство, военное счастье изменчиво, тому пример Плевна и Забалканье, вы не думаете об отходе русских за Дунай и Прут?

Специальный корреспондент английской газеты «Дейли Ньюс» сэр Ферб Арчибальд откинулся на мягкую спинку стула, звонко рассмеялся. Американца поманил адъютант главнокомандующего полковник Скалон. Вышли в темный садик. Полковник непочтительно тряхнул американца за отвороты френча, сказал, пересыпая речь непечатными словами:

— Стыдно, капитан, наше жрать и на нас же с... — И с правой в челюсть: — Вот те за Дунай! — С левой: — А это за Прут!

— Митя! — выплевывая с кровью зубы, промычал Грин, еще не совсем соображая, за что его бьет полковник, с кем не раз лакали русскую водку.

— Запомни, — Скалон поднес увесистый кулак к носу американского наблюдателя, — бил я тебя, чтоб веру

в нашу победу поимел и не пустословил ехидно. Наперед запомни, я тебе не Митя, а Дмитрий Алексеевич... И еще, капитан, советую наперед не забывать всего доброго, что сделала Америке Россия, спасая вас от старой прожорливой Англии.

Горький осадок остался на душе у Милютина после посещения госпиталя в Беле. Будто самого с кровоточащей раной протащили по соломенным подстилкам, вжикала пила по кости, и назойливо-едкий запах хлороформа и человеческого пота не покидал военного министра.

В госпиталь они приехали с императором и свитой как раз тогда, когда прибыл транспорт с ранеными из-под Плевны. Раненые лежали на фурах, стонали от боли и ругались, несмотря на высокопоставленных гостей. Санитары торопились перенести их до появления царя, да не успели.

Император выбрался из кареты; отставив носилки, санитары вытянулись во фрунт. Александр Николаевич небрежно козырнул, пожал руку главному врачу, немолодому, с усталыми глазами и бледным от бессонницы лицом, капитану. Потом обвел взглядом госпитальный городок: палатки, навесы, мазанки. Главный врач посетовал:

— Раненых прибывает так много, ваше величество, что не хватает транспорта для их отправки в Яссы.

Император в сопровождении свиты наскоро прошелся по переполненным палаткам. Раненые лежали в грязном белье, на окровавленной соломе, в темноте. Стонали от боли. Увидев, однако, царя, смолкали.

— На все воля Божья, солдаты, — приговаривал на ходу Александр. — Помните святое Евангелие: «если угодно воле Божьей, лучше пострадать за добрые дела, нежели за злые». Терпите, терпите...

Какой-то бойкий солдатик кинул вслед:

— А нам, ваше величество, только и остается, что терпеть.

В хирургической, где в тот момент у солдата вырезали пулю, едко пахло хлороформом, и царь поспешил на воздух. Под навесом Александр залюбовался сноровкой

сестры милосердия. Стоя на коленях, она бинтовала раненого.

— Кто такая?

— Неелова, ваше величество, — ответил главный врач. — К нам прибыла из Ясс. У нас в госпитале пять сестер милосердия, они не жалеют себя.

— Похвально. Их патриотизм отечество и благодарные народы России и Болгарии не забудут.

— Может, ваше величество, вы соизволите побеседовать с одной из них? Вот хотя бы с Нееловой. Позвать?

— Не стоит, пусть перевязывает.

Ни император, ни военный министр, ни главный врач, да и никто не мог знать, что спустя пять месяцев сестра милосердия Неелова умрет от сыпняка и похоронят ее скромно в Беле, в одной могиле с сестрой милосердия Вревской. Той самой баронессой Юлией Петровной, о которой с усмешкой злословили император и великий князь Николай Николаевич...

Его величество государь Александр Николаевич, не прощаясь, направился к экипажу. Семенивший за ним начальник госпиталя что-то пытался еще сказать. Милютин уловил жалобу на нехватку медикаментов, бинтов, плохое снабжение продовольствием. Император молчал. Адъютант распахнул перед ним дверцу. Достав белоснежный, пахнувший французскими духами носовой платок, Александр брезгливо вытер руки. Милютину стало неловко. Он повернулся к начальнику госпиталя, сказал тихо:

— Я учту вашу жалобу.

Возвращались из Белы в одной карете с императором. Кони бежали резво, экипаж покачивало на мягких рессорах.

— Господи, сколько же мужества у этих женщин, — посочувствовал Милютин. — Перевяжи и напои, раздай лекарства и накорми. Сопроводи транспорт и утешь. Зовут ее, к ней тянутся, к сестре милосердия. Я думаю, ваше величество, нам необходимо увеличить финансы на медицину. А ведающему санитарной частью князю Голицыну необходимо указать: госпитали повсеместно в

антисанитарном состоянии — нечистоты, грязное белье, солома в мазанках и под навесом.

— Война не бал, Дмитрий Алексеевич, вам ли объяснять. А русский мужик привык спать на соломе, в курной избе...

Стамбул торжествовал. В мечетях правоверные воздавали хвалу Аллаху, даровавшему победу над гяурами. Аллах един, Аллах вечен!

Стамбул славил мудрость султана. Во дворце великий Абдул-Хамид принимал иностранных дипломатов. Посол Великобритании сэр Лайард, удостоенный высоких султанских милостей, не скрывал удовольствия. Теперь, когда Сулейман-паша заставил русских очистить Забалканье и вскорости отбросит их за Дунай, великие державы подтолкнут Россию принять условия капитуляции или мира, а Лондон принудит хитрого канцлера Горчакова отказаться от своего меморандума и на российских верфях прекратят строить военный Черноморский флот.

Кабинет Биконсфилда через министра иностранных дел Великобритании лорда Дерби уже дал понять российскому послу в Лондоне Петру Шувалову о реакции, какая последует за поражением России в войне с Оттоманской Портой.

Сулейман-паша в гневе. Высшее военное управление и тайный совет при султане не посчитались с его, Сулеймана, мнением. Ему навязали тактический план, противоречащий здравому рассудку: лобовым ударом овладеть Шипкинским перевалом. Но те, кто издал такой приказ, далеки от военного искусства.

У Сулеймана-паши, чья армия насчитывала семьдесят пять отборных таборов, пять эскадронов, полторы тысячи черкесов и множество башибузуков, был иной план. После того как в Дунайской армии отказались от плана генерала Гурко двигаться с Передовым отрядом на Адрианополь, Сулейман-паша намерился идти на соединение с Мехмет-Али-пашой и, нанеся удар по левому флангу Балканского отряда генерала Радецко-

го, разрезать Дунайскую армию и уничтожить ее по частям.

— Шипка — сердце Балкан, — сказал Сулейман-паша, — но, чтобы овладеть им, не обязательно мостить дорогу телами моих воинов. Надеяться на легкий успех наступления на Шипку — значит, обманывать себя.

Однако, как ни возмущался Сулейман-паша, нарушить указание верховного командования и высшего тайного военного совета не посмел.

Хотя Александр Второй лично присутствовал при неудачной попытке третьего штурма Плевны, он еще раз пожелал посетить место боя. Императора сопровождали главнокомандующий, начальник штаба, румынский князь Карл и генерал Ботов. Дорогой Александр спросил:

— Как же допустили Шефкет-пашу в Плевну? Ведь он привел в помощь Осман-паше пятнадцать таборов! Он не только прорвался, но еще и потрепал полки, пытавшиеся не пропустить его в город! — Царь посмотрел на Зотова: — Небось Осман-паша встретил Шефкета как героя. Не так ли, генерал?

— Естественно, ваше величество.

— Это нам урок, ваше величество, — перебил Зотова великий князь Николай Николаевич.

— Смотрите, как бы Сулейман-паша не прорвался к Шипке, Осман-паша этого и ждет.

Натянув повод, император остановил коня и, подняв к глазам подзорную трубу, зорко вглядывался в позиции неприятеля. Милютин понимал: царь, имевший неплохую военную подготовку, ставший еще в молодые годы генералом, уже разобрался в сложности ситуации, в каковой оказалась российская армия под Плевной.

Не отрываясь от подзорной трубы, царь обронил:

— А Осман-паша время попусту не теряет. Разрушенные укрепления восстановил и новые строит.

Цейсовские стекла приближали грозно ощетинившуюся Плевну. Беспрерывно палили пушки. От взаимной перепалки дым клубился тучами. На поле перемещались полки, дивизии. Местами они приходили в соприкосновение с неприятелем.

Взгляд императора задержался на Буковинском укрепленном лагере турок, на деревне Гривице и Ловчанском шоссе.

— Зеленые горы, которыми овладел генерал Скобелев? — указал Александр.

— Да, ваше величество, — подтвердил великий князь. — В этом деле отличились Владимирский и Суздальский полки.

— Я это видел, полки действовали, как и подобает российской армии. Они шли в сражение под музыку и дробь барабанов, с развернутыми знаменами.

— А османов вели их паши и муллы с Кораном. Они контратаковали под зеленым знаменем Пророка, — сказал главнокомандующий. — Скобелев еще раз доказал свою храбрость и верность престолу. Располагай мы в том бою достаточным резервом, способные поддержать Скобелева, исход мог быть иным.

— Весьма возможно. Но Скобелев обращался к вам, генерал. — Царь повернулся к Зотову. — Это вы ему отказали в поддержке.

— Но, ваше величество...

Однако Александр не стал слушать Зотова, обратился к румынскому князю Карлу:

— Я вижу, ваши дивизии составили правый фланг плевненской группировки. Не так ли, князь Карл? Николай Николаевич, может быть, под Плевной сосредоточено не достаточно сил армии?

— Опыт прежних наступлений обязывает нас относиться к Плевне со всей серьезностью.

— Горький опыт, горький, — снова сказал царь. — Не взяв Плевну, мы не можем переходить Балканы.

— Вы правы, ваше величество, — подал голос Милютин, прибывший на Гривицкие высоты чуть позже.

Император повернулся к стоявшему за его спиной военному министру:

— В этом сражении мне трудно разобраться. В одном не ошибусь, Дмитрий Алексеевич, с этой Голгофы мы зрим нашу военную неудачу.

— Ваше величество, вот что для нас сегодня означает вчерашняя нерасторопность Криденера.

— Нам необходимо, ваше величество, сконцентрировать значительный перевес сил, с тем, чтобы в прорыв вводить резервы, способные расширить плацдармы. Надо дождаться прибытия гвардии.

— Согласен, господа. А что генерал Гурко?

— Передовой отряд мы расформировали, его основной костяк сейчас на отдыхе. Уходя из Забалканья, они отбивались от явно превосходящего противника, — пояснил великий князь.

— Но, как я знаю из вашего сообщения, генерал Гурко на Шипке?

— Да, ваше величество, генерал Гурко со своей дивизией и ополчение генерала Столетова сдерживают натиск таборов Сулейман-паши, намерившегося на спинах Передового отряда прорваться через Шипку.

— Шипку надо укрепить, ваше высочество, — вставил Милютин.

Главнокомандующий покосился, но император поддержал его.

— На перевал послан уже Брянский полк, — сказал Николай Николаевич, — подготовим еще.

— Хорошо, — Александр кивнул. — Не будем, господа, сковывать инициативу главнокомандующего и штаба. Все убеждены в одном: нам необходимо стянуть к Плевне войска. Дмитрий Алексеевич верно отметил, гвардию, гренадер, затянуть Осман-пашу железной петлей, лишив его связи с Софией и Видином, принудить к капитуляции. Это честь российской армии, честь Российского государства... — Император поднялся: — И еще, господа, — он просмотрел на великого князя и военного министра, — я предлагаю руководство гвардией поручить самому опытному и достойному генералу Иосифу Владимировичу Гурко. Убежден, под его руководством гвардия займет достойное место в Балканской войне.

С утра, едва начал уплывать туман в расщелину гор, генерал Гурко с начальником штаба Нагловским и другими офицерами штаба понимались на возвышенность и всматривались в неприятельские позиции. Каждый раз они отмечали новые, за ночь отрытые турками, ложементы. Они все ближе и ближе подступали к позициям защитников Шипки. Особенно опасными, по мнению и Гурко, и Нагловского, были турецкие батареи, установленные на горных вершинах. Они практически были недосягаемы для русских батарей, но могли вести обстрел шипкинских укреплений.

— Надо разведать тропы к этим батареям, хорошо изучить и кликнуть охотников, — Гурко повернулся к начальнику штаба. — Думаю, ваше превосходительство, разведать тропы поручим казакам-пластунам. А охотников кликнем. — Чуть погодя Гурко заметил: — Когда мы с вами, Дмитрий Степанович, вышибли с Шипки Халюсси-пашу, я был убежден, что открыли дорогу Дунайской армии, а ныне, как видите, обороняем этот путь.

— Не наша вина, ваше превосходительство. А Сулейман настырен, вон какой силой прет. И у нас потери немалые, да и османы потеряли, если не вдвое больше.

— Прет-то прет, Дмитрий Степанович, но пыл, кажется, уменьшил. Видимо, урок, какой мы ему преподали, впрок. Ему надо таборы не потрепанные через перевал провести. Доведите, Дмитрий Степанович, мой приказ по всем войсковым соединениям, работу по строительству укреплений продолжать. С приказом ознакомьте и командиров дружин... — Подозвал адъютанта:

— О возвращении генерала Столетова доложите мне.

И в мыслях не держал генерал Столетов, что пройдет время, и имя его будет носить одна из вершин Шипкинского перевала.

Столетов возвращался из Тырново, где разместился штаб Балканского отряда, выделенного командованием Дунайской армии для защиты горных перевалов. Тревожно на душе у генерала. Было отчего. Вынужденная стоверстная растянутость Балканского отряда, сосредо-

точенность резервов на значительном расстоянии от возможных мест главного удара турецкой армии вызывали нервозность командира Балканского отряда генерала Радецкого. Федор Федорович никак не мог собрать данные, уточняющие район возможного наступления Сулейман-паши.

По собственному рассуждению, Радецкий был убежден, что Шипка — это маневр отвлекающий, а на самом деле Сулейман бросит таборы на левый фланг, южный.

Но Столетов и Гурко были уверены: Сулейман-паша местом главного направления избрал Шипкинский перевал. О том подтверждают и бежавшие из Казанлыка болгары.

Конь шел резво, постукивая копытами по каменистой дороге. Шоссе расчищали от камней, засыпали выбоины саперы генерала Кренке. В генерале Гурко Столетов видел опытнейшего военачальника, но, когда старый и мудрый генерал Кренке находился на Шипке, Столетов прислушивался и к его советам. Под руководством генерала Кренке на шоссе, которое ведет от деревни Шипки к вершине, зарыли фугасы на случай штурма перевала.

С ремонтом шоссе торопились, надеялись провести по нему главные силы Дунайской армии в Забалканье, а эвон как обернулось.

Пустив повод, Столетов предался размышлениям. Голову не покидал состоявшийся разговор с Радецким.

— Николай Григорьевич, — спросил Радецкий, — вы предполагаете, Сулейман-паша попытается перейти Балканы у вас, на Шипке?

— Я говорил вам, Федор Федорович, что это мнение и генерала Гурко. Мы судим об этом по оживлению в таборах Сулеймана. Особенно оно замечается у Казанлыка. По слухам, туда направляются таборы от Старой Загоры. Для проверки данных мы с Гурко поручили полковнику Рынкевичу выслать разведку. Она подтверждает наши предположения.

— Мда-а... В штабе армии есть предложение отозвать генерала Гурко под Плевну. Если таковое последует, я удержу на Шипке дружины болгар и орловцев... Постараемся еще помочь вам, Николай Григорьевич.

Радецкий раскатал карту, долго смотрел на нее. Столетов снова сказал:

— Если, Федор Федорович, такое случится и к нам резервы своевременно не поспеют, то вся надежда на собственные силы, а их недостаточно.

— Но почему Шипка? Отчего не Осман-Пазар либо иное место? — Радецкий вопросительно поднял брови. — Сулейман-паша опытный генерал. Туркам наиболее разумно, мне кажется, объединение сил, я имею в виду Сулейман-пашу и Мехмет-Али, с целью нанесения флангового удара.

Конечно, с Радецким нельзя не согласиться, рассуждал сам с собой Столетов, но предчувствие лишает генерала покоя. Неожиданно Столетов поворачивает голову, подзывает следовавшего в отдалении поручика Узунова:

— Поручик, представьте себе, вы оказались бы на месте Сулейман-паши, ваши планы?

Стоян не ожидал такого вопроса, растерялся. Столетов улыбнулся подбадривающе:

— Даже в положении поручика вы должны мыслить, как генерал, ибо генералами не рождаются.

— Я бы, ваше превосходительство, на Шипку не пошел.

— Любопытно. Поясните!

— Позиции укрепленные, будут большие потери и вынужденная задержка. Поискал бы другой путь.

— Где, какой?

— От Сливного, например, есть возможность объединиться с армией, стоящей у Раздана, и здесь развернуть войска.

— Вы мыслите, как генерал Радецкий.

Столетов замолчал. Суждения поручика не разуверили. Прежняя, своя, убежденность не покидала его всю оставшуюся часть пути...

Радецкий думает, что Сулейман-паша попытается искать объединения с Мехмет-Али. Ну а если с Осман-пашой? Тогда только Шипка.

Именно здесь, где менее всего ожидается прорыв турецкой армии, Сулейман и предпримет удар всеми наличными у него силами...

Генерал перевел коня на шаг... Горы. Они теснились к дороге, готовые раздавить ее... Ему, Столетову, много повидавшему на своем веку, одному из образованнейших офицеров российской армии, знатоку нескольких европейских и восточных языков, служившему в песках Средней Азии и Крыму, всегда самой милой, до щемящей боли в сердце оставалась родная Владимирщина с ее российским простором, могучими лесами и речной гладью...

И снова вернулся к действительности. Первую работу по укреплению перевала они с Гурко уже осуществили. Но это только начало. Еще неизвестно, как долго предстоит оборонять его. Надо строить новые укрепления, укрытия для резервов. Каким путем наладить снабжение продовольствием и боеприпасами? Беспокоила доставка воды, которую надо было поднимать снизу под постоянным обстрелом неприятеля.

Возвратившись на Шипку, Столетов увидел, как по всему лагерю шли строительные работы. Начальник штаба Рынкевич доложил: получен приказ Гурко укреплять редуты. А еще он лично наблюдал: с горы Святого Николая с горного хребта Малые Балканы спускается многочисленное войско. Османы двигались такой плотной массой, что оказалось невозможно посчитать, сколько же таборов идут на перевал.

Турки растекались по равнине, жгли села. Горел Казанлык, горели села Шипка и Янина. Он, Рынкевич, велел болгарским ополченцам отойти от селения Шипка.

Одобрив действия полковника, Столетов отправил ординарца созвать командиров дружин. Дожидаясь их прихода, генерал с горечью думал: тяжко русскому солдату видеть зверства османов, но каково болгарским дружинникам? Они ли не видят всего творящегося сейчас в Долине Роз и не понимают, что за дым и смрад тянет по ущелью?..

Кажется, прогноз генералов Гурко и Столетова подтверждается, армия Сулейман-паши будет прорываться

через Шипкинский перевал. Надо укрепить Шипку. Батарея стоит на Круглой горе, на Лесной, на горе Святого Николая. На Стальной горе батарея крупповских стальных пушек, отбитых у османов... Мало сил у защитников, пять болгарских дружин да десять рот орловцев и брянский полк не в полном составе. А три сотни казаков, которых Столетов рассчитывал использовать против конных черкесов, пришлось спешить. Казачьи лошади подбились и требовали отдыха.

Трудно, ох как трудно. Укрепления, отрытые еще в июле солдатами и болгарами, слабые. Скобелев, стоявший в те дни на Шипке, генерал храбрый, но в оборонительных сооружениях не разобрался, информировал штаб Дунайской армии, что позиции на Шипкинском перевале чрезвычайно сильные.

А чем измерить вину великого князя Николая Николаевича? Ведь знает, какими пришли на Шипку войска Передового отряда и дружины болгар — без палаток, шинелей, без запасного белья, в поношенной обуви. Ко всему интенданты задерживают продовольствие. Сто граммов хлеба — суточная норма. Спасибо, жители окрестных деревень и Габрово взяли на себя снабжение защитников перевала.

Сколько же бросит Сулейман-паша таборов на Шипку? Для атаки на перевал он постарается использовать все обходные тропы. Их бы перекрыть, а где силы взять? У османов неиссякаемый резерв, чего нет у него, Столетова.

Подумав о неравном соотношении сил, генерал вспомнил брата Александра, ставшего известные физиком. Тот говаривал: я-де люблю рассуждать языком цифири и законов. Однако по какому закону и какой цифирью отражать эту тьму османов, какие полезут на защитников перевала с часу на час?

Собрались офицеры, пришел генерал Кренке.

— В штабе Балканского отряда, — сказал Столетов, — есть предположение, генерала Гурко отзовут к Плевне.

— И тогда вся тяжесть защиты перевала ляжет на нас, — добавил Рынкевич.

— Не совсем так, — поправил его генерал Кренке, — есть и другие части.

— Но основная тяжесть ложится на нас.

Столетов сказал:

— Я намерен послать уведомление к генералу Радецкому о срочном резерве. Пусть Федор Федорович снимет часть сил у генерала Дорожинского в Габрово и направит на Шипку. На первый случай хотя бы оставшихся там пять рот орловцев.

— Учитывайте, ваше превосходительство, — снова заметил Рынкевич, — если генерал Радецкий нас поддержит, резерв прибудет не ранее чем через неделю.

— Будем держаться, — сказал Депрерадович.

— Позвольте, — снова вмешался генерал Кренке. — Я против донесения в штаб отряда и не возражаю о необходимости резерва, однако нельзя писать в столь категорической форме о плане Сулеймана. А вдруг он направит таборы через Янину на Габрово, а вы требуете оголить генерала Дорожинского. Пусть резерв изыщет генерал Радецкий.

— С этим нельзя не согласиться, — сказал Столетов. — Не будем столь категоричны.

В штабе Балканского отряда с полудня царило оживление. Не смолкая, стучал телеграф, шуршали картами штабные офицеры, переговаривались вполголоса.

За дощатым, крепко сбитым столом, чуть склонившись над столешницей, сидел Федор Федорович Радецкий и озабоченно перебирал телеграфную ленту. Рядом с генералом молча стоял заместитель начальника штаба — подтянутый седой полковник. Радецкий отодвинул телеграмму.

— Итак, Столетов доносит, из Казанлыка видно движение больших отрядов неприятеля.

— Надо ли это рассматривать как начало наступления Сулеймана на Шипку, ваше превосходительство?

— Не думаю. Пока это эмоции генерала Столетова, а Дорожинский взял приманку. В лице Сулейман-паши надо видеть одного из опытнейших генералов Оттоманской Порты... Я убежден, на сегодня этой телеграммой генералы Столетов и Дорожинский не ограничатся. — Радецкий поднялся. — С вашего позволения, полковник, я немного отдохну.

Перейдя в соседнюю комнату, прилег на топчан. Смежил веки, забылся во сне. И привиделось, будто он в Военной академии, слушает лекцию по тактике. Старый генерал, придерживаясь за кафедру, дает разбор современным формам ведения войны, а он, молодой Радецкий, пытается задать профессору вопрос относительно замыслов Сулейман-паши...

Но тут Федора Федоровича будит полковник:

— Телеграмма, ваше превосходительство, от генерала Дорожинского.

Радецкий поднялся, перешел в штабную комнату. Офицеры замолчали, смотрели на генерала.

«По донесениям Столетова, весь корпус Сулейман-паши виден как на ладони, — прочитал Радецкий, — выстраивается в восьми верстах от Шипки. Силы неприятеля громадны. Говорю без преувеличения. Будем защищаться до крайности, но подкрепления решительно, крайне необходимы».

«Снова подкрепления, — подумал Радецкий. — Неужели турецкое командование избрало столь неразумный план перехода Балкан? Но почему не Разград или Осман-Пазар?»

Мысли нарушил застучавший телеграф. Федор Федорович остановился за спиной телеграфиста. Снова сообщение от Дорожинского.

— Около двадцати четырех таборов с шестью орудиями и три тысячи конных черкесов двигаются в боевом порядке по дороге от Старой Загоры и Маглижа. Направление на Янину. Судя по движению, наступление турок одинаково возможно как на Шипку, так и на Янинский перевал. Неприятель отлично виден. Конница двинулась к северо-восточному углу Казанлыка.

— Совсем непонятно, — развел руками Радецкий, — Янинская тропа годится разве что для вьючного транспорта и совсем не готова для целой армии. Скажите, полковник, вы что-либо понимаете в этом маневре? Или

я схожу с ума, или Сулейман-паша решил водить нас за веревочку. Нет, нет, такой генерал, как Сулейман-паша, не изберет столь непригодный план наступления. Скорее всего это демонстрация.

— А не навязано ли данное поведение Сулейман-паши верховным командованием? — вмешался полковник.

Радецкий задумался, потер седые виски:

— Давайте отобьем телеграмму главнокомандующему, великому князю. — Повернулся к телеграфисту. — Весьма экстренно. По донесению Столетова с Шипки весь корпус Сулейман-паши выстраивается против Шипки... Предполагая, что можно ожидать наступления главных сил со стороны Осман-Пазара, я оставил резерв до времени близ Тырново, а предписал вместе с тем князю Мирскому двинуть в Габрово и далее к Шипке Брянский полк...

— Означает ли это, ваше превосходительство, распоряжение начальнику Сельвинского отряда князю Святополк-Мирскому? — спросил полковник.

— Несомненно. Однако ко всему мы сейчас же дадим телеграмму князю Мирскому следующего содержания: из Тырново не могу двинуть до времени войска в Габрово, ибо ожидаю наступления со стороны Осман-Пазара...

И в мыслях не держал Радецкий, что Сулейман-паша уже закончил сосредоточение своей армии. Сведенная в шесть бригад, она нацелилась на Шипку. Командовать артиллерией Сулейман-паша назначил Леман-пашу.

Из письма Василька Стояну:

«Погода на Кавказе дождливая и не жаркая, а ночами даже свежо, так что солдаты раскатывают шинели.

Наш Эриванский отряд не стоит праздно, едва отбили семитысячный отряд Татлы-оглы при шести орудиях, глядь, Магомет-паша объявился. Отбросили и его к Дели-Рабе, к Алашкери. Тут Лорис-Меликов дал Тергукасову новое распоряжение: сковать главные силы ту-

рок... производить активную демонстрацию на неприятеля... дабы воспрепятствовать ему спуститься на выручку Карса...»

В письме Василько не до конца цитирует распоряжение Лорис-Меликова, а там есть строка, полная цинизма: «Ввиду крайней важности дела не стесняйтесь могущими быть потерями».

Примечательно, не правда ли?

Своим распоряжением Лорис-Меликов ставил под удар отряд Тергукасова, ибо он, отдаляясь на двести пятнадцать верст от своих баз, имел незащищенные тылы.

Стоян не знал всего этого, как не мог знать и Василько. Лишь Тергукасову и штабу это было ясно. Они проявили высокое воинское искусство, выводя Эриванский отряд из-под удара.

Но возвратимся к письму Василька:

«Едва мы выдвинулись против Мухтар-паши в районе Зейдеияна, как разведка обнаружила обходное движение таборов Фаик-паши, а на правом фланге, у Зивина, грозил нам Магомет-паша...

Пленный турецкий офицер назвал Тергукасову цифры отряда Магомет-паши. Оказалось, у турецкого военачальника солдат больше нашего на две тысячи, а пушек вдвое. Но генерал, несмотря на превосходство врага в силах, принял решение атаковать его.

Атака оказалась такой стремительной, а пушки били с малой дистанции и так метко, что османы разбежались, а Магомет-пашу догнала пуля.

Наша победа у Драм-Деги испугала Мухтар-пашу. К генералу Тергукасову приезжают делегации армян, благодарят за избавление от османов.

Армяне — народ гостеприимный, настрадавшийся в турецкой неволе, их грабили и резали, отнимали у них детей и забирали в гаремы молодых женщин. На привалах армяне привозят нам лепешки — лаваши и мясо, вино в бурдюках и в глиняных кувшинах кислое молоко — мадзун...»

В письме нет ни слова о том, какую угрозу правому флангу турецкой армии создала победа Эриванского от-

ряда при Драм-Дега. Чтоб спасти положение, Мухтар-паша сосредоточил против Тергукасова большую часть сил армии. Сам Мухтар-паша возглавил отряд в восемнадцать тысяч с одиннадцатью пушками, подошел к Баязету и перекрыл Тергукасову связь с базой.

Что же предпринимает Лорис-Меликов? Вместо того чтобы вывести отряд из-под удара, он шлет распоряжение развернуть боевые действия в тылу врага и тем самым помочь колонне генерала Геймана, двигавшейся на Сагенлуг, и обеспечить прочную осаду Карса.

Над Эриванским отрядом нависла серьезная опасность. Ко всему, место для бивака было выбрано неудачно.

Вот как об этом пишет Василько в письме к брату:

«Мы расположились на биваке, растянувшись по лощине верст на пять и никак не ожидали неприятеля. Солдаты чистили оружие, кашеварили, латали обмундирование.

На Эшек-Эльяси выдвинулись небольшие заслоны полковника Медведовского и майора Гурова. Неожиданно они столкнулись с турецкой пехотой и конницей, спускавшейся в Даярское ущелье. Это наступала армия Мухтар-паши. Ее силы превосходили Эриванский отряд вдвое.

Медведовский и Гуров приняли единственно правильное решение: помешать османам вступить в ущелье. Дорогу им перекрыл Медведовский, а Гуров занял высоты, прикрывающие бивак.

Эриванский отряд был поднят по тревоге. К тому времени правый фланг был уже надежно прикрыт нашими заслонами.

Генерал Тергукасов приказал отряду выступить на помощь полковнику Медведовскому и майору Гурову.

Оборону на правом крыле возглавил полковник Броневский. В центре, где я принял участие, командовал полковник Шпак, а левое крыло вел полковник Слюсаренко...

Видимо, Мухтар-паша рассчитывал застать нас спящими. Нас спасли заслоны.

Когда на правом крыле обстановка сложилась крайне трудная, во фланг наступающим туркам ударил наш

центр. Полковник Шпак сам повел своих крымцев в контратаку.

Наступление наших войск было настолько грозным, что османы дрогнули. Тут перешел в атаку весь правый фланг. Турки побежали.

Мы гнали османов десятки верст. Турки потеряли четыре тысячи человек. А мы полтысячи. Погиб командир Крымского полка полковник Слюсаренко...»

Глава 5

Генерал Гурко не был либералом, он верой и правдой служил Отечеству. Служил при Николае Первом, служил при Александре Втором. Вред крепостного права понимал и буржуазные реформы, принятые Александром Вторым, одобрял. Особенно, как человек военный, приветствовал отмену рекрутчины, когда солдата обрекали на пожизненную службу и был он совершенно бесправным.

Гурко приветствовал и другие реформы и ну никак не мог понять, отчего выступают против правительства всякие нигилисты, и тем хуже, террористы, какие мечут бомбы в императора, призывают к его убийству. Никак не укладывалось в сознании генерала Гурко, чем неугоден государь, который дал крестьянам волю, в суде ввел присяжных заседателей, земское управление. И оттого Гурко считал: свободомыслие для России может пойти во вред. Тем паче, коль это свободомыслие допустить в армии, среди солдат...

Поликарпа Саушкина призвали в солдаты накануне войны. Прямо с Патронного завода. Таких, как Поликарп, петербургских рабочих, в их батальоне двое, остальные стрелки — деревенские парни.

С пятой ротой Орловского полка Саушкин оборонял Старую Загору. Было и такое, когда там, в Загоре, орловцы считали, что пришла пора им смерть принимать. Навалились на них турки силой великой, большим числом окружили янычары и, не подоспей вовремя отряд генерала Гурко, вырезали бы турки и орловцев, и дружинников.

На Саушкина два янычара кинулись, одного из них Поликарп штыком достал, другого генерал Гурко саблей срубил. Саушкин хорошо запомнил генерала.

С пятой ротой Поликарп Саушкин от Старой Загоры до Шипки дошагал.

Заняли орловцы редут по правому флангу, что прикрывал гору Центральную, укрепились, орудийная прислуга установила четырехдюймовую батарею.

Покуда турки молчали, стрелки отдыхали, чистили ружья, штопали одежды.

Османы скапливались в Забалканье, у селения Шипка, подходили табор за табором, становились биваком. Сулейман-паша готовился к штурму.

Неподалеку от Саушкина подполковник Депрерадович собрал ротных командиров, отдавал приказания. Поликарпу не слышно, о чем говорил подполковник, но по жестам догадывался, Депрерадович предупреждал, откуда вероятней всего ударят турки.

За каменистым укрытием дымилась кухня. Время обеденное, потянулись солдаты с котелками. Поликарпу есть не хотелось, и он не спешил.

Неожиданно увидел, совсем рядом проходил генерал Гурко, на ходу обращался к солдатам:

— Сыты ли, молодцы? Хорош ли щец?

Те отвечали вразнобой:

— Сыты, ваш бродь, нам бы вот только обутку сменить, каши просит!

— Потерпите, к зиме привезут.

Тут перед генералом Саушкин вскочил, вытянулся:

— Ваше благородие, поди, не упомните меня? В Старой Загоре от янычара спасли.

— Как фамилия, солдат?

— Поликарп Саушкин, ваше благородие, рядовой пятой роты Орловского полка.

— Так вот, солдат Саушкин, помни заповедь, сам погибай, а товарища выручай!

Присел Поликарп, а рядом сосед, солдат Дьячков говорит:

— Ну, Поликарп, отныне генерал тебе отец родной.

— Не отец, а крестный, — рассмеялся Саушкин...

А на горе Святого Николая, где расположились болгары, запели. Нравилось Поликарпу их пение, храбрость в бою, и то, как зовут русских солдат братьями. Это напоминало Саушкину демонстрацию работного люда в Петербурге у Казанского собора. Там на митинге ораторы обращались к народу со словами: «Братья!»

Мысль вернула Поликарпа к той демонстрация. Молодой рабочий держал красный флаг. Яркий кумач, будто кровью окрашенный, трепетал на ветру. Над сгрудившимся людом поднялся какой-то студент в форменной шинели и фуражке. Он говорил горячо, брал за душу...

Потом налетела полиция, конные жандармы, хватали демонстрантов, заталкивали в тюремные кареты. Мимо Саушкина пробежал студент-оратор, ухватил за рукав, затащил в проходной двор. Бежали, пока не отдалились шум и свистки городовых.

Студент остановился, поднял воротник, потом глянул на Саушкина:

— Приняли крещение, положено, брат, начало большому. Ну, будем расходиться. — И, пожав Поликарпу руку, ушел.

На горе Святого Николая продолжали петь болгары. Песня наводила на грусть. Настрадался народ под турецким игом, видать, забыли веселые песни. А уж российские солдаты насмотрелись на зверства башибузуков, никого не жалели турки, ни детей, ни стариков.

Рядом с Поликарпом обосновались солдат Василий Дьячков, крепкий голубоглазый красавец, и маленький, тщедушный солдатик с фамилией, ему соответствующей, — Сухов.

Дьячков лежал на спине, смотрел в небо на плывущие облака.

— Будто парусники на Балтике.

От Василия Саушкин знал, что учился тот в университете и за участие в народовольческом кружке исключен, но избежал суда по ходатайству отца, священника церкви на Васильевском острове.

Поликарпу Дьячков нравился своим открытым характером, добротой, с ним и в бою надежно, прикроет.

Вот только плохо, любил Василий порассуждать о несовершенстве существующего строя, не скрывая своей принадлежности к народовольцам.

Дьячков сел, посмотрел на Саушкина:

— На вашу жизнь я нагляделся, Поликарп, когда в бараки фабричные хаживал. И труд заводской разве что с каторжным сравнишь.

Ладонь Сухова приглаживала траву, с крестьянской жадностью пальцы ощупывали упругие стебли. Сказал, сокрушаясь:

— Сено какое пропадает.

Василий повернулся к Сухову, продолжал свое:

— И в деревне не лучше, темнота, к весне народ от голода пухнет. Ходили наши в деревни, с мужиками беседуют, а они тебе твердят, все от Бога. Запуганы властью.

— Ты, Василий, говори, да не завирайся, — поморщился Сухов. — На власть замахиваешься. Этакий шустрый, случилось, и к нам заявился. Так старики его немедля в волость доставили.

— Мозги куриные у ваших стариков, хорошего человека в тюрьму упекли.

— Не суди, да и сам судим не будешь,

— Не хочу говорить с тобой. — Дьячков отмахнулся, встал. — Давай, Саушкин, котелок, горяченького принесу.

Помахивая котелком, Василий направился к кухне. Шел он неторопливо, высоко, по-журавлиному поднимая ноги. Глядя ему вслед, Поликарп вспомнил, как организовался у них на Патронном кружок и пропагандист из студентов обучал их грамоте, занимался с ними географией и историей. Исподволь, все больше примерами из жизни других народов говорил о том, как устроены государства, где нет царей...

Человек шесть посещали кружок. Саушкину нравились занятия, ясно становилось: рано или поздно, а жизнь будет переделана, и совершит это рабочий народ.

Однажды пропагандист привел товарища. Тот оказался такой же, как и слушатели, рабочий, плотничал где-то на верфи. Звали его Степаном Халтуриным. Позже, когда Поликарп поближе познакомился с Халтуриным, он много узнал от него такого, за что жандармы не милуют. Степан сразу же предупредил: «Держи, Поликарп, язык за зубами, не всякому открывай душу».

Слова эти Саушкин хорошо запомнил, даже Дьячкову не рассказывал о кружке и товарищах.

Мысль о заводе и Халтурине всколыхнула Поликарпа. Вспомнился ему темный сырой барак, место на дощатых нарах. Вернется, бывало, со смены, выпьет кипятка с хлебной коркой, и спал-не спал, как будил его рев фабричных труб. Голос своего, заводского, узнавал из многих — сиплый, с надрывом.

Барак оживал, приходил в движение, выбрасывал в темень обитателей. Горели редкие уличные фонари с закопченными стеклами, прятался в караульной сторож, в распахнутые заводские ворота втягивался работный люд...

Увидев возвращавшегося Дьячкова, Сухов подхватился и, размахивая котелком, рысцой потрусил за щами. Поликарп усмехнулся, Сухов старался попасть на кухню, когда тем оставалось мало солдат — авось повар расщедрится и плеснет чуток больше.

Василий протянул Поликарпу котелок. В редких щах из кислой капусты плавал кусок солонины с костью.

— С душком, — заметил Дьячков.

— В фабричной лавке каждодневно такое.

Не успели солдаты с едой справиться, как загромыхали турецкие пушки. Снаряды рвались с далеким недолетом, поднимая комья земли и щебня. Внизу пришли в движение таборы Шакир-паши.

Батальон орловцев занимал позиции. Сухов ел торопливо, приговаривая:

— Святый Боже, Святый крепкий, Святый бессмертный, спаси и помилуй нас.

Саушкин повернулся к Дьячкову.

— Пошли?

— Оно бы лучше наперед пальнуть разок-другой, — сказал Дьячков.

— Патроны берегут, а солдата не жалеют.

— Солдата бабы рожают, а патроны деньгу стоят.

Первыми на перевал, спешившись, полезли черкесы. Они размахивали саблями. За ними тронулась турецкая пехота...

— Началось, — сказал Гурко стоявшему рядом Столетову. — Господа, — повернулся он к офицерам, — прошу следовать в батальоны и дружины. — И снова Гурко обратился к Столетову: — Вот, Николай Григорьевич, то, чего мы с вами ждали. Это и рассудит нас с генералом Радецким.

У Орлиного Гнезда взорвались заложенные фугасы.

— Преждевременно, — огорчился Столетов.

Турки обошли фугасы лесом. По траншеям передали приказ: принять в штыки!

Саушкин примкнул штык, выбрался на бруствер:

— Пора, Василий.

Вслед за Саушкиным кинулись на неприятеля орловцы. А с горы Святого Николая ударили болгарские дружинники, гнали османов, пока не заиграли трубы, возвещая конец контратаки.

Из генерального штаба на Шипку прибыл офицер с предписанием генерал-адъютанту Гурко: оставив перевал, явиться в штаб армии.

Выехал в тот же день. Но накануне зашел в землянку к Столетову:

— Вот, Николай Григорьевич, великий князь отзывает, Шипку покидаю с тяжелым сердцем, вижу все трудности, ожидающие вас, Сулейман не откажется прорваться через перевал. И, ежели ему это удастся, суровое испытание предстоит Дунайской армии.

— Мне ли этого не знать, ваше превосходительство. Трудно мне будет без вас. Ох, как трудно.

Они присели. Столетов налил в стопки вина, выпили, закусив ломтиками вареной говядины.

— Мне бы с вами быть, Николай Григорьевич, ан, Плевна зовет.

— Как не понять, Иосиф Владимирович, будем держаться. Уповаю на помощь Радецкого.

Гурко неожиданно поднялся:

— На Бога надейтесь, Николай Григорьевич, да сами не плошайте. В штабе я доложу обстановку. А еще уведомлю великого князя, на Шипке нуждаются не только в подкреплении, но и в продовольствии, боеприпасах и обмундировании.

Генералы обнялись, Столетов сказал:

— Чую, Иосиф Владимирович, коль позвали вас, то не иначе у Плевны обстановка не из благоприятных.

— Ну, Николай Григорьевич, помогай вам Бог... И еще прошу вас, генерал. Вы отец болгарского ополчения, и я не раз отмечал храбрость ваших воинов. Но помните, они не полностью обрели боевой опыт, и кто знает, как поведут себя, когда не будут опираться на плечо русского солдата. На Шипке вместе с орловцами, брянцами болгары учатся у солдата российского сметке и храбрости, взаимной выручке. Говорю это вам, Николай Григорьевич как русскому генералу, вы мудрый и опытный воин, обучите ополченцев тому, чему вас научила солдатская жизнь. Я говорю это, покидая Шипку, зная вас, достойного русского офицера, испытанного в сражениях. Болгарские воины обязаны уважать российского солдата, у кого учатся воевать и кто за их отечество жизнь отдает...

Уехал генерал Гурко, а вместе с ним Нагловский и штабные офицеры из 8-й Гвардейской кавалерийской дивизии, и пустоту в душе ощущал генерал Столетов. Давно понял: генерал Гурко не только боевой товарищ, но и военачальник, у которого учились и он, Столетов, и Раух, и Шувалов, и другие генералы.

Оставшуюся часть дня Столетов тщательно осматривал Шипку, ее укрепления.

Южную сторону шипкинского укрепления со стороны Долины Роз составляла гора Святого Николая. Три батареи, получившие возможность кругового обстрела, в каждую минуту готовы были направить жерла пушек на наступающего противника.

По другую сторону дороги стояла стальная батарея из шести дальнобойных крупповских орудий, отбитых у турок еще при генерале Гурко.

А позади передовых укреплений, по обеим сторонам дороги, что уходила на Габрово, две батареи — Круглая и Полукруглая.

Система траншей и окопов, где засели стрелки, позволяла защитникам перевала запереть дорогу таборам Сулейман-паши.

Куда ни глянь, кругом гористая местность, гряды горных хребтов. Генерал Столетов смотрел на тянувшиеся не более чем в двух верстах хребты с правой и левой стороны от Шипки и думал о том, что, если противник пошлет на горы Лысую и Малый Бедек своих солдат, он получит господство над Шипкой, в том числе и над горой Святого Николая. Турки смогут перекрестно простреливать всю шипкинскую оборону. Занять бы эти горы, закрепиться там, но какими полками? Если бы он, генерал Столетов, располагал такими возможностями... Ждать подкреплений от генерала Радецкого в ближайшее время нереально.

Первые попытки османов овладеть Шипкой отбиты. Столетов уверен: Сулейман-паша на этом не успокоится. Его армия копит силы, и может случиться такое, что она от прямых атак перейдет к осаде Шипки.

У Саушкина было много атак, но одна запомнилась особенно.

Наступавший по перевальной дороге табор командование решило отрезать и уничтожить фланговыми ударами, обойдя лесом, с одной стороны батальоном орловцев, с другой — болгарской дружиной.

По левому флангу табор обошли болгары, по правому — орловцы, ударили разом, отрезали путь к отступлению. А с фронта батальон стрелков насел на османов.

Повернули турки, но дорога перекрыта.

На помощь пехоте поспешили две сотни конных черкесов и башибузуков. Свирепо визжа, размахивая ятаганами, они неслись на орловцев и болгар. Стрелки дали залп, второй. Смешались черкесы и башибузуки, а первая линия уже приняла их в штыки.

Над Поликарпом лохматый башибузук ятаган занес, но Саушкин опередил, достал башибузука штыком. Черкесы и башибузуки повернули коней, ускакали.

Зажали орловцы и дружинники табор в тиски, но турки не сдаются, дерутся жестоко. Бой был коротким, суровым, немногим османам удалось прорваться...

В тот день, несмотря на уже сгустившиеся сумерки, долго не расходились дружинники и стрелки, даже орудийная стрельба не была помехой. Орловцы к себе в траншею зовут болгар, дружинники стрелков тянут. В укрытии костры разожгли, похлебку и кашу варили. Бородатый дружинник позвал к огню Поликарпа, сказал по-русски:

— Меня Христо зовут.

На треноге булькала в котелке чечевичная похлебка. Достал Христо из кармана узелок с красным перцем, всыпал в котелок, размешал. Потом снял с огня, подвинул к Саушкину.

— Ешь, братушка.

Похлебка пахла чесноком, душистыми приправами, обжигала перцем.

— Там, на Марице, моя деревня, — Христо указал рукой за Балканы. — Мы придем к ней. — И, посмотрев на ладони, добавил: — Руки по хозяйству истосковались.

Саушкину взгрустнулось. Христо увидел, спросил:

— О чем, братушка, задумался?

— Вот мы вас от османов освобождаем, а у самих свободы — кот наплакал. У нас над мужиком барин изгаляется. Знаешь, как российский мужик живет? Его от крепости, от неволи освободили, а он сызнова на поклон к помещику: то землицы в аренду, то лошаденку на время... А на заводе затемно к станку встанешь и дай Бог в барак в полночь попасть... Спал-не спал, уже фабричный гудок ревет... Чуть что не так, за воротами очутишься, помирай с голодухи. Оттого в кабаках российский работный человек напьется с горя и с тоски и поет. Слыхал такую песню?

И пить буду,
И гулять буду,
А смерть придет —
Помирать буду...

— Невеселая, братушка, песня, слезная, — Саушкин положил руку на плечо Христо.

На рассвете, когда затих бивак, Поликарп с Христо пели вполголоса, каждый свою песню...

В том бою под кривым Селимом убили коня. Падающий арабский скакун придавил ему ногу. Пока выбирался, башибузуки и черкесы, не выдержав яростной атаки орловцев и дружинников, визжа и гикая, кинулись на прорыв. Кривой Селим ухватился за стремя чужого коня. Черкес саблей замахнулся, но Селим не испугался. Не оторвался от стремени даже тогда, когда русский солдат вонзил в него штык...

На привале башибузуки сняли с Селима шаровары, промыли рану. Стонал и ныл кривой Селим, проклиная нечестивых гяуров.

Когда Сулейман-паше стало известно, что Шипку обороняют лишь дружины болгарского ополчения да полк орловцев в неполном составе и брянцы, он принял решение смять сторону превосходящими силами. Сулейман-паша бросил на штурм бригады Реджеб-паши и Шакуни-паши. Однако стойкая защита и потери в бригадах заставили турецкого военачальника изменить тактику.

Тщательная разведка привела Сулейман-пашу к выводу: прорыв обороны с марша невозможен. Превосходство позиции защитников даст им возможность наносить урон наступающим, оставаясь, по сути, почти неуязвимыми.

И Сулейман-паша принял решение: обходным движением занять Лысую гору, которая господствует над перевалом и над горой Святого Николая, где укрылись

русские, а также установить батарею Реджеб-паши на Малом Бедеке.

— Если, — сказал Сулейман-паша, — мы посадим на Лысой горе наших аскеров, они возьмут под прицельный огонь всех защитников Шипки и тех болгарских собак, какие везут русским продовольствие.

Сулейман-паша убежден: Столетов не допустил тактического просчета, не заняв своими стрелками Лысую гору, у русского генерала недостаточно солдат.

Позвав Расим-пашу, Сулейман велел:

— Реджеб-паша уже потащил пушки на Малый Бедек, а ты, Расим, пошлешь четыре табора и батарею на Лысую гору. Они оседлают ее и, подобно охотникам в засаде, будут стрелять по обреченным гяурам. Когда же мы овладеем перевалом, то сбросим болгарских войников живьем в ущелья, а тех болгарских ублюдков, какие тащат для русских свои хурджумы с едой и фляги с водой, ослепим и отрубим им правую руку. Мы их лишим света, дарованного Аллахом.

— Позволь, сердер-экрем, моим башибузукам сделать из голов русских солдат пирамиду на вершине Шипки!

— Судьбу всех, кто цепляется за перевал, Расим-паша, Аллах вверяет твоим аскерам.

Вечером с предгорий потянуло холодом, и командир Балканского отряда генерал-адъютант Радецкий велел затопить печь.

Тепло быстро расползалось по комнатам, и Федор Федорович даже приоткрыл дверь.

Сгущались сумерки, и Радецкий распорядился зажечь свечи. В комнате запахло топленым воском.

Денщик принес генералу ужин: болгарский сыр, масло, чай.

Радецкий не любил плотный ужин.

К крыльцу дома подъехали, и Федор Федорович удивился позднему гостю. Но вскоре по голосу определил — Гурко.

Федор Федорович встретил генерала у двери, пригласил к столу.

Беседу вели за ужином.

Радецкого Гурко ничем не удивил, он знал нужды защитников перевала, ему было известно и то, что Сулейман-паша уже начал штурмовать Шипку, но Гурко так и не сумел его переубедить: Сулейман-паша коварен и, по мнению Радецкого, может кинуть таборы и в другом месте.

У Радецкого Иосиф Владимирович не задержался, и они расстались каждый со своим мнением. Одно пообещал Радецкий послать на перевал обоз с продовольствием. Федор Федорович думал, что армия Сулейман-паши не уступает Балканскому отряду, а турецкий главнокомандующий — опытный стратег, и не исключено, что Шипка — один из его маневров. Из этого и исходил, рассредоточивая Балканский отряд так, чтобы можно было бросить его на главном направлении наступления таборов Сулейман-паши.

Часть батальонов с генералом Святополк-Мирским на правом фланге прикрыли проходы от Ловчи к Тырново. Дерожинский стоит в Габрово. Столетов на Шипке. Ему и зачищать Шипкинский и Троянский перевалы.

— А у Кесарова отряд Осман-Пазарский. И его надо держать. Еще Борейта и Громан. Эти полковники прикрыли Загору, закрыли Хайнкиейский перевал...

И снова у Радецкого сомнения. Он теряется в них...

Куда все-таки направит главный удар Сулейман-паша? Гурко и Столетов уверяют — на Шипку, и что турецкая армия уже завязала сражение за перевал.

Ну, а вдруг это ложный маневр и армия Сулеймана перейдет в наступление на левом фланге?

А от Разграда двинется к Плевне Мехмет-Али-паша... На пути у него городок Бела, где Главная квартира императора.

От такой мысли у Федора Федоровича пот холодный на лбу проступил, и он перекрестился.

— Избави Бог!

Распечатав новую колоду карт, разложил пасьянс. Генерал любил побаловаться картишками. Поморщился. Никакой ясности.

Кликнул денщика, приказал снова подать чаю, да покруче, и с липовым цветом.

Федор Федорович был большой ценитель чая. Всяким заваркам предпочитал молодые побеги вишни, а липовый цвет, пахнувший медом, любил особо. От него приходили к генералу покой и душевное умиротворение. Мыслью возвращался к далекому детству, к бабушкиному поместью, где на пасеке гудели пчелы и пасечник, крепостной парень, рассказывал всякие смешные байки.

Денщик внес чай, поставил перед генералом. От крутого кипятка поднимался пахучий пар. Федор Федорович отхлебнул маленький глоток, блаженно прикрыл глаза. Думать стало легче.

Новое назначение — командовать Балканским отрядом — Радецкий принял охотно. Ранее такой большой должности он не имел. Однако Радецкий видел и всю сложность, какую взял на себя. А тут еще просьбы генералов выслать резерв. Особенно Столетов настаивает, пять рот Орловского полка из Габрово требует.

Каково генералу Радецкому? У Столетова один перевал, а у Федора Федоровича — Балканы, и это при скудости резервов.

Не успел чай выпить, как заехал начальник разведки Дунайской армии полковник Артамонов. За обедом завязался откровенный разговор. Артамонов поделился с Радецким полученными сведениями от разведчиков-болгар. Их агентурные сообщения подтверждали данные Столетова: Сулейман-паша направил армию на Шипку, но опасность не снята и в районе Разграда, и Осман-Пазара.

— Наступление на Шипку, предполагаемое генералом Столетовым как главное, не явится ли вспомогательным, покажет время, — заявил Артамонов. — Тем паче есть сообщения, что Мехмет-Али-паша начал перестановку своих таборов.

— Именно этого я и опасаюсь, полковник. Полковник Лермонтов из Еленского отряда сообщил полковнику Борейте, что наткнулся на укрепленные позиции неприятеля, выбил его и по пути преследования встретил значительные турецкие силы...

— Надеюсь, вскорости все прояснится.

— Тогда мы сможем варьировать резервами, а пока повременим. Хотя генерал Столетов настойчив.

— Его можно понять, пока он принял на себя первый удар.

— А защитники перевала, полковник, оказались стойкими солдатами.

— В патриотизме, ваше превосходительство, и болгарам не откажешь. Мои лучшие разведчики — болгары.

— Николай Григорьевич рассказывал, жители Габрово и близлежащих сел снабжают защитников Шипки провиантом и водой.

— В русском солдате они справедливо видят своего освободителя. Ваше намерение в отношении Еленского отряда, если не секрет?

— Намерен утром двинуть к Елене 4-ю стрелковую бригаду, а генерала Драгомирова к Златарице.

— Но это же, ваше превосходительство, совсем противоположное Шипке направление?

— При всем моем уважении к генералу Столетову, полковник, я не окажу ему до поры серьезной помощи. Позиция у него выгодная, фланги неуязвимы. Ко всему прочему, повторяю, рассматриваю движение Сулейман-паши как демонстрацию.

•

Дорога тянулась вдоль узкого гребня гористого кряжа. Кряж начинался от Габрово и поднимался до наивысшей точки на Шипке — горы Святого Николая.

С кряжем вместе уходила через перевал и далее к югу, в Долину Роз, каменистая дорога. Сейчас ее прикрыли от рвущихся через Балканы турок солдаты-орловцы и брянцы, да и дружинники генерала Столетова.

По дороге от Габрово на Шипку, пренебрегая постоянным обстрелом, ставшим особенно опасным с момента, когда таборы Вессель-паши заняли Лысую гору, поднимались болгары с хурджумами, ведя в поводу осликов, груженых всякой провизией и перекинутыми через седелки флягами с водой. Радостно встречали их

солдаты. А пришедшие болгары, увидев Столетова, с поклоном спросили, могут ли они не стыдиться за своих войников? И остались довольными словами российского генерала, отвечавшего им на чистом болгарском языке. Указывая на поклажу, сказали:

— Русским братушкам и нашим войникам угощение.

Покидая Шипку, увозили раненых, не разместившихся в санитарных фурах, обещая вскорости побывать на перевале снова.

С любовью смотрел Стоян на этих мужественных людей, не пугавшихся свиста пуль и разрывов снарядов. Не окажи они помощи защитникам Шипки, сидеть бы солдатам голодными. А всему интенданты виновные. Воруют безнаказанно, заключают темные сделки. А крестьяне не только продукты, но и воду доставляют.

Однажды в землянку к Стояну Райчо Николов ввел старика-болгарина, сухого, с лицом, изрезанным глубокими морщинами, в кожаных постолах, полотняной рубахе навыпуск и овчинной безрукавке.

Сняв барашковую папаху, он степенно поклонился поручику. Николов предложил старику сесть, но тот отказался. Поставив у ног торбу — джаги, старик принялся вынимать из него огромную булку пшеничного хлеба, кольца домашней колбасы, вяленое мясо, брынзу, кусок сала, связку лука и еще какие-то свертки, завершив все тыквой-горлянкой с вином.

— На добр час! На добр час! — проговорил старик.

Стоян недоуменно посмотрел на капитана. Райчо, уловив его взгляд, сказал:

— Дядюшка Марко из Тырново, брат покойного мужа тетушки Параскевы. Узнав, что дядюшка Марко собрался на Шипку, тетушка Параскева приехала к нему из Систово с подарками для нас.

Старый болгарин извлек из хурджума расшитый красными нитками льняной рушник, протянул Николову, сказав что-то. Райчо ответил, при этом хитро посмотрев на поручика.

При имени тетушки Параскевы Стоян тотчас же подумал о Светозаре, и на душе сделалось тепло и радостно. Они с Райчо предложили старику отдохнуть, но тот замахал руками, заговорил торопливо. Николов перевел:

— Дядюшка не стесняется нас, но говорит: обратная дорога не короче, а своим домашним он обещал обернуться в три дня...

Проводив старика версты три, Стоян и Николов возвращались на позицию, когда солнце поднялось высоко над горами.

— Габровцы уверяют, на Шипке зима коварная, — заметил Николов. — Это и дядюшка Марко подтверждает.

— Я слышал, — кивнул Стоян. — Морозная и ветреная. А часто вдруг польют дожди — и снова мороз. Я, Райчо, уже сейчас ночами чувствую холод.

— Снега перевал заметают, отрезают дороги, ни подъезда, ни подвоза, а наши солдаты одеты худо, не для местной зимы. Люди говорят: скорей бейте турка и спускайтесь в Казанлык.

— Хорошо бы, да предвижу — надолго мы засели здесь. И все Плевна.

— Осман-паша приковал к себе армию.

— Слушай, Райчо, тишина какая, птицы поют.

— Турки обедать собрались, намаз творят, — Николов и Узунов вошли в землянку. — А почему ты не спрашиваешь о Светозаре?

Стоян посмотрел на капитана.

— Но что мог сказать о ней дядюшка Марко, когда не видел ее?

— Он говорит мало, но для тебя достаточно много. Тетушка Параскева наказывала: «Светозара шлет поручику Стояну, какой дружит с капитаном Николовым, привет и желает доброго здоровья». А тот рушник Светозара посылает тебе, поручик. — Райчо хитро посмотрел на Узунова. — Ты доволен?

— Лучше бы я услышал эти слова от нее.

— Уверен, твое желание когда-то сбудется. — Николов взболтнул тыкву-горлянку и, плеснув в кружки вина, сказал: — На счастие, поручик!

* * *

С Лысой горы, не смолкая, били по перевалу турецкие пушки. В селении Шипка началось оживление. В бинокли Столетов и командиры Орловского и Брянского полков видели, как строились в боевые колонны таборы. Вытянувшись лентой, извиваясь змеей, они двинулись к перевалу.

— Итак, господа, будем встречать гостей, — сказал Столетов полковникам. — Прикажите приготовиться к отражению атаки, — сказал Столетов Рынкевичу, отрывая глаза от окуляров. — Сулейман-паша судьбу испытывает. Передайте полковнику Толстому и капитану Николову быть готовыми отразить фланговый удар. Батареям с горы Святого Николая обстрелять Лысую. Попытаться подавить их огонь.

— А как фугас?

— Взорвать, когда первый табор минует участок...

Солдаты орловцы и брянцы, болгарские дружинники заняли боевые позиции.

Загромыхали орудия на горе Святого Николая. Взлетели к нему груды камня и щебня. Турецкие батареи, обстреливавшие перевал, перенесли огонь на гору. Завязалась орудийная пальба. Круглая батарея перевала вела обстрел дороги, по которой двигались таборы.

Полковник Толстой, собрав командиров рот и дружин, отдавал последние перед боем распоряжения. Дружине Николова и Стояна надлежало отразить наступление таборов Расим-паши, засевших на Лысой горе...

В полдень турки двинулись на приступ. Над табором заколыхались зеленые знамена, призывно выкрикивали муллы:

— Бисли-ллахи-р-рахмани-р-рахим!*

— Расчехлить полковые стяги и стяги ополчения, — приказал Столетов. — Усилить орудийный обстрел колонн. Контратаковать, подпустив на короткую дистанцию!

Турки приближались.

---

* Во имя Аллаха милостивого, милосердного! *(тур.)*.

— Николай Григорьевич, пора взорвать фугас, — сказал Рынкевич.

Столетов еще раз посмотрел на дорогу.

— Когда первый табор минует тот выступ, взрывайте.

Таборов еще не было видно, но Саушкин уже слышал топот множества ног, густой гомон. Василий Дьячков проговорил:

— И мороза будто нет, жарко.

Из-за поворота показались первые нестройные ряды, а следом повалил весь табор, и тут за горой, будто земля разверзлась, грянул взрыв. Поликарпа качнуло, а в ушах зазвенело и зашумело. К небу, клубясь, поднялся столб огня. Турки остановились в замешательстве.

— Братушки! — капитан Попов, командир третьей дружины, вскочил на бруствер. — Напред! Напред! На бой!

Роты орловцев и брянцев, болгарские дружинники опрокинули турецкий табор. Столетов видел, как после взрыва фугаса дрогнули и побежали задние таборы. А отсеченный табор смяли и погнали солдаты и ополченцы.

— Велите играть отбой, — сказал Столетов.

Перед самым рассветом Александру Второму привиделась длинная анфилада комнат, и он, император, переходит из залы в залу. Кто-то невидимый мгновенно распахивает перед ним белые, с позолотой, двустворчатые двери.

Александр никак не поймет, где он. И не Зимний дворец, и не Красное Село...

А он идет и идет, и уже в последней, крайней зале вдруг появилась Катенька Долгорукова, его, императора, любовь, Александр видит ее лицо как в тумане, направляется к ней, но она отдаляется от него. Царь укоризненно смотрит на свою белоснежную красавицу (так называет он ее с глазу на глаз), тянет к ней руки, но Катенька, прелестная Катенька молчит, будто не видит его. Царь злится и просыпается.

Долго лежал под впечатлением сна. Первым порывом было под благовидным предлогом вызвать Долгорукову на Балканы, в Главную квартиру, но останавливает мысль, что уже и так достаточно злословят по поводу главнокомандующего великого князя Николая Николаевича, упросившего свою любовницу, балерину петербургских императорских театров Екатерину Числову приехать на гастроли в Бухарест.

Царь раздраженно подумал о брате, что у того не о военной кампании заботы, а как в Бухарест к пассии выбраться...

И снова мысленно вернулся к Катеньке Долгоруковой. Чем привлекла его, стареющего императора всероссийского, красотой ли, молодостью? Этим летом ей тридцать исполнилось.

На свой вопрос ответа не нашел.

Вспомнилась первая встреча... Началось с парижского увлечения, а нынче чувствует к ней любовь и привязанность необычную. И пусть брак их морганатический, но Катенька жена ему, жена...

Утро императора в Главной квартире началось как обычно, с осмотра лейб-медиком Боткиным. Он долго щупал царский живот, просил показать язык. Александр спросил с легкой иронией:

— Как наш желудочный катар, любезный Сергей Петрович?

— Катар требует режима, ваше величество, — хмурясь, ответил грузный Боткин.

— Вы чем-то недовольны?

— Ваше величество, — Боткин близоруко прищурился, — необходимо принять надлежащие меры к санитарной службе. Раненых и больных многие тысячи, а лечение и уход, как вам сказать мягче, оставляют желать лучшего.

Александр Второй недовольно отвернулся, постучал ногтем по столу, на который камердинер уже поставил кофейник и сливки. Помолчав, сказал раздраженно:

— Почему-то у всех превратное представление о моей персоне, будто я ничего не вижу и ничего не знаю. — Посмотрел на Боткина. — Я, уважаемый Сергей Петро-

вич, посетил госпиталь в Беле и считаю: в военных условиях трудно достичь лучшего. Так пусть же санитарная часть остается заботой князя Голицына, а вам достаточно и моего здоровья.

Необходимость взятия Плевны теперь понимали все, от офицера до главнокомандующего. Первое спокойствие в штабе Дунайской армии сменилось тревогой и озабоченностью.

Плевна явилась причиной ухода отряда Гурко из Забалканья. Плевна приковала бригады и дивизии, какие должны были вслед за Передовым отрядом перейти Шипку и двигаться на Адрианополь. Плевна перечеркнула данный план. Более того, Осман-паша, Сулейман и Махмет-Али-паша в случае соединения отрезали бы Балканский отряд от главных сил, отбросив русскую армию за Дунай.

Плевна грозно нависла над правым флангом российской армии.

К Плевне выехали главнокомандующий со штабом и военный министр. Провели рекогносцировку.

Великий князь Николай Николаевич доносил государю в Главную квартиру, что, если Осман-паша выйдет из укреплений, он тут же будет разбит и город взят, ибо сил для этого у армии, осадившей Плевну, достаточно.

Возвратившись в Главную императорскую квартиру, Милютин и Горчаков имели беседу с Александром. Разговор местами носил резкий характер, однако император проявил терпимость.

— Вы, ваше величество, — сказал Милютин, — должны были заставить главнокомандующего принять план генерала Обручева. То, что мы имеем сегодня — результат игнорирования труда опытных работников Генерального штаба. Я, ваше величество, если помните, выражал неудовольствие назначением генерала Непокойчицкого начальником штаба Дунайской армии, но,

однако, великий князь Николай Николаевич не прислушался к моим словам.

— Сегодня вы слишком экспансивны, Дмитрий Алексеевич. Это результат ваших впечатлений от поездки под Плевну.

— Отчасти так, ваше величество. Не только главнокомандующий, но и я, как военный министр, несу ответственность за боевые операции, а они, как видите, пока оставляют желать лучшего.

— Я надеюсь, со взятием Плевны обстановка изменится. Главнокомандующий обещает.

— Будем надеяться, ваше величество, и уповать на счастье и промахи верховного турецкого командования.

Милютин настоял на отказе от четвертого штурма Плевны.

— Мы положили тридцать тысяч солдат и пока безрезультатно, ваше величество. Соблаговолите вызвать генерала Тотлебена. Вы ведь сами утверждали, что он непревзойденный знаток инженерного дела.

Александр Второй согласился и тут же распорядился вызвать в Главную императорскую квартиру Тотлебена, а также отправить в Дунайскую армию гвардию.

— Я получил депешу от советника Жомини, — сказал Горчаков. — Ему стала известна переписка генерала Вердера с Бисмарком.

— И что же уполномоченный германского императора в Петербурге?

— Язвительность генерала перешла грань дозволенного. Неприязнь его к российскому оружию явная. Вердер пишет: российская армия забыла победный звук фанфар и австрийцы при желании могут наступить ей на пятки.

Лицо императора побагровело.

— Я потребую от канцлера отозвать генерала Вердера из Петербурга.

Горчаков возразил:

— Не ко времени, ваше величество. Бисмарк может обратить это против нас.

— Что вы предлагаете конкретно, Дмитрий Алексеевич?

— Мы перед необходимостью овладеть Плевной до зимы, после чего перейти Балканы и развивать наступление правым крылом на Софию, а основными силами, разгромив корпус Сулейман-паши, двинуться на Адрианополь.

— То же предлагал и генерал Обручев.

— Да, ваше величество. Только такой вариант обеспечит быстрое окончание войны.

— После чего слово останется за российской дипломатией, — заметил Горчаков. — И как бы нам ни пришлось трудно, мы принудим султана подписать мир, нами продиктованный.

Погода портилась. Лили дожди, и холодный ветер вольготно гулял по горам, врывался в ущелье. Низкие тяжелые тучи натыкались на скалы, рвались, оставляя рыхлые космы. Костры не горели, дымили без огня. Солдаты сетовали — ни обсушиться, ни обогреться. Вырыли землянки. Сухов сказал:

— Печку бы.

— Может, тебе и бабу, Сухов?

— Хе-хе!

Один из стрелков вздохнул:

— В избе на полатях за ночь взопреешь, по утречку ноги сами на улицу несут.

— Эхма, аль было такое?

— Ниче, братцы, за Богом дружба, за царем служба! Терпи.

Дьячков буркнул:

— Царя бы сюда, на одну ночку!

Сухов расслышал, голосок подал:

— Ты, Василий, имя царя не поминай всуе.

— Вредный же ты мужичек, Сухов, ровно заноза. Выйдем, Поликарп.

Выбрались из землянки, размялись после сна. Сентябрь лист на дереве сбросил, по вершинам припорошило первым снежком.

— До белых мух досиделись.

— Конца обороне не видать, за месяц атакам счет потеряли.

Саушкин подумал, турки торопятся взять перевал до зимы. Завалит снег дорогу, тогда Балканы им не перейти. Оттого их атаки ожесточаются и после каждой сотни убитых оставляет. Только вчера не менее двух бригад ходили на приступ, а с Лысой горы и Малого Бедека били по Шипке их батареи.

Однако и русские батареи взяли османов перекрестным огнем. Падали убитые и раненые, но живые, перешагивая, лезли настырно...

А в землянке Сухов голоском тоненьким, дребезжащим жаловался:

— Натерпелся я страху, когда увидал, как турки над нашими ранеными лютуют, руки, ноги отсекут, из солдата обрубок делают. Лежат тела безголовые...

— Аллаху угодное творят.

— Башибузук зверь, не человек.

— Ты зверя хищного не обижай. Сытый зверь человека не тронет.

Проснулся солдат, голову приподнял:

— Че приснилось мне, братцы, будто на рыбалке я. В казане уха булькает, парует. Как наяву дух чую.

— От голодухи-то. Пузо харч требует.

— Ныне какая-никакая похлебка, а снег ляжет — соси лапу.

— Сулейману перевал — орешек крепкий!

— Сколь же сидеть будем?

— Пока турку не побьем...

Вернулись стрелки из пикета.

— Слышали, к нам из резерва батальон брянцев в подмогу идет.

— Одежонки бы теплой подвезли!

— Коли Сулейман нас прежде не одолел, так уж с подмогой и подавно не одолеет.

В штаб армии Гурко прибыл за неделю до приезда Тотлебена. Иосиф Владимирович посмотрел на часы, было два часа пополудни.

Время обеденное, но адъютант главнокомандующего, полковник Скалон, доложил и великий князь принял Гурко немедленно.

Разговор шел в основном о перевале. Николай Николаевич согласился с мнением Гурко, что Сулейман-паша основной удар будет направлять на Шипку и обещал помочь ее защитникам. Однако посетовал, что все резервы армии берет на себя Плевна.

— Осман-паша настолько укрепил город, что мы вынуждены вызвать генерала Тотлебена со всеми его инженерными способностями, — сказал великий князь и потер виски.

Прошелся по комнате, подошел к карте, долго рассматривал ее. Она вся в районе Плевны была испещрена пометками синими, красными, зелеными карандашами. Наконец заговорил:

— Государь распорядился вызвать на Балканы гвардию. Вы, Иосиф Владимирович, понимаете, что это не от хорошей жизни. Гвардия начнет прибывать в ближайшие дни. И у его императорского величества было желание видеть во главе ее вас, Иосиф Владимирович. — Внимательно посмотрел на Гурко.

Тот встретил эти слова спокойно, лишь поблагодарил:

— Я признателен его величеству за столь высокий почет, мне оказанный, и постараюсь оправдать его.

Главнокомандующий кивнул:

— Вот и хорошо. После совещания с генералом Тотлебеном отправляйтесь в Эски-Баркач, где и будет формироваться вся гвардия балканской армии...

У помещения штаба Дунайской армии генерала Гурко дожидался его адъютант, чтобы проводить на квартиру, где денщик Василий уже истопил баню и успел сварить щи. Пока генерал ел, Василий молчал. Но вот Гурко отодвинул тарелку и принялся пить чай, как Василий подал голос:

— Ваш благородь, доколь здесь задержимся?

— Тебе, Василий, аль место здесь понравилось?

— Никак нет, ваш благородь, дюже оно шумливое, эвон сколь их благородий и высочеств, только успевай тянись во фрунт.

Гурко рассмеялся, успокоил:

— Недолго, Василий, скоро уедем...

Пробудился Иосиф Владимирович от запаха жареного масла. Умылся, оделся. Василий внес тарелку с блинами.

— Что это ты расстарался, неделя-то не блинная?

— До блинной недели ждать неча.

И вспомнился Гурко Петербург зимний... Блинная неделя, с балаганами, катанием на тройках, с бубенцами... Девки яркие, красивые, нарядные... Потехи, игрища... На столиках самовары пыхтят, блины на печурках железных жарятся. С пылу, с жару, хоть с маслом, хоть со сметаной...

А они, учащиеся Пажеского корпуса, бегали к Адмиралтейству блинами лакомиться, на карусели прокатиться, на лодках-качелях к небу взлетать...

Вокруг гудели дудочники, верещали свистульки, били бубны... И все вокруг пело и веселилось...

«Как же давно это было», — подумал Гурко.

Атака началась с рассветом. Солнце едва коснулось края вершины, как с Лысой горы начали сползать таборы Расима-паши. Густые темно-синие колонны, красные фески. Будто алая кровь залила склоны Лысой горы.

А по дороге двинулись бригады Реджиба и Шакир-паши. Они рвались к горе Святого Николая.

Открыли огонь русские батареи. Выжидали, подпуская противника, ложементы. Картечь косила таборы.

Турки отошли, чтобы тут же снова пойти в атаку... Третий, четвертый заход...

К обеду у Столетова в резерве оставалась всего одна рота, а бой не утихал. Видимо, Сулейман-паша решил в этот день сломить защитников, используя свое превосходство в силе...

— Муллы, с ними муллы! — зашумели дружинники, указывая Стояну на мелькавших среди турок людей в белой одежде и белых чалмах.

Муллы взывали, указывая на позиции русских. Столетов подозвал Стояна:

— Поручик, ведите последнюю резервную роту.

Выскочив из ложемента, Стоян бросился выполнять приказание. Николова увидел издали. Его резервная рота была наготове.

— Капитан! — махнул рукой Стоян.

Райчо понял: настал час его роты. Солдаты бросились за капитаном. Бой уже завязался у подошвы горы Святого Николая, где туркам удалось овладеть первыми ложементами.

С появлением роты Николова бой закипел. Гнев и ярость овладели солдатами. Знали, лучше смерть, нежели оказаться в плену у османов.

Ударили в штыки орловцы и брянцы. Стоян рубился саблей. Первыми не выдержали боя муллы, побежали. Глядя вслед отступавшим туркам, Столетов сказал Рынкевичу:

— Если сегодня снова полезут, как обойдемся без резерва?

В этот день атаки больше не последовало. А к вечеру пришел на Шипку батальон брянцев. Заслышав шум боя, солдаты последние версты бежали, не передыхая.

Будто в зыбком мареве жил Стоян. Чудилось ему, в деревне он, мальчишка, раскачивают его на качелях. Но отчего так — не дух захватывает, а боль нестерпимая, кричать хочется.

Открыл с трудом глаза. Над ним тучи плывут, в редких проемах небо синеет. А он, поручик Узунов, лежит в санитарной фуре. Когда колеса наезжают на камни, фура вздрагивает, причиняя Стояну боль.

Узунов пытается вспомнить происшедшее с ним, но мысли обрываются, и он впадает в забытье. Чудится ему, будто рядом с ним брат Василько, но Стоян не видит его, слышит голос. Вскоре голос брата сменился голосом бабушки Росицы. О чем она?

При каждой встряске поручик стонет, морщится. Чьи-то заботливые руки поправляют на нем шинель.

— Пить, — шепчет Стоян.

Кто-то поднес к губам баклажку с холодной водой, смочил во рту и тут же убрал.

Неожиданно привиделось Стояну сражение, которое вел их Передовой отряд за Шипку. Турки бежали, оставив на поле сотни изуверски казненных русских солдат.

В братскую могилу складывают головы и руки, ноги и туловища. Чьи они, кому принадлежали?.. Священник отпевает убитых. Скорбь и гнев... Рядом со Стояном Асен. Он говорит громко, и его слова звучат как клятва:

— Господи, ты велишь возлюбить врагов своих. Прости меня, Всевышний создатель. Ужели злобные деяния врагов наших прощу я? Нет, не прощу и не возлюблю врагов отечества моего и буду мстить им до последнего дыхания.

Едва вспомнилась та картина изуверства турок, как тут же прояснилась мысль о последнем бое, первом ранении... Османы навалились на их дружину двумя таборами, на него, Стояна, набежал черный усатый башибузук в непомерно широких шароварах и сандалиях, синяя рубаха подпоясана красным поясом, за которым торчала кривая сабля.

Тараща темные, как сливы, глаза, он бросился на русского офицера. Стоян увернулся, но турок, хищно оскалясь, наскочил во второй раз. Поручик попытался достать башибузука саблей, но тот, сделав длинный выпад, вонзил штык. Падая, Узунов уже не видел, как Асен ударом ножа свалил башибузука, как дружинники отразили атаку и Асен вынес поручика, а потом помогал санитару делать перевязку. Кровь сочилась, насквозь пропитывая бинт.

Размежил Стоян веки, прислушался, в фуре постанывали раненые. Шагавший рядом с фурой санитар, увидев, что поручик смотрит на него, сказал ободряюще:

— Потерпи, ваше благородие, в госпитале тую дырку заштопают...

До Габрово, где разместился полевой госпиталь, добрались часа за три, но Узунову они показались вечностью. О чем только не передумал: и о том, как, в детстве проказничали с братом Васильком, припомнилась и

пора гимназическая, и корпус, и товарищи по Измайловскому полку... А еще мысли о Светозаре. Никак не может Стоян представить ее лицо, уплывает, растворяется оно в тумане,

С тревогой подумал о молчании бабушки Росицы. Когда написал ей! Неужели рассердилась и запретит ему жениться на Светозаре?

В Габрово прибыли засветло. Санитары перенесли поручика в офицерскую госпитальную палатку, положили на матрац, набитый соломой. Пришла сестра милосердия, осторожно сняла повязку, протерла рану. Стоян смотрел в ее красивые, но печальные глаза, и не заметил, как над ним навис своей крупной фигурой доктор в белом халате с ржавыми кровяными пятнами. Крупные руки легли Стояну на грудь.

— Ну-с, поручик, удачно воткнул штык проклятый башибузук. Чуть левей или повыше — и прощай, белый свет. А в вашем положении недели через две подниму, в Тырново долечитесь, а через месяц-полтора снова в бой... — Повернул голову к сестре милосердия: — Рану обработайте, наложите повязку. Утром осмотрю еще раз...

* * *

Генерал-адъютант Тотлебен отбыл в действующую армию с двойственным чувством. Согласно телеграмме он откомандировывался в Главную квартиру императора всего лишь как советник, однако подспудно в Тотлебене жила уверенность: его ждет Плевна.

Как истинный немец, Тотлебен был человеком самоуверенным и не без основания мнил себя крупнейшим специалистом по фортификационным сооружениям.

Со времени обороны Севастополя генерал Тотлебен руководил Инженерной академией, строил форты на Балтийском и Черном морях.

Русско-турецкую кампанию он считал преждевременной, мотивируя необходимостью постройки Черноморского флота и незавершенностью перевооружения армии.

Столь удачно начавшиеся боевые действия не вскружили Тотлебену голову, и на торжества по случаю побед — балы, званые обеды — он взирал иронически.

За обедом, тщательно пережевывая свиную отбивную с любимым гарниром — жареной капустой, Тотлебен заявил своим домочадцем:

— Мой час настал. Вспомнили-таки Тотлебена.

Жена всполошилась:

— Но ты же не молод, Эдуард Иванович, и если государь пожелал видеть главнокомандующим не тебя, а своего братца, пусть великий князь и соображает.

— Нет! — генерал решительно пристукнул по столу. — Если зовут Тотлебена, значит, невмоготу.

Запершись на сутки в рабочем кабинете, генерал перелистал все свои записи и тетради с описанием различных фортификационных сооружений, какие повидал в Германии, Франции, Англии...

Проанализировал наступательные операции пруссаков и овладение ими французских крепостных сооружений. После чего отбыл, взяв в дорогу саквояж, побывавший с ним еще в Крымской кампании.

Главнокомандующий великий князь Николай Николаевич посулил своему державному братцу, что, если Осман-паша высунется из-за плевненских укреплений, он разобьет его незамедлительно. Слова оказались блефом.

Узнав о бахвальстве главнокомандующего Дунайской армией, Осман-паша мрачно ухмыльнулся и, тут же вызвав Измаил-пашу, велел сделать демонстрацию крупными силами.

Обстреливая позиции российских войск, турки несколькими колоннами вышли из Плевны и, завязав бой, неторопливо втянулись.

Сидя на белой лошади, Осман-паша лично наблюдал за действиями бригад.

Великий князь Николай Николаевич о случившемся почел за лучшее не распространяться, тем более скрыть от императора.

Сырая, холодная осень. Лили дожди с жестокими порывами ветра. Кавалькада именитых всадников объезжала плевненские позиции. От дождя всадников спасали кавказские бурки. Конские копыта чавкали в лужах, отбрасывали комья грязи. Великий князь Николай Николаевич, Тотлебен и генерал Непокойчицкий делали рекогносцировку.

Два дня назад Тотлебен прибыл из Бухареста в Главную ставку императора Александра Второго, и государь незамедлительно принял его.

— Вручаю вам честь России, армии и Плевну, — сказал Александр. — На вас, генерал, надежда.

— Я всегда помню, что служу престолу, и тем горжусь, ваше величество.

Прибалтийский немец из Митавы не грешил против истины. Все свои недюжинные инженерные способности он проявлял во славу России и укрепления престола. Именно этим можно было объяснить принятие им после окончания войны пост одесского, затем виленского, ковенского, гродненского генерал-губернатора.

Настрой спутников — побыстрее завершить рекогносцировку и спрятаться от дождя в тепло — раздражало Тотлебена. Он не мог сосредоточиться и вникнуть в обстановку, а уже даже беглое знакомство позволяло ему сделать заключение: Плевна — орешек серьезный.

Великий князь небрежно заявил:

— Общая картина ясна. Дождемся гвардейского корпуса и начнем штурм. Не так ли, Эдуард Иванович?

Главнокомандующего поддержал начальник штаба Дунайской армии:

— Мы имеем теперь и опыт действия штурмовых колонн, — сказал Непокойчицкий.

— Ваше высочество, я пока не готов к столь категоричным суждениям, — ответил Тотлебен. — Позвольте мне еще и еще раз все взвесить, чтобы высказать свой план государю и вам.

Великий князь недовольно поморщился:

— Ваше право, генерал. Его величество возложил Плевну на вас...

На следующий день Тотлебен, теперь уже без главнокомандующего и Непокойчицкого, лишь в сопровождении генерала Гурко, под чье руководство император передал гвардию, и князя Имеретинского, участвовавшего во всех прежних штурмах Плевны, сделал глубокую рекогносцировку.

Выехали поутру. Моросил мелкий назойливый дождь. Чувствовалось, осень вступила в свои права. То и дело вытирая лицо и бороду носовым платком, Гурко думал, что на Шипке сейчас уже ночи совсем холодные, сквозит ветер, а интенданты еще не завезли теплую одежду. Посочувствовал Столетову и солдатам, сидящим на перевале...

Подковой охватили Плевну российские войска. Продуваемые ветром, мокли солдатские и офицерские палатки. В кострах не горели, больше чадили сырые дрова. В окопах и ложементах мерзли солдаты. С той и другой стороны лениво постреливали орудия. Будто бабы у колодцев перебранку затеют. Поморщился Гурко:

— К чему снаряды попусту тратят?

— Это они, ваше превосходительство, душу отводят, — заметил князь Имеретинский.

К обеду успели объехать все укрепления на левом фланге. Сопровождавших генералов кавалькаду драгун обнаружили турки, и вот уже первые снаряды разорвались поблизости, взрыхлили землю. Вскоре огонь стал вестись прицельно. Конь под Тотленом прянул.

— Вы бы поостереглись, Эдуард Иванович, — заметил Гурко.

— В Севастополе случалось и поопасней, — отмахнулся Тотлебен. — Вот вы, Иосиф Владимирович, какие имеете соображения по Плевне? Согласны высказаться за штурм этих укреплений?

Гурко повременил с ответом. Тотлебен не торопил. Иосиф Владимирович думал. Он представлял, четвертый штурм приведет к огромным потерям. Солдатам придется преодолевать сложную систему оборонительных укреплений. И Гурко заговорил:

— Считаю, Эдуард Иванович, штурм преждевременным, это связано с потерей мужества солдат.

— Что же вы предлагаете?

— Необходимо подтянуть силы, окружить город кольцом укреплений. С подходом гвардии обратить особое внимание на Софийское шоссе, Горный Дубняк и Телиш.

— Вполне резонно, — кивнул Тотлебен. Потом повернулся к Имеретинскому: — Что вы, князь, имеете сказать?

— Ваше превосходительство, мне остается присоединиться к сказанному генералом Гурко.

И снова ехали, молчали. Гурко хотел услышать, что же думает Тотлебен, как решит он?

Дождь не прекращался, грязь чавкала под копытами.

— Экое ненастье, — проворчал Тотлебен. — А у меня в такую погоду кости ноют. Севастополь знать дает. Жена, провожая меня, говорила: не надоело тебе, Эдуард Иванович, воевать, не пора ли на пенсион? Вот отпустит меня государь со службы, в Митаву поеду, могилы батюшки и матушки навещу... Вы ведь, Иосиф Владимирович, признайтесь, в своих родных местах давно бывали? Где ваша земля отчая?

— В губернии Могилевской, Эдуард Иванович... Я так давно не бывал там, что, поди, и места там не узнаю.

— Беда, беда наша, что раз оторвавшись от корней своих, мы не можем обрести их снова.

И нахмурился. Его белесые глаза навыкате сентиментально повлажнели. Но ни Гурко, ни Имеретинский за каплями дождя, стекающего по его лицу, этого не заметили.

Но вот генерал Тотлебен промолвил:

— Спасибо, господа, ваши предложения совпали с моими, и теперь я готов доложить их императору.

— Эдуард Иванович, — вдруг прервал его Гурко, — особо хочу обратить ваше внимание на формирующуюся армию противника в окрестностях Софии. У меня это вызывает определенное опасение. Не готовят ли они ее на помощь осажденной Плевне? Либо, закрепившись на перевалах, армия станет противодействовать нашему продвижению за Балканы. Мы не должны снимать этого со счетов. Та софийская группировка тревожит меня...

— Да, да, Иосиф Владимирович, беспокойство ваше не беспочвенно, но обратить наше оружие против Софийской группировки мы сможем, лишь развязав руки с Плевной... Однако я выскажу все, что вы мне сказали, императору...

В тот же день поздним вечером император вызвал Тотлебена на доклад. Присутствовали главнокомандующий великий князь Николай Николаевич, начальник штаба Дунайской армии генерал Непокойчицкий, командующий войсками гвардии генерал Гурко, румынский князь Карл и те генералы, чьи соединения принимали участие в прежних штурмах Плевны.

Доклад Тотлебена носил обстоятельный и взвешенный характер. Говорил Тотлебен уверенно, доказательно. Даже противник промедления штурма великий князь вынужден был промолчать. Лишь генерал Непокойчицкий спросил удивленно:

— Судя по вашему докладу, Эдуард Иванович, вы не планируете брать Плевну приступом?

— Как видите, Артур Адамович. Мы не имеем права идти на такие жертвы, какие несла российская армия в те три наступления на Плевну. Я требую правильной осады.

— Но на это требуется время, — заметил главнокомандующий.

— Естественно, ваше высочество, но при этом мы сохраним жизнь десятков тысяч солдат.

— Над нами будет глумиться Европа, — буркнул великий князь.

— Я остерегаюсь иного, как бы над нами не глумилась Европа, если покроем трупами наших солдат поля вокруг Плевны,

— Ваше величество, — поднялся Гурко, — то, что предлагает генерал Тотлебен, единственно верный план взятия Плевны. Сломить столь серьезные оборонительные укрепления нашего противника можно только правильной осадой.

— А что скажут остальные генералы? — спросил Александр.

Ответом был одобрительный гул. И тогда император сказал по-французски:

— Вполне согласен. Покончить можно одним терпением...

Собрав командиров дивизий и полков, генерал Тотлебен повторил слова, сказанные императору, и тут же приказал немедленно вырыть для солдат теплые землянки и построить бани.

— Наши потери, — заявил он, — происходят не только от пули вражеской и картечи, но и от хвори и нечистот. Солдат должен быть здоров и чувствовать о себе заботу отцов-командиров. Я по рождению немец, но чту завет генералиссимуса Суворова: «В здоровом теле — здоровый дух».

Рана затянулась быстро, недели за три. Стоян часто ходил на прогулку, даже забрел однажды в маленький ресторанчик, переполненный штабными офицерами, ни одного знакомого лица. Узунов выпил сухого вина, съел жареной на углях баранины, острой от красного перца, и снова на улицу.

Живописный древний город Велико-Тырново, неповторимый. Высокий холм Царевец огибает Янтра. На холме старые крепостные башни с зубцами и бойницами, замок последних болгарских царей и резиденция патриарха.

Янтра разделила город на несколько частей, соединенных между собой каменными мостами.

Богат город. Церкви и монастыри, мечети и базары, торговые лавки и мастерские ремесленников. На тихих улочках питьевые фонтанчики — чешмы, дома, увитые плющом и виноградом, тенистые сады. Выздоравливающие солдаты бродили по узким улицам Тырново, где и всадникам не разъехаться, любовались неведомой, чужой жизнью. Нередко их зазывали в гости.

Как-то Стояна окликнули на улице:

— Господар, аз прошу ко мне в дом,

Поручик обернулся. Перед ним стоял болгарин в узких белых штанах, отделанных по швам черной тесьмой, в белой теплой куртке, из-под которой проглядывала расшитая темными нитями рубаха, а на ногах поверх цветных шерстяных носков мягкие постолы-цирвули.

Сняв высокую барашковую шапку, болгарин поклонился с достоинством:

— Прошу господаря офицера отгостить в моем доме.

Взгляд у болгарина открытый и добрый. Стоян не посмел отказаться.

Они вошли в просторный красного кирпича двухъярусный дом под четырехскатной крышей, поднялись по крутой лестнице в верхнюю комнату, «горную кыштy», как сказал хозяин, служившую и столовой и гостиной, с очагом, навесными полками и буфетом у стены, уставленным разной керамический посудой.

Здесь поручика встретила хозяйка, высокая немолодая женщина в темном шерстяном сукмане, расшитом по груди и подолу цветным шнуром, споро накрыла стол.

Болгарин Мефодий оказался владельцем крупорушки. Пока поручик и хозяин выпили по стопке виноградной ракии и закусывали ломтиками овечьего сыра, хозяйка поставила на стол запеченного в тесте ягненка.

Угощая Стояна, Мефодий расспрашивал о России. От поручика не укрылось, хозяина беспокоит будущая судьба Болгарии. Ну, как уйдут братушки и снова вернутся турки?

Узунов как мог объяснил Мефодию, что российское воинство пришло на Балканы дать свободу болгарам и помочь им восстановить свою государственность...

В госпиталь Стоян возвратился к полудню. Офицеры играли в шахматы, читали. Госпитальная офицерская палатка человек на тридцать, ни одного свободного топчана.

Приняв микстуру, Стоян задремал. Его разбудил знакомый голос:

— Здесь ли поручик Узунов?

Стоян встрепенулся, узнав капитана Николова. Они обнялись.

— Я за тобой. Собирайся. Главный врач тебя отпускает.

— Позволь, зачем и куда?

— Тебя ждет дядюшка Марко, он отвезет тебя в Систово, к тетушке Параскеве. Ты получил отпускной билет на две недели.

— Но...

— Без лишних слов, поручик. Где твои вещи?

У госпиталя стояла лошадь, впряженная в маленькую рессорную коляску, возле которой топтался дядюшка Марко.

Николов помог поручику усесться, дядюшка Марко взгромоздился на облучок, разобрал поводья.

— А ты, Райчо, разве не едешь? — удивился Узунов.

— Я-то не ранен. — И поманил Стояна пальцем.

Узунов наклонился. Райчо загадочно усмехнулся.

— Кланяйся Светозаре.

Чем ближе Систово, тем сильнее волновался Стоян. Дядюшка Марко догадывался, какое состояние у его седока, и старался помалкивать. Говорил, если только русский офицер его о чем-то спрашивал.

Узунову старик на облучке бесспорно нравился. Дядюшка Марко сутулился, попыхивал вишневой трубочкой, время от времени тыльной стороной ладони приглаживал седые вислые усы.

— Как же трудно жилось болгарам под господством Порты, — сказал Стоян.

Дядюшка Марко вытащил из зубов трубочку, повернул голову к офицеру.

— Здесь, — он повел рукой вокруг, — вся земля, все Балканы, наша Стара Планина политы нашим потом и кровью, синко. Болгары платили налог Порте за все: и что не брали нас в военную службу, и что у нас рождались дети; мы платили подушный налог и за то, что женимся или не хотим иметь семью.

Говорил дядюшка Марко не торопясь, чтобы молодой офицер понял его. Иногда вставлял русские слова...

— Мы платили налог за все. У крестьянина забирали половину урожая. Сборщики пересчитывали снопы еще в поле... Куришь табак или пьешь ракию — плати. Ты думаешь, отчего Порта не брала нас в войско? Пули полетели бы в османов... Сборщики налогов не имели жалости. Особенно свирепствовали те болгары-джанибеты, мерзавцы, какие получили право вместо турок собирать с нас налоги. Эти чорбаджи похвалялись своим богатством, они говорили, деньги делают почет и дают уважение. — Дядюшка Марко сплюнул с досадой. — Но чорбаджи не получали этого от болгар, народ презирает их...

Старик замолчал, а Стоян предался своим размышлениям. Мысленно он убеждал бабушку Росицу в своем выборе, расписывал, какая Светозара красивая и добрая.

Немного погодя Узунов снова завел разговор со стариком.

— Не могу понять, как за пятивековое иго болгары выстояли, сохранили себя?

Дядюшка Марко уселся боком на облучке.

— Я расскажу тебе, синко, давнюю притчу. Ураган не имеет жалости, он сокрушает все на своем пути — дома и овчарни, сбивает с ног путника. Но вековой дуб сопротивляется всем бурям. Стволом и упругими ветками он прикрывает молоденький дубок. Сколько лет минуло, кто знает, но вот почувствовал старый дуб на себе власть времени и принялся поучать дубок:

«Сила в твоих корнях. Если они глубоко вошли в землю, значит, тебе не страшна буря. Пусть гнет тебя ветер, пусть обрывает твою листву, но ты останешься стоять...»

Въехали в Систово. Рессорную коляску покачивало, лошадка весело постукивала подковами по мостовой.

На площади, завидев кофейню, Узунов тронул возницу за плечо:

— Я здесь выйду, дядюшка Марко, доберусь сам.

Старик не стал перечить, понял: офицеру надо побыть одному. Стоян зашел в кофейню, уселся за столик у окошка. Отсюда видна площадь. Вон поехал дядюшка

Марко, прошли болгарин с болгаркой, пробежала стайка мальчишек. Хозяин подал русскому офицеру чашечку кофе. Узунов попросил завернуть рахат-лукум для Светозары и тетушки Параскевы. Кофе был ароматный и крепкий, но Стоян не замечал этого. Наконец волнение чуть улеглось, и поручик направился на улицу, где жила Светозара.

Издали показался домик на сваях, небольшой, ухоженный, под высокой, крытой красной черепицей крышей.

Только теперь Стоян увидел Светозару. Она шла навстречу. Зарделась, промолвила, смущаясь:

— Добре дошел?

Глава 6

В госпитале время тянулось удивительно медленно, но здесь, в Систово у тетушки Параскевы и Светозары, две недели пронеслись днем единым.

Из Систово поручику надлежало ехать в Тырново на врачебный осмотр, и снова в ополчение.

Чем ближе отъезд, тем грустнее на душе у Стояна. Даже в Петербурге, в графском особняке, не было поручику Узунову так тепло, как в доме у тетушки Параскевы.

По утрам тетушка Параскева собственноручно вносила в комнату Стояна кружку парного козьего молока, сладкого и жирного:

— Пей, сынок, — говорила болгарка ласково, — оно полезное.

Теперь Стоян знал, тетушка Параскева не такая старая, как показалось ему сначала, ей чуть больше пятидесяти. Жизнь согнула ее, избороздила глубокими морщинами лицо и руки, а волосы щедро осыпала сединой...

Узунов ходил из комнаты в комнату, где все было чисто и просто, на окошках стояли цветы в глиняных горшочках, на полу разбросаны домотканые коврики. На кухне пахло жареным луком, овощами и специями,

которыми Светозара пересыпала еду, а в горнице и спаленке стоял дух высушенных цветов и трав.

Светозара заботливо ухаживала за Стояном, кормила чорбой кебабом, брынзой...

Говорила, улыбаясь:

— Ешь, поправляйся.

Выросший в особняке бабушки Росицы, где во всем царила строгий этикет, жизнь в доме тетушки Параскевы Стоян воспринял всей душой. Даже за столом здесь обходились так непринужденно, что в первые дни это напоминало ему трапезы в людской.

После обеда Светозара водила Стояна по Систово, знакомила с городскими достопримечательностями, каких здесь, к удивлению, оказалось не так уж мало.

Однажды, гуляя, они выбрались за город. Тропинка привела их к монастырю. Стены его полуразрушены, и сам монастырь пребывал в запустении. За невысокой оградой каменные строения. Нижняя часть их утонула в бурьяне-сухостое. В дальнем углу монастырского двора буйные заросли боярышника и кизила с почти опавшей листвой.

— Во имя Святой Троицы, — перекрестилась Светозара.— Турки притесняли нашу веру, — сказала она задумчиво и печально, глаза ее наполнились слезами. — Пойдем отсюда, мне больно видеть это... Знаешь, Стоян, моя мама больше всего боялась, чтобы османы не увезли меня в гарем.

— А если я тебя заберу в Россию, она не станет возражать?

Светозара постаралась свести все к шутке:

— Но московцы не враги, и у них нет гаремов.

«Она не замечает моей любви», — подумал Узунов, и чем ближе день его отъезда, тем назойливее овладевала им эта мысль. Наконец Стоян решился. В то утро, когда он складывал свои вещи, в комнату вошла Светозара. Узунов, отодвинув дорожный баул, подошел к ней, взял за руку:

— Я люблю тебя, Светозара, слышишь?

Она растерянно посмотрела на него.

— Я написал бабушке Росице, прося ее согласия на наш брак. Закончится война, и я увезу тебя в Петербург. Согласишься ли?

В голубых глазах Светозары блеснули слезы.

— Да, — прошептала она.

— А не возразит ли тетушка Параскева?

— Ты нравишься ей. Но примет ли меня твоя бабушка Росица?

— Она болгарка из бедного крестьянского рода и графиней ее сделал дед...

Вечером Стоян сказал обо всем тетушке Параскеве. Пожилая женщина села на скамеечку и, положив натруженные руки под передник, ответила тихо:

— Пусть Бог поможет вам, дети, а чему суждено быть, того не миновать. Лишь бы Болгария была свободной, и вы смогли хоть кое-когда навещать меня и привозить внуков. Они должны знать: у них две родины — Россия и Болгария. Ты, Светозара, научишь их нашему языку, чтобы я могла понимать, о чем говорят мои внуки.

В Тырново, в штабе Балканского отряда, поручика Узунова дождались два письма, одно из Петербурга от бабушки, второе из Кавказской армии от брата Василька.

Письмо графини Росицы было сдержанным и коротким. Стоян прочитал его дважды и по тону определил, бабушка относится к его выбору настороженно.

«Помни, ты граф, а девушка рода крестьянского. Сумеет ли она подняться до положения светской дамы и, как я, получить признание?

Но, если твоя любовь к ней настолько велика, я по завершении кампании поеду на свою родину, сама хочу взглянуть на твою избранницу...»

Стоян настолько расстроился, что сунул письмо брата в карман, решив прочитать позже, когда успокоится, а пока, узнав, что на Шипку готовится обоз, отправился в гостиницу, которую содержал местный турок.

Номер оказался маленьким и грязным. Из ресторана тянуло, как в трубу, жареным бараньим салом, луком и

еще чем-то настолько едким, что лезло в нос Стояну, даже когда он спал.

Единственным утешением поручику была чашечка черного кофе по-турецки, отлично сваренного хозяином.

Ночью во сне Стоян увидел бабушку. Старая графиня наклонилась над ним, грозит крючковатым пальцем, выговаривает: «Ах ты, повеса, все ума не наберешься...»

Из Тырново выехали утром, с тем, чтобы сорокаверстный путь одолеть до ночи. Груженые телеги, укутанные брезентом, сопровождали конные казаки. Узунов ехал в коляске, снятой у тырновского извозчика. Он решил попасть в Габрово заранее, побывать в штабе Радецкого, может, повстречается кто из знакомых. Стояну было известно, что обоз на перевал пойдет только следующей ночью, днем дорога обстреливалась.

Коляска катила вдоль виноградников с пожухлой, потемневшей от мороза листвой, сел с белыми глинобитными домиками, крытыми красной полуовальной черепицей, обнажившихся садов. От Тырново холмистая равнина уступала предгорью. Дул, не встречая преград, северо-восточный ветер, холодный, колючий. Стоян поднял воротник шинели, запахнул полу.

Из головы не выходило письмо старой графини. Нет, о содержании его он не сообщит Светозаре, но бабушке напишет еще раз и скажет, что это не увлечение, а самое серьезное намерение.

При мысли о Светозаре потеплело на сердце. Мечты унесли Стояна в недалекое будущее, когда он привезет Светозару в Петербург и графиня Росица полюбит ее. Светозару обучат домашние учителя, а друзья, любуясь его красавицей женой, будут завидовать ему, и уж кто станет ее настоящим другом, так это Василько.

Вспомнив о брате, Стоян достал письмо. Василько описывал действия своего Эриванского отряда, попавшего в довольно трудное положение без связи с главным действующим отрядом генерала Геймана.

«Мы не имеем никаких сведений о колонне Геймана, ибо у Баязета нас отрезал Ванский отряд османов.

Позднее мы узнали, Лорис-Меликов, бывший при отряде Геймана, получил информацию о том, что Эриванский отряд окружен главными силами турецкой армии Мухтар-паши...

Генерал Гейман убедил Лорис-Меликова наступать на Хивинские позиции. Операция оказалась не по силам и имела печальные последствия.

Отступив от Хивинских позиций, Лорис-Меликов и Гейман, вместо того чтобы идти на Хорасан либо атаковать Дели-Бабу, приняли решение отойти под Карс, и от Карса, сняв осаду крепости, начали отступление к русско-турецкой границе.

Мухтар-паша велел муллам воздать хвалу Аллаху за столь неразумные действия русских генералов и, приказав Измаил-паше развернуть боевые операции против нашего Эриванского отряда, сам двинулся вслед за Лорис-Меликовым.

Действующий корпус уходил, и с ним отступал шеститысячный конный отряд, который Лорис-Меликов мог бы послать в помощь Тергукасову.

В штабе нашего отряда и среди некоторых офицеров раздавались голоса, что нас бросили на произвол судьбы, окруженных превосходящими силами врага, без боеприпасов и продовольствия.

Наше счастье, что нами командовал генерал Тергукасов. Он снял отряд с бивака и двинулся к Зейденяну, преследуемый Измаил-пашой. Мы отходили, отражая атаки неприятеля. К слову, отбивали налеты многочисленной конницы черкесов. Знаешь, кто ею командовал? Гази-Магомед-Шамиль-паша, генерал свиты султана, сын небезызвестного Шамиля. Тот самый Гази-Магомед-Шамиль-паша, которого, как я уже тебе писал, ждали мятежные чеченцы...

Трудность нашего отхода усугублялась тем, что с Эриванским отрядом следовал обоз. Почти три тысячи армянских семей видели в русских солдатах своих спасителей. Старики, дети, женщины, несчастный народ!

Получив от лазутчиков сведения, что нас готовится атаковать Фаик-паша, а русский гарнизон в Баязете еще в состоянии продержаться некоторое время, Тергукасов

принял решение отойти в Эриванскую губернию, оставить обоз и беженцев, а затем, пополнив отряд боеприпасами, двинуться на помощь осажденному Баязету.

Мы застали в Баязете печальную картину. Когда отогнали противника от города, многих защитников уже не было в живых, а уцелевшие едва двигались, настолько были истощены.

Теперь мы получили предписание двинуться на Игдыр...»

Отпустив в Габрово извозчика, поручик добирался на Шипку с военным обозом. Временами он ехал на подводе, но чаще шагал вместе с солдатами.

Казачий сотник предложил ему коня, спешив для этого одного из казаков, однако Стоян отказался.

На перевале уже лежал снег. Ночью мороз хотя и не лютовал, но ветер пробирал. В чистом небе холодно блестели звезды. Узунов подумал о том, что слишком рано явилась на Шипку зима и она причинит немало бед защитникам перевала.

Стояна согревала надетая под шинель мягкая овчинная безрукавка, подаренная тетушкой Параскевой, а ноги грели шерстяные носки, связанные Светозарой.

«Светозара, милая Светозара, знала бы ты, какое место заняла в моем сердце, — размышлял Стоян. — Какая счастливая судьба свела нас? Пусть она всегда будет благосклонна к нам...»

Сладко вспоминался вечер накануне отъезда. Когда тетушка Параскева отправилась хлопотать по хозяйству, Стоян робко обнял Светозару. То был их первый поцелуй — целомудренный, много значащий для них.

Только теперь до поручика дошел смысл слов, как-то оброненных бабушкой, графиней Росицей: «Ваш дед Петр был настоящим мужчиной и презирал похотливо-скотское обращение с женщиной любого звания, уважал ее достоинство...»

Дорога на перевал оказалась небезопасной даже ночью. Пристрелянная днем, она и в потемках таила опасность.

Старший над обозом капитан интендантской службы заранее велел обозу рассредоточиться. Фуры взяли большой интервал, казаки и солдаты, сопровождавшие обоз, растянулись по дороге длинной цепью.

Еще в Габрово ездовые смазали дегтем ступицы колес, чтобы не скрипели, однако на турецких позициях услышали конское ржание, стук колесного обоза на каменистой дороге.

Лысая гора огрызнулась залповым огнем. Снаряды ложились на дорогу. Один накрыл фуру, разметал мешки с сухарями. Забилась, заржала раненая лошадь. Ее пристрелили и, разрубив на большие куски, погрузили на телегу.

— Съедят, — буркнул интендант и дал команду двигаться.

Обстрел вскоре прекратился.

— На сей раз Бог миловал, дешево отделались, — сказал капитан Узунову. — Прошлый обоз весь разметали. А на Шипке ждут, голодают.

Верстах в трех от Плевны разрушенное и разграбленное село Эски-Баркаче. Большинство жителей, спасаясь от янычар и башибузуков, бежали под защиту Дунайской армии. В этом селе накануне штурма Горного Дубняка расположился генерал Гурко со штабом и 2-я Гвардейская кавалерийская дивизия.

Ровные ряды палаток, орудийные дворики, полковые кухни, коновязи...

Эски-Баркаче было избрано Иосифом Владимировичем местом сбора гвардейского корпуса, отданного под его командование самим императором.

Великий князь, весьма неопределенно отнесшийся к столь важному назначению генерала Гурко, заметил:

— Государь к вам милостив, цените это.

Накануне в Ставке Александр Второй, положив руку на плечо генералу, сказал:

— Вручаю вам, Иосиф Владимирович, цвет нашей армии, гвардию. Верю, под вашим руководством гвардия прибавит к своим знаменам новую славу...

День генерала Гурко начинался с прихода денщика Василия, бывшего псковского крестьянского парня. Василий приносил ведерко с холодной водой, Иосиф Владимирович умывался, наскоро ел кашу из солдатского котла, пил, если нет чая, кипяток, после чего начальник штаба Нагловский докладывал, какие части прибыли, в каком состоянии, где расположились.

Вдвоем они решали, на какой час назначить совещание и кого приглашать. Обычно это были командиры вновь прибывших соединений.

Нередко решались вопросы снабжения, и тогда Гурко строго спрашивал с интендантов.

— Солдат должен быть сыт и ноги в тепле...

У коновязи дежурили, дожидаясь выхода генерала, дежурные конвойцы. Они охраняли Гурко и сопровождали его в поездках.

Генерал выходил из штаба, ему подводили коня, держали стремя. Гурко усаживался в седло, разбирал поводья и отправлялся на аванпосты, чтобы лично осмотреть вражеские позиции. Его сопровождали начальник штаба генерал Нагловский и старшие штабные офицеры. У самого дальнего аванпоста, от которого открывалась Плевна, Иосиф Владимирович останавливался и, въехав на курган, доставал из футляра бинокль, тщательно всматривался в неприятельские позиции, обнесенные рвом и валом, тщательно замаскированные ложементы, кустарники, укрывавшие турецкие батареи.

Оторвавшись от бинокля, Иосиф Владимирович подозвал Нагловского и офицеров:

— Обратите внимание, господа, это серьезные укрепления и нам с вами надо продумать, как их одолеть. Первыми начнут обстрел орудия бригады полковника Сиверса. Завтра он должен лично на местности уточнить расположение батарей бригады, чтобы огонь не велся вхолостую. Холмы — помеха. Обстрел вести гранатами, шрапнелью.

Достав карты, офицеры делали пометки.

— Дмитрий Степанович, наша рекогносцировка должна дать нам полную картину предстоящего боя.

Только тогда мы сможем составить диспозицию по войскам.

— Так точно, ваше превосходительство, — Нагловский указал на укрепления по фронту. — Здесь, я думаю, место стрелкам.

Гурко согласно кивнул, а через короткое время уточнил:

— По фронту пойдет Гвардейская стрелковая бригада, а от деревни Чуриново будут наступать гренадеры и лейб-мосвовцы. Когда развернется сражение на правом фланге, мы пустим конницу полковника Черевина... Однако, господа офицеры, это предварительная расстановка. К этому вопросу мы еще вернемся...

На следующее утро Иосиф Владимирович снова был на этом кургане. Повторный осмотр ничего нового не дал.

За рекой Вид местность, поросшая кустарником. Стекла бинокля выхватывали те же вражеские укрепления, траншеи, редуты, расположения батарей. Новым сегодня было то, что иногда наблюдалось движение по Софийскому шоссе, проезжали фуры, в Плевну доставляли продовольствие, боеприпасы...

«Плевна с сорокатысячным гарнизоном, отразившая три штурма Дунайской армии, основательно подготовилась к четвертому штурму, И, естественно, меры, принятые генералом Тотлебеном, единственно верные для взятия города. Плевна падет только в результате осады. И только взяв Горный Дубняк, мы прочно оседлаем Софийское шоссе...» — Так думал Гурко, разглядывая Плевну.

И еще он думал о том, что Осман-паша время зря не терял и, если не перерезать Софийское шоссе и не замкнуть кольцо блокады города, Плевна может продержаться еще длительное время...

А чтобы окружить Плевну, надо, как и предлагал генерал Гурко, взять Горный Дубняк и Телиш. Однако задача ох какая сложная, учитывая все эти укрепления.

Именно эту задачу и предстоит решить гвардии, войскам его корпуса. Тотлебен так и сказал: «Полагаюсь на вас, Иосиф Владимирович».

Продолжая осматривать турецкие оборонительные сооружения, Гурко думал, что гвардия уже заканчивает подтягиваться и будет готова выполнить приказ.

Вчерашним полуднем пришли 2-я Гвардейская артиллерийская бригада полковника Сиверса, лейб-гвардии Гренадерский полк полковника Любовицкого. С песнями, лихим присвистом привел своих удальцов-казаков генерал Краснов. Его, Данилу Васильевича, за живой острый ум, доброго и чуть насмешливого, Гурко любил и уважал...

Еще раз окинув взглядом местность, Гурко уселся в седло... И снова мысль о сражении за Горный Дубняк... Турки будут биться за него. Они понимают: падет Горный Дубняк, не устоит и Плевна. Осажденные лишатся продовольствия, боеприпасов. Но как овладеть этим укрепленным районом?

Вчера вечером обсуждали это с Нагловским, Раухом, Шуваловым и согласились с мнением генерала Гурко, перед наступлением выдвинуть на огневую позицию полковника Сиверса с его артиллерийской бригадой. Это должно помочь подавить турецкие укрепления, батареи и гвардия сумеет избежать многочисленных потерь.

На вчерашнем совещании Гурко говорил:

— На мою долю, господа, выпала большая честь командовать гвардейским корпусом, и мы с вами в ответе за каждого солдата.

— Сокрушать такие укрепления — без больших потерь не обойтись, — вздохнул командир 1-й Гвардейской дивизии генерал Раух.

— Не следует настраиваться на это, господа.

Нагловский принялся на карте показывать возможную дислокацию частей.

А Гурко сказал:

— По моим предположениям наступление может начаться числа 11–12 октября... Накануне мы уточним и ознакомим вас с дислокацией.

Возвратившись из штаба, Иосиф Владимирович уселся в плетеное кресло. Денщик Василий принес горячие щи, кашу. Продолжая думать о предстоящей опе-

рации, Гурко ел, и когда отставил котелок, Василий подал конверт.

— Не стал отвлекать вас от обеда, ваш благородь.

— По этому поводу можно было с обедом и повременить, — заметил Иосиф Владимирович. — Разве не видишь, письмо от сына. — Прочитал, отложил в сторону.

Домой Гурко писал редко. Да и знал, там его писем не весьма и ждут. Разве что сын Василий уважал и любил отца.

Находясь в казармах, среди солдат, Иосиф Владимирович чувствовал удовлетворение, поэтому дома бывал наездами.

Денщик спросил:

— О чем сын пишет, ваш благородь?

— Как обычно, об учебе...

Как-то, возвратившись из штаба, Гурко заметил, что денщик чем-то недоволен. На приход генерала даже внимания не обратил, усердно выбивал пыль из генеральского мундира.

Войдя в комнату, Иосиф Владимирович сразу же понял причину недовольства. Василий обнаружил отсутствие второй пары генеральских сапог. А сегодня увидел их на ногах хозяина квартиры.

Гурко усмехнулся, кликнул денщика:

— Разве ты, Василий, не замечал, что хозяин дома ходит даже в непогоду босой?

— Ваш благородь, коли б отдали нашему болгарину, христианину, а то ведь мусульманину.

В тот час Иосиф Владимирович ничего не ответил Василию и только вечером сам завел с денщиком разговор:

— Видишь, Василий, хозяина этого не осуждай. Не одно столетие турки угнетали болгар, веру их притесняли, храмы осквернили. Не все болгары оказались стойкими, некоторые переметнулись к исламу. Вот освободим болгар от турецкого гнета и те болгары-отступники вернутся к вере предков своих.

— Ваш благородь, аль вера, что портки, снял и выбросил? Вера, она в душе человека.

Ушел денщик, и Гурко понял, не убедил он Василия. Гурко ловит себя на мысли, что в последний год он часто стал вспоминать сына. Пожалуй, с того памятного дня, когда встречался с ним в Пажеском корпусе... А денщику сказал:

— По моей стезе пойдет Василий... Об одном сожалею, редко мы с ним виделись и слова отцовского ему редко доводилось слышать... Ну ладно, что-то я маленько расслабился. А негоже.

Генерал Гурко уважал денщика и понимал, ценил его бережливость и рассудительность.

Дождливый, с холодными, пронизывающими ветрами сентябрь сменился первыми октябрьскими морозами. В горах уже порошил снег и даже днем не наступала оттепель.

До штурма Горного Дубняка оставалось двое суток. Шли последние приготовления. А накануне Иосиф Владимирович созвал генералов и старших офицеров, чтоб изложить им диспозицию наступления частей. По лицам присутствующих Гурко понял: каждый знал, предстоит не обычная операция, а сражение, за которым должна последовать Плевна. И потому, стараясь придать голосу ровный и обыденный характер, сказал:

— Господа, нам доверена честь возвратить высокое имя российской армии. Прошедшие три сражения послужили поводом европейским политикам для скептических суждений. Докажем, на что способна русская армия. А мне же, господа, доверена такая честь, о которой я только мог мечтать, вести вас, гвардию, в бой. Гвардия — это победа... Сейчас же, господа, начальник штаба ознакомит вас с диспозицией предстоящего сражения.

Генерал Нагловский подошел к карте, заговорил:

— Согласно диспозиций штаба наступление должно осуществляться у Горного Дубняка силами 8-й Гвардейской пехотной дивизии, Гвардейской стрелковой бригады и саперным батальоном.

Отвлекающий маневр должны провести, атакуя Телиш, лейб-гвардии егеря. Остальные полки 1-й пехотной Гвардейской дивизии, маневрируя между Горным и

Дольним Дубняками, послужат заслоном со стороны Плевны.

Тут снова поднялся Гурко:

— Господа, это общая диспозиция. Но мы конкретизировали ее. Согласно нашим разработкам, мы выступим в ночь с 11-го на 12-е октября и от Эски-Баркач двинемся тремя колоннами по различным дорогам и, перейдя реку Вид, с трех сторон атакуем Горный Дубняк. Левая колонна генерала-майора Розенбаха атакует Горный Дубняк со стороны Телиша; правая — под командованием генерал-майора Эллиса наступает вдоль шоссе со стороны Плевны; средняя колонна, руководимая генерал-майором Зеделером, штурмует Горный Дубняк в направлении, перпендикулярном Софийскому шоссе. Общей атаке должен предшествовать артиллерийский обстрел турецких укреплений. Об этом полковник Сиверс уже упрежден...

Для ознакомления с планами штурма Горного Дубняка и диспозицией Гурко был вызван в штаб Тотлебена, в Порадим. Но ночью Иосиф Владимирович пробудился от усиленной пальбы. Стрельба велась с турецких редутов — орудийная и ружейная. Первой мыслью генерала было: Осман-паша прорывается на Софийском шоссе.

Подняли по тревоге 8-ю Гвардейскую дивизию. Но вскоре стрельба улеглась, и Гурко дал отбой.

А утром Иосиф Владимирович отбыл в Порадим.

В штабе Тотлебена собрались почти все, кто непосредственно отвечал за операцию: Ганецкий, Гурко, Каталей, Нагловский, Маныкин-Невструев, Зотов, Имеретинский, начальник артиллерии генерал Мюллер, начальник инженерных войск генерал Рейтлингер, румынский князь Карл и его генерал Неркат, чьи дивизии занимали позиции против северного и восточного фасов плевненских укреплений.

— Господа, — Тотлебен говорил, стоя у стола и чуть раскачиваясь, — рекогносцировка убедила меня в бесполезности штурма. Мы не обложили Плевну кольцом, а охватили дугой, и Осман-паша не чувствовал себя в изоляции. Я отдаю должное солдатам и вам, генералы

российские, а так же вам, ваше высочество, — Тотлебен поклонился князю Карлу. — Румынские дивизии, коими вы, генерал, имеете честь командовать, наши достойные союзники, — Тотлебен перевел взгляд на Неркata. — Вы сделали все, от вас зависящее, при подготовке к штурму: лестницы и туры, фашины и все прочее, а также позаботились о мостах, дорогах, боеприпасах и местах для лазаретов. Срыв штурма не ваша вина, господа, противник весьма и весьма серьезный. Отныне мы переходим к блокаде Плевны. Да-да, не к осаде, а именно к блокаде по всем правилам инженерной науки. Осман-паша вступил в Плевну с армией, не имеющей продовольствия в должном количестве. Не располагают большими запасами и цейхгаузы Плевны. Месяц, от силы полтора — и мы заставим Осман-пашу сложить оружие. Нам нужна Плевна с плененной армией, сложившей оружие.

Вошел адъютант, подал телеграфную депешу. Перебирая ленту в пальцах, Тотлебен прочитал, нахмурился.

— Господа, завтра приезжает главнокомандующий. Сегодня, когда мы готовим атаку укрепленных позиций Горного Дубняка и Телиша, у нас нет времени для парадных встреч и мы не можем уделить внимания великому князю. — Тотлебен повернулся к адъютанту. — Дайте телеграмму главнокомандующему, что я прошу его повременить с приездом дня два-три. — Потер нос, взглянул на Гурко, сказал, будто к нему обращаясь. — Есть предложение о переезде Главной квартиры в Богот, а Главной ставки императора в Порадим. Такое соседство нас, думаю, будет сковывать. Придется нашему штабу срочно подыскивать новое место. Генерал, — Тотлебен кивнул Гурко, — вам необходимо завтра по началу операции овладеть Софийским шоссе и занять всю окрестность реки Вид... Ловчанское шоссе за генералом Зотовым. Вы укрепитесь на Рыжей горе, южнее Брестовца. Остальные полки предпримут отвлекающий маневр, демонстрацию в сторону Плевны... Взяв Горный Дубняк и Телиш, мы замкнем кольцо вокруг Осман-паши... Однако, господа, даже взятие Горного Дубняка и Телиша — полдела. Необходимо срочно воз-

вести укрепления, особенно в шестом районе, у вас, генерал Ганецкий. Дабы Осман-паша, решившись на прорыв и обрушившись всей армией, не вырвался из окружения...

Получив телеграмму от Тотлебена, главнокомандующий разразился бранью.

— Артур Адамович, — спросил он Непокойчицкого, — кем мнит себя этот Тотлебен? Завтра мы выезжаем к нему...

Великий князь Николай Николаевич и его начальник штаба прикатили в Порадим, когда операция по взятию Горного Дубняка была в самом разгаре. Тотлебен встретил коляску главнокомандующего, доложил обстановку. Генерал Непокойчицкий спросил недовольно:

— Эдуард Иванович, зачем вам понадобилось атаковать Горный Дубняк с Софийским шоссе и Ловчанским?

— Без этого мы, Артур Адамович, не блокируем Плевну.

Великий князь хмыкнул:

— При такой отличной погоде уж не рассчитываете ли вы зимовать здесь? Вон и землянки отрыли, солдат в баньке парите.

— Ваше высочество, — возмутился Тотлебен, — вам ли не знать о потерях под Плевной? А мы не только Плевной овладеем, но и самого Османа — не упустим.

— Как развивается атака Гурко?

— Турки понимают: Горный Дубняк и Телиш — их последняя надежда на связь с Сулейман-пашой.

— А наступление Скобелева в сторону Зеленых гор надо понимать как маневр?

— Да, ваше высочество.

— В штабе стало известно, что вы, генерал, наставление для своей артиллерии разработали? — иронически усмехнулся великий князь.

Тотлебен сделал вид, что не заметил иронии.

— Ваше высочество, мы сосредоточили артиллерию на флангах и тем приблизили ее к турецким укреплениям. Огонь батарей в центре был малоэффективным. А наставление, о коем вы, ваше высочество, упомянули,

по нашему представлению, объединяет управление артиллерией Западного отряда.

— Интересно, интересно.

— Ваше высочество, по использованию артиллерии интересные соображения высказывал генерал Гурко.

— Генералу Гурко дай Бог управиться с гвардией. Кстати, как обстоит наступление на Горный Дубняк?

— Операция в разгаре.

— В таком случае позвольте понаблюдать за действиями колонн Гурко.

— Ваше высочество, генерал Гурко действует строго по инструкциям, хотя он обращался накануне с просьбой перенести наступление на семь-восемь часов.

— Чем он мотивировал?

— Он хотел интенсивным огнем своих батарей обработать турецкие укрепления, прежде чем идти на штурм.

— Не кажется ли вам, Эдуард Иванович, что это лишняя предосторожность?

— По тому сопротивлению, какое оказывают укрепления Осман-паши, сегодня я склоняюсь к мнению генерала Гурко.

Сквозь пороховые дымы видно, как войска шли квадратами. Лейб-гвардии его императорского величества егеря, гренадеры как на подбор. Шли упрямо, несмотря на огонь крупповских пушек и дальнобойных ружей. Визжала шрапнель, рвались гранаты. Вот уже взят Малый редут. У Большого остановились, залегли. Гурко бросил резерв измайловцев, наказав:

— Братцы, измайловцы, блюдите славу дедов своих, героев Бородина! Вперед!

И с высоты кургана наблюдал, как пошли, один к одному, молодые парни в серых шинелях, подминая прижухлую траву.

Генерал глядел им вслед, его глаза остановились на одном, высоком, чем-то напомнившем ему сына... Чем? Может, походкой? Вот так, чуть припрыгивая, ходит Василий...

Солдатик шел вперед, сутулясь. А турки стреляли и стреляли. Ружейная пальба и разрывы снарядов, визг

картечи и высокие султаны земли. Падали измайловцы, а генерал, сам того не замечая, все шептал и шептал: «Боже, спаси и помилуй...» Но пули не миловали. Вот уже тот солдатик, что так напомнил сына, взмахнул руками и упал, как подкошенный.

«Сынок, вставай! — хочет крикнуть генерал и чует, как по щеке сползала слезинка. Не кричит, шепчет генерал: «Братцы, вперед, братцы!»

Бой с каждым часом разгорался все сильнее и сильнее. Атаки следовали одна за другой. Турки лезли напролом. Шли табор за табором. Гремели орудия. Поле боя тонуло в дыму. Крики и стоны заглушали конское ржание, раздавался стон стали.

Гурко оторвался от бинокля, повернулся к вестовым:

— Вахмистр, скачите к генералу Зеделеру, пусть усилит нажим на Софийское шоссе.

Подозвал другого вестового:

— Немедленно к генералу Розенбаху, взгляните, отчего задерживается атака его колонны?

От Тотлебена к Гурко прискакал князь Имеретинский.

— Иосиф Владимирович, за боем следит главнокомандующий.

— Черт с ним! — в сердцах выкрикнул Гурко. — Мы не прохлаждаемся, и каждый солдат дерется за троих.

— Тотлебен просит держать Софийское шоссе намертво!

— Князь, мертвых егерей на шоссе предостаточно, доложите об этом Эдуарду Ивановичу.

Имеретинский натянул повод, крикнул, пуская коня в галоп:

— Помогай вам Бог!

Находившийся неотлучно при Гурко его начальник штаба Нагловский развернул на бруствере карту Горного Дубняка.

— Иосиф Владимирович, еще один рывок гвардии — и Горный Дубняк наш, Ахмет-Февзи-паша сложит оружие!

— Наш-то наш, да какой ценой! А Телиш мы такими жертвами брать не будем. Заставим Измаил-Хаки-пашу капитулировать под огнем артиллерии.

Прискакал оруженосец, едва коня осадил, закричал радостно:

— Ахмет-Февзи-паша капитулирует!

Генерал вскочил на коня, помчался к редуту, на котором пленные турки уже складывали оружие. Иосиф Владимирович с коня соскочил, Василий едва повод подхватил. Солдаты бежали к генералу, кричали радостно: «Ура!» И Гурко им отвечал:

— Спасибо, братцы! Спасибо, сынки!

Увидев турецкого генерала Ахмет-Февзи-пашу, Гурко направился к нему. Протянув руку, сказал по-французски:

— Вы достойный противник и сражались храбро. А подъехавшему Нагловскому приказал: — Полковнику Сиверсу подтянуть всю наличную артиллерию к Телишу.

Брать Телиш ценой таких потерь Гурко отказался. Артиллерийская бригада полковника Сиверса полукругом расположилась у этого укрепленного турецкого поселка. А за батареями встали три гвардейские бригады. Они подтягивались к Телишу сразу же после взятия Горного Дубняка.

В полдень 16 октября Гурко подал знак и сигнальное орудие произвело выстрел. И едва турки ответили залпом своих батарей, как вся артиллерийская бригада полковника Сиверса разразилась таким орудийным громом, что весь Телиш утонул в разрывах гранат, в пороховом дыму. Обстрел длился почти три часа. Турецкие укрепления не могли отвечать.

И тогда Гурко приказал привести пленных офицеров. Передавая им письмо коменданту Телиша, он сказал:

— В нем наш ультиматум. Вы сами видите, сопротивление бесполезно. Мы не хотим кровопролития, мы прекратим обстрел, когда генерал Измаил-Хаки-паша сложит оружие.

Ждать пришлось недолго. Над турецкими редутами подняли белый флаг.

Иосиф Владимирович, опасаясь подвоха, велел Московскому и Гренадерскому полкам подтянуться и ретироваться.

Подскакал порученец:

— Ваше превосходительство, турецкая кавалерия покинула Телиш, направляется в сторону Софии.

— Генерал Нагловский, послать им в обход Уланский полк.

Но турки уже складывали оружие, становились таборами. Вскоре из Телиша выехал со свитой и сам комендант, генерал Измаил-Хаки-паша, на Гурко смотрел надменно, едва кивнув.

Иосиф Владимирович повернулся к сопровождавшему его штабу:

— Ссадите этого коменданта с коня и отправьте в штаб к генералу Тотлебену.

Ночью после боя за Горный Дубняк и Софийское шоссе Гурко не сомкнул глаз. Там остались лежать четыре тысячи гвардейцев, отборных солдат. Кто повинен в столь огромных потерях? В чем его, Гурко, вина?

Все больше и больше Иосиф Владимирович утверждался в мысли, что прежде чем посылать солдат на штурм, необходимо было огнем батарей подавить турецкие пушки... Пять-шесть часов обрабатывать плевненские укрепления турок, редуты, прикрывавшие Горный Дубняк.

А ведь он, Гурко, обращался с такой просьбой к Тотлебену, да тот не посмел отложить начало штурма, испугался императора и главнокомандующего...

А он, Гурко, не мог не послать измайловцев на последний штурм. Увидел, как гренадеры и егеря шли в наступление, падали и поднимались, атакуя Малый и Большой редуты, шли в надежде на помощь, тогда-то и бросил он в бой измайловцев, наказав: «Только победа!»

Победа необходима была не потому, что за сражением следил главнокомандующий, а потому что от того,

возьмет ли он, Гурко, Горный Дубняк, оседлает Софийское шоссе, зависело окружение Плевны и армии Осман-паши...

Перед самым рассветом забылся в коротком сне, и в нем виделись ему квадраты наступавших солдат, черные султаны земли, дым, и он, генерал, среди наступавших солдат...

Государь пригласил к обеду военного министра. Ели за походным столиком, при свечах. Воск таял, стекая в серебряные подставки.

Александр Второй медленно пережевывал пищу. Болел желудок, и доктор велел больше обращать внимания на процесс еды. К концу обеда слуги поставили большое блюдо с серебряными чашами и серебряный кувшин с горячими сливками и бисквит. Александр сказал:

— Вызвав генерала Тотлебена, мы приняли правильное решение. Я весьма доволен действиями гвардии генерала Гурко под Горным Дубняком и Телишем.

— Да, ваше высочество. Хотя Горный Дубняк и стоил нам более четырех тысяч гвардейцев.

Слуга разлил сливки по чашечкам. Александр сделал скорбное лицо.

— Согласен и печалюсь. Но гвардия доказала, чего она заслужила. Пленение Измаил-Хаки-паши и ста его офицеров — серьезное предупреждение Осману и плевненскому гарнизону.

— Великий князь, ваше величество, питает к генералу Тотлебену неприязнь незаслуженную. Эдуард Иванович как-то оговорился: главнокомандующий в его обход отдает распоряжения по войскам Западного отряда.

— Но великий князь в свою очередь выражал недовольство своенравием Тотлебена, желанием игнорировать приказы главнокомандующего.

— Ваше величество, уж насколько генерал Гурко самолюбив, и тот весьма лестного мнения о генерале Тотлебене, как о человеке весьма и весьма тактичном.

— Я поговорю с великим князем. Вы что-то плохо выглядите сегодня, Дмитрий Алексеевич. Не злоупотребляете ли крепким кофе? Я решил от него отказаться.

— Тронут вашим вниманием, ваше величество.

— Вы знаете, Дмитрий Алексеевич, отъезд в Санкт-Петербург нашего канцлера даже на короткое время остро чувствуется. Для меня князь Александр Михайлович во внешних вопросах как морской компас.

— Влияние Горчакова в делах международной дипломатии трудно переоценить. Его любят наши друзья и ненавидят наши враги. Равнодушных к нему нет.

— Вы следите за иностранной прессой?

— Приезд под Плевну генерала Тотлебена и тактика блокады поумерили пыл наших недругов. Статьи военных журналистов стали серьезней, исчезла насмешливость в адрес российской армии.

— Я обратил на это внимание. Они считали кампанию нами проигранной. Теперь чем быстрее сложит оружие Осман-паша, тем скорее щелкнет замками своего портфеля князь Александр Михайлович Горчаков.

Райчо Николов и Асен обрадовались возвращению Стояна.

— Значит, не суждено еще вам, господин поручик, испить водицы из Леты*, — заключил Асен.

Добыв несколько поленьев и ведро, Асен развел в нем костер. Землянка наполнилась дымом, глаза слезились. Николов, ругаясь, приоткрыл дверь. Солдаты беззлобно посмеивались.

— У господ офицеров изба по-черному топится.

Стоян, кашляя, писал письмо Васильку. Он рассказал брату, как недавно воротился из госпиталя, как залечивал рану, о студеном «сидении» на Шипке, где же-

* Л е т а — в античной мифологии река забвения у входа в загробное царство. Глоток ее воды заставлял выпившего забыть о земной жизни.

стокие атаки турок сменились морозными ветрами. Солдаты обмораживаются и, бывает, когда стоящие на карауле коченеют насмерть.

«Вчерашнего дня, — писал Стоян, — довелось мне услышать, как Николай Григорьевич Столетов делал внушение начальнику прибывшей на Шипку 84-й дивизии Гершельману:

— Прошу вас не требовать от солдат парадной формы и щегольского вида. Пусть утепляются, поелику смогут. Сегодня мороз — союзник османов.

На что генерал Гершельман ответил:

— Солдат на то и солдат, чтобы погибать за веру, царя и отечество.

Оторвавшись от письма, Стоян посмотрел на Асена. Дрова в ведерке, потрескивая, разгорелись, перестали дымить. Нанизав на шомпол куски сала, Асен зажаривал их на огне. Сало истекало, шкварилось.

— Если турки услышат запах свинины, они лопнут от злобы, — заметил Николов.

— Всевышний, — Асен поднял глаза, — я готов зажарить целого кабана,

Поручик Узунов уловил на себе взгляд Асена, кивнул. Вспомнилось, как после выпуска из кадетского корпуса они, молодые офицеры, собрались на лесной опушке. Лакеи жарили шашлыки, а вновь произведенные поручики клялись в верности и вечной дружбе...

Почистив перо, Стоян снова принялся за письмо. Райчо, будто для поручика специально, напевал:

Ох, сохну по тебе,
Ох, сохну по тебе,
По твоему лицу белому,
Белому лицу, лебединому.

Слушая Николова, поручик писал:

«Все мы здесь ощущаем необычайное сердечное внимание и любовь. Десять дней, проведенные в Систово, были вознаграждением за мою рану. В доме тетушки Параскевы меня окружили трогательной заботой. Здесь

жила моя судьба... Решение мое жениться на Светозаре окончательное.

Ее дядя, а мой товарищ, капитан Райчо Николов, сказал, ты, поручик — граф, а Светозара низкого рода. На что я возразил, лучше мне потерять графское звание, нежели лишиться Светозары...

Ты, Василько, поймешь мои чувства, когда увидишь и узнаешь ее...»

Когда Осман-паше доложили о появлении в Западном отряде генерала Тотлебена, он воздел руки:

— О, Аллах, ты отвернул от меня свой лик!

Пока русскими войсками командовали под Плевной генералы Криденер, Зотов и румынский князь Карл, Осман-паша чувствовал себя уверенно. Это были генералы, строившие свою стратегию на атаках, штурмах. Но Тотлебен! Тот Тотлебен, о котором англичане и французы еще там, в Крыму, отзывались как о способном инженере-строителе фортификационных сооружений, а турецкие военачальники именовали Тотлебена генералом-кротом.

Первые дни Осман-паша терялся в догадках, что предпримет этот генерал-крот против плевненских укреплений? А когда стало известно, что русские солдаты роют землянки, Осман-паша догадался: Тотлебен решил блокировать Плевну.

На военном совете Осман-паша заявил бригадным генералам:

— Если генералу-кроту удастся блокировать Плевну, нам остается уповать на милость Аллаха. Абдул-Керим доложил, на наших складах продовольствия и боеприпасов на месяц...

Но чуда не случилось. Гвардейский корпус генерала Гурко, сломив ожесточенное сопротивление турецких таборов, взял Горный Дубняк и Телиш, перерезал Софийское шоссе, а Западный отряд Дунайской армии замкнул кольцо вокруг Плевны.

Ни на час Осман-паша не покинул наблюдательный пункт, следил, как упорно рвались полки Гурко к Со-

фийскому шоссе и какое ожесточенное сражение развернулось за Горный Дубняк...

Осман-паша говорил:

— Гяур Гурко подобен льву. Я уважаю этого русского генерала и не понимаю, зачем Ахмет-Али позволил ему проскочить в Долину Роз, а Хайнкией не стал ему могилой?

При имени Гурко Осман-паша закрыл бородатое лицо ладонями:

— О, Аллах, — шепчет он, — умный визирь Сулейман-паша не имел длинных ног, чтобы настичь генерала урусов у Старой Загоры, и он оказался на Шипке.

Осман-паша строго наказал Ахмету-Февзи оборонять Горный Дубняк, разве недостаточно он, Осман-паша, построил здесь укреплений?

А Ахмет-Февзи бежал, и Осман-паша велел его и Измаила-Хаки, сдавшего Телиш, вздернуть как шелудивых псов...

Теперь Осман-пашу обуревает забота, как быть в сложившейся обстановке?

Тщательная разведка и наконец демонстрация значительных сил развеяли у Осман-паши всякую надежду на прорыв.

Совершая утренний намаз, Осман-паша опустился на коврик и, пригладив бороду, произнес:

— Аллах милосердный, помоги Сулейман-паше пробиться через перевал или вразуми Мехмет-Али начать наступление.

Закрыл глаза, зашептал слова молитвы из Корана. Завтрак у Осман-паши легкий — лепешка, зажаренная на курдючном сале, и чашка черного кофе.

Слуга принес теплый халат, помог облачиться. Осман-паше подвели коня. Утренний объезд он начал с осмотра укреплений на Зеленых горах. Дорогой смотрел, как идут восстановительные работы, воздвигаются новые укрепления.

В прошлый штурм Зеленые горы доставили Осман-паше немало беспокойства. Молодой, отчаянный генерал Скобелев едва не овладел Зелеными горами. Слава Аллаху, у генерала Зотова не хватило ума выделить в

поддержку Скобелеву хотя бы одну бригаду, тогда уж он, Осман-паша, Плевну не удержал бы...

Левое крыло турецких войск прижали румынские дивизии. Осман-паша не слишком высокого мнения о боевых качествах армии Румынии. Румынский князь Карл привел под Плевну более тридцати тысяч солдат.

Румыны храбрые только за спиной русских солдат. Они трусливые, как ушастые зайцы... Если бы не российская армия, он, Осман-паша, давно бы сидел в лучшей кофейне Бухареста и молоденькие румынские красавицы услаждали бы его зачерствелую в войнах душу.

Сладкие грезы и жестокая действительность... Тотлебен, собака! Проклятый немец, хуже гяура. Он вздумал уморить Плевну голодом...

У Осман-паши глаза наливаются кровью. Он скрипит зубами и ищет на ком сорвать злость, но, не найдя никого, бьет плетью солдата.

Гнев стихает и Осман-паша сворачивает на дорогу к Ловче. Ее перекрыл генерал Зотов, у Софийского шоссе задержался, долго думал о чем-то. Наконец подозвал следовавшего в свите главного интенданта.

— Скажи, Абдул-Керим, ты правильно подсчитал, что на наших складах продовольствия не больше чем на месяц?

— Да, светлейший паша.

— А не крадут ли чего твои интенданты?

— Светлейший Осман-паша, пусть Аллах покарает меня, если мой язык утаит от тебя правду.

— Тогда ответь, Абдул-Керим, какая собака злее, жирная или тощая?

— Тощая, мудрый паша.

— Хи, — оскалился Осман. — Тогда вели своим интендантам уменьшить дневную норму довольствия аскерам.

— Насколько, светлый паша?

Абдул почтительно склонил голову, а Осман-паша продолжал:

— Посмевших роптать казнить во имя Аллаха милостивого.

Во гневе султан Абдул-Хамид, и члены тайного военного совета в страхе ждут, против кого он обернется. Кто повинен в срыве столь удачно развернувшегося наступления Сулейман-паши?

Имея значительное превосходство в живой силе, он относительно легко перекрыл дорогу Передовому отряду Гурко на Адрианополь, но вдруг остановился у Шипкинского перевала, хотя по плану тайного совета еще в августе должен был перейти Балканы и соединиться с Осман-пашой.

По последним сведениям, полученным сераскиром (военным министром), русские блокировали Плевну.

Тайный военный совет пребывал в растерянности, султан требовал указать виновного. Обвинить Сулейман-пашу никто не осмеливался. Как покривить душой, когда Абдул-Хамид помнит: Сулейман-паша предлагал иной план.

На запрос сераскира Сулейман-паша ответил: не ему принадлежит стратегическая разработка лобовой атаки Шипки, а превосходство в силах сводится к нулю характером местности...

— Мой дорогой Вессель-паша, — сказал Сулейман своему любимцу, — военным советникам мудрого султана Абдул-Хамида, кроме седых бород, не мешало бы иметь ум стратегов. Тогда наши таборы не топтались бы здесь, а стояли в Бухаресте и Кишиневе.

— Достойный сердер-экрем, ваши уста утверждают истину. Но что можно сделать сейчас?

Из-под нависших бровей Сулейман-паша испытующе посмотрел на Весселя. Ответил неторопливо:

— Если Осман-паша не сдаст армию Тотлебен-паше и Западный отряд окажется прикованным к Плевне, мы пройдем через Шипку по трупам замерзших русских солдат...

— Но, досточтимый сердер-экрем, может случиться, Осман-паша сложит оружие.

— Тогда, дорогой Вессель-паша, мы окажемся в таком трудном положении, исход которого я не желаю предвидеть.

— Наш сераскир и его военный совет, начиная войну, недооценивали противника, досточтимый сердер-экрем.

Лицо Сулеймана стало непроницаемым.

— Аллах всемогущ, а мы — у ног султана.

Вессель молча склонил голову.

В Боготе, прежде чем появиться у главнокомандующего, Гурко зашел в госпиталь. Он знал: сюда свезли многих из тех, кто получил ранения в бою за Горный Дубняк и на Софийском шоссе.

Раненых было много. Они лежали на соломе в домиках, в овинах, под навесами, укрытые шинелями. Одежды и бинты в сгустках запекшейся крови.

Повсюду слышались стоны, крики, брань. Звали санитаров, а те метались от раненого к раненому.

Говорить было трудно. Появилась сестра милосердия. Кинула на генерала беглый взгляд, склонилась над молоденьким прапорщиком, принялась перевязывать ему голову.

Гурко представил, как вот сейчас медицинская сестра Юлия Петровна Вревская склоняется над ранеными, утешает их, меняет бинты.

У Иосифа Владимировича закралась мысль, попасть бы сейчас в Белу, повидать баронессу... Но это было несбыточно. Слишком мало времени, чтобы побывать в госпитале, где работает медсестра Юлия Петровна Вревская...

У навеса над костром кипятились бинты, простыни. Резкий запах давно немытых тел, крови висел в воздухе.

Гурко проходил мимо лежавших осторожно, чтобы не побеспокоить. Его узнавали, окликали, жаловались, что не оказывают помощи.

Генерал склонялся над ранеными, подбадривал, кого-то узнавал, здоровался, проходил, приговаривал:

— Спасибо, братцы, вы славно воевали, спасибо...

Раненый в голову солдат звал смерть. Другой, без руки, твердил:

— Ваш благородь, ну посуди, какой из меня, калеки, пахарь?

Гурко промолчал, понимал, здесь утешения бесполезны. Не в меру ретивого матерщинника пристыдил:

— Эко язык развязал, служивый, Бога побойся, сестричка рядом...

Госпиталь покидал с тяжелым чувством. По пути попался интендант. Гурко подозвал его:

— Капитан, прошу вас, чем можно, облегчите их жизнь. Уж коли с питанием не все хорошо и от вас сие не зависит, то хоть кипяточком их не обижайте. Да сухариков лишних подкиньте.

— Ваше превосходительство, понимаю и, что могу, сделаю.

— Спасибо, капитан, когда имеешь дело с ранеными, надо сохранить честь мундира.

В Ставку главнокомандующего Гурко попал после полудня, как только на совещании объявили перерыв, и сразу же был принят великим князем. Николай Николаевич встретил Гурко с улыбкой.

— Генерал, государь благодарит вас за взятие Горного Дубняка и Телиша. Он доволен гвардией,

— Ваше высочество, победа далась высокой ценой. У меня к вам просьба, я был в лазарете у раненых героев, они находятся в крайне тяжелом положении. У них нет медикаментов, и они лежат голодные.

— Я в курсе, генерал, но не для того вас пригласил, чтобы обсуждать дела госпиталей. — Указал на стул. — Садитесь, Иосиф Владимирович... — Побарабанил пальцами по столу. — Теперь, когда до падения Плевны остались считанные дни, я убежден, гвардию надо развернуть на Балканы.

Гурко слушал молча. Прошедшие жестокие бои, задержка под Плевной вызвали у него огромную озабоченность, война может принять затяжной характер. Ускорить окончание боевых действий можно, если перенести их в Забалканье.

К этой мысли генерал склонялся все больше и больше. По всем сведениям, турецкое командование не только сосредоточивает новые резервы, но и укрепляет Софию, замысливает превратить ее во вторую Плевну.

В последнее время Иосиф Владимирович неоднократно встречался с местными жителями, охотниками, расспрашивал их о тропах, искал проводников. И вот теперь, когда великий князь сам заговорил о Балканах, Гурко посчитал самым уместным высказать главнокомандующему свои тревоги и предложить план зимнего перехода через горы.

— Балканы зимой? — удивился великий князь. — Но это же чистой воды авантюра. Ни в одних стратегических разработках, ни у одного военного исследователя никогда не созревал такой дерзкий план, чтобы зимой перейти Балканы. Нет, нет и не заводите со мной разговор на эту тему, не делайте из меня посмешище.

— Ваше высочество, позвольте мне заручиться вашей поддержкой и создать плацдарм на будущее.

— Вы, генерал, не теряете надежды на переход через Балканы?

— На первом этапе, ваше высочество, речь идет о плацдарме.

— Что вы имеете ввиду? Покажите на карте.

Гурко подошел к карте, обвел район предполагаемых действий.

— Здесь, ваше высочество, Этрогюль, Радомирец, Правей, имеются весьма укрепленные районы. Таборы могут в будущем ударить по нашим тылам.

— Какими силами вы предпочитаете действовать?

— Не дожидаясь взятия Плевны, разверну наступление силами, какими располагаю.

Главнокомандующий внимательно посмотрел на карту.

— Что же, не возражаю, и штаб поддержит. Но о Балканах пока разговора не может быть. А по весне посмотрим. Этот план должен созреть, а ваша задача, генерал, пока овладеть этим предгорным районом.

Заложив руки за спину, великий князь долго прохаживался по штабной палатке. Наконец остановился, посмотрел на Гурко:

— Генерал, у меня закрадывается мысль, не станем скрывать, Плевна измотала наши силы, может, стоило бы после взятия этого укрепленного района дать армии отдых, отвести ее на зимние квартиры? Укрепив перевалы, перегруппироваться, а по теплу развернуть новое наступление. Я, конечно же, понимаю, это ослабит позиции России на международном театре, но убежден, Европа поворчит, да и проглотит пилюлю. Да и наш старик, канцлер Горчаков, отразит наскоки международной дипломатии.

— Ваше высочество, можно было бы согласиться с вами и, думаю, солдату не грех передохнуть, но ведь и турок время терять не станет, отмобилизуется, укрепится, Европа наделит его крупповскими пушками, новыми ружьями и на наше весеннее наступление он ответит крепким ударом, — возразил генерал.

— Хм. Об этом я думал. Однако о переходе гвардии через зимние Балканы забудьте.

Получив столь категоричный отпор, Гурко посчитал дальнейший разговор о Балканах с главнокомандующим бесполезным.

Генерал Гурко и не думал, что вскоре вопрос о Балканах снова всплывет, но теперь уже в разговоре с военным министром.

В квартире императора в Порадиме его подозвал Милютин:

— Иосиф Владимирович, каковы перспективы на дальнейшие боевые действия нашей армии после Плевны? Мне известны задачи, какие поставлены перед вами главнокомандующим. Не скрывал он от меня и ваш план на зимние Балканы. Он, конечно же, отрицательно к нему относится, но в некоторой степени я заинтересовался этой идеей.

— Ваше превосходительство, у меня не пустые слова. За хребтом идет усиленная подготовка для оказания

сопротивления Дунайской армии, Сулейман-паша собрал достаточные силы и сломить его будущей весной будет довольно трудно. Тем паче мы встретим в районе Софии довольно укрепленный район.

— Я с вами согласен, турецкое командование усилит оборону и укрепит Софию. Но зимний переход через горный хребет?

— Да, ваше превосходительство, задача не из легких, но убежден: она русской армии по плечу.

— Вот что, Иосиф Владимирович, изложите мне все это письменно, а я передам государю. Не скрою, план дерзкий, но, если он будет принят, претворять его в жизнь придется вам.

— Почту за честь, ваше превосходительство.

В Порадим, Главную императорскую квартиру, вернулся канцлер Горчаков.

Изрядно уставший в дороге, российский министр иностранных дел выглядел болезненно. Придворный доктор прописал канцлеру спиртовую настойку валерианы.

— Сие зелье, — заявил он авторитетно, — наилучшее средство по снятию нервных расстройств. Индийцы настаивают корень сего растения на кипятке и пьют вместо чая. Успокаивает.

— Однако, милостивый государь, я не индус...

Проведать больного явился Милютин. Александр Михайлович сидел в кресле, укутав ноги пледом и что-то писал. Военного министра встретил приветливо.

— Рад, рад вас видеть, любезный Дмитрий Алексеевич.

— Как вы себя чувствуете, князь?

— Общее недомогание, однако сегодня лучше.

— Что говорят в Санкт-Петербурге о действиях Дунайской армии, ваше сиятельство?

— В столице много говорят о российской интеллигенции, но газеты пока еще мало пишут о подвигах солдат и офицеров. Даже «Русский инвалид» все сводит к сухой информации.

— Государь почитатель этой газеты.

— По дипломатическим каналам стало известно: турецкие торговые представительства вели в Германии переговоры с крупповской фирмой на поставку новой партии стальных пушек. И небезуспешно. Королева Виктория, выступая в палате лордов, потрясала кулаками в адрес России.

— Толстуха, помыкающая мужем, пытается запугать и нас, — иронически заметил Милютин.

— Так-то так, да лучше худой мир, чем свара. Уж слишком турки надеются на британский флот. А что, милостивый Дмитрий Алексеевич, скоро ли Дунайская армия перейдет в наступление? Главнокомандующий Кавказской армией великий князь Михаил Николаевич не очень-то нас радует боевыми делами. Разве что генерал Тергукасов.

— На Балканах все теперь будет зависеть от Эдуарда Ивановича, князь. Как только падет Плевна, так и начнем широкое наступление.

— Дай-то Бог.

— Государь велел отозвать с Кавказского театра военных действий генерала Обручева. Мне кажется, император теперь понял: будь главнокомандующим Дунайской армии не великий князь Николай Николаевич и начальником штаба не Непокойчицкий, а генералы Тотлебен и Обручев, мы бы не имели конфузов, подобных плевненским огорчениям и отступлению из Забалканья.

— Уж куда как ни прискорбно. Не желаете ли дипломатический анекдотец из салона княгини В.? Английский посол в Берлине Одо Рассель повстречался на охоте с Бисмарком. Тот и спрашивает: «Верно ли, будто бывший посол в Стамбуле Элиот обратился к турецкому султану с предложением, не желает ли тот принять английское подданство? — Простите, господин канцлер, — прервал Бисмарка Одо Рассель. — Вы не точны. Сей случай вышел не с бывшим послом Элиотом, а с нынешним, Лайардом. И обращался он не к бывшему султану, а к нынешнему Абдул-Хамиду...» — Горчаков пожевал тонкими губами. — Да-с,

вот до каких курьезов доводит зависимость в политике. — Помолчал, потом снова заговорил. — В Санкт-Петербурге не все благополучно. Неспокойно в рабочих кварталах. В охранном отделении озабочены деятельностью антиправительственных организаций «Земля и воля» и «Народная воля». Последняя особенно активизировалась. Просачиваются слухи о группах боевиков.

— Светлейший князь Александр Михайлович, пусть сии заботы старят шефа жандармов, а у нас и без того дел предостаточно.

— Согласен, Дмитрий Алексеевич, вам, военным, турка одолеть, а нам, дипломатам, удачно лавры поделить. Однако же устои государства покоятся и на внутреннем порядке.

Оставив часть корпуса у Горного Дубняка, Гурко с тридцатитысячным отрядом повернул к Радомирцу.

Ранние морозы сменились теплыми днями. Днем солнце выгревало, снег таял, и, казалось, наступил конец зиме. Но болгары посмеивались:

— Не хороните кожухи, еще сгодятся.

Разрабатывая план предстоявшей операции, Гурко не намеревался ограничиться занятием горных переходов. Он поставил задачу подавить все возможные узлы сопротивления, какие могут стать в будущем препятствием для перехода Балкан.

Дорога тянулась по Софийскому шоссе. Сначала ровная, но вскоре сделалась волнистой, переходила в возвышенности, с кручами и острыми гребнями.

По каменистому дну бегали ручьи и реки.

Полки двигались поротно, с песнями.

Отъехав в сторону, в окружении штабных офицеров, Гурко пропускал гвардейцев, приветствуя их:

— Здорово, измайловцы! Здорово, преображенцы! Егеря, не слышу запевалу!

И тут же из рядов егерей выскочил солдат, затянул голосисто:

Эй вы, солдатушки,
Бравы ребятушки!..

За егерями, отбивая шаг, приветствуя генерала, прошли гренадеры.

Выстукивали дробь барабаны. На конной тяге тащили орудия.

— Дмитрий Степанович, — сказал Гурко, — в Радомирице привал. Дождемся, когда все полки подтянутся, изготовятся. Предстоит сломить сопротивление противника. Чую, турки думают, что мы до взятия Плевны не посмеем углубляться в этот предгорный край.

В Радомирец вступила 2-я Гвардейская кавалерийская дивизия, две гвардейские пехотные дивизии и гвардейская стрелковая бригада при ста восьмидесяти пехотных и пятидесяти четырех конных орудиях.

Турки бежали поспешно. Заняв Радомирец, отряд Гурко оказался у подножия Балкан.

На совещании штаба генерал Гурко заявил:

— Отсюда мы начнем подготовку к переходу Балканских гор зимой.

И дал приказ устроить войскам отдых: топить бани, штопать одежды, ремонтировать сапоги.

У палаток жгли костры, задымили походные кухни. Кузнецы подковывали лошадей, набивали шины на колесах фур.

А в штабе шла разработка плана дальнейшего наступления.

Отсюда, от Радомирца, отряду предстояло овладеть городками Правецом, Этрополем, Орханией. Указывая на карте район боевых действий, Гурко говорил генералам:

— Мы должны взять эти населенные пункты до большого снега и, когда к нам прибудут оставшиеся у Горного Дубняка части, начнем марш-бросок в Забалканье. От того, господа, пройдем ли мы через эти горы, будет зависеть, как скоро закончим войну. — А чуть повременив, обратился к начальнику штаба: — Как вы считаете, Дмитрий Степанович, имел ли я право выдвигать командованию план перехода через зимние горы крупным соединением? Вы-то представляете, сколь сложно это будет претворить в жизнь... Иногда я задумываюсь, не проще было бы дождаться лета?

— Иосиф Владимирович, к чему эти разговоры? Ведь вы по-иному поступить не могли.

Гурко кивнул. Разгладив ладонью карту, будто желая убрать горную громаду, которую ему предстоит преодолеть, сказал уверенно:

— Пройдем!

Генерал Гурко и не мыслил, что поведет солдат на подвиг, равного которому в истории будет мало.

От Радомиреца армия пошла на Яблоницу.

Крутая дорога то поднималась в гору, то, извиваясь, огибала ее. Солдаты шагали поротно. В авангарде шли пехотные части, потом двигалась кавалерия, конные упряжки тащили орудия, замыкал колонну обоз.

После трехдневного отдыха солдаты шли весело. Обгоняя колонну, проскакал Гурко, приветствовал на ходу:

— Здорово, преображенцы! Здорово, измайловцы! Гренадеры, молодцы!

По колонне, от роты к роте, эскадрона к эскадрону катилось ответное солдатское «Урраа!»

На постой остановились в Яблонице. Гурко знал: отступив без боя, турки готовят сопротивление впереди. Взяв с собой переводчика и конвой, Иосиф Владимирович выехал на рекогносцировку. За аванпостами редкие малые деревни в два-три домика. Больше не жилые, заброшенные. Болгары бежали, опасаясь турок.

У встречных местных жителей Гурко расспрашивал о турецких укреплениях, просил помочь в расчистке дорог, звал в проводники.

Иногда останавливая коня, подолгу смотрел на синеву гор. Они высились грозной, непроходимой зубчатой стеной, на вершинах которой белели снега.

Нередко генерал озабоченно думал: что ждет российского солдата там, где снега и ущелья?

Чаще всего Иосиф Владимирович спрашивал у местных жителей, какие тропинки ведут к вершинам, но люди удивлялись, зимой в горы никто не ходил, разве что одиночные охотники. Но генералу Гурко не малый отряд предстояло повести, а десятки тысяч солдат с орудиями, боеприпасами. Пройти, ломая сопротивление

врага. А что впереди будут укрепления, Иосиф Владимирович был уверен.

И он пытался узнать, что ожидает армию на подъеме и при спуске, сколько таборов оставил в горах Мехмет-паша...

На рассвете в Яблоницу к Гурко пришли два брата из Правеца.

— Господарь генерал, — сказали они, — турки в Правеце укрепились. Они построили редуты, а на горе установили батарею своих орудий,

— Вы сможете на карте показать эти места? — спросил Гурко и на утвердительный ответ велел позвать начальника штаба.

Нагловский внес карту, расстелил на столе. Братья склонились и, легко ориентируясь, указали места расположения турецких укреплений,

Этот день Иосиф Владимирович для себя посчитал удачным, потому как оба брата, Василий и Асен, промышляли охотой и сразу согласились быть у Гурко проводниками.

Посоветовавшись с Раухом и Нагловским, Иосиф Владимирович принял решение наступать на Правец. Это турецкое укрепление в будущем могло помешать гвардии подняться на перевал.

По рассказам братьев и данным разведки, удар можно было нанести с фронта, от деревни Усыковицы. На это направление Гурко послал лейб-гвардии Московский полк, а для облегчения наступления московцев им была придана батарея пушек, которой предстояло вести обстрел неприятельских укреплений.

На пути солдат Московского полка путь преграждали огромные валуны. Шли по шоссе от Усыковицы на Правец. Турки засели на кряже, покатой круче, основу которой составляли каменные глыбы.

При первом же взгляде Гурко понял: атаковать кряж снизу невозможно. Когда солдаты начнут на него взбираться, цепляясь за кустарники, турки перестреляют их.

Генералу стало ясно, что выбить засевшего на кряже противника можно, лишь обойдя его. И у него созрел

план: занять соседние кряжи и, установив на них пушки, одолеть турок.

Одновременно Иосиф Владимирович посылает пехоту с фланга и перерезает дорогу, связывающую Правец с главной турецкой базой Орхание, а генерала Рауха с семеновцами направляет в тыл неприятеля, на горные вершины.

Турки обнаружили продвижение Московского полка заранее и потому отошли на подготовленные в горах позиции.

Ночью солдаты, в кровь разбивая руки, втащили на ближайшие к противнику кряжи девятифунтовые пушки. Шестнадцать орудий начали обстрел позиций противника. Под их огнем турки отошли в укрытие.

Обстрел длился весь день. Время, назначенное для атаки, приближалось, но генерал Раух с семеновцами задерживался.

Гурко волновался. Он все время направлял бинокль к вершинам, где должен был появиться Раух. Иосиф Владимирович представил, какие трудности преодолевают семеновцы, взбираясь по крутым горам, и переживал за солдат.

И, когда в шестом часу вечера на вершине раздалась первая ружейная пальба и Гурко увидел солдат, он оторвался от бинокля, повернулся к столпившимся за спиной штабным офицерам, сказал со вздохом:

— Молодцы семеновцы! Итак, начинаем атаку.

Понимал генерал Гурко трудности, которые предстояло преодолеть семеновцам. Потому и обрадовался, когда увидел, что Раух уже обошел Правец и ударил в тыл туркам. Вон они, семеновцы, на вершине гор.

Трое суток пробирались семеновцы, чтобы выйти на заданные позиции.

10 ноября наступление начал Московский полк. Турки отбивались отчаянно. Несколько раз солдаты сходились в штыковую. Орудия расчищали дорогу.

Ночью в сплошном тумане две сотни измайловцев, карабкаясь по скалам, ворвались в турецкие укрепления. В рукопашный бой вступили и солдаты Московского полка. Удар оказался настолько стремительным, что турки бежали в городок Этрополь...

По данным разведки, Мехмет-паша укрепил Этрополь заранее. На горах, на острых гребнях, возвели редуты и ложементы, а на горе Святой Троицы, позади города, стояла батарея.

На совещании штаба был выработан план взятия Этрополя. Он заключался в обходном маневре: карабкаясь по отвесным скалам, заходя вправо от ущелья, наступали три батальона преображенцев; тропой слева в тыл туркам пробирался Великолуцкий полк, а один батальон преображенцев наступал по ущелью Малого Искера.

Принимая такой план, генерал Гурко заметил:

— Пожалуй, это будет малая репетиция большого штурма Балкан...

Согласно диспозиции Гурко войска к 10 ноября вышли в тыл туркам. А ночью солдаты-охотники ворвались в редуты и овладели Орлиным гнездом.

В то же время орудийный обстрел по укреплениям на Святой Троице вывел из строя турецкие батареи.

И, когда батальоны двинулись в обход горы, турки бежали через перевал Шандорник к Араб-Конаку...

12 ноября генерал Дандевиль прислал Гурко донесение: турки покинули Этрополь, город занял лейб-гвардии Преображенский полк.

Овладев Этрополем, Гурко расчистил путь через Балканы к перевалам: Вражскому, Шандорнику, Блатницкому. Неизведанной была для российских солдат эта дорога, по которой генералу Гурко предстояло провести армию. Одно и знал Иосиф Владимирович: надо было преодолеть непроходимые зимние укрепления, возведенные природой.

В Этрополе болгары тепло встречали победителей. В церкви служили молебен и Гурко обратился к народу с просьбой помочь российским войскам.

Разместив свой штаб в Орхание, генерал-адъютант Гурко принял решение — начать переход корпуса через Балканы после падения Плевны, когда подойдут войска, выделенные ему главнокомандующим.

У проселочной дороги, на выезде из Орхание, ровными квадратами вырос палаточный городок. Он напоминал сложенные на лугу копенки сена.

От непогоды брезент поблек и уже представлял собой слабое укрытие от ветра и уж совсем не спасал от морозов.

Гурко появлялся в палаточном городке, как правило, задолго до рассвета, шел мимо палаток, выслушивал рапорты дежурных ордеров, разговаривал с дневальными солдатами. Позже, перед побудкой, к генералу присоединялась свита из старших офицеров, адъютанты.

У палаток егерей дневальный развел костерок, грел руки. Увидев генерала, вытянулся:

— Голодно, солдат? — спросил Иосиф Владимирович.

— Да уж как иному быть, ваше высокоблагородие, коли в зиму повернуло.

— Сколько лет служишь, солдат?

— Пять, ваше высокоблагородие.

— Откуда призван?

— С Рязанщины, ваше высокоблагородие, из деревни Лесной.

— Поди, леса у вас хорошие?

— Ни единого деревца, ваше высокоблагородие.

— Отчего же деревню назвали Лесной?

— В лета давние, сказывают, так барин пожелал.

— Ну, дневаль, солдат. Скоро срок службы закончится, домой, к земле воротишься, хлеб растить.

— Да уж как, ваше высокоблагородие, по земле соскучился...

К исходу дня Иосиф Владимирович почувствовал общее недомогание, болела голова и тело было чужим.

«Не ко времени болезнь», — подумал Гурко.

Такое с ним случилось три года назад. Тогда он только взял себе в денщики Василия. Увидев, как мается генерал, Василий поднялся на рассвете, сварил какие-то травы, влил в это снадобье спирт и поднес генералу:

— Ваш благородь, испейте.

Выпил тогда Иосиф Владимирович, потом пропотел, трижды денщик белье ему менял, а утром поднялся совершенно здоровым...

И вот сегодня прошлое недомогание почувствовал. Позвал денщика:

— Кажется, Василий, надо варить твое зелье. Нам по лазаретам не время отлеживаться.

— А я вас, ваш благородь, в госпиталь и не отпущу. Попьете травки, хворь позабудете.

Правду сказал псковский крестьянин, а когда Гурко поправился, спросил:

— Неужели, Василий, от бабки познание твое?

— Ваш благородь, от бабки истинно. Она многое чего умела...

Тотлебену не спалось. Накинув на плечи подбитую мехом генеральскую шинель и надев папаху, он толкнул набухшую дверь. С улицы пахнуло морозом. Свежий ветер ворвался в сени. Тотлебен переступил порог, остановился на крылечке.

Сквозь рваные облака проглядывали крупные звезды. Множеством костров горела Плевна, а вокруг, насколько хватало глаз, в расположении российских войск из труб землянок роем взметывали искры, гасли на взлете.

Тотлебен прислушался. Ничего, кроме завывания ветра. Но генерал знал: по его приказу с восточной стороны Плевны полным ходом идут саперные работы. Солдаты роют траншеи, приближаясь к вражеским укреплениям, устанавливают батареи, чтобы с утра с короткой дистанции начать обстрел вражеских позиций. А под Гривецкие высоты по его, Тотлебена, чертежам румынские инженеры закладывают мины.

Железным обручем охватили Плевну. Блокадные участки определены четко между корпусными генералами, с диспозициями, предусматривающими взаимную поддержку.

По всем предположениям Тотлебена, Осман-паша уже перевел армию на голодный паек. Подтвержде-

нием тому служат участившиеся рекогносцировки противника, военные демонстрации. Осман-паша ищет место для прорыва блокадного кольца. Не позже чем вчера три табора пытались пробиться в районе Софийского шоссе. Осман-паша бросил в дело две тысячи конных черкесов. С визгом и гиканьем они ринулись на позиции гвардейского полка. Солдаты отбили атаку.

«Мечется Осман-паша, мечется, — подумал Эдуард Иванович. — Ан крепко мы капкан захлопнули. Заставим, заставим Османа пардону просить, саблю отстегнуть. Что и требовалось доказать...»

Иногда Тотлебен задавал себе вопрос: почему Осман-паша после того, как генерал Гурко взял Горный Дубняк и Телиш, не вывел армию, прорвав не укрепленное блокадное кольцо?

На прошлой неделе в Порадиме император, остановив Тотлебена, заметил чуть раздраженно:

— Эдуард Иванович, двадцать дней как вы приступили к задуманной операции. Скоро ли конец?

— Ваше императорское величество, не торопите события. Как записано в Ветхом Завете: «Если Бог за нас, кто против нас?»

Александр пренебрежительно усмехнулся:

— Дорогой Эдуард Иванович, вы настолько сведущи в Библии, что вам не мешало бы вспомнить и другие слова, записанные там же, в Ветхом Завете: «У всякого благоразумного проси совета и не пренебрегай советом полезным».

Повернулся к Тотлебену спиной и, сопровождаемый свитой, молча удалился.

Ох, как много мог бы сказать Эдуард Иванович в тот час, будь на месте императора кто другой, и о никчемности штурмов, и о громадных потерях... А все почему? Промедлили, пропустили Осман-пашу в Плевну, так уж извольте подчинить свою стратегию соответственно сложившейся ситуации...

Вот и главнокомандующий проявляет недовольство им, Тотлебеном, в медлительности обвиняет. Не иначе, государю нашептал...

Эдуард Иванович думает еще о том, что блокада продлится от силы недели две, и гарнизон Плевны капитулирует. Тогда история и рассудит его, Тотлебена, с великим князем Николаем Николаевичем...

В трех метрах от Тотлебена стоял караульный солдат. Эдуард Иванович спросил:

— Какого года службы, братец?

— Третьего, ваше превосходительство.

— Из мужиков? Зовут-то как?

— Так точно, ваше превосходительство, из мужиков. Силантием Егоровым кличут.

— Значит, хлебопашеством занимался. Поди, по земле соскучился, Силантий Егоров?

— Известно, ваше превосходительство, земля, она мать-кормилица.

— Ничего, Силантий, закончим войну, отслужишь срок, домой воротишься.

— Святое дело, ваше превосходительство, хлебушко сеять.

— Оно, братец, так, да и воевать кое-когда надобно. От нынешней войны куда подеваться?

— Это верно заметили, ваше превосходительство, исстрадался здешний народ и без нас не обойдется. А на лютости башибузуков насмотрелись мы.

— Правда, Силантий, правда. На российского солдата у болгарина вся надежда... Добро, солдат, неси свою службу, а мне позволь часок-другой поспать. Прошлую ночь глаз не сомкнул. Как видишь, не всегда генеральской жизни позавидуешь.

— Да уж куда точнее, ваше превосходительство. Однако ни один генерал в мужики не подался.

Тотлебен рассмеялся от души:

— Ты, братец, не про-ост!

Солдат понравился Эдуарду Ивановичу. В комнатке, умащиваясь на деревянной кровати, генерал подумал, что хоть и государь снова торопит с наступлением, он, Тотлебен, не отступит от своего плана. Но что Осман-паша? Его будут пытаться выручить. Весьма возможно, турки перебросят крупный отряд из Разграда к Ямболу и отсюда железной дорогой на Татар-Пазарджик... По

данным полковника Артамонова, Сулейман-паша перебрасывает свои бригады от Шипки к Разграду. Уж не замыслил ли он начать наступательные операции по ту сторону Балкан? Тогда его удар будет направлен на прорыв блокады Плевны. Устоит ли Федор Федорович Радецкий?

Как опытный шахматист, Тотлебен мысленно двигал бригады, дивизии в местах возможного наступления. Прикидывал контрмеры неприятеля, взвешивал соотношение сил...

Султан надеется на Осман-пашу, он требует от него любой ценой удержать Плевну, понимая, что от этого зависят последующие боевые действия российской армии.

Подбадривая Осман-пашу, султан своим фирманом присвоил ему титул «гази» — непобедимый.

Эдуард Иванович улыбнулся. Если бы титулы и звания судьбу решали! Положение армии Осман-паши безнадежное. Блокада Плевны завершена. Со взятием Гурко Горного Дубняка и Телиша Осман-паша потерял последнюю связь с Софией и Видином...

Глава 7

Стоян мечтал, как он привезет Светозару в Петербург. Скорее всего это случится весной, когда наступят теплые дни и первая зелень тронет землю и кустарники.

За решетчатыми оградами особняков садовники будут расчищать дворики, вскапывать цветники. С вокзала Стоян повезет Светозару на извозчике, на ходу знакомя с городом.

О своем приезде Стоян не уведомит бабушку заранее, пусть все произойдет неожиданно. И он представлял, какой переполох охватит дом. Все будут суетиться, бегать, а старая графиня разворчится беззлобно, а на самом деле останется довольной...

И конечно, Стоян очень хотел, чтобы к его приезду в Петербург Василько уже возвратился с Кавказа...

К Светозаре приставят учителей, а русским с ней будет заниматься он, Стоян...

Подобные мысли, часто посещавшие поручика, скрашивали ему жизнь даже в самые суровые зимние дни на Шипке...

Выбравшись на свежий воздух, Стоян растерся снегом. Ноябрьское утро свежее. Пологие, поросшие лесом северные скалы Балканских гор, с южной стороны почти лишенные растительности, обрывались круто. Луга на вершинах, летом заросшие густым альпийским разнотравьем, зимой лежали под снегом. И тогда редкие пешеходные тропы, известные старожилам, делались совершенно непроходимыми.

Зимнее морозное солнце поднялось над горами поздно. Сперва оно кинуло лучи на вершины, снег заискрился, заиграл. Солнечный свет растекался по горам.

Асен принес завтрак. Явились подполковник Константин Кесяков и капитан Райчо Николов, сели за стол.

— Вторые сутки молчат турки, — заметил Стоян. — Надолго ли?

— На Шипке, други, самым трудным для меня была ночная атака турок в первый день, — сказал Николов.

— Да, удержались с трудом, — согласился Кесяков. — Днем моя дружина в резерве стояла. Генерал бросил нас в штыковую в самый разгар, так что к ночной атаке мы оказались без резерва. И пушки молчали, остерегались по своим стрелять.

— Все ж выстояли.

— Выстояли, Стоян. Отбили туркам охоту к ночным вылазкам.

Помолчали, вспоминая тот сентябрьский ночной бой. За день скопившись в лесу, османы под покровом ночи вплотную подступили к позициям защитников Шипки. Поднялись орловцы и дружинники, подоспели пушкари. Дрались врукопашную, резались ножами, душили друг друга.

— Когда я смотрю на поредевшие дружины, други, — сказал Кесяков, — то поминаю доброй памятью погибших воинов. Я спрашиваю себя, ты, Костаки, —

болгарин, много лет прослуживший в российской армии. Мы, болгары воюем за свободу своего отечества, но какое большое и отзывчивое сердце у российского солдата, который не жалеет живота своего за освобождение Болгарии от ига османов! Неужели в будущем болгары предадут забвению наше общее дело?

Николов отрицательно покачал головой:

— Нет, Костаки, и нет. Наш народ всегда смотрит на Россию с надеждой. И покуда есть Россия, будет жива и Болгария.

— Ты верно заметил, Райчо, — согласился Кесяков. — Есть Россия, будет и свободная Болгария. Она для нас вторая мать.

— Обидно, однако, — снова сказал Николов, — в Европе все ухожено, а в России избы крестьянские в землю вросли, соломой крытые, дороги не мощеные, отчего бы?

— Отчего, спрашиваешь? — Стоян отодвинул миску. — Я тоже думал, как и ты, Райчо, пока не нашел ответ. Чьих мастеровых угоняли веками в Орду? Российских! Чье богатство увозили ордынцы? Российское! Какую землю разоряли враги набегами? Российскую!

— Да, у России завидная судьба. Сколько помнит история, она своей грудью прикрывала мир.

— То так, други, — сказал Кесяков, — но вспомните и разор крестьян помещиками в пору не столь отдаленной крепостной неволи. Императрица Екатерина приняла указ о вольности дворянства, чем дала неограниченные права помещикам делать крестьян нищими и торговать ими, как животными. Слава Богу, нынче этого нет.

— Я согласен с вами, подполковник, крепостная неволя — позор российский, — согласился Стоян, — но у России все впереди.

— И у Болгарии, поручик, — добавил Николов.— И у Болгарии.

Морозный день третьей декады ноябрьского месяца. Накануне дождило, и теперь обледеневшие деревья, ровно под стеклом, покачиваясь, потрескивали на ветру.

Начавшийся снег, сначала мелкий, к обеду разошелся, падал крупными хлопьями. Вскоре он покрыл землю, шапками лег на стожках сена.

Снега завалили не только тропы, но и дорогу, что шла от Плевны к Орхание. Интенданты жаловались, затруднен подвоз продуктов, и Иосиф Владимирович опасался, как бы это не вызвало перебоев в питании солдат. А тут еще получено сообщение: в турецкой армии произошла замена военачальника, слабого, безынициативного Мехмет-Али сменил Сулейман-паша. Он резко усилил давление на левый фланг русских войск, где Рушукскую группировку возглавлял наследник цесаревич Александр. Сулейман-паша теснил отряд князя Святополк-Мирского у городка Елены и атаковал позиции царевича у Осман-Базара.

Об этом у Гурко был разговор с начальником штаба Нагловским. И оба пришли к одному мнению: Сулейман-паша стремится прорваться к Тырново. И если ему это удастся, то он зайдет в тыл шипкинских позиций, а следовательно, настанет конец защитникам Шипки...

Только взятие Плевны и разгром плевненской группировки может остановить Сулейман-пашу.

Гурко в овчинном тулупчике, подарок генерала Краснова, подъехал к домику, где квартировал полковник Артамонов, сошел с коня.

Бессменный, вот уже третий год, денщик принял повод, и Гурко поднялся на крыльцо. Стряхнув с папахи снег и оббив ноги, он вошел в горницу.

Артамонов был не один. Напротив стола сидел гость. Болгарин, с лицом изможденным и глубоко запавшими глазами, при появлении генерала поднялся, поздоровался, Гурко жестом усадил его. Спросил у Артамонова:

— Не помешал?

— Нет, Иосиф Владимирович, пожалуй, вовремя, разговор и вам интересен. — И тут же пригласил генерала к столу: — Не изволите отобедать с нами?

Гурко отказался.

— В таком случае, Иосиф Владимирович, присаживайтесь, послушайте, что мой гость поведает. Его зовут Димитр, вам это имя ничего не говорит, но дела его из-

вестны. Это лучший и бесстрашный разведчик. Я не виделся с ним вот уже три месяца. А накануне войны он приносил донесения, на основе которых наш штаб разрабатывал места переправы через Дунай...

Гурко сел в сторонке, у стены. А Артамонов потчевал гостя жареным мясом, гречневой кашей, велел сварить кофе. Угощал, а сам пристально смотрел Димитру в глаза и думал о том, какую непомерно трудную и опасную работу взяли на себя болгарские патриоты. Для османов даже недоказанная вина, только предположение, что тот или иной болгарин служит на русскую разведку — основание для казни.

Вот и сегодня уйдет Димитр, и Артамонов вытащит из своей картотеки карточки двух болгар-разведчиков. Их схватили, когда они вышли из Софии, направляясь на связь с Димитром, и после жестоких пыток казнили. Мужа и жену Благовых. Совсем молодых, она готовилась стать матерью...

Артамонов прогнал грустные мысли, посмотрел на Гурко. Тот, чуть подавшись вперед, слушал внимательно.

— Значит, из Софии на Араб-Конаке и выше горы завалены снегом? — спросил Артамонов.

— Да. Даже те тропы и никудышная дорога, по которой не пройдет и двуколка, не то что пушка, все затерялось под снегом. Я и сам едва не угодил в пропасть.

— Какие силы стерегут Араб-Конак?

— Два табора.

— Есть ли пушки?

— Три орудия.

— Значит, говоришь, два табора?

— Главное скопление войск врагов в Софии. Но точные цифры унесли с собой Благовы. — Замолчал, потупившись. Видно, горько стало на душе при воспоминании о погибших товарищах.

Артамонов выждал время, сказал:

— Сложную задачу поставили мы перед тобой, Димитр, и твоими товарищами. Но сегодня она имеет для нас огромную важность, нам надо получить как можно полнее сведения о всех зимних тропах через Балканы.

Предстоящие операции будут носить крупномасштабный характер. Ты понимаешь, Димитр, неспроста я об этом спрашиваю. От тебя и от других разведчиков зависит, как и где мы перевалим Балканы... В каком месте мы спустимся, никто еще не знает, но мы должны нарисовать картину всех троп и тропинок, дни Плевны сочтены, османы не одолеют Шипку. Русские солдаты и болгарские войники стоят насмерть.

— Понимаю, господин полковник. Я сам пройду через Имитлийский перевал, а Энчо Георгиева пошлю на Тревненский. Но мы пойдем одинокими путниками, а войско есть войско, у него пушки, обоз.

Гурко поднялся, положив руку на плечо Димитру, сказал уверенно:

— Российские дивизии встали у перевалов и преодолеют их. Справимся с вашей помощью. Пошлем наперед саперов, обратимся к болгарам, расчистим и расширим дорогу. Нелегко будет, Димитр, нелегко, знаем, но надо пройти, надо! Не преодолеем Балканы зимой, весной может оказаться поздно.

— Да, генерал. — Болгарин встал.

— Пойду, полковник, некогда мне засиживаться, еще родственников проведаю, передам через них задание для Энчо.

Ушел Димитр, Гурко вслед ему промолвил:

— Ради таких, как он и его товарищи, каким небезразлична Болгария, надо воевать.

— Да, Иосиф Владимирович, сложную задачу поставили вы перед собой. Обещаю всеми добытыми сведениями немедленно делиться с вами...

Проводив Гурко, Артамонов положил ладони на стол, задумался. Зимой боевые действия грозили затянуться и положение Дунайской армии могло оказаться наисложнейшим. Царь распорядился отозвать из Кавказской армии генерала Обручева. Такое поведение государя не случайное. Полковнику известно: главнокомандующий и военный министр разошлись во взглядах на последующие операции после взятия Плевны. Великий князь настаивает дать войскам отдых, получить из России подкрепление и лишь потом начать наступле-

ние. Милютин с ним не согласен. Такой план будет означать затягивание войны до будущего лета.

Последнее слово будет за генералом Обручевым... Если бы спросили его, Артамонова, мнение, то он за план генерала Гурко — переходить Балканы зимой, не давать туркам опомниться. Генерала Гурко поддерживает и военный министр.

Потому и спешил Артамонов со сбором информации о перевалах и силах врага по ту сторону хребта...

Неутешительные сведения, но полковнику нравилась решительность генерала Гурко. И если Обручев поддержит военного министра, претворять в жизнь этот план, Артамонов уверен, будет генерал Гурко. К этому он уже начал готовиться...

Надев папаху и шинель, Артамонов затянул ремни, вышел на улицу села Багота, где расположился штаб армии. Ветер смел снег с крыши, сыпнул в лицо. Артамонов осмотрелся. Домишки в снегу, из труб поднимались дымы. Чутьем разведчика полковник уловил чей-то взгляд в спину, повернулся, увидел князя Черкасского.

Артамонов не любил этого хитрого, с влажными и липкими руками и мышиными глазками князя.

Владимир Александрович Черкасский, юрист по образованию, не имел военной подготовки. По велению Александра Второго он осуществлял гражданскую административную власть на освобожденной территории Болгарии. На Балканах ему были отданы в подчинение и жандармы, действующие при армии.

В Царстве Польском Черкасский был главным директором правительственной комиссии внутренних дел. В молодости числился славянофилом. С годами стал консерватором и верно служил престолу.

Черкасский дребезжаще рассмеялся:

— Начальник разведки дышит свежим воздухом? — и обнажил ровный ряд неестественно белых зубов.

— Здравствуйте, Владимир Александрович, чем могу быть полезен?

— Я мимоходом. Государь возложил на меня трудную миссию, как вам известно.

— Наслышан.

— Надеюсь, вы, полковник, будете настолько любезны, что не откажетесь работать со мной в тесном союзе? Одну лямку тянуть.

— Князь, — Артамонов посуровел, — ведомство, какое я имею честь возглавлять, занимается военной разведкой, а не делами партикулярными и тайным сыском.

— Ну-с, извините, я не хотел вас обидеть, — развел руками Черкасский и откланялся.

Артамонов в душе разразился бранью: «Ишь, чего возомнил! Если царь возвел его в главные над жандармами, прикомандированными к армии, так он мыслит, что и разведку взял за бороду. Накось, выкуси!» — И Артамонов скрутил вслед князю кукиш.

По полкам ротные офицеры звали охотников на ночной штурм:

— Поведет Скобелев!

Хотя никто не называл место предполагаемой атаки, охотников сыскалось немало. Ведь сам Скобелев кличет! Генералу верили, о его личной храбрости гуляла молва, будто, как солдат, со стрелками в штыковую ходит...

Накануне ночного штурма Скобелева вызвал Тотлебен:

— Михаил Дмитриевич, надо выбить врага из его ложементов на Зеленых горах,

Проглатывая букву «р», выговаривая вместо нее «г», Скобелев ответил:

— Благодарю за доверие!

Последующие сутки Михаилу Дмитриевичу потребовались на рекогносцировку и на скрытое сосредоточение охотников. Задача, поставленная Тотлебеном, не из легких. Предстояло овладеть третьим гребнем Зеленых гор, а оттуда пройти лесок и виноградники, форсировать глубокий, с крутыми берегами ручей, рывком преодолеть открытое поле и, выбив турок из окопов, вскарабкаться на голую, скользкую от грязи высоту,

где под руководством английских специалистов османами возведены два редута, соединенные глубокими траншеями.

У стрелков Скобелев появился поздним вечером, шинель нараспашку, светлая борода надвое расчесана, молодой, здоровьем не обижен. Поправил фуражку.

— Как, братцы, отобьем Зеленые горы?

— Отчего не отбить, ваше превосходительство? С вами хоть в пекло.

Стрелки окружили генерала.

— Мы, братцы, и лезем в пекло. Оттого и охотников позвал. — Скобелев поглядел на небо. Оно затянуто тучами. — Наступай, братцы, тесно чувствуй локоть товарища, чтоб не спутать врага со своими.

— Когда двинемся, ваше превосходительство?

— На рассвете, когда турка сон смотрит. Первым ложементом овладей, рвись на второй. На штык надейся, он молодец! Турок штыковой боится. Он нас нынче не ждет, а мы, помолясь, к нему и припожалуем. Подступай молча, а как враг нас обнаружит, так и на ура! Да погромче, будто нас не четыре сотни, а дивизия. Ну а смерть придет, принимай ее, костлявую, на то ты и солдат!..

В ожидании сигнала солдаты разошлись, доставали из вещевых мешков еду. Стрелок разломил лепешку, протянул Скобелеву:

— Пожуйте, ваше превосходительство, все веселей на душе.

Скобелев жевал медленно, думая о никудышном снабжении армии продовольствием. Компания наживается на поставках, интенданты воруют, и это все на глазах императора. Тотлебен собирал корпусных командиров, решено самим выпекать хлеб...

Мысль на иное перекинулась.

...Восьмой месяц тянется война, и все это время Скобелев чувствовал себя обойденным. О нем, как о молодом, подающем надежды генерале говорили еще в пору туркестанской кампании. Однако не раз слышал и нелестное о себе. Скобелев-де в Туркестане солдатам города на поток отдавал. Взывал не иметь злости к пленным...

Да, он, Скобелев, того не отрицал, случалось, и призывал солдат: «На инородцев страх кровью нагоняйте».

Жестоко, действительно, но и бухарцы с хивинцами коварствовали...

Когда его, тридцатипятилетнего генерала, направили в Дунайскую армию, Михаил Дмитриевич рассчитывал получить в командование крупное соединение, но ему даже дивизии не выделили. Как рядовой, то с Драгомировым, то с Гурко, а ныне здесь, у Тотлебена... За храбрость любим солдатами, да еще в милости у главнокомандующего и государя...

Подошли офицеры.

— Задача, господа, не из легких. Ночная атака укреплений. Предвижу большие жертвы, но никаких сантиментов. Не о жизни солдат печемся, а о победе, и из сего исходите.

Скобелев кратко и четко нарисовал план предстоящей операции.

— Ваше превосходительство, стрелки распределены по ротам и по взводам, — доложили офицеры.

— Хорошо. Вам, господа, находиться в своих подразделениях, влиять на охотников своим примером. Как петух прокукарекает, так и атаке начало. Фланговым ударом нас поддержат кубанцы...

Еще и рассвет не начался, как прокричал петух, и тут же поднялись стрелки, плотной стеной двинулись на вражеские укрепления. Лил холодный затяжной дождь. Солдаты шли молча, ускоренным шагом. Турки заметили атакующих не сразу. Рожок заиграл сигнал тревоги. Первые залпы врага слились с громким «ура!»

Ворвались в траншеи, смешались. Зеленые горы огласились криками и лязгом стали, выстрелами и глухими ударами прикладов.

Все перекрывая, раздался голос Скобелева:

— Братцы, вперед, турок дрогнул, бежит!

— Генерала, генерала оберегайте!

А Скобелева и без того с начала атаки опекали стрелки.

Яростно отбиваясь, турки отходили к вершине гребня. В первой траншее бой медленно затихал. Верхняя встретила наступающих охотников превосходящими

силами. Медленно пятясь, стрелки отошли, закрепились в первой траншее.

Скобелев вызвал резервы и, попросив полковника Мельницкого обстрелять верхний гребень из пушек, принялся ожидать донесения о потерях. Они оказались неутешительными. Ночной штурм первого кряжа Зеленых гор обошелся больше чем в сотню стрелков...

Михаил Дмитриевич отправился по траншее. Стреляли отовсюду. По верхней траншее ударили орудия.

— Что, братцы, горячее вышло дело?

— Да уж не холодное, ваше превосходительство. Со смертью играли.

— Боязно?

— А смерти, ваше превосходительство, разве что дурак не боится. В ином суть — ради чего на смерть готов.

— И то правда. Товарищам нашим, кто пал сегодня, слава вечная.

Возвратившись в отбитую у турок землянку, оборудованную под штаб, Скобелев принялся за донесение Тотлебену: «Согласно диспозиций первый кряж Зеленых гор взят... Подошедшие к утру резервы обеспечили наше положение на Зеленой горе... В пять часов утра неприятель вновь возобновил нападение, но был отбит ружейным огнем из траншей... Придвинул к Рыжей горе суздальцев и казанцев с артиллерией».

Прибыл начальник штаба окружения князь Имеретинский. Соскочив с седла, вбежал в землянку.

— Михаил Дмитриевич, поздравляю с успехом. Написал донесение Эдуарду Ивановичу, вручите, князь. И прошу разрешения на новый штурм!..

Получив уведомление Скобелева, Тотлебен велел, во избежание лишних потерь, второй кряж Зеленых гор не штурмовать, удержать первый...

Левое крыло отряда Скобелева прикрывал 2-й Кубанский конный полк. Подполковник Степан Яковлевич Кухаренко с нетерпением ждал приказа Скобелева. Накануне тот распорядился начать атаку только по его указанию...

Ночь была на исходе. От реки тянуло холодом, белел туман. На Зеленых горах, судя по стрельбе, бой был в самом разгаре. Казаки изготовились, сидели в седлах.

Кутаясь в бурку, Кухаренко прохаживался по сырой прижухлой траве, разминался. Туман над рекой напомнил Степану Яковлевичу екатеринодарские рассветы, полноводную и быструю Кубань, с ненасытным урчанием подмывающую крутые берега, старого отца, Якова Кухаренко, бывшего наказного атамана Кубанского казачьего войска, друга кобзаря Тараса Шевченко...

Подполковнику Кухаренко не довелось видеть великого поэта, но в молодости Степан часто слышал рассказы отца о Тарасе Григорьевиче, читал его стихи...

Возле Кухаренко осадил коня порученец Скобелева:

— Ваше высокоблагородие, батальоны охотников удерживают первые траншеи. Михаил Дмитриевич велел вам атаковать неприятеля!

Ловя ногой стремя, Кухаренко приказал:

— Трубите атаку!

Запели трубы, обнажили казаки сабли, и сотни рассыпались полукругом, вырвались из тумана, лавой понеслись на вражеские позиции. Дрожала земля под конскими копытами. Казаки выбили османов из траншей, догоняли, рубили зло, и только огонь с плевненских укреплений остановил конную атаку.

На другой день при встрече с Кухаренко Скобелев сказал:

— Спасибо кубанцам, Степан Яковлевич, добре помогли удержаться на Зеленых горах.

А в реляции генералу Тотлебену, отмечая заслуги казаков, написал: «... подполковник Кухаренко достоин чина полковника».

В штабе армии генералу Гурко передали письмо от баронессы Вревской. Скорее это было не письмо, короткая записка. Юлия Петровна уведомляла, что с лета находится в госпитале в селе Бела и работает сестрой милосердия. «Если вы, Иосиф Владимирович, каким-либо случаем будете в этих краях, проведайте меня... Найти

наш военно-временный госпиталь совсем нетрудно, по кибиткам и мазанкам... Работой своей я довольна, потому как приношу облегчение раненым и больным солдатикам... Уважающая вас Юлия Вревская»

Иосиф Владимирович даже мысленно не мог представить себе этой красивой, пленительной женщины в костюме сестры милосердия среди грязи и крови, то, как она своими нежными, ухоженными руками облегчает боль и страдания человеческие...

Сейчас он видел ее, как наяву, как в тот день, когда покидал Петербург. Если бы сегодня он встретил ее, то сказал бы: Господи, как о многом поведал бы я вам, милая Юлия Петровна. Не ведаю, что это со мной, но вы для меня не просто баронесса Вревская, вы та Юлия, к кому, давно или нет, на это не могу ответить, неравнодушно мое сердце. Оно принадлежит вам... Прошу вас, берегите себя... Ради меня берегите...

Положив письмо в карман, Гурко решил, как представится возможность, непременно навестит эту замечательную женщину...

О встрече у Артамонова с болгарским разведчиком Гурко поведал Нагловскому.

Начальник штаба потер затылок:

— Новостей нам, Иосиф Владимирович, этот разведчик не открыл, про снега и ущелья, бездорожье и леса сами знаем. А трудности преодолевать российскому солдату привыкать ли? Но вот коли этот Димитр охотников в проводники сулит, благодарны будем.

— Правы, Дмитрий Степанович, поспешим с подготовкой. Убежден, население болгарское нам поможет.

Еще в Этрополе генерал Гурко обращался к жителям с призывом. И в нем Иосиф Владимирович писал, что русской армии предстоит сделать последний напор на турок и перейти Балканы.

«Вы, — обращался он к болгарам, — должны помочь нам везти оружие, нести тяжести, заряды, сухари через горы. Заплачено будет всем, но главная ваша награда будет избавление от турок навсегда. Вам теперь трудно, но русским труднее; они терпят для вашей пользы, а вы для своей».

Еще там, в Этрополе, выслушав обращение Гурко к болгарам, генерал Нагловский согласно кивнул, заметив, однако:

— Уж так, Иосиф Владимирович, на Бога надейся, да сам не плошай...

Конец ноября, холодный, ветреный. Ударяли морозы, сыпали снега. Но случалось, днем оттаивало и на дорогах появлялись грязь и колдобины.

Плевна переживала критические недели. Давно закрыты лавки и кофейни, не шумят базары и безлюдны улицы. Временами город оглашали свирепые крики башибузуков, промышлявших грабежом и разбоем, резней в болгарских кварталах, да в час намаза взывали к правоверным с минаретов голоса истых муэдзинов.

О, Аллах, обрати свой лик на слуг твоих!

Коченели на ветру и в сырости голодные турецкие аскеры, умирали в госпиталях раненые и больные. По подсчетам интендантов, еды оставалось от силы на полмесяца.

Осман-паша в окружении своих генералов и штабных работников объезжал позиции, стараясь не замечать кутавшихся в разное тряпье солдат. Горели редкие костры, не было ни дров, ни хвороста.

Осман-паша молчал. Черные брови угрюмо насуплены. Падает дисциплина, подорвана вера в победу. Надежда на помощь извне исчезла. Проклятый пес Шевкет-паша застрял со своим отрядом в Орхание и не собирается помочь плевненской армии прорвать блокаду.

Даже сейчас, когда положение катастрофическое, он, Осман-паша, не решается сдать армию и отправиться в плен. Его не поймут в Стамбуле, и султан не простит капитуляции. Непобедимый Осман-паша должен или погибнуть, или вывести армию из окружения.

Пробиться! Но где, на каком участке?

Осман-паша несколько дней кряду лично проводил тщательную рекогносцировку, особенно на запад от

Плевны. По данным разведки, в этом районе войсками окружения командовал генерал Ганецкий, старый, опытный генерал.

Чем чаще выезжал Осман-паша на свои западные позиции, тем больше убеждался: если идти на прорыв блокадного кольца, то именно в долине реки Вит. Она прикрыта от русских наблюдателей холмами, здесь можно сосредоточить силы прорыва и, пробившись на Софийское шоссе, форсировать по наведенным мостам Искер, устремиться к Софии на соединение с формирующейся новой армией, перед которой, как думал Осман-паша, будет поставлена задача защиты Западных Балкан...

— Если удастся скрытно сосредоточить главные силы, успех обеспечен наполовину, — продолжал размышлять Осман-паша, раскачиваясь в седле. Трудно, но сорокатысячная армия верит ему и надеется. Большую ответственность возлагает на себя Осман-паша и ему нести ответ перед судом султана Абдул-Хамида... — О, Аллах, все ли я сделал так, как надо? — шепчет Осман-паша и мысленно вспоминает тот день, когда вступил в Плевну и принял на себя оборону города, как отбил штурмы русских.

Да, его не в чем обвинить. И поспей к нему помощь, армия не оказалась бы в такой сложной ситуации.

Осман-паша подозвал одного из адъютантов:

— Сообщи корпусным и бригадным генералам, я вызываю их на военный совет.

Уединившись в походном шатре, служившем ему и штабным кабинетом, и спальной комнатой, он уселся на ковер, поджал ноги.

Поглаживая смолистую бороду, Осман-паша воздал молитву Аллаху. Начали подходить члены военного совета, верные своему полководцу генералы. Отвешивая поклоны, рассаживались кольцом на ковре. Осман-паша обвел их взглядом. Явились все тринадцать.

— О, Аллах, нет нужды убеждать вас в чрезвычайно серьезной обстановке, провиант заканчивается, наступает зима, она грозит нам. Пушки русских днем и ночью обстреливают наши укрепления, наносят им значи-

тельный урон. Шевкет-паша поступил как трус, остается надеяться на самих себя.

Генералы слушали внимательно, ни единым словом не прерывая полководца. Он продолжал:

— Мы не можем обречь армию на вымирание или гибель под снарядами противника. Нам остается либо сдаться на милость врага, либо попытаться пробиться на Софию. Заранее предупреждаю, надежда незначительная, и поэтому, прежде чем собраться для принятия окончательного решения, обсудите все с полковыми командирами, а те в таборах, и как будет угодно Аллаху...

Тотлебен уверен: Осман-паша не может остаться пассивным, он должен что-то предпринять. Скорее всего попытается вывести армию из окружения.

Эдуард Иванович проинспектировал войска обложения по участкам, настроил генералов на возможность удара турецких сил, нацеленных на прорыв. В корпусе Ганецкого задержался, провел маневры. Гренадеры порадовали.

Оставив у Ганецкого для связи с главным штабом веселого и покладистого полковника Фреза, Тотлебен отбыл в Бохот со спокойной душой — обруч вокруг Плевны прочный. А то что Осман-паша удачи поищет, то тут у Эдуарда Ивановича мнение твердое. А для прорыва турецкий военачальник изберет вероятнее всего шестой участок Ганецкого. О том у них с генералом произошла долгая беседа, на картах сверили, местность осмотрели, проверили расстановку батарей, авангардных постов, отработали подходы пехоты, резерва. Все обнадеживало.

Тотлебен завернул на пятый участок к генералу Каталею, к румынам. Князь Карл и генерал Черкат познакомили с обстановкой на их участке. И здесь чувствовалась хорошая подготовка. Теперь можно докладывать главнокомандующему и ждать противника...

К вечеру того же дня к Тотлебену заехал полковник Артамонов. Отказавшись от ужина, сразу перешел к делу:

— Эдуард Иванович, по сведениям из Плевны Осман-паша что-то замышляет. Наши друзья болгары сообщают: турецкий военачальник начал часто появляться на позициях и особенно на западных. Его сопровождает весь штаб.

Тотлебен улыбнулся.

— Ишь, турецкий лис хитер, но и мы, полковник, тоже не спим.

— Однако, обратите внимание на дальнейшую информацию. Замечено ночное передвижение войск.

— Я знаю. Ко всему в последние дни снизилась активность их ответного орудийного и ружейного огня. Именно это меня и насторожило. Прошу вас, полковник, по получении новых данных не откажите в любезности проинформировать меня лично...

Армия высказалась за прорыв. Теперь у Осман-паши никаких колебаний. Он действует твердо, вся сорокатысячная военная машина, подчиненная ему, работает как единое целое. Никаких нарушений приказов, никаких отклонений в инструкциях.

Оставив заслоны в укреплениях, таборы, полки, бригады, корпуса ночью снялись с позиций. Отходили без шума, соблюдая установленную самим Осман-пашой диспозицию, следовали в долину реки. Скапливались.

Сюда же тронулся и многофурный обоз с ранеными, с продовольствием и боеприпасами. Не скрипели заранее смазанные ступицы колес, редко раздавалось ржание.

Как ни убеждал Осман-паша, как ни описывал опасность пути, турецкое население Плевны ринулось вслед за армией. Глядя на двуколки, груженные домашним скарбом, на поникших беженцев, Осман-паша едва сдерживал гнев, выговаривал муллам, призывавшим правоверных мусульман не оставаться в городе на милость неверных.

Оба муллы, в белых халатах и белых чалмах, сложив молитвенно руки, внимали словам полководца молча.

— Армию сдерживает военный обоз, беженцы связали нас. Мы лишены маневренности. О, Аллах, если русские пошлют на все это скопище даже десяток снарядов, какая паника поднимется! И все по вашей вине, проповедники Корана!

Хлестнув коня, Осман-паша, сопровождаемый штабом и генералами, поскакал к реке, где саперы заранее навели мосты. Нескончаемой лентой лились по ним пешие солдаты.

Османа не покидала тревога, ну как заметят русские и их артиллерия обстреляет это кишащее скопление? Тогда в считанные часы погибнет вся армия.

Но холмы и темная ночь скрывали продвижение войск, а выдвинутые на вершины и по склонам частые посты надежно охраняли отступающую армию от русских разведчиков.

Осман-паша оглянулся на Плевну. По укреплениям мерцали костры и стояла мертвая тишина. По его, Османа, указанию турки несколько ночей не отвечали на выстрелы русских.

— Когда мы приучим гяуров к ночному молчанию наших позиций, тогда свершим прыжок горного барса.

Поминутно к Осман-паше подъезжали дежурные офицеры с докладами. Вести были успокаивающими. Части сосредоточивались согласно отработанному плану, дабы к рассвету изготовиться к удару по позициям генерала Ганецкого.

Если для русских гренадеров появление наступающей турецкой армии окажется неожиданным и они своевременно не подтянули резервы, успех прорыва обеспечен.

Конь нетерпеливо перебирал копытами, грыз мундштук. Осман-паша натянул повод, сказал скучившимся за его спиной генералам:

— Прошу разъехаться по своим соединениям и непосредственно руководить боем.

Смежил веки, забылся в дреме. Однако чуткое ухо ловило малейший шорох. Вот послышался топот множества копыт. Это двигалась конница черкесов и башибузуков. Осман-паша даже во сне пренебрежительно

морщится. Он никогда не считал весь этот сброд воинской командой. Мастера насилия и грабежа, они бежали при первой встрече с регулярными частями.

— О, гази-паша, — осторожно позвал Османа его начальник штаба, — пехота на том берегу.

Осман-паша открыл один глаз.

— Пускайте конницу и вслед обоз. Последними через мосты перейдут беженцы. Велите корпусным и бригадным генералам начать построение пехоты в боевые порядки — первая линия, вторая, резерв. Навалиться, смять неприятеля и наступать, только наступать, в этом наша победа. В прорыв пустить конных. Обеспечить прикрытие флангов от противника. Сдерживать гяуров, пока не выведем санитарные фуры и обоз... Да ниспошлет Аллах успех правому делу! Аллах акбар*!

Накануне вечером на стол начальника штаба Дунайской армии генерала Непокойчицкого легла телеграмма от Тотлебена: «Сегодня неприятель не стрелял из траншей. Траншеи турецкие слабо заняты: с батарей замечено, турки сосредоточивают войска за Плевной. Перебежчики показывают, что войскам выдана обувь и хлеб на несколько дней. Выход турок по Софийскому шоссе или на Видин назначен в эту ночь. Показания эти сообщены по телеграфу генералам Ганецкому, Каталею и Черкату».

Непокойчицкий немедля кинулся к главнокомандующему. Великий князь, пробежав текст, вызвал адъютанта, полковника Скалона:

— Митька, вели заложить экипаж, катим к Тотлебену...

В штабе отряда обложения горели свечи, не смолкал телеграф. Тотлебен давал указания. Предположение о дне и месте прорыва подтверждалось. Скобелев телеграфировал: схвачен заблудившийся солдат. Он рассказал, османы покинули Кришинский редут. Высланные Скобелевым охотники подтвердили правдивость солдатских слов, а костры, горевшие на позициях, — обман, дабы ввести русские войска в заблуждение.

---

*Аллах акбар — велик Аллах! *(тур.)*

Прибыл, к неудовольствию Тотлебена, главнокомандующий. Эдуард Иванович доложил обстановку.

— Значит, вы не считаете это отвлекающим маневром? Хорошо. В таком случае, какие силы противостоят сегодня Осману?

— Ваше высочество, на решающем участке блокады сосредоточено пятьдесят девять батальонов, остальные соединения приведены в боевую готовность.

— Вы считаете это достаточным, чтобы остановить Османа?

— Не только остановить, но и разгромить.

— Когда намерены поехать к Ганецкому? Кажется, вы убеждены, что именно там Осман-паша надумал нанести удар? Не так ли, Эдуард Иванович?

— Как только получу сведения от Ганецкого о начале боя, так и отправлюсь.

— Поедем вместе.

— Как вам угодно, ваше высочество.

У села Дольнего Метрополя, на вершине холма, генерал Ганецкий оборудовал наблюдательный пункт. Дежурные гренадеры не отрываются от подзорной трубы, вглядываются. Увеличительные стекла приближают Плевну, вражеские редуты, черное месиво дорог, голые холмы. Невеселая, унылая картина.

— Пахомов, ась, Пахомов, — кричит гренадер товарищу, — ну как, не двинется Осман? Мы его здесь выглядываем, а он в ином месте вынырнет?

— Может, турок, он и есть турок.

Внизу, у подножия холма, зевал от скуки старший поста, прапорщик. Подняв голову, выкрикнул:

— Не видать ли какого передвижения?

— Никак нет!

В стороне от холма траншеи, снуют гренадеры.

— Господин прапорщик, — крикнул один из наблюдателей, — обоз показался!

— Велик?

— Считаю!

Когда подводы проехали, прапорщик вскочил на коня, погнал в штаб корпуса...

— Ветер-то продувает, Пахомов, — хрипит гренадер. — Ровно женка постылая.

Подняли гренадеры воротники шинелей, папахи на самые уши надвинули. Прапорщик возвратился нескоро, сердито бросил:

— Не слишком поверили, сомневаются...

Ночь минула. С утра к Дольнему Метрополю прибыл генерал Ганецкий, сошел с коляски, потер ладони.

— Вот мы их пушками прощупаем. — И поднялся на наблюдательный пункт.

Прапорщик доложил:

— Ваше высокопревосходительство, замечено оживление противника. Передвижение пехоты и конных. Путь держат по шоссе от города к предмостным береговым укреплениям.

Генерал прильнул к трубе, смотрел долго, хмыкал, брюзжал старчески. Потом спустился с холма, направился к позициям, занятым гренадерами, прошелся вдоль траншей, остановился.

— Ежели турок ринется, драться до подхода резервов, позиций не сдавать!

— Постоим, ваше высокопревосходительство! — хором ответили гренадеры.

Раскатисто одарили батареи корпусов. Снаряды рвались на редутах, за дальними холмами. Генерал повернулся к Плевне. Турки не отвечали.

— Никак ошиблись, велите прекратить обстрел. — Направился к стоявшей поодаль коляске.

Конная охрана села в седла. Едва тронулись, как турецкие батареи с редутов накрыли траншеи гренадеров. Уже в штабе Ганецкий сказал генералу Манькину-Неустроеву:

— Контузию от турка получил, уши заложило. Однако не убежден, на каком участке будет прорываться Осман-паша. Весьма возможно, замеченное передвижение на нашем участке лишь обманное.

— Но мы должны быть готовы. О чем я уведомил командиров охранительных линий.

— Естественно. Особо обратите внимание генерала Мантейфеля. Его охранительная линия шестого участка настораживает.

Разъезд эскадрона гусар по счастливой случайности выехал к реке. Сгущались сумерки. Холмы скрывали берега с наведенными мостами.

Все прежние попытки разведчиков пробраться через цепи турецких аванпостов кончались неудачами.

Разъезд спешился. Старший, передав повод товарищу, выждал темноты. На реке чутко. Хорошо слышны говор, крики, шум.

Старший снял шинель, перекинул через седло, а сам, сначала короткими перебежками, потом по-пластунски, ужом прополз мимо аванпоста, выбрался к шоссейной дороге. Двигались колонны пехоты, конные, тянулся обоз. Проскакал со свитой какой-то высокий турецкий чин...

Той же дорогой старший возвратился к разъезду. Вскочив в седла, гусары поскакали в эскадрон. Майор Кареев, командир эскадрона гусар, выслушав донесение старшего разъезда, немедля отправил записку генералу Мантейфелю. Тот не спал, ждал сообщения. Прочитав донесение Кареева, Мантейфель тут же сообщил дежурным полков, а те начальникам Дольне-Дублянского и Метропольского отрядов.

Мантейфель срочно снарядил офицера связи к генералу Свечину с предложением сменить на его участке четырехфунтовые батареи девятифунтовыми. Свечин обещал к рассвету прибыть на позиции Мантейфеля.

Тем часом Мантейфель и Кареев лично выехали к реке, убедились в правдивости данных разъезда.

Начальник Метропольского отряда генерал Данилов сообщил телеграммой Ганецкому: «...от Копаной Могилы слышен шум у моста и движение орудий из Плевны по шоссе к мосту».

Возвратившись, Мантейфель заверил по телеграфу штаб Гренадерского корпуса, что вверенные ему бло-

кадные отряды готовы дать отпор туркам, если те попытаются пробиться на его участке.

Отдав необходимые распоряжения, Мантейфель связался с генералом Ганецким. Тот ответил по телеграфу: турки оставили Кришинский редут, и две их бригады выступили в направлении мостов, о чем он, Ганецкий, уведомил Свечина и Данилова, потребовав от них принятия конкретных мер.

Телеграфное сообщение Ганецкого не успокоило Мантейфеля, и он к рассвету уже был в распоряжении Самгитского и Таврического полков.

Мантейфель удивился: на позициях ничто не предвещало близкого боя. Встреченный на батарее генерал Свечин на вопрос Мантейфеля, почему не заменены орудия, ответил: он пока еще не убежден, что османы попытаются разорвать блокадное кольцо именно здесь. Мантейфель сказал с укоризной:

— Но, ваше превосходительство, вы непосредственно отвечаете за Дольне-Дублянский отряд.

— Я давно на позициях, — раздраженно ответил Свечин, — а ничего не видел и не слышал.

— Пошлите девятифунтовые батареи в Таврический полк, ваше превосходительство, а то как бы греха не вышло... Видите, какой туман стелется. Под его прикрытием турки могут напасть неожиданно...

Командир гусарского эскадрона майор Кареев первым заметил: турки, переправившись на левый берег, перестроились для атаки. Кареев поскакал к Данилову. Начальника Метропольского отряда застал в Дольнем Метрополе. Данилов удивился:

— Но я не имею об этом сведений от передовых постов. Вы, майор, заблуждаетесь.

Приехав на батарею вместе с Кареевым, Данилов долго вглядывался в расположение противника, однако в густом тумане ничего не разглядел.

— Действительно, что-то темнеет. Но, может, это вновь отрытые траншеи?

— Ваше превосходительство, я сам видел, как разворачивается противник. Прошу, дайте распоряжение послать сигнальную ракету.

— Нет, нет, не вводите меня в искушение.

— Ваше превосходительство, я должен послать донесение генералам Мантейфелю и Ганецкому.

— Майор, вы можете делать, что вам угодно, но пустить ракету я пока воздержусь.

— Ваше превосходительство, посмотрите еще раз внимательно, то, что вы называете траншеей, надломилось. Это же наступление османов.

— Майор прав, — поддержал Кареева начальник штаба отряда полковник Чайковский.

Данилов поднял обе руки:

— Ничего не вижу, не склоняйте.

— Ваше превосходительство, — сказал Чайковский, — велите батарее дать по видимой цели несколько гранат.

— Коли настаиваете, прикажите командиру батареи.

На третий залп турки ответили массированным огнем.

— Господа, вы правы. Выстрелите сигнальную ракету, а я поехал поднимать малороссийцев.

Чадя и оставляя копотный след, в небо взвилась ракета.

Ураганный огонь из орудий и ружей обрушился на позиции Самгитского и Таврического полков. Турки вели наступление густой массой: первая цепь, вторая, резервы...

События разворачивались стремительно. Таранным ударом турки продвинулись к первой траншее. Симбирцы отбросили их. Но османы дрались как одержимые. Их увлекали муллы. Атака за атакой. Полковник Чайковский и майор Кареев дрались как рядовые.

Но вот турки броском ворвались в первую траншею, выбили симбирцев. Стрелки отошли ко второй линии, зацепились...

10-й гренадерский Малороссийский полк Данилов встретил на полпути. Увидел полковника, обрадовался:

— Голубчик, поспешите. Османы навалились в силе великой! Они ворвались в наши ложементы! Три батальона симбирцев полегли!

Полковник привстал в стременах, повернулся к траншеям:

— Братцы гренадеры, там надо спасать товарищей! Бегом!

Малороссийцы ввязались в бой с марша, но турки встретили их таким густым огнем, что атака сорвалась.

Кутаясь в шинель, Осман-паша наблюдал за развернувшимся сражением. Над ним полоскалось на холодном ветру зеленое знамя.

Подъехал начальник штаба.

— Взята вторая линия.

— Вижу. Генерал Ганецкий не ожидал нас. Теперь только вперед и фланговые удары против Копаной Могилы и Астраханского люнета. Во имя Аллаха, милостивого и щедрого. Бросьте еще шесть таборов. Мы откроем дорогу на Софию.

— Наше превосходство над русскими в четыре раза.

— Отлично. Чем быстрее мы разорвем кольцо и начнем выход, тем лучше. Иншалла!*

— По последним сведениям, у Копаной Могилы генерал Ганецкий. В его распоряжении общий резерв Дольне-Дублянского отряда.

— Мы должны расширить прорыв и удержать его...

Бой длился уже больше трех часов. Подоспела 2-я бригада 3-й Гренадерской дивизии. Генерала Квитницкого встретил Ганецкий.

— Положение критическое, на вас надежда. Исправляйте наши промахи. — Привстал в стременах, крикнул солдатам. — Братцы фанагорийцы, астраханцы, вологодцы! Турки заняли наши укрепления. В их руках восемь наших пушек. Надо не только отбить врага, но и накрыть прорыв. С Богом, братцы! Отечество помнит вас!

Гренадеры ударили в штыки. Громовое «ура!» разнеслось по полю. Ганецкий взял папаху, перекрестился.

— Теперь я уверен в успехе...

Осман-паша сделался мрачным. Не видел, чутьем опытного полководца уловил, в сражении наступает перелом. Инициативой завладевают русские. Стараясь сохранять видимое спокойствие, приказал начальнику штаба:

* И н ш а л л а! — все в руках Аллаха! *(тур.)*

— Срочно введите в бой общий резерв.

— Но в наличии всего три табора, вся дивизия еще на том берегу. Ее переправу задержал обоз.

— О, шайтан, — выругался Осман-паша, — обозы и беженцы погубят нас!

Русские батареи усилили обстрел. Рвались гранаты, треск и грохот, свист картечи и многотысячный устрашающий крик.

Вступила в сражение 1-я бригада 2-й Гренадерской дивизии. Ударила левым флангом.

С Зеленых гор спускались бригады Скобелева, а с Гривицких высот послал свои части князь Карл.

С трудом сдерживая натиск русских бригад, турки отходили к реке. Но тут, сея панику, на них надавили переправившиеся обоз и резерв. Снаряды рвались в самом скоплении. Осколок разорвавшейся гранаты угодил в ногу Осман-паше. Его перенесли в коляску.

— Настал конец плевненской обороны, — горько промолвил Осман-паша. — Паника и страх завершат разгром. Такой исход я предвидел.

И хотя Тотлебен с утра намерился выехать на шестой участок к Ганецкому, главнокомандующий заявил:

— Мы отправимся на Тугеницкий редут.

— Ваше высочество, но почему Тугеницкий? — спросил Тотлебен.

— Эдуард Иванович, считайте меня и Артура Адамовича своими гостями. А воля гостей должна исполняться.

Сказал тоном, не терпящим возражений. Непокойчицкий кивнул согласно. Тотлебен и князь Имеретинский промолчали.

Коляску главнокомандующего сопровождали свита и конные гусары.

С Тугеницкого редута местность не разглядеть, плотный туман тянется полосой.

— Ваше высочество, куда прикажете ехать? — спросил Тотлебен.

— В Радищево, на телеграф, свяжемся с участками.

Дорога оказалась забитой войсками. Проходили роты, батальоны.

Дружно приветствовали главнокомандующего и генералов.

— Не кажется ли вам, Эдуард Иванович, что бой идет без всяких с нашей стороны диспозиций?

— Ваше высочество, — обиделся князь Имеретинский, — начальники участков, в том числе и генерал Ганецкий, действуют согласно ранее разработанной диспозиции генералом Тотлебеном и штабом.

— Кажется, бой заканчивается, — смягчил обстановку генерал Тотлебен.— И туман рассеивается. Не угодно ли подняться на ту вершину?

Спешились, взошли на холм. Имеретинский подал великому князю бинокль.

— Вы правы. Ганецкий берет последний аккорд. Давайте переедем на ту сторону реки.

Едва оказались на противоположном берегу, как повстречался Скобелев. На неизменно белом коне, шинель нараспашку. Разгоряченный боем, борода растрепалась на ветру.

— Ваше высочество, раненый Осман-паша сдал орудие генералу Ганецкому.

Великий князь вздохнул с облегчением:

— Слава тебе, Господи. Какие трофеи, на целую армию! — и кивнул на груды оружия.

Подъехал князь Карл с генералами, сказал главнокомандующему:

— Поздравляю вас, князь. — Пожал руку. Направились по дороге. Показалась коляска с Осман-пашой. Турецкого военачальника сопровождала многочисленная свита. Главнокомандующий с Тотлебеном и остальными генералами подошли к коляске. Осман-паша попытался подняться, но тут же рухнул на сиденье. Раненая нога отдала острой болью.

Великий князь сказал по-французски:

— Не беспокойтесь, ради Бога. Мы уважаем ваш талант военачальника и смелость солдата.

Личный доктор Осман-паши, рыжий англичанин, перевел на английский.

Склонив голову, Осман-паша ответил, и тот же англичанин снова перевел:

— Гази Осман-паша благодарит русских генералов за великодушие и преклоняется перед русским оружием. Он спрашивает, нет ли среди вас генерала Тотлебена?

Великий князь с усмешкой указал на Эдуарда Ивановича.

Черные глава турецкого военачальника надолго впились в Тотлебена. Эдуард Иванович выдержал взгляд.

Осман-паша заговорил, доктор перевел:

— Гази Осман-паша убежден, генерал Тотлебен прекрасный военачальник и талантливый инженер. Плевна тому подтверждение. Сложить оружие перед таким противником не зазорно.

Глава 8

Генерал Гурко не жил ради славы и не искал ее. Его подвиги — результат добросовестной армейской службы. Талантливый военачальник, он действовал согласно сложившейся ситуации. Взяв город Тырново, он провел войска в Долину Роз. С Передовым отрядом готов был двинуться на Адрианополь.

У Горного Дубняка и Телиша гвардия под его руководством замкнула кольцо блокады Плевны, положив начало конца группировке Осман-паши.

Анализируя ход боевых действий, Гурко верно оценил тактику Сулейман-паши в Забалканье и у Софии и предложил план, казалось бы, несбыточный — переход российской армии через зимние Балканы. И получив на то добро, начал готовиться.

Он хорошо знал, что армия, какую он поведет в горы, встретит бездорожье, леса и кустарники, заваленные снегом, ущелья и обледенелые скалы и, наконец, сами горы...

Излагая свой путь военному министру, Гурко был уверен, с ним согласятся, у него были веские доказательства.

А еще генерал Гурко понимал ответственность и трудности перехода, сопряженные с физическими и психологическими нагрузками солдат, а потому созвал на совет своих генералов. И хотя заведомо знал, они с ним заедино, они поддержат его, сказал:

— Господа, впереди Балканы! Наш час пробил. О трудностях перехода говорить не буду, вы их прекрасно понимаете, но хочу слышать ваше мнение. — И обвел всех взглядом.

Но они молчали, слушали. Вот невозмутимый генерал, граф Шувалов, любимец солдат; едва слышно постукивает по столу костяшками пальцев генерал Раух; почесывает заросшую сединой щеку генерал Дандевиль и только хитро щурится казачий генерал Краснов. Он и первым нарушил затянувшееся молчание:

— Скажи, Иосиф Владимирович, в чем вина твоя, отчего посыпаешь седую голову пеплом?

— Нет, Даниил Васильевич, не посыпаю я пеплом голову, знаю, у Дунайской армии иного пути нет. Но, может, не нам надо было брать на себя эту ответственную миссию?

— Значит, пусть возьмут на себя другие? — удивился Шувалов, отпрыск знаменитой фамилии. — Не ожидал от вас, ваше превосходительство, таких слов.

— Винюсь, господа, и рад, что мы с вами единомышленники.

— Разве может быть иначе? — заметил Раух.

А начальник штаба сказал:

— Не пройди мы зимой Балканы, летом большой крови пролиться.

Гурко посмотрел на Краснова, тот сказал:

— Спроси об этом солдата, Иосиф Владимирович, и он тебе, не мудрствуя, ответит: коли надо, пройдем! Вопреки наукам пройдем, перевалим!

— Гвардия откроет путь, — сказал Дандевиль. — Повторим подвиг суворовских чудо-богатырей.

В Орхание, где находился штаб Гурко, он жил в домике старой Добринки. Если генерал возвращался на

квартиру поздно, то находил на столике кринку молока и лепешку с куском брынзы.

От такого внимания на душе у генерала теплело, чувствовал материнскую заботу. Утром, покидая дом, низко кланялся старой хозяйке. А она крестила своего постояльца и повторяла:

— Спаси тебя Бог!

И когда генерал уходил, он знал, старуха смотрит ему вслед...

Все дни у Гурко были заняты предстоящим переходом через Балканы. Он предложил этот план и за него нес ответственность. Вместе со штабом Иосиф Владимирович проигрывал возможные маршруты подъема в горы, на кого возложить командование авангардов, кто и как поведет колонны.

С нетерпением ожидал Гурко вызова в штаб Дунайской армии, где должен услышать, получит ли он согласие на зимний переход Балкан...

В тот день, когда пришла телефонограмма из Ставки, Гурко пробудился до рассвета. Удивительный сон привиделся ему. Будто он на квартире у баронессы Вревской, в Санкт-Петербурге. О чем они беседовали, Иосиф Владимирович не мог припомнить, как и не увидел ее лицо, сколько не напрягал память, оно расплывалось в тумане...

Декабрь-студень закружил, завьюжил метелями, завалил снегом Шипку. Утро солдатское начиналось с расчистки ложементов, батарей.

Четвертый месяц продолжалось шипкинское сидение, а по-прежнему не улучшилось снабжение: провианта в обрез, еще хуже с вещевым довольствием, и в первую декабрьскую ночь, в разыгравшийся в горах буран, замерзли на посту несколько стрелков. Закоченели, прикрытые снегом. В полках и дружинах стало больше обмороженных. Особенно в дивизии генерала Гершельмана, беспощадно каравшего солдат за нарушение формы. Стрелки роптали:

— Лукавый раб, зверь лютый!

— Отчего не изгаляться, коли сам в тепле? Вона, дымок из землянки вьется.

— Ему ль, немчуре, жалеть солдат российских!

Довелось Стояну со взводом войников сопровождать санитарный транспорт в габровский госпиталь. В сумерках погрузили раненых и обмороженных на двуколки, и ездовые, местные болгары, под уздцы повели лошадей.

Всю дорогу сыпал снег и, покуда добрались до Габрово, раненые и обмороженные оказались под снежным одеялом...

На Шипку поручик с войниками возвратился к утру. Асен растопил в котелке снег, заварил мерзлые плоды шиповника. Пахучий, с едва уловимой кислинкой, кипяток согрел. Укрывшись асеновой сухой шинелью, Стоян заснул. Снился санитарный поезд, снежная пелена и глухие стоны раненых. И Стоян стонал вместе с ними во сне. Заботливый войник Асен несколько раз поправлял на нем сбившуюся шинель, протапливал самодельную, сделанную из жестяного ведерка, печку. Но Стоян ничего не слышал. Ему виделось белое поле припорошенных снегом, замерзших стрелков. Между ними ходил усатый, красновский генерал Гершельман и говорил громко, сердито: «На то и солдат, чтоб погибать за веру, царя и отечество...»

В Главную императорскую квартиру прибыл вызванный с Кавказского театра генерал Обручев.

Александр Второй принял Обручева вместе с Милютиным. Разговор вел стоя, накоротке. Выслушав рассказ генерала о боевых действиях Кавказской армии, император заметил недовольно:

— Недопустимая медлительность, господа, какая имеет место при несогласованности. Прошу вас, Николай Николаевич, тщательно изучить ситуацию на Балканах и на ближайшем военном совете высказать свои соображения на будущее кампании...

Императорский кабинет Обручев покинул вместе с военным министром. По дороге сказал с сожалением:

— Как помните, Дмитрий Алексеевич, мои оперативные разработки боевых действий на Балканах предусматривали быстрое развертывание сил и концентрированный удар, в результате которого мы овладели бы

Константинополем и раз и навсегда отделались от Турции и Англии.

Милютин ничего не ответил, перед тем как расстаться, пригласил:

— Не откажитесь, Николай Николаевич, пообедать со мной.

За столом говорили откровенно: знакомы давно и относились друг к другу с искренним уважением. Милютин ценил Обручева не только как крупного специалиста, но и как человека честного, прямого. В свое время, исповедуя революционные взгляды, Обручев побывал в Лондоне, встречался с Герценом и Огаревым, имел связи с Чернышевским и Добролюбовым. И, когда его посылали на подавление польского восстания, отказался категорически.

От репрессий спас Обручева отказ от дальнейшей революционной деятельности.

— Вы, Николай Николаевич, верно изволили заметить, великий князь Михаил Николаевич совершенно не подготовлен для столь большого поста — главнокомандующий Кавказской армией. А нерешительность Лорис-Меликова мне была неведома. Государь изволил высказаться о несогласованности действий, не так ли?

— Я, Дмитрий Алексеевич, имел возможность убедиться в этом лично. Мои разработки операций, кои предусматривали нанесение главного удара по центру и левому флангу аладжинских позиций с одновременным сковыванием правого фланга и выхода в тыл Камбинского отряда, исполнить не удалось, в частности из-за несогласованности и отсутствия одновременной атаки разных колонн, начальники которых не выяснили до конца своих путей и блуждали на местности. На Лорис-Меликове вина. Когда гарнизон Карса пребывал в панике и комендант крепости не мог совладать с ней, Лорис-Меликов промедлил, упустил момент... Уезжая сюда, я оставил Карс в положении осажденной крепости. Инициативу взяли на себя начальники колонн. На их решительность да на солдата российского уповаю, не на Лорис-Меликова, и за имевшие место неудачи на Кавказе не снимаю и с себя доли вины.

— В чем?

— Недостаточно был объективен к назначению Лорис-Меликова командующим главными силами в районе Александрополя. Ох, Дмитрий Алексеевич, кабы знать, где упасть, соломки бы подстелил.

Милютин улыбнулся краем губ.

— Быть вам, Николай Николаевич, третейским судьей между мной и главнокомандующим. Улавливаете суть?

— Догадываюсь.

— Великий князь предлагает отказаться от перехода через Балканы в зимних условиях. Князь Горчаков исходит из дипломатической ситуации. Затяжка войны обернется против нас.

— Дмитрий Алексеевич, вы прекрасно понимаете сложность перехода через Балканы зимой.

— Естественно. Это потребует от армии огромного мужества. Преодолевая упорное сопротивление врага, готовить дороги, которые даже в хорошую погоду труднопроходимы.

— Именно. Однако, Дмитрий Алексеевич, прежде чем высказать свое суждение, мне необходимо изучить вопрос, поговорить с полковником Артамоновым и его болгарской агентурой.

— Прекрасно, Николай Николаевич. Я верю вашему опыту и таланту военного специалиста. Еще исходите из того, что генерал Гурко уже подготовил плацдарм для перехода Балкан.

Пробудился Стоян отдохнувшим. В землянке ни Райчо, ни Асена. Тишина. Постреливают редко. С падением Плевны турки не пробуют атаковать Шипку, лишь гарнизон на Лысой горе иногда проявляет активность.

Взгляд Стояна упал на столик, он увидел письмо брата, обрадовался. Тут же вскрыл его. Василько писал о своем житье, о том, что был ранен и теперь имеет на щеке отметку от турецкой пули. По его словам, рана оказалась пустячной, касательной, он даже полк не покинул, подлечился в своем госпитале.

«Случилось мне познакомиться с любопытным человеком, подполковником Пентюховым, командиром Кавказского конного иррегулярного полка. Его полк состоит из кубанских черкесов, заслужил высокую похвалу. Подполковник рассказал мне много любопытного из боевых действий своих всадников. Однажды на одного из них напали три конных янычара. Всадник по имени Заремук Аутлев перевалился с седла, завис на стременах. Янычары в погоне за легкой добычей погнались за ним. Но Заремук, лихой джигит, отвлек противника и, ловко орудуя саблей, зарубил двух янычар, а третий бросился наутек.

В полк кубанских черкесов турки засылали лазутчиков, они пытались подбить всадников на измену, но те остались верными присяге...»

О боевых действиях отряда Василько написал в этот раз совсем скупо, зато о генерале Лазареве говорил восхищенно. Стоян улыбнулся. У Василька чистая душа, он постоянно был чем-то восхищен, искал и находил себе примеры для подражания.

«У нас в Кавказской армии сейчас идет слава о генерале Лазареве. Он, как и Лорис-Меликов и Тергукасов — армянин, Лазарев воюет решительно. Его отряд бьет Рашид-пашу. Когда подступили к важным Орловским и Базарджикским высотам, Лазарев бросил на врага конницу полковника Малемы и Дербентский полк полковника Кавтарадзе. Высоты были взяты, а генерал Лазарев, выйдя в тыл главнокомандующему Мухтар-паше, заставил его с армией ретироваться к Карсу. Между прочим, я забыл тебе сказать, у Мухтар-паши в советниках ходит англичанин Кемпбел.

Недавно Кавказская армия овладела черноморским городом Сухуми. Покидая его, турки злодейски разрушили его строения.

Да, между прочим, не могу не сказать с гордостью: в успешном окружении и взятии Авлиара, кроме грузин и пятигорцев, активное участие принимали и наши эриванцы...

Пишу торопясь, отправляю письмо с оказией, штабс-капитан нашего полка едет во Владикавказ, а мы высту-

паем на Карс, куда сейчас стягиваются все силы... И прольется кровь российского солдата...

Много ль мы, Стоян, знали о Карсе? Библейское предание, как жили в этом горном краю сыновья Адама и Евы — Каин и Авель, один хлеб растил, другой скот пас. В гневе Каин убил Авеля...

Да из истории, что в X—XI веках здесь находился центр армянского Карского царства...

Бабушка тобой недовольна, считает вертопрахом. А я тебя одобряю и обнимаю...»

Откуда знать солдатам, что за человек появился на перевале. Не военный, однако в шинели и папахе. Ходил не торопко, пуль не опасался, все приглядывал. То там постоял, то в ином месте. Частенько у пикетов задерживался, рисовал что-то.

Иногда появлялся с генералом Столетовым, но чаще с поручиком из ополчения.

И невдомек солдатам, что видели они знаменитого художника Верещагина, чьи картины о Шипке и Плевне вскоре расскажут о мужестве российских воинов.

Поручику Узунову по счастливой случайности не только довелось сопровождать Василия Васильевича, но и жить с ним те несколько дней, что Верещагин провел на Шипке...

Вызвал Стояна генерал Столетов. Зачем, поручик не гадал, может, в Габрово пошлет, может, еще какое задание поручит.

В штабной землянке сначала не заметил постороннего, тот как-то в тени сидел. Генерал представил:

— Наш гость, художник Василий Васильевич Верещагин, приехал к нам после ранения из госпиталя.

Стоян посмотрел с любопытством. Имя известное, картины Верещагина на выставке смотрел с удовольствием. Сказал об этом, Верещагин и Столетов улыбнулись.

— Стоян Андреевич, я предложил Василию Васильевичу разделить со мной кров, но он отказался, зная об отъезде капитана Николова, предлагаю вам приютить

Василия Васильевича и при необходимости сопровождать его...

Художник оказался немногословным и неприхотливым. Делал эскизы, не замечая перестрелки, ходил по позициям с этюдниками, всматривался. Верещагин показался Стояну спокойным, даже несколько медлительным. Лишь однажды увидел он художника во гневе, когда тот ужинать отказался.

— Сыт! А еще более сыт от наглости и цинизма генерала Гершельмана. Вы знаете, Стоян Андреевич, как он ответил на мои слова, что мы нередко губим солдат по вине нерадивости и казнокрадства интендантов, и подчас неспособности высших военных чинов? «Вы, — говорит Гершельман, — беретесь судить о вопросах, в которых некомпетентны. И вообще, ваша живопись противозаконна. Вы порождаете отвращение к военным действиям, рисуя ужасы войны». Я, Стоян Андреевич, покинул генерала Столетова, даже не попрощавшись. Завтра, когда я уеду, извинитесь, пожалуйста, от моего имени перед Николаем Григорьевичем. Он очень приятный и думающий генерал.

— Непременно, Василий Васильевич, выполню ваше поручение. Тем паче, я поклонник вашего таланта.

— Благодарю. Вы действительно видели мой туркестанский цикл?

— Мы ходили с братом, и я не разделяю мнение генерала Гершельмана.

— У вас есть брат?

— В Кавказской армии.

— А мой погиб недавно здесь, на Балканах.

— Извините.

— Именно в память о нем и тысячах павших солдат я мечтаю сделать цикл балканских картин. Пока набрасываю эскизы... Я отъезжаю в отряд Скобелева. Знаете, Стоян Андреевич, питаю к этому молодому, но безумно отчаянному генералу личную симпатию.

— Мне довелось его видеть на переправе через Дунай, под Систово. Поражен его храбростью.

— Неуемной, я бы сказал. Легенд о нем наслышался. Хочу видеть его в боевой обстановке и непременно с солдатами.

Плевна развязала руки. Стотысячная армия ждала дальнейшего броска.

Погода не баловала. Морозы сменялись дождями, грунтовые дороги превратились в сплошное месиво, а в горах снежные завалы и гололедица делали Балканы совершенно непроходимыми.

В Порадиме, где расположилась Главная императорская квартира, — скопление воинских частей, конвой лейб-гвардии, казачьи сотни, всевозможные склады, квартира свиты государя.

Накануне военного совета Александр Второй внимательно ознакомился с докладами военного министра и Обручева. Оба настоятельно рекомендовали начать боевые действия немедля, не дожидаясь весеннего тепла...

Император задумался. Серые, чуть навыкате глаза недвижимо уставились на висевшую карту Балкан. Сегодня Порадим покинул цесаревич-наследник. Из его доклада можно полагать, что в районе Руйшукского отряда турки ничего не готовятся предпринимать, а вот по данным разведки в районе Софии Порта концентрирует силы... Доводы Милютина и Обручева Александр посчитал убедительными.

Передышка равна тактике выжидания. Она означает возможность турецкому командованию произвести перегруппировку, подтянуть резервы и оказать наступавшей Дунайской армии активное сопротивление.

С другой стороны, Османская Порта непременно заручится поддержкой не только Англии, но и европейского содружества. Бисмарк и Андраши своего не упустят, в чем канцлер Горчаков убежден. Они потребуют заключить мир с Турцией на невыгодных для России условиях, отказавшись предоставить Болгарии политическую независимость...

Вызвав флигель-адъютанта, император сообщил о своем намерении созвать на 18 декабря военный совет.

— Уведомьте главнокомандующего, военного министра, князя Карла, генералов Тотлебена, Непокойчицкого и Обручева...

За большим овальным столом, заваленным картами, на резных стульях расселись члены военного совета. А в приемной в ожидании возможного вызова генералы свиты и начальник разведки армии полковник Артамонов с портфелем, хранящем агентурные данные и списки болгар-проводников, которым известны проходы через Балканы...

Доклад главнокомандующего пестрел цифрами потерь, расчетами о необходимости пополнений, ссылками на отсутствие дорог и опасность, какая ожидала армию при переходе через Балканы в зимних условиях.

— Ваше величество, я говорю вам сейчас не столько устами главнокомандующего, а как царствующему брату. Опыт Шипки убеждает, зима не лучший союзник наступающей армии в горных условиях. И фельдмаршал Мольтке, насколько мне известно, тоже убежден: в зимнюю пору Балканы для крупных воинских соединений непроходимы.

— Ледоход на Дунае создал дополнительные трудности, ваше величество, — вставил Непокойчицкий. — Нарушено снабжение армии.

Александр вспылил:

— Я никогда не верил вашему товариществу, коему вы отдали все поставки. В их жульничестве мы убедились воочию: солдат кормят прескверно, а деньги тают с неимоверной быстротой. Если снабжение армии повлияет на планы наших дальнейших операций, я создам следственную комиссию и отыщу виновных.

Непокойчицкий побледнел, подбородок затрясся.

— Ваше мнение, Дмитрий Алексеевич? — Александр посмотрел на Милютина.

Военный министр поднялся:

— Ваше величество, не возражаю, главнокомандующий прав, трудно перейти Балканы зимой, но считаю необходимым освободившуюся после Плевны армию немедленно бросить в наступление. Тем паче, генерал Гурко с гвардией уже на марше к Орхание. Убежден, бросок через Балканы и дальнейшее продвижение к

Адрианополю — единственное решение проблемы. Если позволите, генерал Обручев изложит тактические соображения.

Александр кивнул. Обручев встал.

— Полностью разделяю мнение военного министра, считаю план генерала Гурко вполне обоснованным. Тем не менее, вопреки германскому фельдмаршалу Мольтке, я предлагаю на ваше усмотрение следующие наброски плана. — Указка в руке Обручева коснулась Софии и заскользила вдоль Балкан. — Необходимо начать прежде всего движение правым флангом — разбить Шакира, рассеять или пленить вновь формирующуюся армию в Софийско-Ихтиманском районе и затем движением на Филиппополь и по южному склону Балкан заставить турок очистить проходы, а в случае упорства атаковать их одновременно с фронта и с флангов.

— Считаю мысли генерала Обручева заслуживающими внимания, — сказал Александр. — Такое наступление дает возможность включиться в кампанию сербам, а очистив Софийский район и овладев центральными проходами, провести армию к Адрианополю.

— Ваше величество, — снова сказал Обручев, — кроме отряда Гурко, коий перейдет через Балканы в районе Араб-Конака и, заняв Софию, двинется южнее Балканского хребта, у Трояна и Шипки перейдут через Балканы отряды генералов Карцева и Радецкого. Как и генерал Гурко, общим направлением у них будет наступление на Адрианополь и Константинополь.

— Исходя из прошлого урока, вслед за вышеупомянутыми отрядами необходимо двинуть через Балканы общий резерв, — вставил Милютин.

— Николай Николаевич, как вы мыслите наступление на Шипку и Шейново? — спросил главнокомандующий.

— Для этого предусмотрены фланговые удары по армии Сулейман-паши двух колонн. Правую поведет генерал Скобелев, левую генерал Святополк-Мирский.

— Вы уверены в успехе? — обратился к Обручеву Непокойчицкий. — Не будем ли мы топтаться на перевалах, как Сулейман-паша?

— У нас, Артур Адамович, двойное превосходство в солдатах и вчетверо больше пушек. Ко всему не забывайте доблесть и мужество российского солдата. Наконец, у нас проводники-болгары и помощь населения.

— Я думаю, военный министр и генерал Обручев достаточно продумали план наступления, — заметил Тотлебен. — У меня лично он не вызывает сомнения.

— Если государь за зимнюю кампанию, то мне приходится согласиться, — подал голос великий князь. — В деталях главный штаб уточнит.

Непокойчицкий закивал.

Император поднялся:

— Итак, господа, принимаем. — Повернулся к великому князю. — Передайте генералу Гурко: на него и гвардию полностью полагаюсь.

Широкие проспекты аристократического Санкт-Петербурга, каналы и каменные арки мостов, прямой, украшенный дворцами и особняками, сияющий витринами магазинов и ресторанов шумный Невский, великолепные соборы и Летний сад с мраморными скульптурами, Александровский столп и Зимний...

Но был и рабочий Петербург. Петербург заводов и фабрик, бараков и задворок, трактиров и кабаков, Петербург работного люда.

Декабрьским студеным утром на Патронном заводе в Санкт-Петербурге случился взрыв. Убитых вынесли на снег, раненых увезли в больницу. На Патронном остановили работу. Взрыв потряс рабочую окраину столицы. Хоронить погибших собрался работный люд Санкт-Петербурга. Запруженными улицами до самого Смоленского кладбища на руках несли рабочие своих товарищей.

Молча наблюдали процессию наряды полицейских и жандармов. И даже когда у могил ораторы говорили о тяжкой доле работного люда и желаемой свободе, не осмелились разогнать демонстрантов...

Когда об этом стало известно в Главной императорской квартире, Александр Второй высказал явное не-

удовольствие действиями департамента полиции и жандармского корпуса.

— Сей гнойник, — заявил царь, — необходимо было вскрыть хирургическим скальпелем, дабы зараза не распространялась вглубь и вширь. Впредь загонять скот в хлев надлежит нагайкой. Мало — оружием. Беспощадно. В России рабочих рук достаточно. Сие передайте Николаю Владимировичу Мезенцеву. Он шеф жандармов и начальник Третьего отделения. Надеюсь, к моему возвращению в Петербург жандармы и полиция проявят пристрастие в наведении порядка в государстве. Передайте Николаю Владимировичу, я требую покончить с деятельностью нигилистских организаций «Земля и воля» и «Народная воля», ареста их членов и суда над ними. И еще, господа, в Болгарии, нам известно, есть весьма подозрительное и противоестественное общество «Молодая Болгария». Дабы не допустить до смуты и речей крамольных, кои на умы российские воздействовать смогут, я повелел учинить догляд за поведением не только российского люда, солдат и офицеров, но и общества болгарского, поручив сие князю Владимиру Александровичу Черкасскому, а ему в подчинение снарядил особый отряд жандармов. Однако мне стало известно, некоторые офицеры недоброжелательно относятся к столь важному и нужному учреждению, коим руководит князь Черкасский. Владимир Александрович жаловался на начальника разведки Артамонова. Передайте полковнику мое неудовольствие.

Пожалуй, давно не чувствовал генерал Гурко такой удовлетворенности, как в тот день, когда возвратился из штаба армии. Накануне его вызвали и Иосиф Владимирович, предчувствуя, о чем пойдет речь, немного волновался. Знал: должна решиться судьба его плана, отстоит ли военный министр переход через Балканы, поддержит ли Обручев, да и согласится ли император? А может, великий князь убедит брата и тогда отложат все на лето...

Но на военном совете генерала Гурко поддержали и Милютин, и Обручев, и Тотлебен. И тогда главнокомандующий сказал, что он не против, хотя и считает затею эту рискованной. Не попадет ли армия, спустившись с гор, в мешок Сулейман-паши? Однако, если совет высказывается «за», ему приходится согласиться... Военный министр говорил убедительно, он повторил те же слова, какие высказывал Гурко: об укреплении турками Софии, о возможности второй Плевны...

Весомый аргумент был и у присутствовавшего на совете канцлера Горчакова. Европейская дипломатия, говорил он, подает голоса в защиту Оттоманской Порты, а западная печать внушает, что зимние Балканы непроходимы, Россия, де, эту войну проиграет...

Великому князю, главнокомандующему, нечего было возразить и он сказал, закрывая совет, что государь принял план зимнего перехода Балкан и Гурко будут приданы гвардейские части, освободившиеся под Плевной: 3-я Гвардейская дивизия генерала Каталея, весь 92-й армейский корпус генерал-лейтенанта Криденера...

Цокот копыт скакавшего позади Гурко конного конвоя не отвлекает генерала от мыслей...

Вместе с начальником своего штаба Нагловским Иосиф Владимирович заранее определил порядок прохождения колонн, не одну рекогносцировку провели на местности, выслушали проводников-болгар. Знали: турки охраняют проходимые тропы, потому и принял Гурко решение подниматься непроходимой дорогой, где турецкое командование не ждет их. Русские войска будут действовать в обход неприятельских укреплений, спустятся в долину и выйдут в тыл линии Шандорник — Араб-Конак, отрежут турецкие войска от Софии и Филиппополя...

Обдумывая все до мельчайших подробностей, советуясь со своими генералами и командирами соединений, Гурко не забывал и того, что переход связан с физическим и психологическим напряжением. Солдатам придется на руках нести орудия и зарядные ящики, а спустившись с гор, опрокинуть врага, разгромить его.

Но Гурко убежден: гвардия, которую он поведет через Балканы, преодолеет эти трудности...

А еще Иосиф Владимирович уверен: ему помогут местные болгары.

В Орхание Гурко остановил коня у маленькой, врытой в землю церквушки, больше напоминавшей часовни, какие стоят в центральной части России, сошел с лошади.

Передав повод денщику и сняв папаху, вошел в храм. Горела свеча перед образами. Иосиф Владимирович перекрестился. В памяти предстала небольшая церковь в его могилевской деревне... Очнулся от тихого участливого голоса:

— У господаря генерала есть заботы?

Перед Гурко стоял старик священник в черной, потертой рясе, с медным крестом на груди и бархатной скуфейке, из-под которой выбивались седые волосы.

— Святой отец, — Гурко поцеловал жилистую руку священника. — Я к вам со своими заботами.

— Скажи их мне, сын.

— Русские солдаты, отец, встали перед горами. Им надо перейти их. Говорят, это неодолимо, но русским солдатам необходимо быть в Забалканьи зимой во имя свободы болгарского народа, во имя веры Христовой.

— Сын мой, — тихо ответил священник, — болгары видят в России свою мать-освободительницу, а в русских солдатах братушек. Когда вы начнете подниматься в горы, мы придем вам на подмогу.

— Спасибо, святой отец, иного ответа не ожидал от братьев-болгар. Молись, отец, за победу российского оружия...

Гвардия дислоцировалась в Ловче, Эски-Варкаче и окрестностях.

Ровные ряды палаток, артиллерийские дворики 2-й Гвардейской артиллерийской бригада полковника Сиверса и коновязи, фуры обоза, санитарные двуколки и полковые кухни.

Гвардейцы получали недельный паек сухарей, мылись в банях, переодевались в чистое белье, полковые священники служили молебен.

За ротами закрепили по орудию, выдали лямки. Гвардейцы пошучивали:

— Ну-те, братцы, где кони не вытянут, российский солдатик сдюжит.

Зарядные ящики и фуры, дабы не служили помехой, велено оставить, снаряды раздали по рукам.

В горнице приземистого кирпичного дома Гурко излагал перед подчиненными генералами предстоящую диспозицию. Иосиф Владимирович ходил по горнице, говорил собранно, лаконично.

Иногда приостановится, бегло окинет взглядом присутствующих: вот бессменный боевой товарищ, командир 1-й Гвардейской кавалерийской дивизии генерал Раух, а с ним рядом любимец солдат, командир 8-й Гвардейской дивизии генерал Шувалов...

Ход мыслей прервал вошедший начальник штаба Нагловский. Сказал, обращаясь к Гурко:

— Ваше превосходительство, телеграмма от главнокомандующего, начался штурм Плевны.

Иосиф Владимирович истово перекрестился, а в горнице вздох и радостные голоса:

— Слава тебе, Господи!

— Теперь у нас руки будут свободны...

— Господа, — Гурко возвратил присутствующих к прерванному заседанию. — Господа, — снова повторил он. — Теперь, когда у Дунайской армии развяжутся руки, ее задача — начать активные действия. — Гурко остановился, разгладил раздвоенную бороду. — И первыми начнем их мы. Наша цель — выйти к Софии, овладеть ею. В дальнейшем, повернув на восток, продвигаться вдоль южного склона Балкан и отбросить турок от Шипки... Неприятель ожидает от нас лобового удара по араб-конакским позициям, здесь он изготовился, а мы предпримем обходной маневр. Однако, господа, обход араб-конакских позиций правым флангом чреват опасностью. Турки отойдут к Софии, и тогда может повториться Плевна. Мы избрали левофланговый маневр.

Наш штаб избрал для перехода Балкан движение тремя колоннами, соблюдая следующий порядок. — Гурко выждал паузу, посмотрел на присутствующих, заговорил: — Авангард поведет генерал Раух. Он выступает к Врачеша по старой софийской дороге. Сегодня она представляет не больше чем пешеходную тропу, поднимается на перевал, обходит противника, спускается к селению Чурьяк, в долину Софии и Елешнице...

За авангардом двинется колонна генерал-лейтенанта Каталея. Она пойдет по той же дороге, что и авангард.

Правая колонна генерал-лейтенанта Вельяминова выступит у Врачеша и начнет восхождение на гору Умургач, а отсюда спустится к деревне Желяево...

Отдельная Этропольская колонна генерал-майора Дандевиля выступает через Баба-гору к деревне Буково...

Отряд генерала Шувалова — у Араб-Конака; принца Ольденбургского — против горы Шандорник; генерал-майора Брюка на Златицком перевале должен оставаться на занимаемых позициях и сильными демонстрациями отвлечь неприятеля, его внимание, в то время как движение колонны создаст видимость, что именно там будут переправлены главные силы.

Между тем, господа, основные войска двинутся на правом фланге. Я со штабом буду следовать за авангардом генерала Рауха, впереди колонны генерала Каталея...

Всем ли понятна общая диспозиция колонн? — И, дождавшись, когда стихнут голоса, Гурко продолжил: — Итак, когда известна общая картина движения войск через Балканы, уведомляю, какие силы входят в состав колонн. Генерал Раух, в распоряжении вашего авангарда тринадцать батальонов, одиннадцать сотен и двадцать орудий. С вами последует и генерал Карлов. При нем восемь батальонов, пять сотен и шестнадцать орудий...

Генералы, чьи имена называл Гурко, поднимались, слушали внимательно.

— Генерал Карлов ведет эшелон из девяти батальонов и восьми орудий. Вам двигаться к Стольнику...

...Общее командование главными силами возлагаю на начальника 8-й Гвардейской пехотной дивизии генерала Каталея. Ваше наступление, генерал, как я уже упоминал, обеспечивается поддержкой справа колонной генерала Вельяминова...

Вам, генерал Криденер, приданы отряды генералов Шувалова, Блока, Шильдер-Шульднера и принца Ольденбургского. Общая численность вашего отряда тридцать пять пехотных батальонов, тринадцать эскадронов, две казачьи сотни при восьмидесяти шести орудиях. Задача — сковать турецкие войска у подножия выходов Златницкого перевала, демонстрируя с фронта араб-конакские позиции...

Заглушив последние слова генерала, с песней, присвистом прошел улицей пехотный батальон, Иосиф Владимирович замолчал, прислушался, хорошо поют егеря. Мысленно предоставил себя молодым батальонным. Вздохнул. Было ли это? Как быстро промчались годы... Встряхнулся, посмотрел на генералов. Интересно, догадались ли они, о чем он думал? Заговорил:

— Господа, предлагаю на ваше усмотрение следующее наставление. — Гурко надел очки и, взяв со стола лист, принялся читать: — При всех предстоящих столкновениях с неприятелем вверенного мне отряда предписываю действовать густыми стрелковыми цепями, поддержанными несколькими линиями ротных колонн. Вообще избегать действий густыми глубокими колоннами, а стараться применять тонкий слой. На подготовку атак огнем обратить серьезное внимание. Турки не любят обходов, а потому при всякой возможности пользоваться обходами и охватами флангов. На применение к местности обратить серьезное внимание. Патроны беречь, помня, что зарядных ящиков с нами не будет... Самым наистрожайшим образом преследовать самовольное открытие огня в частях. Огонь должен быть вполне в руках начальников...

Начало смеркаться, когда Гурко закончил совещание. Генералы разошлись, и Иосиф Владимирович, надев шинель и фуражку, вышел во двор. У ворот топтался один из болгар-проводников, молодой парень в ко-

ротком латаном кожушке, старой каракулевой папахе и кожаных поршнях на ногах.

— Не собьешься ли с пути, Методи? — окликнул парня Гурко. — Зима и дорога трудная.

— Нелегкая, генерал, — повернулся болгарин. — Но не собьюсь. Сколько раз хаживал с дудкой. Очи завяжите, проведу братушек.

Иосифу Владимировичу понравилась уверенность парня.

— Спасибо, Методи, однако не только нам стараешься, отечеству своему служишь.

— У меня, господин генерал, по всему к туркам свой счет имеется. Они моих родителей убили.

— Много, много бед творили злодеи османы в Болгарии, и Россия это знает. Потому пришла к вам российская армия. Чуть повременив, предложил: — Пойдем, Методи, поужинаем.

Составляя диспозицию движения колонн, Гурко старался учесть трудность перехода — горы, снега, гололедица, тропы, нависшие над ущельями. Но все трудности, какие ожидали войска впереди, нельзя было предусмотреть. И не случайно военные теоретики, в том числе и Мольтке, были убеждены, зимой балканские горы для большого количества войск непроходимы.

Но генерал Гурко дерзнул пойти наперекор этим убеждениям. В назначенный день, когда войска должны были выступать, с вечера мороз неожиданно отпустил и пролил дождь. Земля враз разбухла, сделалась липкой, образовались хляби.

— Эка напасть, — сокрушались солдаты.

К рассвету дождь сменился снегом, Нагловский посмотрел на Гурко. Тот сказал:

— Велите начать марш...

День еще не начался, но авангард уже выступил. Съехав на обочину, Иосиф Владимирович провожал колонну. Полки шли побатальонно, поротно. Играли трубы, били барабаны. Семьдесят тысяч солдат российской гвардии двинулись в беспримерный поход через зимние

Балканы. Опережая всех, ушли саперы. Болгары в белых бараньих тулупчиках и бараньих тапках шли обочь дороги, подминая снег и грязь. Завидев русского генерала, они остановились, поздоровались нестройно. От толпы отделился крепкий дедко, поклонился:

— В помощь тебе, из Ловчи.

Гурко улыбнулся, довольно погладил рыжую бороду:

— Спасибо, братцы. Премного благодарен. Идите с саперами, расчистите путь для армии.

Болгары заторопились, а вслед им понеслось напутствие стрелков:

— Вы нам дорогу-то проложите!

Ушли болгары, и Гурко тронул коня. Чавкала грязь под копытами, а солдаты переговаривались:

— Эт-ко, декабрь, а мороз легкий забрал!

— К полудню ударит, скользить будем!

И угадали. Еще и полдень не настал, как подуло с севера, погнало порошу и не замедлил мороз. Пороша колючая секла лицо, а ветер обжигал...

Силантий Егоров накануне в бане вымылся, веничком молодое тело постегал, отдохнул и теперь шагал легко. Был Силантий велик ростом, оттого и в гвардию его зачислили.

Вспомнился Егорову ночной разговор с Тотлебеном, когда он на посту у штаба стоял. Посмеялся солдат странности генеральского вопроса, соскучился ли он по земле. Ну как можно не тосковать по проложенной борозде, по первым всходам сжатой ржи, связанной в снопы? Ему ли, барину, понять, как стучат цепа на току и сквозь колючую пыль пахнет зерно...

А воевать что, он, Егоров, и повоевать сумеет, коли за правое дело...

В три часа день к вечеру клонился, а половина колонны авангарда Рауха еще как следует не втянулась в гору.

Пройдя ущельем верст шесть, Гурко сошел с коня и оказался в окружении штаба и командиров частей. От-

сюда тропинка круто забирала вверх. Все здесь — шоссе, дорога, все тропинки были запружены орудиями, зарядными ящиками, толпились солдаты. Командиры частей окружили Гурко, жаловались на трудности подъема.

— Лошади не потянут, — оправдывался полковник Сиверс. — Дорожка скользкая, пешему не взобраться, а каково артиллерии?

Гурко сказал, что отрезал:

— Выпрягите лошадей, люди вытянут. Солдат российский гору одолеет!

Орудия тянули медленно, Гурко торопил, посылал к Рауху записки, требовал ускорить движение. Объехал стороной солдат, тянувших пушки. Они подбадривали друг друга, отпускали соленые шутки.

К солдатам спустился генерал Раух, раздался его хриплый голос:

— Почему загородили дорогу? Где командир батареи?

Появился командир батареи, закричал:

— Что приостановились? Тяни ее!

Подъехал Гурко, соскочил с коня:

— Ребята, братцы, поднажмите, за вами другие следуют. Не задерживайте!

И взялся за гужи.

— Тяжело, ваше благородие. Мы уж сами...

К темени, а темнело в горах удивительно быстро, выбились из сил. Козловский полк, тащивший орудия авангарда, остановился. И тут же Гурко отдал распоряжение на привал.

Генерал присел у казачьего костра. Отсюда дорога вела к перевалу. К Гурко подходили ординарцы, докладывали о продвижении колонн. Неутешительные известия от Вельяминова, путь тяжел для орудий.

— Дмитрий Степанович, — сказал Гурко, — Раух с авангардом продвигается до крайности медленно, как бы турки не пронюхали о нашем восхождении. Избави Бог, засядут в проходах. Подымайте здесь, а я наверх, к Рауху...

Чем выше к перевалу уходил авангард, тем труднее становился путь. Горы в заснеженном лесу, крутой

подъем, сузившаяся местами до тропы дорога, гладкая, как зеркало, и скользкая, как каток.

Кони не держали орудия, и они откатывались назад. По ротам разнеслась команда:

— Принять лямки в руки!

И снова впряглись, потащили. Ноги разъезжались на льду, канат обжигал ладони, руки кровоточили. Пройдут солдаты несколько шагов, подложат камни под колеса, отдохнут и снова за лямки.

Не заметили, как подъехал Гурко, с коня долой, за канат взялся.

— Устали, братцы, вижу. Тяжкий переход, но вы русские солдаты. А впереди, братцы, конец пути, победа и отдых!

— Ребята, генерал с нами! — зашумели солдаты. — Раз, два, нажми!

— Ваш благородь, отойди. Не изволь беспокоиться, сами вытянем.

— Преображенцы, слушай мою команду! — раздался голос ротного. — Первый взвод, руби во льду насечки, сбивай с дороги камни!

Ноги по насеченному льду скользили меньше. Пошли веселее. Дорога потянулась над заснеженным ущельем.

— Стерегись! — передавал один другому об опасности.

Стемнело. По колонне объявили ночевку. Солдаты падали от усталости, батарейцы крепили орудия, ротные назначали караульных.

Гурко обходил лагерь, подбадривал:

— Братцы, потерпите маленько, до вершины доберемся, а тем внизу, турки. Мы их в штыки, вот и согреемся. Вы гвардия!

— Скорей бы, ваше благородь. В бою оно завсегда жарко.

На краю леса, у самой дороги, разбил палатку генерал Краснов. Увидев Гурко, зазвал:

— Заходь, Иосиф Владимирович, разносолами не угощу, но саламатины холодной поешь.

Ветер крепчал. Его порывы рвали палатку. Стужа гуляла, выла в ущелье. Деревья гнулись, трещали.

Гурко сел, снял папаху.

— Уморился, Иосиф Владимирович, подъем-то не из легких. У меня, эвон, коленки от усталости дрожат.

Краснов хитро прищурился, крутанул ус.

— Счас бы, ваше превосходительство, в станицу, да с бабой на сеновал, враз бы согрелся... А скажи, Иосиф Владимирович, откуда бы и сила взялась.

Поморщился Гурко.

— Умерьте свой пыл, Данил Васильевич.

Краснов понял: Гурко шутку не принял, поменял тему разговора.

— Сказилась погода, — покачал головой старый казачий генерал.

— Нелюбезны Балканы, — согласился с ним Гурко. — Авось к утру поутихнет.

К рассвету ветер начал спадать, и Гурко поднялся.

— Спасибо, Данил Васильевич, пора выступать...

Силантий Егоров примостился под корневищем разлапистого дерева, заснул. Сначала было холодно, морозно, но потом вроде угрелся, сделалось тепло. А когда будить его стали, насилу растолкали. Кто-то из солдат сказал:

— Еще бы маленько и замерз бы Егор...

Солдаты на ходу грызли сухари, ругали мороз, ветер. Брались за лопаты, расчищали дорогу от снега. Тащили орудия, они не проходили между деревьями, и тогда в ход шли топоры.

Выбиваясь из сил, падали тут же.

— Поднимайтесь, ребята, — кричали и просили ротные, — ненароком обморозитесь, а то и замерзнете!

И солдаты вставали, брались за лямки, тащили орудия. А вдали, где-то далеко-далеко синели в снеговых шапках вершины гор.

Конь под Гурко покрылся белым налетом. Генерал спешился, повел коня в поводу. О солдатах подумал: тяжело им в гору, а каково на спуске будет...

Увидел, несколько козловцев костерок соорудили, хворост не горит, дымит. Подошел. Солдаты замолчали.

— Передохнули, ребята?

— Ваше высокоблагородие, сейчас двинемся. Вот только уяснить хотим, откель у турка зловредность эта-

кая? Поди ж ты, сколь славян под себя заломал. Его бьют, а ему все неймется? — спросил бородатый козловец, опираясь на ружье.

Гурко не стал требовать от солдат прекратить разговоры, решил коротко пояснить:

— Начало тому лет триста, когда турки византийскую империю захватили, а ее столицу Константинополь в Стамбул переименовали, православные храмы в мечети переделали. С той поры византийская империя стала турецкой империей и турки покоряют славян на Балканах. Власть их на татар крымских распространилась. Татар они на Русь насылают. А с той поры, когда Екатерина Великая степи причерноморские к рукам прибрала и города строить начала, Николаев, Одессу, Екатеринослав, а потом и Крым завоевала, Севастополь, построила и флот Черноморский, турки совсем озверели, силой хотят вернуть все, а славян на Балканах притесняют.

— Ниче, ваше благородие, мы им шею накостыляем, — сказал бородатый солдат.

Другой солдат в нахлобученной по самые глаза шапке голос подал:

— Да еще туда доберись, он эвон за какой горой прячется.

— Доберемся, — уверенно произнес бородатый и скомандовал:

— Пошли, братцы!

Держа коня в поводу, двинулся и Иосиф Владимирович. И теперь уже сверху слышался его голос:

— Не отставай, ребята!

И еще одна ночь бессонная, морозная. А утром снова подъем и дорога еще сложней. И голоса ротных:

— Руби во льду насечки, сбивай с дороги камни!

Подъехавшему Краснову Гурко сказал:

— Воистину, Данил Васильевич, человек предполагает, а Господь располагает. Думали, в сутки управимся, ан, орудия задержали, в трое суток едва управимся...

За полдень поднялись к вершине. Лес закончился. Вокруг, куда ни глянет Силантий Егоров, снега и горы.

Здесь, на вершине, ветер совсем всбесился, будто и шинелишки на тебе нет, пронизывает насквозь.

Генерал Раух торопил авангард. Проводники утверждали: быть метели.

Спуск крутой, безлесный, оказался еще труднее подъема. Дабы притормозить орудия, солдаты разбивались на группы, цеплялись за колеса. Появились болгары, становились рядом с орудийной прислугой, принимали пушки на себя.

Генерал Раух с лицом обмороженным, с потрескавшимися губами, доложил Гурко.

— Есть замерзшие, Иосиф Владимирович. — Чуть погодя промолвил: — На такое можно решиться раз в жизни.

Гурко посмотрел на Рауха:

— Генерал, потрите щеки снегом... — И тут же попросил: — А установите вон на той горе орудие, выпустите несколько гранат по скопление турок внизу...

От Шувалова появился адъютант:

— Орудие в пропасть сорвалось, двух солдат за собой потянуло.

— Господи, — мысленно молился генерал, — на правое дело идут воины, прости их, Боже, и вдохнови... Дай им силы...

Первыми к ночи в Чурьяк вступили преображенцы и заняли выход в долину Сессии. Остальные силы авангарда, занесенные начавшейся метелью, ночевали на перевале и подтянулись в Чурьяк лишь на следующий день. Сам генерал на своей каурой лошаденке, облепленный снегом, простуженным голосам подбадривал солдат:

— С Богом, ребятушки! Во славу Отечества, вперед!

А что же Европа?

Европа на какое-то время онемела, пытаясь ставить под сомнение это известие.

Европа была в шоке.

В Австро-Венгрии заговорили, что пора ввести войска в Боснию и Герцеговину.

А в Великобритании потребовали взять под защиту Оттоманскую Порту и усилить британский флот в Средиземном море.

Франция, опасаясь гренадеров прусских, молчала, будто и нет у нее своей политики на Черном море.

И только Бисмарк, этот железный канцлер, узнав, что российская армия двинулась в зимнее наступление через перевал, выколотив трубку о подошву своего кованого сапога, изрек философски:

— С этими россиянами не соскучишься. Для Оттоманской Порты пробил час.

И, окликнув слугу, велел готовить охотничьи доспехи, на что хитрый баварец съязвил:

— Не далее как на прошлой неделе я слышал иное: «Русские не перейдут Балканы зимой».

— Продолжай, Курт, продолжай, смелее.

— И еще: «Если турки ум не растеряли, они имеют время собрать армию для контрудара».

— Не совсем точно, Курт. Я еще высказал сомнение, имеют ли турки ум. — Потом поднес тяжелый кулак к красному носу слуги. — Не умничай, Курт, забудь прежнее, истина сегодня! — крутанув большой головой, крепко сидящей на толстой шее, Бисмарк добавил: — Я не знаю другой такой страны — загадочной и таинственной, как Россия. И не доведи Бог Германии мериться с ней военной силой.

В Чурьяк Гурко со штабом прибыл вслед за козловцами и казачьей бригадой. Ни словом не упрекнув начальника колонны за задержку, убедился лично, вины Рауха в том нет, солдаты сделали все, что могли. Иосиф Владимирович велел немедленно выслать в Негошево для прикрытия выхода из Чурьякского ущелья Преображенский полк, а Козловский — в Потоп.

Нарядив офицера связи с пакетом к главнокомандующему, Гурко стал ждать сведений от других начальников отрядов.

Сообщения поступали неутешительные. Преодолев Умургачевский перевал, правая колонна хотя и заняла

Желяву и Буково, но ценой великих потерь. И не в бою — османы даже не пытались оказать сопротивление — ненастье едва не погубило архангелогородцев.

Генерал Вельяминов рапортовал: «Едва выступили с бивака, полил дождь. Шинели промокли, отяжелели... Дорога на перевал перешла в узкую заснеженную тропу. Колонны растянулись в длинную цепь, дождь сменился морозом и ветром, шинели сковало в железо. Отдать распоряжение о привале, дабы солдаты обсушились у костров, не мог. Колонна не обеспечена топорами, а лес крупный, буковый. Еще хуже было на вершине. Сбились с пути, снег заметал следы... Спасли болгары, они явились на помощь, вывели на тропу, увезли обмороженных...

Не обрадовало и сообщение начальника левой колонны генерала Дандевиля. Не дойдя до перевала, он, в силу ненастья и бездорожья, дал приказ возвращаться на исходные позиции...

Немного утешили Иосифа Владимировича преображенцы и козловцы. После небольшой стычки Преображенский полк занял Негошево, а Козловский вступил и Потоп и Телешкину.

Обогнав преображенцев, казачья бригада вырвалась на Софийское шоссе, парализовав передвижение турецких обозов.

В штабе генерала Гурко срочно пересматривались прежние диспозиции. В помощь преображенцам на позиции у Негошево бросили измайловцев и гвардейских стрелков, а из Потопа подтянули два батальона козловцев.

Под прикрытием негошевского заслона в разыгравшийся снежный буран двинулись в Забалканье главные силы отряда Гурко.

Фирман султана провозгласил Сулейман-пашу главнокомандующим балканскими войсками. Но по этому поводу Сулейман горько высказался:

— Великий султан Абдул-Хамид однажды даровал мне титул сердер-экрема, но вторым фирманом он пожаловал званием главнокомандующего Мехмет-Али-пашу. Не ответите ли вы, мои достойные военачальники, отчего милостив великий Султан к Мехмету? Не потому ли, что зацепился за Рущукский четырехугольник, как тонущий за спасателя?

Под пристальным взглядом прищуренных глаз Сулеймана потупились турецкие генералы, а тот с новым вопросом:

— Не вмешайся военный совет в Стамбуле, когда мы гнали генерала Гурко из Долины Роз, сегодня не встал бы вопрос, как быть. Скажи мне, храбрый Дари-Кура, какой план вынашиваешь ты?

— Мудрый сердер-экрем, — турецкий военачальник нахмурил широкие брови, согнутым в крючок пальцем ткнул в карту, — нам остается нанести ответный удар, и в Софии устроить гяурам вторую Плевну.

— А что посоветуешь ты, славный Шакир-паша? Выдвинув к Ташкисену таборы Векер-паши, ты поступил благоразумно.

Кругленький чернобородый Шакир-паша на похвалу не отреагировал.

— Гурко обошел позиции у Араб-Конака, его дивизии угрожают встать за нашей спиной. У нас один выход — отойти. Я усилил заслон Бекер-паши, но на его девять таборов навалились тридцать восемь батальонов.

— Но Бекер-паша держится.

— Это ему удается, потому что Гурко осторожен. Он опасается нашего контрудара от Софии и Татар-базарджика.

— София должна стать для гяуров Плевной, сердер-экрем, пока не укрепят Адрианополь.

— Гурко сковывает наши силы, — снова заговорил Сулейман-паша. — Вам, Дари-Кура и Шакир-паша, вручена судьба софийской армии.

— Вессель-паша не должен позволить генералу Радецкому прорваться через Шипку.

Сулейман кивком головы дал понять: разговор окончен.

Перед Силантием Егоровым лежало снежное поле, за которым темнели траншеи турок — первая, вторая линии...

Громыхали орудия, и снаряды накрывали позиции. Когда стреляли русские батареи, фонтаны земли и грязного снега вставали над турецкими траншеями; огонь открывали османы — турецкие снаряды ложились в расположении гвардейцев. И тогда, Силантий это знал, кого-то санитары понесут в лазарет, кто-то навеки останется лежать в чужой земле.

И ему от этого делалось неуютно. А ведь он, крестьянин, любил, как пахнет поднятый лемехом первый пласт земли и от него поднимался едва приметный пар. А от земли, поднятой снарядом, пахло порохом.

Под орудийным обстрелом Силантий не чувствовал холода, беспощадно вдавливал свое тело в снег. Разрывы снарядов, визг картечи заглушали ружейную стрельбу, крики.

Полки давно ждали сигнала к атаке, а она задерживалась. Гвардейцам невдомек: генерал Раух, не решившись отдать команду, запросил согласия генерала Гурко.

Едва заметно начали сгущаться сумерки. У Егорова зародилось сомнение, а пойдут ли они сегодня в наступление? Неужели и завтра валяться в снегу?

Не успел как следует подумать об этом — заиграл сигнал к атаке. Затрубили рожки, забили барабаны. Превозмогая робость, а она почему-то всегда одолевала Силантия в первые минуты перед штыковой, Егоров подхватился, побрел по колено в снегу через поле. Наступление преображенцев с фронта, с фланга поддержали волынцы.

А накануне по полкам, по ротам читали приказ генерала Гурко, дабы больших потерь избежать, наступать не колоннами, а полинейно, цепями.

И пошли непривычно, растянувшись в цепи, навстречу огрызавшимся траншеям неприятеля. По сторонам от Силантия падали гвардейцы. Некоторые поднимались, торопились вслед за взводными, ротными, батальонными. Впереди преображенцев полковник идет, будто пули не свистят над ним.

Полощется на ветру бархат гвардейского знамени, бьют барабаны. Все ближе и ближе неприятельские по-

зиции. Повернулся полковник, взмахнул саблей, и цепи, грянув «ура!», перешли на бег.

Спешит Егоров, глаз с вражеских позиций не сводит. Еще немного, вот они, совсем рядом. Сейчас сойдутся. Сколько раз приходилось Силантию участвовать в штыковом бою, а преодолеть неприятное чувство, когда на тебя, выставив берданку, прет турок, и ты нутром ощущаешь холод стали, не смог.

Но на этот раз османы не выдержали, не приняли, атаки, отступили, покинув траншеи. Не задержались и на второй линии... Наблюдавший за боем генерал Раух срочно послал к Гурко донесение: «Бекер-паша отступает, очистив Ташкисен и укрепления на хребте. Дальнейшее наступление гвардейцев приостановил в связи с темнотой...»

А Гурко торопил. Знал, сопротивление врага не сломлено окончательно. У Сулеймана еще достаточно сил и его армию необходимо сокрушить. Гвардии, которую Гурко провел через Балканы, предстоит не один бой, чтобы открыть дорогу на Адрианополь.

Не покидая штабной домик, Гурко с начальником штаба генералом Нагловским ждали известий от Каталея. Овладев к полудню горой Декоративной, генерал приезжал в штаб с докладом. Иосиф Владимирович поставил перед главными силами задачу — отрезать османам дорогу к отходу, пленить турок на араб-конакских позициях.

Стемнело. В штабном домике зажгли свечи. Гурко молчал, нетерпеливо посматривал на часы. Уже давно пора вернуться связному офицеру. Что же случилось? Выехать лично, но на кого оставить командный пункт? Ведь могут возникнуть непредвиденные обстоятельства на других участках. Положиться на Нагловского? Но сложилась слишком сложная ситуация, а на начальнике штаба лежит вся оперативная работа: связь с колоннами, разведка, резервы... Увидав, как через порог переступил офицер связи, Гурко мгновенно понял: случилась беда, встал. Поднялся и Нагловский.

— Что?

— Убит генерал Каталей, скончался тяжело раненый генерал Философ. Командование отрядом принял генерал Карлов.

— Как случилось? — Гурко дышал тяжело.

— Узнав о начавшемся отходе турок с араб-конакских позиций, генерал Каталей с генералами Карловым и Философом, имея всего два батальона, попытались перекрыть дорогу. Генералы шли в цепи со стрелками.

— Где убитые?

— Везут.

— Доложите общую обстановку.

— Заметив обходной маневр главных сил генерала Каталея, Шакир-паша уже днем начал отход с позиций в направлении на Петрачев. Выставленный в заслон Бекер-паша, не выдержав удара преображенцев и волынцев, поспешно отступил на Мирково.

Гурко повернулся к Нагловскому:

— Оставайтесь здесь, а я к войскам...

Иосиф Владимирович Гурко относился к той плеяде генералов, которые не теряли самообладания в сложной обстановке, молниеносно принимая верные решения. И теперь, с сожалением думая о погибших генералах, он уже имел четкий план предстоящих действий. Немедленно, не давая Шакир-паше передышки, наступать на Софию. А армию поведет лично он, Гурко. Первой двинется Кавказская казачья бригада, за ней Раух с гвардией...

И по армии, по войскам приказ генерала Гурко:

— Расчехлить знамена!

Удар был настолько сильным и стремительным, что турки отходили с такой поспешностью, какая не позволила им защищать Софию.

4-го января 1878 года звоном колоколов, запруженными улицами встречала София российские полки. По Западному отряду читали приказ генерала Гурко: «Пройдут годы и потомки наши, посетив эти дикие горы, с гордостью и торжеством скажут: «Здесь прошли русские войска и воскресили славу суворовских и румянцевских чудо-богатырей...»

В Софии дошло до Гурко печальное известие: в безнадежном состоянии находилась баронесса Вревская. Медицинская сестра Юлия Петровна заболела тифом, и от нее отказались все. За ней некому ухаживать и присматривают лишь те солдаты, бывшие раненые, которых выхаживала она.

Иосиф Владимирович немедленно телеграфировал главнокомандующему, просил принять участие в жизни баронессы, сестры милосердия, чувствовал себя виноватым, что не нашел времени, чтобы проведать ее, и даже не ответил на письмо.

Теперь он понял, она неспроста написала ему. Баронессе, привыкшей к иной жизни, на фронте пришлось слишком трудно. Она искала поддержки своим возвышенным порывам. Необходимо было теплым словом ободрить ее. Кровь и грязь, физическое напряжение и болезнь сломили баронессу...

И Гурко решил, когда он будет в штабе Дунайской армии, то непременно отправится в Белу и поможет Вревской. А пока такое представится, он сел за письмо ей...

Узнав о переходе Гурко через Балканы, Столетов немедленно поделился известием с защитниками перевала.

Священник отслужил благодарственный молебен, а интенданты увеличили солдатское довольствие. Все понимали, скоро должен наступить конец шипкинскому сидению.

Для Поликарпа Саушкина и других защитников Шипки опаснее турецких атак, орудийного обстрела и голода оказались морозы с пронизывающими до костей ветрами.

Завывает по-волчьи непогода, навевает тоску. Укутает солдат голову башлыком, а шинель не греет. Сапоги железными от мороза становятся, как ни топчись, как ни пританцовывай, а мороз пальцы ног прихватывает. Солдату бы устилку из соломы да портянку суконную, а откуда их взять?

«Терпелив народ российский, — подумал Саушкин, — ан до поры». И не раз вспоминал Поликарп слова Халтурина: «Аль нужна война народу русскому. Сколь их, горемык, поляжет в землях чужих... Одно и оправдание — свободу болгарам добывать идут», — думал Саушкин.

В воскресную ночь выпало Дьячкову и Сухову в пикете стоять. Разводящий унтер увел Сухова, а Дьячкову сказал:

— Ты, Василий, Сухова сменишь, я за тобой зайду...

Рядом с Дьячковым в землянке Саушкин грыз сухарь, водой запивал. Стены землянки влажные, а солдат, что сельдей в бочке набилось, оттого дух тяжелый, спертый. Кому места на нарах не досталось, спят сидя. Стонут, бормочут. Запрокинув голову, один из стрелков храпит с надрывом. Солдаты возмущаются:

— Толкните его!

Шинель у Саушкина взмокрела, если выйти на мороз, колом встанет.

Рядом с Поликарпом два стрелка, попахивая махоркой, переговариваются. Табак злой, в горле дерет.

— Назвали чудно, Шипка, Шипка. Аль горы как шипы?

— Не-е, в этих горах шиповника много.

— У нас в Перми красотища, в лесу ягоды, грибы.

— Пермяки — соленые уши, — беззлобно подтрунил второй стрелок.

— А почему так кличут? Вот, говоришь, а сам не знаешь! В Устюжине соль мололи, и пока мужики за загорбки кули погрузят, за ушами соль пластом. А ты из Нижнего Новгорода? Ярмарки у вас богатые.

— На всю Россию! Купцов съезжается видимо-невидимо, не только из дальних и ближних мест, но и чужеземцы. Товары, какие душе угодно, были бы деньги. А уж веселье, гуляй, не хочу: гусельники, скоморохи, дудочники, карусели, кабаки. Девки, бабы разнаряженные, одна другой краше.

— Мда-а-а! Я три года как из деревни, путем с девками на игрищах не побаловал. А бабы у нас!..

— А бабы, они везде бабы, а откуда женки ведьмы?

— Дак от мужика. Кабы не пил да кулаками не потчевал, и жена добра была бы.

— Истинно. Я-то свою любить буду.

В углу хихикнули:

— Нашему теленку волка бы съесть. Мне, братцы, кажинную ночь снится, будто я за сохой иду, а баба снопы вяжет.

— А мне более вспоминается обмолот, как цепа стучат и пыль, в горле щекочет. Батя мой зерно меркой в закром ссыпает, гадает, хватит ли до нового урожая.

Кто-то завел песню:

— Ах ты зимушка, зима...

Открылась дверь, ворвался клубок морозный.

— Че возом едешь?!

Солдат, сменившийся с караула, выбивая зубами дробь, умащивался. Потом зашептал:

— Отче наш, сущий на небесах, да святится имя твое, да придет царствие твое... — Солдат крестился истово. — И прости нам долги наши, яко и мы прощаем должникам нашим...

Саушкин подумал: «Лавочник долгов не прощает».

Дьячков воротник шинели поднял.

— Поспать маненько до смены.

Но не успел глаз сомкнуть, как в землянку ввалились подполковник Депрерадович и жандармский офицер. Солдаты вскочили, вытянулись. Жандарм спросил хрипло:

— Кто из вас Саушкин Поликарп?

— Я, ваше благородие!

— С Патронного?

— Так точно!

— Что же ты, сукин сын, со смутьянами знался, в кружке недозволенные речи слушал? Думал, удастся в солдатах от каторги укрыться? Одевайся!

Взял Поликарп пустой вещмешок, усмехнулся невесело:

— Значит, без меня Шипку защищать.

— Не митингуй, выходи! — прикрикнул жандарм и толкнул Саушкина к двери...

Увели Поликарпа, зашумели стрелки:

— Вот те раз, все более помалкивал, а вишь, политический.

— Ошибка вышла.

— Жандармам видней, на то они и жандармы, государева опора.

— Может, кто из наших донес?

— Не, из Петербурга жандарм...

Долго не могли успокоиться солдаты. Василий все о Саушкине думал. Пришел разводящий.

— Поспал, Дьячков? Ну, я чуток отогреюсь и отправимся Сухова сменять.

А Сухов в пикете совсем закоченел. Переминался с ноги на ногу, пританцовывал, всматривался, не проглядеть бы врага. Однако тихо вокруг, только шумит зимний лес. В такую погоду турок в деревнях отсиживался либо в землянках прятался. На Лысой горе османы костры жгли, отогревались. Пальнут из пушек для острастки и снова затишье...

Ветер врывался на перевал, валил с ног. Ярко светил месяц, мороз продирал. Будто остановилось для Сухова время. С Лысой горы рявкнуло орудие и картечь с визгом расколола небо. На горе Святого Николая перекликнулись болгарские дружинники.

Прислонился Сухов к камню-валуну, закрыл глаза и как наяву перед ним давнее: мать привела его в деревне к бабке. Гудел лес за околицей, а он трясся от страха. Бабка поглаживала его по голове, успокаивала, под печью почесывался, хрюкал от удовольствия поросенок, в избе пахло хлевом... Бабка приговаривала: «Всякое дыхание да хвалит Господа».

Нежданно пришло к Сухову тепло, и он, сам того не учуяв, заснул. Пришли Дьячков с унтером, окликнули. Не отозвался солдат. Василий тронул Сухова, отшатнулся:

— Замерз!

Разводной перекрестился:

— Еще одного солдата Бог прибрал. Заступай в пикет, Дьячков!

Они двинулись к месту назначения форсированным маршем. Шипку покинули ночью, и уже через сутки полковник Клевезаль доложил Радецкому о выполнении приказа.

Орловцы поступили в подчинение генерала Домбровского, командира четырехтысячного отряда, базировавшегося в городке с красивым именем Елена.

Здесь стояли Севский и Брянский полки, конные драгуны и другие части. Обозные фуры, санитарные двуколки запрудили площади и улицы.

Штаб южного отряда ставил перед Домбровским задачу: прикрыть Тырново, а в начавшемся наступлении принять участие в разгроме десятитысячной сливенской группировки врага.

Василию Дьячкову городок нравился узкими улочками, каменными домиками на высоком фундаменте под черепицей, несмотря на зиму, зелеными кустами самшита за оградами. После холодной и голодной Шипки жизнь у орловцев потекла тихая, спокойная.

Однако на войне затишье бывает временное. Видимость покоя притупляет бдительность, а недооценка противника зачастую влечет ошибки, за которые платят дорогой ценой.

Так произошло и в Елене. Ни генерал Домбровский, ни его штаб не верили в возможность наступления турок на их направлении. Они даже не помышляли, что Сулейман-паша уже разработал план удара в стыке восточного фронта и Южной группы Радецкого, а острие турецкой стрелы пройдет через Елену.

Даже сосредоточение турецких войск, о котором доносила конная разведка драгун, оставили без внимания.

Наступление началось ночью. В несколько раз превосходящие силы османов смяли аванпосты драгун и лавой накатились на русские траншеи. С двух сторон турки ворвались в город, кололи и резали сонных солдат.

Дьячков спал и видел сон, будто Поликарп Саушкин на покосе, рубаха белая, потом пропиталась. Вжи-

кает литовка, сочная трава под косой зеленью брызжет, ложится рядками ровными. Идет Поликарп в траве по пояс, помахивает литовкой. Увидел Дьячкова, обрадовался:

— Становись, Василий, со мной в одном ряду, веселей будет.

А Дьячков ему в ответ:

— Нам велено Шипку оборонять.

— Кем?

— Тобой, Поликарп! Аль забыл, когда тебя жандарм уводил?..

Подхватился Дьячков, кругом стрельба, крики, схватил ружье и на улицу. Увидел толпу солдат и полковника Клевезаля. Собрав сотни две стрелков, тот командовал:

— В каре, ребята! Пробиваться штыками!

Турки лезли на них силой несметной. Медленно отходили орловцы, отбивая наскоки османов. Вот уже и последние дома позади, Сулейман-паша послал два табора перекрыть путь отступающим.

Дьячков бился в первой шеренге. Исчезли страх и растерянность. Сначала мелькнула мысль, как такое случилось?

Смерть свою Василий принял достойно. Она пришла к нему, когда прорывались через турецкий заслон и расчищали дорогу уцелевшим в резне севцам, брянцам и спешенным драгунам...

Под утро к Елене подступили полки нарвских и ахтырских гусар, полк казаков. Конной атакой выбили турок из города, остановили наступление Сулейман-паши.

По поводу зимнего штурма Балкан в Главной императорской квартире устроили прием. На банкет званы были командующий Рущукским отрядом цесаревич-наследник, главнокомандующий великий князь Николай Николаевич, военный министр, генерал Обручев, министр иностранных дел князь Горчаков с советником Жомини, румынский князь Карл с генералами, генера-

лы свиты его императорского величества, иностранные наблюдатели и корреспонденты иностранных газет, прикомандированные к Дунайской армии.

Императора шумно поздравляли с успешным переходом российской армии через Балканы. Александр Второй выслушивал речи довольно, благосклонно посматривал на гостей.

Сидевший между военным министром и Обручевым, цесаревич-наследник, будущий император Александр Третий, горько усмехаясь, жаловался на свою военную долю:

— Так я и провоюю у Рущука. Ни я Мехмет-Али не задираю, ни он меня. В пору на стопочку друг к другу хаживать.

Обручев успокоил:

— Ваше высочество, если Рущукский отряд не принимал непосредственных боевых действий в этой кампании, то он сделал свое. Представьте: если бы не вы, Махмет-Али-паша, смяв генерала Радецкого, прошелся бы по тылам Дунайской армии вплоть до Плевны. Имели бы мы сегодняшние победы?

— Конечно, — согласился цесаревич, — но кто в будущем вспомнит об этом? История сохранит имена Гурко и тех генералов, кои штурмовали Балканы. Знаете, встретил я однажды художника Верещагина. Накануне он побывал под Плевной и отправлялся на Шипку. Так вот, Верещагин и говорит: «Буду писать картины русско-турецкой войны и намерен отобразить гибель гвардейцев у Горного Дубняка. А на Шипке, продолжает, сделаю наброски к будущим картинам обороны перевала и подвигам генерала Скобелева...» Как видите, Верещагин не пишет Рущукский бивак...

— Не огорчайтесь, ваше высочество, все российские солдаты кисти достойны. И холсты Верещагина делали честь художнику, — сказал Милютин.

— Я поклонник картин этого баталиста, — заметил Обручев. — Хотя выставка его туркестанского цикла в Пруссии запрещена.

— Да-с, ужасы войны обнажены ясно, — кивнул цесаревич.

Британский военный представитель, примостившийся за дальним столом, выпив немалую порцию анисовой водки, повеселел. Склонившись к военному представителю Австрии, он сказал довольно громко:

— Знаете, во сколько жизней обошлась России Шипка? Десять тысяч солдат и болгарских ополченцев убиты и умерли от морозов! — Англичанин посмотрел на австрийца, будто желая убедиться, какое впечатление произвели на того цифры русских потерь. Повременив, сказал: — Когда я, узнав кое-что о русских планах зимнего перехода Балкан, уведомил свое военное министерство, эти ослы не нашли ничего лучшего, как переправить мою телеграмму лорду Биконсфилду с припиской: «Полковник Уэллеслей, очевидно, не смыслит, о чем говорит. Балканы никогда не были и не могут быть перейдены зимой».

— Не обращайте на это внимания, полковник, — отмахнулся австрийский представитель. — Мое правительство также богато дураками, не верившими в русскую авантюру. А о Бисмарке говорят будто он, свернув карту Балкан, заявил: «До весны она мне не пригодится».

— Мсье, — рассмеялся корреспондент какой-то французской газеты. — Балканы действительно неприступны зимой, но только не для русской армии. Вспомните беспримерный переход чудо-богатырей генералиссимуса Суворова через Альпы!

Далеко за полночь, когда гости разошлись, Александр задержал Горчакова.

— Князь, что вы скажите о нашем броске через Балканы? Учтите, мы начинаем переход Центральных Балкан. Ваши суждения как дипломата?

— Ваше величество, — Горчаков склонился в полупоклоне, — когда солдат российский встанет на берегах Босфора и оркестр сыграет гимн вашего императорского величества, я дам европейским министрам званый обед. Вкушая оный, их лики будут морщиться, как от яблок-кислиц.

Царь весело рассмеялся:

— Ну, а все-таки?

Канцлер хитро прищурился.

— Все-таки, ваше величество, столь стремительный рывок генерала Гурко с гвардией через горы и выход в Забалканье похоронили всякие надежды Абдул-Хамида на европейскую поддержку, и он станет искать мира.

— Я полагаю, вы не носите в кармане вашего дипломатического мундира условия мира. Но мы их продиктуем уже с берегов Невы. Я решил этими днями возвращаться в Петербург. Теперь, князь, война закончится и без нас.

Глава 9

Из штаба Дунайской армии командир Балканского отряда генерал Радецкий возвращался в подавленном состоянии. Всю длинную дорогу его не покидало впечатление неприятного разговора с главнокомандующим.

— Итак, Федор Федорович, — сказал великий князь Николай Николаевич, — генерал Гурко свою задачу выполнил, остановка за вами.

— Ваше высочество, что вы имеете в виду?

Главнокомандующий удивленно поднял брови:

— Вы серьезно не понимаете?

— Если речь идет о переходе Центральных Балкан, то я категорически против.

— Почему?

— У меня веские основания.

— Изложите.

— Шипкинский перевал плотно закрыт турецким отрядом, равным моему Балканскому. Если двинуться в обход, отряд растянется, и, пока мы спустимся, Вессель-паша подтянет силы и уничтожит нас.

Великий князь недовольно поморщился:

— Вы считаете, лучше отсидеться на Шипке?

— Никак нет, ваше высочество, мы выждем момент, когда нанести удар. Но сегодня, как командир Балканского отряда, считаю эти действия преждевременными. Вы, ваше высочество, понимаете, из имеющихся двадцати пяти тысяч Вессель-паша всегда сумеет бросить на

нас половину, а то и большую часть своих таборов. Ко всему прочему, прилегающие к Шипке тропы завалены снегом....

Коляску покачивало на рессорах. Мороз отпустил, а холодный дождь почти смыл снега в предгорье. Сыро и ветрено. Копыта коней чавкают в лужах. Радецкий ежится, поднимает воротник шинели. Парило от разгоряченных конских крупов. За коляской рысил конвой из донских казаков... Мысли снова вернули к разговору с великим князем...

— Вы не правы, Федор Федорович, — главнокомандующий прошелся по кабинету, — Гурко имел не лучшие условия, начиная штурм гор. И армия Шакир-паши, и вся Софийская группировка не слабее армии Вессель-паши.

— Сегодня Сулейман-паша уже извлек для себя урок прорыва, минуя Араб-Конак, и непременно учтет его в случае нашей попытки перейти Центральные Балканы...

Ах, если бы ему, генералу Радецкому, да на поле боя, чтобы видеть войска, как на шахматной доске фигуры. Кто когда упрекнул бы его, Федора Федоровича, в недостаточной храбрости? Но перевести огромный Балканский отряд через горы зимой, мыслимо ли?

Но главнокомандующий наседал:

— Государь требует от вас активных действий.

— Ваше высочество, почему мы не можем принять фланговый удар?

— Как вас понимать?

— Рущукской группировкой.

Великий князь усмехнулся:

— Вы хотите, чтобы вам причитающееся принял на себя цесаревич? Мехмет-Али-аша располагает силами, не уступающими Александру Александровичу. К тому же слишком крепкий орешек мы оставляем в центре, и Сулейман-паша сумеет кинуть Вессель-пашу с частью таборов в тыл Гурко. Нет, Федор Федорович, ваше предложение нереально. А вас мы усилим резервами, придадим пехотную дивизию и три полка 1-й кавалерийской дивизии. Тем самым ваши силы возрастут

вдвое по сравнению с Вессель-пашой. — Главнокомандующий подошел к карте, пригласил Радецкого. — Подойдите сюда, Федор Федорович. Мы предлагаем наступать двумя обходными колоннами. Правую возглавит генерал Скобелев, левую — Святополк-Мирский. Скобелев от Габрово поведет отряд к Имитли, Святополк-Мирский — от Тырново к Янине. Затем совместным ударом они овладеют селами Шипка и Шейново, окружив и пленив группировку Вессель-паши.

— Гладко было на бумаге, да забыли про овраги, — проворчал Радецкий.

— Не брюзжите, Федор Федорович. С подробностями вас ознакомит Артур Адамович. Но помните, выступать не позже начала января... Это задание не только мое, но и государя...

Поближе к Тырново места потянулись более пологие. Городок открылся издалека куполами церквей и мечетей, улицами из каменных одно- и двухэтажных домов. По Янтре плыла ледяная шуга.

Радецкий продолжал думать: «И на завтра вызвать Скобелева и Святополк-Мирского, поставить перед ними задачу, определить количество колонн».

Генерал потер лоб. В его голове держались номера всех вверенных ему частей, их состав, и потому даже без штабных работников он на ходу мог приблизительно назвать, кого выделит в правую колонну, кого в левую. 16-ю пехотную дивизию, 9,11,80-й батальоны, три полка 1-й кавалерийской дивизии да 9-й Донской казачий полк — Скобелеву. К нему же дружина болгарских ополченцев и две роты саперов... В левую колонну войдут три полка 9-й пехотной дивизии, 4-я стрелковая бригада, 83-й Донской казачий полк и саперная рота. А из резерва главнокомандующего придать Святополк-Мирскому 30-ю пехотную дивизию.

— Мда-а, — сам себе сказал Радецкий, — соединения внушительные, действуй они по фронту. А переправлять через горные теснины, по бездорожью — ох-хо, — Федор Федорович вздохнул. — Все в руке твоей, Господи!

Обращаясь к истории войн, бесполезно искать примеры тому, что совершила российская армия по окружению и пленению крупных сил неприятеля в зимнюю кампанию 1878 года.

Перейдя теоретически непроходимые Балканские горы, генерал Гурко применил обходной маневр арабконакских позиций и овладел Софией. Правая и левая колонны генералов Скобелева и Святополк-Мирского с двух сторон, по узким тропам, на какие и в летнюю пору не всякий старожил отваживался ступать, обошли Шипкинский перевал, окружили и заставили капитулировать турецкую армию Вессель-паши.

Эти операции — блестящее достижение российского генерального штаба, обогатившее мировое военное искусство, образец мужества российского солдата...

Девять верст от Топлеша до деревни Иметли, но все по бездорожью, в узких теснинах, по обледенелый кручам, обрывам, пропастям, где несмолкаемо грозно ревут горные реки...

Представляя всю сложность перехода, Скобелев подготовился основательно. Вели колонну проводники из болгар, путь пробивали саперы, а батальоны солдат посменно расчищали снега, готовили дорогу.

Зимний ветер пронизывал насквозь, но Скобелев — шинель нараспашку, папаха на затылке — не слезая о белого коня, охрипшим голосом подбадривал солдат:

— Братцы, российскому солдату горы штурмовать не впервой! Аль забыли, как генерал Гурко армию через Балканы провел и Сулеймана в Забалканьи бьет!

Возвратился ходивший в разведку болгарин, учитель Славейков, доложил: турки не ожидают, они убеждены, что, если отряд Радецкого намерится перейти Центральные Балканы, он попытается сделать это через Шипкинский перевал, где его постигнет печальная участь армии Сулейман-паши, которая простояла у Шипки пять месяцев и, понеся огромные потери, так и не овладела перевалом...

Один за другим проходят перед Скобелевым батальоны. Понимает Михаил Дмитриевич: трудно солдатам,

устали, однако идут собранно, без привалов, на ходу сухари жуют. Увидев отставших, разразился бранью:

— Эй вы, аль у вас зады свинцовые? Плететесь, ровно бабы на сносях! Бе-гом!

Подошел Столетов, попросил поставить болгарских войников в авангарде колонны.

— Они почтут за честь первыми спуститься в долину.

Еще в Топлище побывал Скобелев у ополченцев, доброй похвалы заслужили они. Немало полегло болгарских войников у Старой Загоры и на Шипке. А генерал Скобелев понимал толк в солдатах, жизни без армии не мыслил.

В военные способности и талант Михаила Дмитриевича Александр Второй не верил и держал молодого генерала в окраинном гарнизоне. В первые месяцы Русско-турецкой войны Скобелеву и дивизии не доверяли, числился генералом при штабе Дунайской армии.

Однако после второй Плевны, когда он смело повел на штурм Кавказскую казачью бригаду и был отмечен царем, началось выдвижение Скобелева. В третьем штурме плевненских укреплений он уже командует войсками, наступавшими левым флангом.

По предложению Милютина главнокомандующий назначил Скобелева командиром правой колонны Балканского отряда.

Михаил Дмитриевич на просьбу Столетова ответил:

— Стремление дружинников идти в числе первых освободителей родины достойно похвалы. Вместе с ополченцами пойдут 20-й стрелковый батальон, батальон казанцев и сотня уральцев. Ваша задача, Николай Григорьевич, овладеть горой Караджи и держать ее, пока не подтянутся основные силы колонны...

К обеду прискакал от Столетова поручик Узунов с донесением: батальоны и дружины, сбив турецкие пикеты и заслон с Караджи, оседлали гору.

Скобелев доволен.

— Отлично, поручик, отлично!

Генерал Гренквист предложил объявить привал, дать солдатам передышку.

— Что вы, генерал, о каком привале речь? Полковник Ласковский, берите два батальона казанцев и в авангард колонны.

— Ваше превосходительство, — Ласковский достал карту маршрута, — из описаний разведки и болгарина Славейкова от горы Чуфут дорога раздваивается, западный спуск крут, восточный более удобен.

— Какой спуск вы изберете, полковник?

— Западный, ваше превосходительство, ибо восточный выведет в долину реки Голяна Варвица, а движение по ней просматривается неприятелем с шипкинских позиций.

— Разделяю ваше мнение, полковник. Нам необходимо занять Иметли до подхода таборов Вессель-паши. — Действуйте, полковник.

Скобелев повернулся к Гренквисту: — Генерал, ускорьте движение колонны...

Преодолев крутой спуск, отряд Скобелева вступил в деревню Иметли. Следующий этап плана — наступление правой и левой колонн на села Шипка и Шейново.

Михаила Дмитриевича тревожила мысль, удастся ли Святополк-Мирскому перевалить через Балканы, ведь генерал Гурко уже в Забалканье.

Скобелев вспомнил, как накануне взятия Плевны у них с Гурко шла речь об скончании войны, и Иосифа Владимировича беспокоила судьба мира, отношение Европы к победе России.

— Знаете, Михаил Дмитриевич, в молодости я увлекался охотой, — говорил Гурко. — Так вот, если удалось подстрелить крупную дичь, не оставляй ее на земле, к утру шакалы утащат. В данном случае европейские правительства выступят в роли тех шакалов. Нас, Россию, впереди ожидают политические баталии. — Гурко пригладил бороду. — И у России попытаются урезать мир, какой Порта подпишет с нами. Надежда на канцлера Горчакова.

Правая колонна едва спуск завершила, а Радецкий уже телеграфировал главнокомандующему: «Генерал Скобелев сегодня займет Иметли. Завтра (8 января) обе колонны атакуют деревню Шипку...»

И тут же командир Балканского отряда, опасаясь удара по правой колонне с тыла таборами Сулейман-паши, просит великого князя Николая Николаевича начать наступление отрядом генерала Карцева и обезопасить Скобелева.

Ответ начальника штаба Непокойчицкого обнадежил, Карцев разгромил противника на Троянском перевале, взял Троян и движется на Текию.

Радецкий и удивился, и по-доброму позавидовал Карцеву — взять тот перевал, о котором прусский генерал Мольтке предрекал:

«Тот генерал, который вознамерится перейти через Троян, заслуживает имя безрассудного, потому что достаточно двух батальонов, чтобы задержать наступление целого корпуса...»

Неожиданно в диспозицию Балканского отряда вмешался Святополк-Мирский, сообщивший вечером, что запаздывает и прибудет к Шипке лишь к полудню. Пришлось Радецкому посылать ночью офицера связи и поставить в известность Скобелева, на что тот передал: «Завтра в полдень атакую Шипку теми силами, которые могу собрать...»

Первым сведениям о передвижении колонн Балканского отряда из Топлеша на Иметли и из Травны на Сельцу Вессель-паша не придал значения, посчитав передвижение русских отвлекающим маневром генерала Радецкого, дабы выманить таборы из укрепленного шипко-шейнинского района. Перебросит Вессель-паша таборы к Иметли и Сельцам, а тем временем основные силы Балканского отряда через Шипкинский перевал обрушатся на лагерь и овладеют укреплениями.

И Вессель-паша не осмелился вывести таборы. По мнению английских инженеров и советников, руководивших постройкой турецких укреплений, Шипко-Шейнинский лагерь представлял неуязвимую крепость. Оборона строилась с учетом местности. Северную сторону полукольцом охватывали скаты Балкан. Ближе к Шейново холмистая равнина. На курганах батареи, Сто

четырнадцать редутов, многочисленные траншеи кольцом в две-три линии опоясывали Шейново и Шипку. Под командованием Вессель-паши сорок таборов пехоты, двадцать шесть эскадронов и восемьдесят три орудия готовы отразить наступление Балканского отряда...

Последующие сведения, доставленные Вессель-паше с пикетов, не были успокаивающими: отряды Святополк-Мирского и Скобелева значительные и, теперь уже было несомненно, носят отвлекающий характер. Вессель срочно запросил у Сулейман-паши дать согласие на отвод армии. На что Сулейман-паша ответил категорично: «Не оставляйте позиций, которые мы с вами защищаем...»

Иного Вессель и не ожидал: ему отведена роль оттягивать на себя Балканский отряд, пока Сулейман-паша выведет главные силы от Филиппополя к Адрианополю. Шипко-Шейнинская группировка обречена, Вессель-паша понимал это и был готов сопротивляться до последнего аскера...

Вессель-паша надеялся, что, наступая на правую колонну Балканского отряда с тыла, Сулейман облегчит положение Шипко-Шейнинского отряда, однако и эта надежда рухнула — генерал Карцев, перейдя Троян, прикрыл Скобелева...

Командный пункт Вессель-паши на господствующем над всеми позициями кургане изрыт траншеями, ходами сообщений, накатами, а на самой вершине кургана батарея стальных крупповских орудий. У западного подножия Косматей штаб и резерв.

В полночь Вессель-паша созвал бригадных генералов. В землянке стены и пол в коврах, горят в серебряных плошках фитили, чадят бараньим жиром.

Поджав ноги, генералы восседали на мягких подушках. По правую руку от хозяина с ловкостью правоверного умостился английский полковник рыжий Этли-паша, милостью султана зачисленный в турецкую службу, по левую — седобородый мулла, голову которого венчала большая белая чалма.

Велев окурить землянку восточными благовониями, Вессель-паша обратился к бригадным генералам.

— Аллах послал нам горькое испытание.

— Аллах! — мулла воздел руки.

Вессель пригладил бороду, по-рысьи стрельнул глазами в англичанина.

— Наши уши слушают тебя, мудрый советник Этли-паша. Что нам делать, когда гяуры двинулись на нас с востока и запада? Как две руки, они вцепятся в наше горло.

Англичанин заерзал на подушке.

— Русские совершили невозможное, перевалив через Балканский хребет. Не удивительно, они прорвут нашу неприступную оборону.

Недовольный ропот оборвал речь англичанина.

— Мы ожидали от тебя, Этли-паша, иного ответа, — заметил Вессель.

— Если мы не получили ответа от достойного Сулейман-паши кроме одного — защищаться, о чем могу сказать я? — Англичанин пошевелил рыжими бровями.

— Мудрость Аллаха не покинет нас, — мулла прижал ладонь к сердцу.

— Аллах! — хором пропели генералы. — Нам остается сразиться с гяурами.

— Да будет так, — Вессель-паша прижал руку к груди. — Мы задержим колонну Святополк-Мирского и нанесем удар по Скобелеву-паше. Я пока не знаю, что задумал этот генерал на белом коне, но мы бросим против него наши основные силы, а если потребуется, то и резерв.

Получив диспозицию с вечера, Столетов поднял ополченцев, едва рассвело, и, отдав приказ командирам дружин накормить воинов горячей пищей, в сопровождении поручика Узунова поскакал на розыски Скобелева.

Дорога запружена войсками. Солдаты скалывали лед, расчищали путь. Обогнали владимирцев. Шли батальон за батальоном.

Утро морозное, за лицо и руки хватает.

— Кажется, обойдемся без снега, — сказал Столетов поручику. — Нам он не ко времени.

А про себя подумал, что бой будет тяжелый и не короткий, слишком сильно укрепились турки.

В ополченцах Николай Григорьевич уверен, не подведут. С каким воодушевлением выслушали они приказ, когда выступали из Топлеша. Построенные в каре, они стояли недвижно, а он, Столетов, выделяя каждое слово, читал четко, хотя и сам, как и дружинники, чувствовал волнение:

«Нам предстоит трудный подвиг, достойный постоянной и испытанной славы русских знамен. Сегодня начнем переходить через Балканы с артиллерией, без дорог, пробивая себе путь в виду неприятеля через глубокие снеговые сугробы. Нас ожидает в горах турецкая армия, она дерзает преградить нам путь...

Болгарские дружинники! В битвах в июле и августе вы заслужили любовь и доверие ваших ротных товарищей, наших солдат — пусть будет так же и в предстоящих боях. Вы сражаетесь за освобождение вашего отечества... Ваше отечество велит вам быть героями!...»

И ополченцы воодушевлено запели, будто гимн:

Балканы, Балканы,
Родные Балканы...

Вместе с войниками пел и Столетов.

Дорогу от Лысой горы прикрыли стрелковый батальон и дружина. За передовыми пикетами нагнали Скобелева с начальником штаба генералом Куропаткиным в сопровождении эскадрона драгун. У Горячей Варвицы саперы наводили переправу, пробовали лед.

— Николай Николаевич, — сказал Скобелев, — начинайте передвижение левым флангом к Шипке, вас поддержат владимирцы. В бой вступите, когда услышите, что в дело ввязалась левая колонна генерала Святополк-Мирского, а тем часом подтянем стрелков к центру на Шейново и в обход через Секиричево.

Командира колонны разыскал капитан с донесением:

— Ваше превосходительство, турки силой в два табора пытаются закрыть Крутой спуск, а их конные отряды замечены у деревни Иметли.

— Капитан, возвращайтесь и моим именем прикажите сбить таборы и продолжайте спуск. Против кавалерии бросим три сотни казаков.

Капитан ускакал, а Скобелев повернулся к Куропаткину:

— Будем продолжать действовать согласно установленному расписанию.

Скобелев отдавал распоряжения спокойно, и только один человек, его начальник штаба, знал о ночных переживаниях Михаила Дмитриевича. Одолевало сомнение, успеет ли левая колонна? Не верилось в ее успех. Закрадывалась мысль, что его отряду устроили ловушку. Скобелев даже успел разработать оборонительный план...

Еще раз, наказав Столетову начать бой не раньше полудня, когда остальные полки займут исходные позиции, Скобелев и Куропаткин отправились в Иметли.

Полковник Вяземский, командир 2-й бригады болгарского ополчения, установив командный пункт на горе, через стекла цейсовской трубы хорошо разглядел в долине Туинджи передвижение войск. Внимательно всмотревшись, воскликнул радостно:

— Это же батальоны левой колонны! — Глянул на часы, стрелки показывали двенадцать.

О замеченном передвижении колонны Святополк-Мирского немедленно поставил в известность Скобелева. Тот приехал с Куропаткиным к часу дня, когда уже с востока доносилась яростная перестрелка.

— Вы, полковник, впредь посылайте на розыски меня офицера попроворней. Я у Крутого спуска, а он в штабе дожидается. Скинули таборы. — И, прильнув к подзорной трубе, проговорил довольно: — Вы правы, полковник, это Святополк-Мирский.

Куропаткин подтвердил:

— Да-да, его отряд. Наступают на Шейново стрелковыми цепями.

— С Богом и мы приступим. Передать по полкам: атаковать под распущенными знаменами, под бараба-

ны и трубы. Слышите, полковник, это касается и ополчения. Расчехлить знамена. Скажите генералу Столетову: на его дружинников полагаюсь, как на российских солдат...

Развернув восточнее Иметли девять батальонов и семь сотен конницы, Скобелев приказал начать наступление. Стрелки шли под оркестр. Перестроились на ходу в боевую линию. Версты на полторы от Шейново ожили турецкие укрепления, ударила артиллерия. Находившийся среди батальонов Скобелев велел стрелкам окапываться, а сам с начальником штаба выехал на рекогносцировку. Под Шипкой увидел наступление болгар. Столетов доложил: атака захлебнулась дважды под густым огнем противника.

— Николай Григорьевич, на сегодня достаточно, ограничимся демонстрацией.

Тем временем полковник Вяземский передал в штаб: с восточной стороны батальоны овладели первыми траншеями, что на курганах, но от второй линии обороны отброшены. Наступление левой колонны, видимо, выдохлось.

Полковник Вяземский, не зная, что главные силы отряда Святополк-Мирского еще находились в пути, а генерал Скитников, овладев Маглижем, без боя вступил в Казанлык, предложил активизировать действия правой колонны. Скобелев недовольно заметил:

— Полковник Вяземский забывается, что здесь командую я, а не он.

Ночью по всему расположению правой колонны от Шипки до Секиричево заполыхали костры. Их было такое великое множество, что наблюдавший за ними с Косматей Вессель-паша заметил с сарказмом:

— Каждый скобелевский солдат греется у своего огня.

Вессель-паша оказался недалек от истины. Генерал Скобелев доносил Радецкому: «Дабы дать князю Мирскому убедиться в нашем присутствии в долине, а также дать неприятелю преувеличенное понятие о наших силах, войскам было приказано стать шире, разложить костры и отойти на свой бивак, только когда стемнеет».

— Не кажется ли вам, Алексей Николаевич, что записка генерала Радецкого напоминает не приказ, а информацию?

Заложив руки за спину, Скобелев прохаживался по комнате. Остановился перед сидевшим за столом Куропаткиным. Начальник штаба, такой же молодой, как и Скобелев, поднял глаза:

— Так ли?

— Послушайте: «Колонна князя Мирского в настоящее время стоит с восточной стороны деревни Шипка. Вчера было видно, что им взят один редут и несколько укреплений. К сегодняшнему дню он, по всей вероятности, успел подтянуть весь свой отряд и с утра начнет атаку...» — Отложил лист, заметил недовольно: — Издалека генералу Радецкому все видится в розовом свете.

— Но, Михаил Дмитриевич, — Куропаткин взял записку, — Радецкий приказывает нам. За его повелительным советом все читается ясно: «Вашему превосходительству, казалось бы, по занятии Шейново атаковать деревню Шипку с южной стороны, стараясь войти в связь с князем Мирским. По занятии Шипки будет спущена бригада со Святого Николая».

Скобелев кашлянул, подошел к крошечному окну. На улице еще темень, лишь восток едва засерел. Бессонная и тревожная ночь подходила к концу, начинался напряженный, кровавый день. Предстоящее сражение для него, генерала Скобелева, сулило стать самым трудным, ибо еще никогда не доводилось ему штурмовать столь укрепленные вражеские позиции силами, едва ли не равными силам неприятеля. И неизвестно, на какую поддержку рассчитывать от Святополк-Мирского, которому тоже нелегко...

Скобелев с Куропаткиным снова проанализировали на карте продвижение левой колонны, и оба, независимо друг от друга, пришли к выводу: Святополк-Мирский неминуемо направит часть отряда на Маглиж и Казанлык, дабы обезопасить свой тыл, а тем самым невольно ослабится наступление колонны на деревню Шипку и Шейново с востока.

И еще Скобелев подумал, что будь он на месте Вессель-паши, то, воспользовавшись сложившейся ситуацией, попытался бы, сдерживая удар правой колонны, основными силами обрушиться на Святополк-Мирского, чтобы, разгромив его, повернуть на Иметли...

Высказав такое предположение, Михаил Дмитриевич посмотрел на Куропаткина, который произнес:

— А ведь и у меня появилась подобная мысль.

— Вывод?

— Разработанный нами план наступления единственно правильный.

— Итак, остается реально: ударом по центру на Шейново прорвать линию обороны и овладеть деревней, а той порой правофланговым маневром от Секиричево обойти Шипку, заставить Весселя капитулировать... Что ж, Алексей Николаевич, проведем последнее перед сражением совещание...

Рота поручика Узунова, с большими потерями заняв первую линию траншей, передыхала, готовясь к новой атаке. Справа наступала рота Райчо Николова. Санитары не успевали перевязывать раненых, отвозить в лазарет к доктору Миркову.

Стояну передали приказ Столетова беречь патроны. Поручик велел Асену объявить приказ по роте, а сам из траншей наблюдал за противником. Следующим броском ополченцам предстояло овладеть укрепленным редутом, мешавшем дальнейшему продвижению к Шипке. В роте Николова запели хором:

А вот Туинджи-долина,
Где кровь лилась рекой...

И чей-то высокий голос выводил отчетливо и красиво:

Где храбрая дружина
Дралась за край родной.

Поручик впервые слышал неизвестно кем сочиненную песню. Упряжи сытых коней на рысях вынесли батарею легких орудий. Прислуга отстегнула передки, пушки развернули на прямую наводку. Батарея дала несколько залпов по редуту, и дружины двинулись в атаку. Стоян бежал в первой цепи. Редут огрызнулся ружейным огнем.

— Вперед! — крикнул Узунов и его клич подхватили.

— Напред!*

— Само напред!**

Бой нарастал по всему фронту. На помощь ополченцам подоспели владимирцы. Ворвались в редут, заработали штыками, рубились на саблях. Упал Асен. Стоян подскочил, опустился на колени. Вытоптанный снег под Асеном пропитался кровью.

— Санитар! — крикнул Стоян. — Асен, слышишь меня?

Асен открыл глава:

— Напред, поручик, само напред!

Подбежал санитар, занялся раненым.

— Я вернусь, Асен, вернусь, как только возьмем Шипку!..

Наблюдавшие за ходом боя Скобелев и Куропаткин нервничали:

— На левом фланге турки активизировались, и атака по всему фронту явно замедлилась, вот-вот может сорваться.

— Алексей Николаевич, пора ввести резерв.

— Угличан?

— Их!

Угличский полк стоял наготове.

— Полковник Панютин! — едва осадив крутнувшегося коня, прокричал Скобелев. — Побатальонно, под знаменем, с музыкой!

Батальоны перестроились на ходу в две линии, один от другого шагов за пятьсот. Роты разомкнулись, двинулись перебежками.

---

*Напред! — Вперед! *(болг.)*

**Само напред! — Только вперед! *(болг.)*

Скобелев подъехал к Куропаткину возбужденный.

— Теперь для них нет преград, — указал пальцем туда, где уже дрался Угличский полк. — Будем ожидать от Вессель-паши белого флага.

Скобелев разгадал замысел Вессель-паши. Создав перевес сил с восточной стороны, тот бросил у Шейново против левой колонны четырнадцать таборов. Семь батальонов генерала Крока, накануне захватившие первую линию вражеских траншей, с трудом сдерживали натиск османов, Вессель-паша торопил. По его расчетам, он должен был к полудню нанести по колонне Мирского решающий удар. Турки давили численностью. Они наступали в густом тумане, наплывая на траншеи волна за волной. Крок ввел в бой весь наличный резерв, а в штаб в Янину отправил донесение. Генерал просил выслать в его распоряжение еще хотя бы два-три батальона.

Туман рассеивался медленно, поднимаясь к горам, будто занавес на сцене. Вессель-паша бросил в атаку еще четыре табора, накануне снятые с перевалов.

Не покидавший траншею генерал Крок поднял батальоны в контратаку:

— Ребята, солдатушки, выдюжим, выстоим!

Османы не выдержали, откатились во вторую линию. К вечеру Крок доложил Святополк-Мирскому: потери в его батальонах — более полторы тысячи и еще больше раненых...

В штабе колонны спешно созвали совещание. Святополк-Мирский предложил отвести войска к Гюсово и там, укрепившись, дождаться помощи от Радецкого либо от Скобелева.

— Николай Иванович, — заметил Крок, — судя по орудийной и ружейной стрельбе, на западе от Шейново генерал Скобелев уже развернул боевые действия.

— Нам здесь трудно судить, Скобелев ли насел на Вессель-пашу, либо наоборот, — возразил Мирский. — Не забывайте, в Шипко-Шейненском укрепленном лагере тридцатипятитысячная армия.

— Однако, ваше превосходительство, — поднялся полковник Свишевский, — нет нужды ретироваться.

Ночью я со своими саперами укреплю позиции генерала Крока.

— Но условия промерзшего грунта, полковник!

— Верно, ваше превосходительство. Постараемся использовать подручные средства, телеги, бревна, хворост, снеговые завалы.

— Только не отступление, — решительно высказывались другие.

— Хорошо, подождем еще сутки.

— Николай Иванович, пошлите предписание в Казанлык начать наступление на оборону Вессель-паши по левому флангу, — попросил генерал Крок.

Турки начали утро орудийным обстрелом по засевшим стрелковым батальонам. Пушки били с курганов близким прицелом, и потому снаряды падали с перелетом. Потом двинулись таборы. Османы лезли упорно. Даже когда грянули первый и второй ружейный залпы, они продолжали наступать.

Генерал Крок поднял стрелков:

— Либо сейчас, либо никогда!

Удар был настолько неожиданным, что турки попятились. Откуда русские обрели силы? Накануне офицеры и муллы утверждали, что гяуры истощены и таборам предстоит сделать лишь маленький нажим.

А батальоны наседали. Дрогнули османы, побежали. Прорвались стрелки до Секиричева и, захватив несколько редутов и траншей, закрепились...

Весь день не стихали бои с запада и востока от Шипки и Шейново. Войска генерала Скобелева и Святополк-Мирского завершали окружение армии Вессель-паши, а от Шипкинского перевала вниз от деревни Шипка уже начали спуск орловцы и житомирцы, подольцы и другие полки, выдержавшие и сражения, и лютое, морозное шипкинское сидение.

У Шейново турки отходили. Вессель-паша объявил о сдаче...

Изрытая траншеями, ходами сообщений, землянками, погребами с пороховыми и продовольственными за-

пасами, Лысая гора напоминала покрытое язвами лицо человека. На самой ее вершине батарея крупповских орудий жерлами направлена на перевальную дорогу.

Гора заселена так плотно, что напоминала Столетову восточный базар.

Парламентеры российской армии поднимались по крутой тропе под злобными взглядами турок. То и дело раздавались угрожающие выкрики. Толпу в красных фесках сдерживали посланные со Столетовым пленные офицеры.

Впереди Николая Григорьевича идут поручик Узунов с белым флагом, сделанным наспех из льняного полотенца, расшитого петухами, и унтер-офицер с сигнальной трубой.

Генерал внешне спокоен. Он думает о том, какие беды причинила защитникам перевала и эта батарея, и эти турецкие солдаты. Дай им сейчас волю, с какой радостью они люто казнят Столетова и его спутников...

Еще одна мысль не покидала Николая Григорьевича. А вдруг Хаджи-Осман-паша откажется сложить оружие? Сколько же поляжет российских солдат при штурме Лысой горы! Ведь под командой Хаджи-Осман-паши две бригады, почти десять тысяч солдат и офицеров...

— Стоян Андреевич, — позвал Столетов поручика Узунова, — капитан Николов говорил, у вас в Систово невеста?

Поручик замедлил шаг, почувствовал, как краснеет.

— Ваше превосходительство, капитан Николов сказал правду, но я еще не получил согласия графини Росицы.

— Когда мы возвратимся в ополчение, я предоставлю вам отпуск для поездки в Систово.

— Благодарю, ваше превосходительство.

Стоян хотел сказать о том, что он обязан побывать и на родине Асена. Там должны знать, как погиб их земляк.

Шагавшие впереди турецкие офицеры вдруг остановились, вытянулись. Перед ними стоял худой, одетый в генеральскую форму, совсем не старый турок с ястребиным носом и лицом, наполовину заросшим смоляной бородой. Его зоркие глаза пронзительно смотрели на русского генерала. И еще Стоян заметил, что русских парламентеров окружает плотная стена турок с гневными лицами, готовых по первому знаку броситься на них.

— Передайте, — сказал Столетов,— я уполномочен генералом Скобелевым предложить вам условия почетной капитуляции. — Дождался, пока сопровождавший турецкий офицер перевел.

Хаджи-Осман ответил хмуро:

— Ваши условия не принимаются, — заговорил переводчик. — Хаджи-Осман-паша готов сопротивляться.

— Но армия Вессель-паши не выдержала нашего натиска и ему не на кого рассчитывать.

И снова резко заговорил Хаджи-Осман. Офицер переводил:

— Да Хаджи-Осман знает, что помощи ему не дождаться, но, если русские намерены взять его позиции, он отдаст их.

— Будет много крови, и турецкой, и русской.

— Пусть нас рассудит Аллах, но я выполню свой долг.

— Вам приказывает сложить оружие ваш непосредственный начальник, Вессель-паша.

— Я не вижу его предписания.

— Они при мне, получите.

Столетов передал записку офицеру, тот вручил Хаджи-Осману. Паша прочитал, тяжело поднял голову:

— Подчиняюсь приказу. А это распоряжение я сохраню, чтобы оправдаться перед судом великого султана.

Узнав о капитуляции Вессель-паши, Сулейман мрачно произнес:

— Так угодно Аллаху.

И ни слова, как Шипко-Шейненским отрядом оплатил собственное спасение.

Когда стало ясно, что армия Гурко обошла Араб-Конак и окружает Софию, Сулейман-паша срочно принял решение: отвести армию в Татар-Пазарджик, предвари-

тельно расчленив ее на две группировки. Западная, тридцатипятитысячная, отступила на Радомир и Дубницу, восточная, состоявшая из войск, оборонявших Араб-Конакский перевал и Елатипу, а также таборов Восточно-Дунайской армии, сосредоточилась в Ихтиманских горах.

Получив предписание военного министра Рауф-паши лично возглавить ихтиманскую оборону, Сулейман-паша разразился бранью. Он никогда не считал Рауф-пашу способным военачальником и не скрывал своего к нему неуважения. Приказ обороняться в Ихтиманских горах нарушил план Сулейман-паши. Он рассчитывал сконцентрировать силы у Татар-Пазарджика, отойти к Адрианополю, создав здесь заслон дальнейшему продвижению армии Гурко. Сулейман-паша убежден: в Ихтиманских горах единой оборонительной системы не построить, тем более, по данным разведки, Гурко расчленил свой отряд на четыре колонны, дал задание окружить главные силы Сулейман-паши.

Первая же попытка сдержать продвижение колонны генерала Вельяминова у Самаково потерпела неудачу. Частью сил Сулейман-паша двинулся через Македонию на Солоники, частью — к Филиппополю. Шувалов теснил Шакир-пашу, который покинул Панагюриште и отходил под ударами Криденера и Шильдер-Шульднера...

Дороги турецких генералов сходились в Татар-Пазарджике, где стоял Фауд-паша.

Глава 10

Боевые действия в Забалканье развивались успешно. Заняв Софию, Гурко оказался на правом фланге Дунайской армии.

От гвардии требовалось развивать наступление, отвлечь на себя часть таборов, накрывавший перевал. Собрав генералов, Гурко говорил:

— Наша задача: не дать уйти Сулейману. Мы разделили наш отряд на четыре колонны и будем действовать вагоном, господа, как охотники... Сулейман будет искать наши слабые места, чтобы прорваться к Татар-Пазарджику, где соединится с Фауд-пашой. Повернулся к Нагловскому: — Исходите из этого, Дмитрий Степанович, в разработке нашего стратегического плана.

Начальник штаба легким кивком выразил согласие. А Гурко продолжал:

— Господа, — посмотрел на Шувалова, Вельяминова и других генералов, — держите этого матерого волчищу Сулеймана в постоянном напряжении...

Когда совещание закончилось и генералы, назначенные начальниками колонн, вышли, Гурко сказал Нагловскому и Рауху:

— Перед начальниками колонн мы поставили трудную задачу. Они вынуждены действовать ослабленными силами. Наш отряд требует хотя бы кратковременной передышки. В переходе через перевал и в боях у Софии мы понесли большой урон, погибли прекрасные генералы.

— Переход через зимние Балканы войдет в учебники по военному искусству, Иосиф Владимирович, — заметил Нагловский, — великий подвиг совершила российская армия.

— Это так, Дмитрий Степанович, но согласитесь, российский солдат, когда в гору взбирался по брюхо в снегу, в ущельях замерзал, не о славе думал, он долг перед отечеством выполнял. А коли о нас Россия когда вспомнит, то и на том спасибо.

— Там, на перевале, — вставил Раух, — я говорил, на такое можно решиться раз в жизни.

— Да, господа, однако чую и по телефонограммам сужу, не все в генеральном штабе нами довольны. Поди, еще дохлых собак на нас повесят, — усмехнулся Гурко.

— Весьма возможно, — согласился Раух...

И в своих предположениях Иосиф Владимирович оказался недалеко от истины. В штабе Дунайской армии тон задал Непокойчицкий. Ссылаясь на генерала Обручева, начальник штаба, питавший неприязнь к Гурко, говорил военному министру:

— То, что отряд перешел в Забалканье, это одна сторона медали. И то, что совершил генерал Гурко с гвар-

дией, составляет ему честь. Но все ли они выполняют, как это было предусмотрено нашим планом, а к ним, как вам известно, ваше превосходительство, причастен и генерал Обручев? Вот вам примеры, они ясны, как Божий день: генерал Шувалов промедлил, топтался у Ихтимана, Вельяминов от Самаково не дошел до Дольней Вани, Криденер вместо того, чтобы занять Панагориште, остановился у Мечки. И вообще план окружения восточной группировки Сулейман-паши у Панагориште сорвался по вине командующих колоннами, — брюзжал Непокойчицкий. — А как ведет себя Шильдер-Шульднер...

Вошел генерал Обручев, склонился над картой. В другой комнате стучал телеграф. Начальник штаба перешел к телеграфу.

— Есть сведения, что Волынский полк вступил в Панагориште? — спросил Милютин.

Обручев нахмурился:

— Да, ваше превосходительство, но не полку надо быть там, а всей колонне генерала Криденера, как предусматривали, и, не мешкая, преследовать Шакир-пашу. Упущением Криденера не преминет воспользоваться Сулейман... Я понимаю генерала Гурко, условия не идеальные, но у него гвардия, цвет нашей армии.

— Император ожидает решительных действий в районе Татар-Пазарджика. В этом его заверил главнокомандующий.

Обручев укоризненно покачал головой:

— Заверения еще не означают окружения неприятеля. При таком продвижении наших колонн Сулейман-паша оторвется от армии Гурко и уйдет к Адрианополю, где сегодня полным ходом ведутся строительные работы.

— Я посоветую великому князю учесть эти замечания, но прошу понять меня, приказать главнокомандующему выше моих возможностей. Когда император прибыл в Кишинев, то сразу оговорил, что ни он, ни я как военный министр в оперативные дела Дунайской армии вмешиваться не будем.

— Возможно, государю и не следует, но вам, Дмитрий Алексеевич, при таком главнокомандующем, тем

паче при начальнике штаба Непокойчицком, отстраняться от решения вопросов, от коих зависит, как скоро мы закончим турецкую кампанию, не следовало бы.

Милютин насупил брови, отчего стал похож на обиженного мальчика.

— Не забывайте, главнокомандующий родной брат императора.

— То и прискорбно при полководческих способностях великого князя.

— Князь Горчаков докладывал государю об усилении агрессивности англичан в связи с нашим продвижением на Балканах. Меня, как военного министра, тревожат не только военные крейсера Британской империи, какие могут появляться в проливах, но и возможный альянс англичан с австрийцами, что на руку и пруссакам.

— Тем паче это требует от генерала Гурко решительного продвижения к Адрианополю. А австрийцы бряцают оружием с той поры, когда мы появились на Дунае.

— Убежден, когда замолкнут пушки, дипломаты, усевшись за стол переговоров, дружно набросятся на нашего министра иностранных дел. Каждая из держав постарается урвать для себя лакомый кусок.

— Ну, вас, ваше превосходительство, упрекнуть будет не в чем. Мы выполнили миссию, дали свободу болгарам.

— Естественно. Однако историки трактовали и будут трактовать историю, как угодно политике. Они, заверяю вас, постараются найти криминал у России. Наше внешнеполитическое упущение в том, что мы еще до начала военных действий видели лишь одного противника — Османскую Порту, но забывали Британию, коя постарается использовать турецкую армию для ослабления России, дабы умалить влияние российское на Кавказе и в Туркестане. Всем нам понятна воинственная речь Биконсфилда на банкете в Эймстери за год до нашей кампании. Биконсфилд откровенно призывал к крестовому походу против России. Однако мы к этому отнеслись благодушно, как к лепету малого ребенка.

На Рождество полковой священник отслужил молебен, преображенцам преподнесли по чарке, и хотя полк был на марше, кашевары приготовили горячую пищу.

Поел Силантий Егоров сытно, силы прибыло. Повеселели гвардейцы, да и что ни день, все ближе конец войны, турки отступают к югу, преображенцы преследуют их неустанно. Идут протоптанной дорогой, а вокруг намело высокие сугробы.

— Сичень зиме середка! — говорят солдаты. — Снегов надуло, знать, к урожаю хлебному.

— С января отелы радуют душу. Бывало, телка еще мокренького внесешь в избу, он ножки разомнет, трясется, а детишкам в радость.

— Эх, тоска-кручина, крестьянские страдания...

На пятые сутки подступили преображенцы к Татар-Пазарджику.

— Видать, жаркое дело будет, — решили гвардейцы. — Эвона, все наши до кучи собираются.

Свернули преображенцы в сторону, в заснеженное поле, устроили бивак побатальонно. Достали из вещевых мешков нательное чистое белье, за неимением бани растерлись снегом и переоделись.

— На суде Господнем солдат российский телом и душой по всей форме чистым стоять должен...

Многими дорогами подтягивались к Татар-Пазарджику колонны отряда генерала Гурко, стремились окружить турецкую армию...

Предугадав намерения Гурко, Сулейман-паша ночью отвел войска к Адрианополю.

Угрюмо наблюдал Сулейман-паша, как табор за табором проходили мимо него войска. Нет, никогда не думал он, привыкший к победе и славе, что доживет до такого поворота — видеть, как бегут его аскеры. Его, Сулеймана, армию гонят, подобно стаду баранов.

Темнеют воды Марицы-реки, несут ледяную шугу. Берет начало Марица с отрогов гор Родоп и своим верхним течением с запада на восток орошает обширную Филиппопольскую равнину, а затем Адрианопольскую.

В верхнем течении Марины, при впадении в нее реки Половины, лежит город Татар-Пазарджик.

Молчаливо сгрудились за спиной Сулеймана военачальники. Скоро, совсем скоро нести им ответ перед судом Абдул-Хамида. Как и какими словами будут оправдываться? Разве примут старые, мудрые судьи султана речь Сулеймана, что не по его вине завязли таборы на Шипке, и кому знать, может, сегодня Аллах был бы милостив к судьбе Оттоманской Порты?

Неожиданно Сулейман-паша говорит вслух:

— Когда повезут меня через ворота Орта Капуси* и палач занесет над моей шеей секиру, скажу я словами Пророка: судьба каждого правоверного записана в священной книге Аллаха. — Чуть повременив, Сулейман-паша подозвал Фауд-пашу:

— Достойный Фауд, ты покинешь Татар-Пазарджик, когда последний табор уйдет из города...

Стамбульская осень уступала зиме. Обычно зима здесь мягкая и снега с морозами редкие. Случится, лягут, а вскорости черноморские сырые ветры съедят без остатка. Оттого не только хижины бедняков, но и дома знати без обогрева.

Однако в тот военный год зима грозила быть суровой. Начались ранние для Стамбула заморозки, подули северо-восточные ветры. Но не предстоящая зима пугала османов, страшила приближающаяся армия гяуров.

В глубокой печали пребывал Стамбул.

Замерли шумные базары, по велению султана закрылись кофейни и курильницу, собиравшие по издавна заведенным традициям любителей дурманящего синего дыма, и даже сладострастные фурии, от чьих объятий не устоит настоящий мужчина, замкнулись в своих жилищах. Не слышно духовых оркестров, а в мечетях муллы посылали проклятия на головы неверных, взывали к милости Аллаха.

Тихо во дворце, будто нет в нем жизни. Военный совет при султане высказался за перемирие с Россией, и об этом послы Абдул-Хамида известили царя Александра, но ответа пока нет, а генерал Гурко наступает.

---

* Ворота Орта Капуси вели во двор, где казнили знатных сановников.

Сулейман-паша обещает задержать продвижение российской армии у Татар-Пазарджика, но султан сомневается: если не устоял на перевалах, то теперь, когда пленен Вессель-паша и все таборы пятятся на юг, слова Сулеймана просто пустой звук.

Если Гурко возьмет Адрианополь, перед ним откроется дорога на Стамбул...

Прежде чем обратиться с посланием о перемирии, Абдул-Хамид имел тайную встречу с британским послом. Султан принимал Лайарда в зале Дивана. Сухой, маленький властелин Оттоманской империи, с бриллиантовой звездой на груди, смотрел на английского посла, приподняв голову. Вел речь вкрадчиво. Он спрашивал Лайарда, какие шаги предпримет Англия, если русские вступят в Стамбул? На что британский посол ответил вопросом на вопрос:

— Насколько я понимаю, сегодня турецкое правительство не возражает, чтобы британская эскадра сменила место своей стоянки в Безикской бухте на проливы?

Молчаливым кивком Абдул-Хамид выразил согласие. О чем сэр Лайард немедленно сообщил в Лондон.

Королева Виктория обратилась к кабинету, требуя принять срочные меры по спасению Турции. Биконсфилд убеждал лордов, но единодушия не встретил. Министр иностранных дел лорд Дерби пригрозил Биконсфилду отставкой, а статс-секретарь по делам колоний Карнарвак, указывая пальцем на премьера, заявил категорично:

— Лорд Биконсфилд уповает на помощь британского флота, забывая, что российский солдат в состоянии перейти индийскую границу...

Из окон султанского дворца видно синее море и военные корабли Оттоманской Порты на рейде. О, дорого бы дал сейчас султан, увидев, как поднимают босфорскую волну эсминцы королевы Виктории.

— О, Аллах, — шепчет Абдул-Хамил и закатывает глаза. — Я соглашусь открыть инглизам бухту Золотой Рог. Может, орудия флота ее величества спасут Стамбул от гяуров...

Но напрасно ожидал он от Англии конкретных действий...

Возвратившись из мечети Зюба-Джами, султан, полулежа на тахте, принимал своего министра иностранных дел. Саффет-паша явился с малоутешительным известием. Император российский, отбывая в Петербург, перепоручил ведение переговоров своему брату, главнокомандующему Дунайской армией, при условии безоговорочного принятия всех требований России. Султан сел, поджав ноги:

— Гяуры занесли над нами ятаган, и мы должны предупредить их, даже горькой ценой.

— Великий султан, они лишают нас народов и земель, веками приносящих нам изобилие.

Абдул-Хамид кивнул бородой.

— У Оттоманской Порты отнимают жемчужину, равную той, какую потерял бы Лондон, забери у него Индию... Россия имеет виды не только на Балканы, но и на Кавказ: Батум и Карс, Ардаган и Баязет... Она намерена запустить руку в казну Порты. Но мы бессильны и пошлем к царю своих послов. История Турции не знала подобного позора и унижения. Со времени достойного Баязета стены византийского Царьграда потрясали османы, а сын Мурада Магомет удостоил Царьград стать столицей Блистательной Порты. Но сегодня мы вынуждены сесть за стол переговоров, потому как вот-вот застучат в ворота Стамбула, а проклятые инглизы дальше посул не идут, хотя обещали помочь нам, когда Порте будет трудно.

— За поступками царя виден хитрый лис Горчаков, — вставил Саффет-паша.

— Что мог бы даже самый мудрый министр, не имей царь Александр столь храбрых солдат и достойных офицеров? Мои уши все время слышат имена Гурко-паши, белого паши Скобелева, Тотлебен-паши, и зимой отыскавших путь через Балканы. А Сулейман-паша и летом бился своей глупой головой о Шипку. Аллах наказал меня недостойными аскерами, трусливыми, как зайцы, а наши уподобились ослам. Даже храбрые янычары, моя надежда и верная опора, не в состоянии остановить

гяуров... Ты думаешь, Саффет-паша, зачем русский царь отправил нас на переговоры к главнокомандующему? Он затягивает время, чтобы этот проклятый барс Гурко взял Адрианополь и тогда урусы приставят штык к нашему горлу. Они хотят продиктовать нам свои условия... Но, Саффет-паша, мы будем достойными зрителями на конференции, где будут ощипывать наших победителей. Интересы Порты представит Лондон, хотят того инглизы или нет. Им не безразлично, в чьих руках ключи от проливов, а Вене и Берлину — где установит Россия свои пограничные столбы. И да будем уповать на помощь Пророка...

Накануне отъезда в Санкт-Петербург Александр Второй изъявил желание собственными глазами увидеть горные вершины, какими прошла гвардия на Софию.

В поездке императора сопровождал главнокомандующий, военный министр и министр иностранных дел.

Кареты и коляски катили по заранее расчищенному перевалу, ничем не напоминающему о недавних жестоких боях. Траншеи и орудийные дворики умиротворенно лежали, присыпанные снегом. Дороги охраняли усиленные пикеты. Впереди справа по тропе шел лейб-гвардии Кубанский казачий эскадрон, за ним по отделениям сводная гвардейская рота, потом взвод гвардейских саперов и команда пешей артиллерии. Замыкал государев конвой полуэскадрон всех гвардейских кавалерийских полков.

На самой вершине царь велел остановиться. Вышел из кареты. Дул пронзительный ветер, сыпала пороша. Александр зябко поежился. Сказал стоявшему позади великому князю:

— Здесь прошла моя гвардия, Николай, цвет российского войска, моя опора, гордость России... Я всегда отдавал должное военному таланту генерала Гурко, но то, как он провел гвардейцев через зимние Балканы, чудесам подобно.

Помолчал, посмотрел по сторонам.

— Военные действия заканчиваются и я, Николай, думаю о том, не отозвать ли мне Гурко в Петербург для дальнейшего использования по службе?

— И когда, ваше величество, вы намерены это сделать?

— Думаю, по окончании боевых действий.

Великий князь промолчал. У царствующего брата все зависит от настроения. Сегодня он говорит одно, окончится война, кто знает, какое решение примет.

Разминая затекшие ноги, Николай указал на дальнюю горную синеву:

— Там, за хребтом Стара Планина, и откроется София.

Александр промолчал. Его уже занимали иные мысли. По мере продвижения армии к Стамбулу Александра охватывало чувство раздвоенности. Вступить в древний Константинополь, столицу Византийской империи. Не об этом ли мечтала императрица Екатерина? Византия, давшая Руси христианство. От ее басилевсов повелось на Руси венчание на царство...

Овладеть Константинополем, взять в свои руки ключи от черноморских проливов...

Велик соблазн, но реальность отодвигала то, чего так жаждал и о чем говорил лишь в интимных беседах с близкими.

Но сегодня даже родной брат Николай, ни тем более военный министр Милютин и канцлер Горчаков и слышать не желают, чтобы гвардия вступила в Стамбул. Александр именует его Константинополем.

Александр садится в карету, велит возвращаться назад, в Порадим. Он мысленно видит себя на белом коне, въезжающим в город впереди полков, четко, как на параде, печатающих шаг...

Говорит недовольно брату, великому князю:

— Ты вместе с Горчаковым и Милютиным отнимаешь у меня мое сокровенное — почувствовать себя хозяином Константинополя и Босфора, насладиться Золотым Рогом и гаванью. Я считал, что наконец-то отдам дань поруганному османами Царьграду.

— Твоя минутная слабость, брат, может стоить России всего, чего достигли этой кампанией.

— С того времени, когда Россия встала на черноморских берегах, мы имеем на проливы такие же права, как и Оттоманская Порта. Но какое отношение к Дарданеллам и Босфору у Англии? — Помолчал, снова заговорил: — Я возвращаюсь в Петербург. Дальнейшее будет зависеть не только от нас.

— Ты намерен вернуться в столицу, не ожидая окончания кампании?

— Она фактически завершена. Я желал финиша в Константинополе, но, к огорчению, от меня сие не зависит... Теперь, когда генерал Гурко приближается к Константинополю и недалек тот час, когда он властно постучит в его ворота, ты с Горчаковым и Милютиным не позволяете это сделать. — Свел брови, посмотрел в окошко кареты на горы, сказал снова: — В Петербург меня зовут обстоятельства.

— Ты имеешь ввиду беспорядки на Патронном?

— Они, как тебе известно, имели место не только на одном заводе. Здесь, среди моих верных солдат, я чувствую себя в безопасности больше, чем в Петербурге, где развелось слишком много разного рода нигилистов, но мой долг лично проследить, как выкорчевывается всякая крамола. В России нет места безумному свободомыслию, от коего одно неустройство государственное...

— Оттоманская Порта запросила перемирия. — Александр Второй и князь Горчаков стояли друг против друга в сияющем от чистоты салон-вагоне царского поезда. — Я велел великому князю Николаю Николаевичу при ведении переговоров не допускать уступок. — Император холодно смотрел на министра иностранных дел. — Наши союзники румыны, сербы и черногорцы должны иметь полную независимость. Я желал бы того для Боснии и Герцеговины, но вы, князь, сами говорили, нам необходимо успокоить австрийцев, потому мы согласны на автономию и протекторат.

— Ваше величество, — Горчаков ежился, зяб по-стариковски, — Австрия все более и более принимает враждебное к нам положение и сближается с Англией. Россию будут склонять на автономию Болгарии под протекторатом Турции либо Австро-Венгрии.

— Мы уже это слышали.

— Но при нынешней ситуации...

— Нынешняя ситуация, князь, поставила нас в положение победительницы.

— Ваше величество, иногда и в победах ощущается горечь. Достаточно вспомнить Кавказскую войну. Шестьдесят лет мы покоряли многоплеменный Кавказ. Замирили от Каспия до Черноморья, но какой ценой! И что скажет история, будущее об отъезде миллиона черкесов?

— Они покинули Россию, подстрекаемые турецкими эмиссарами.

— Вы правы, ваше величество, происки Турции. Но куда смотрели наши военные, наконец, дипломаты, допустившие, чтобы народ покинул родину, могилы предков и скитался на чужбине?

— То прошлое, князь, ему четверть века, вернитесь ко дню сегодняшнему.

— Простите, ваше величество, — Горчаков слегка поклонился. — Из Вены Николов пишет: Дьюла Андраши готовит ноту России. Он протестует против создания на Балканах независимого славянского государства Болгарии. Андраши ссылается при этом на нарушение нами Рейхштадтского и Будапештского соглашений. Как бы нам ни было трудно, а мы обязаны отстаивать свободу Болгарии...

— Я иначе мир и не мыслю. Разве не ради этого сражался российский солдат на Шипке и вел гвардию через зимние Балканы Гурко? Знаете, Александр Михайлович, этот генерал своими боевыми действиями радует меня, равно тому, как злит Абдул-Хамида и наводит страх на турецких военачальников. Да, да, великий князь Николай Николаевич сядет за стол переговоров, когда генерал Гурко овладеет Адрианополем и начнет победоносный марш на Стамбул. Вот тогда турецкая де-

легация будет покорно принимать те условия, какие мы им продиктуем.

— Турки подпишут, но согласится ли с такими условиями Европа?

— Когда сапоги пруссаков топтали землю Франции и Бисмарк содрал с них контрибуцию, Европа молчала. Так почему же, когда моя армия шагает по османской империи и несет освобождение славянам, я слышу дикий визг Европы?

— Я разделяю с вами, государь, этот протест. Россия стоит у Европы словно кость поперек горла.

— Не отрицаю.

— В связи с этим, ваше величество, у меня есть сообщение посла из Лондона — графа Шувалова: адмирал Хорбни получил предписание ввести флот в проливы и расчехлить орудия.

— Звон якорных цепей услаждает слух Абдул-Хамида и его визирей и рассчитан на то, чтобы успокоить их. Что касается нас, то мы прекрасно понимаем, что это непомерно жадная, обрюзгшая старуха Виктория трясет оружием, стараясь запугать Россию. Видит Бог, лорд Биконсфилд движет эскадру из Безикской бухты к проливам и обратно, как неуверенный шахматист фигуры... Мне кажется, любимец королевы лорд Биконсфилд был более последовательным, когда носил просто имя Дизи.

— Я думаю, ваше величество, этим актом Биконсфилд пытается поднять дух турецкой делегации, когда она сядет за стол переговоров.

— Весьма возможно. Но если это так, то могу сказать, Биконсфилд от Дизи недалеко ушел, также пачкает в свои штанишки.

— С вами, ваше величество, нельзя не согласиться, однако лорд Биконсфилд ненавидит нас не меньше, чем когда он носил короткие штанишки юного Дизи. И прежде, и теперь британский кабинет охотнее воевал бы с нами австро-венгерскими солдатами. Но нам все-таки будет довольно неприятно, если введем армию в Стамбул под жерлами пушек английской эскадры. Тем более на ратные подвиги кабинет лордов усиленно подбивает королева Виктория.

Александр поморщился:

— От грязной ганноверской свиньи визга и в молодости было предостаточно, но вы все оказываете на меня нажим, даже брат Николай, и я вынужден вам уступать. Хотя убежден: российские стяги над Стамбулом сделали бы султана более уступчивым при подписании мира.

— Но, ваше величество, это увеличит агрессивность Биконсфилда, Андраши и Бисмарка на предстоящем конгрессе, коего нам никак не избежать. Перед российской дипломатией нелегкая задача — отстоять условия мирного договора, каковой мы заключим с Портой.

— Вы считаете, Европа настоит на конгрессе?

— Ваше величество, это реальность.

— Александр Михайлович, я понимаю, мы вынуждены будем согласиться на мирный конгресс, если таковой потребуется, и вам на нем предстоит не единожды скрещивать шпаги, не уступайте достигнутого российской армией... Для России славянский вопрос — ее собственное дело, здесь полумерами не обойтись. Когда конгресс, дорогой Александр Михайлович, станет реальностью, заранее уведомите Лондон, Вену и Берлин: мы готовы вести разговор лишь по вопросам, затрагивающим общеевропейские интересы. Я имею в виду проливы.

— Именно об этом, ваше величество, я уже уведомил советника Жомини. По остальным пунктам мирного договора с Оттоманской Портой Россия сохранит твердость, даже если нас оставят в одиночестве, а уж коварная троица к тому стремится.

— Уповаю на вашу мудрость, князь, не знаю, какой наградой и одарить вас.

— Покоя жду вечного, ваше величество, а Господь и Россия воздадут мне должное.

Александр отвернулся, бросил раздраженно:

— Вы свободны...

В тот же день в доверительной беседе Горчаков сказал Милютину:

— Армия, любезный Дмитрий Алексеевич, исполнила свой долг, теперь слово за дипломатией. Однако пре-

движу баталии грознее плевненских. Биконсфилд, Андраши и Бисмарк мечтают видеть нас в положении Осман-паши, ан мы не турки.

— Согласен с вами, Александр Михайлович, на Германию сегодня мало надежды. Она держится довольно определенно, заявляя, что должна щадить Австрию.

— Скажу вам больше, любезный Дмитрий Алексеевич, я начинаю улавливать, как даже Франция поддакивает Англии. Складывается впечатление, что против России опять вся Европа. Вот вам и библейское: благодеяние наказуемо.

— Вы имеете в виду?..

— Опять-таки Францию, каковую немногим более двух лет назад Россия спасла от пруссаков.

— Не ошибаетесь ли вы, Александр Михайлович, в своем суждении о французском правительстве?

— Мое чутье меня не подводило. Стоит лишь проанализировать последнее заявление герцога Деказа.

— Но он только министр иностранных дел Франции.

— Любезный Дмитрий Алексеевич, хочу напомнить вам: известные действия министров иностранных дел есть отражение внешней политики государств. — Горчаков потер руки, сказал с чувством какой-то горечи: — Ах, как бы я желал, чтобы мой тонкий нюх на сей раз обманул меня...

Преображенец Силантий Егоров под Филиппополем сражался в самом горячем месте, где преображенцам предстояло перекрыть дорогу армии Сулейман-паши.

Сражение хотя и было неудачным для турок, но Сулейману-паше, однако, удалось прорваться и увести таборы на Адрианополь. Но Гурко преследовал его. Сулейман-паша думает: этот гяур буквально кусает его за пятки.

Турецкий военачальник злой. Готовый предстать перед грозными очами Абдул-Хамида, вот уже несколько суток проведя без сна, он последними словами поносит гяура Гурко, и никак не может взять в толк, как ему удалось перебраться зимой черев Балканы, и, сохранив силы, не давать передышки турецким военачальникам,

и даже оказать помощь генералу Радецкому пленить Вессель-пашу. А теперь белый генерал Скобелев тоже включился в погоню за ним, Сулейман-пашой.

Уводя таборы, Сулейман-паша решил, Гурко настигает его и он поворачивает таборы с Адрианопольской дороги на Деде-Агач...

Идет преображенец Силантий Егоров, месит грязь. Он, как и другие солдаты, далек от стратегии высшего командования и дипломатических перипетий. Им всем виделось одно: конец войны и Дунайская армия, завершив освобождение болгар, возвратится домой в Россию...

Преображенцы идут в авангарде колонн. Обочь дороги остановил коня генерал Гурко, приподнялся в стременах, кричит:

— Поспешай, братцы, догоняй Сулеймана! Впереди Адрианополь, а там и Стамбул. В России и передохнем, братцы!

Авангард не делал привалов на обед, двигался до ночи, пожуют солдаты сухари, водой запьют и шагают дальше. И только когда сгустятся сумерки, остановит Гурко колонну и загорятся костры биваков. У костров обсушатся солдаты, чайку горячего попьют либо кипяточку, а спозаранку снова в путь.

С начала кампании Силантий Егоров счет верстам потерял, казенные сапоги того и гляди развалятся. На коротких привалах поднесет Силантий сапоги к костру, постучит заскорузлым ногтем по подошве, удивленно покачает головой, на чем только и держится...

Скажет удивленно:

— Это же надо в разум взять, солдат российский Силантий Егоров на своих двоих столь земель исходил, чего только не повидал. Бог даст, может, и главный город османов поглядеть доведется...

Главный город турецкий Силантию поглядеть не довелось, а вот Адрианополь увидал. Вывесили турки белый флаг, слабы оказались перед российским солдатом Силантием Егоровым... Убедившись, что Сулейман-паша изменил маршрут отступления и свернул на Деде-Агач к морю, Гурко с начальником штаба задумались.

— А не намерился ли Сулейман сыграть с нами в кошки-мышки?

— Вы, Иосиф Владимирович, думаете, что он может повести таборы вдоль моря?

— Как сказать, а предвидеть должны.

Созвали на совет генералов, и Гурко принял решение: за Сулейманом вслед пойдут с отрядами генералы Шувалов и Вельяминов, дабы встретить его с двух сторон и принудить сложить оружие.

О том и генерала Скобелева упредили. В тот же день вызвал Иосиф Владимирович генерала Краснова:

— Данил Васильевич, к тебе и твоим казачкам у меня просьба. Знаю, кони ваши подбились и люди устали.

— Да ты скажи, Иосиф Владимирович, що надо?

— Надо, Данил Васильевич, опередив колонны и не давая туркам опомниться, встать у ворот Адрианополя.

Оставив значительную часть болгарского войска конвоировать плененную армию Вессель-паши, Столетов со штабом вел ополченцев к Адрианополю вслед за армией генерала Гурко. Сохраняя дистанцию, за казаками генерала Краснова шли гвардейские полки. Летели на ветру расчехленные знамена, шагали ополченцы. По всей дороге болгары восторженно встречали освободителей. Впереди ополчения ехал Столетов. Сердце генерала наполняла гордость, не меньшая той, какую ощущали и дружинники, и народ, запрудивший обочину. К Адрианополю подходила российская армия и с нею болгарские войники. Вот они шагают в национальной форме, будущее армии свободной Болгарии.

На рысях проскакал Гурко со свитой.

Съехав в сторону, он натянул повод. Мимо него проходили полки, ездовые сдерживали конные упряжки, гремели колеса орудий, зарядных ящиков.

Завидев генерала, солдаты еще больше подтягивались. Гурко подал знак Столетову, тот подъехал, встал рядом. Мимо проходили ополченцы. Столетов каждого из них знал в лицо и по имени, они, его воины, дороги ему, как собственные дети, ибо он, генерал, стоял у колыбели формирования ополчения. Многие из них были под Самарским знаменем на плоештинском лугу, немало полегло под Загорой и на Шипке, у Шейново и в других боях, и похороненные в братских могилах, лежат они рядом с российскими солдатами, а на место погибших каждый день приходят новые ополченцы...

Пропускал Столетов дружины, всматривался в воинов и вспоминал разговор с царем. Побывав на Шипке уже после капитуляции Хаджи-Осман-паши, Александр Второй сказал Столетову:

— Я с почтением относился к защитникам перевала, генерал, но увиденное превзошло мое представление о мужестве и воинском союзе российских и болгарских воинов. Передайте это ополченцам, генерал.

На что Столетов ответил:

— Ваше величество, созданное с вашего высочайшего соизволения и с помощью российской болгарское ополчение глубоко благодарно за честь с оружием сражаться за свою свободу и независимость.

— Да-да, поблагодарите дружинников...

Воспоминания Столетова прервал генерал Гурко:

— Будущая болгарская армия, Николай Григорьевич, должна с благодарностью помнить школу генерала Столетова...

Неожиданно, провожая взглядом проходившее ополчение, спросил:

— Извините, Николай Григорьевич, мое любопытство, нашел ли себе невесту поручик Узунов?

Столетов улыбнулся:

— Отыскал, ваше превосходительство, в Систово.

— Это хорошо, славянской дружбе надлежит крепнуть...

Поручик Узунов догнал ополчение под Адрианополем. Здесь его ждало письмо брата. Как и прежде, Василько подробно рассказывал о боевых делах в Забалканье, о ночном штурме первоклассной крепости Карс и что турки отступают, а Кавказская армия приближается к Эрзруму...

Мысленно Стоян увидел Василька, да так зримо, отчетливо, с его мягкой доброй улыбкой, открытыми светлыми глазами и ямочками на щеках...

На первом же привале Стоян сел за письмо брату.

В предместье Адрианополя Гурко остановил войска.

Вокруг города, к степному холмистому раздолью подходили дивизии, бригады, полки, батареи на конной тяге, зарядные ящики, фуры обоза, санитарные двуколки. Становились в море седого ковыля. И тотчас же ездовые разворачивали орудия жерлами на вражеский город.

Пятьдесят лет, со времен Русско-турецкой войны 1889 года не видели турки у стен Адрианополя такого скопления российских войск. И эта огромная армия генерала Гурко готова была идти на Стамбул.

Дивизии, бригады, полки охватили Адрианополь, ждут часа наступления... И тогда открылись городские ворота и делегация адрианопольских старейшин вышла навстречу русскому генералу.

Иосиф Владимирович сошел с коня, в окружении свиты и штаба подождал, когда делегация приблизилась. Ответил поклоном на поклон.

Городской голова в шелковом халате и зеленой чалме с подобострастной улыбкой заговорил, а рыжий турок-толмач переводил:

— Всемилостивейший Аллах наказал правоверных, и войска генерала Гурку-хана явились к городу светлого султана Абдул-Хамида. Мудрый и великий султан приказал не сопротивляться, сдать город Гурку-хану. Мы — пыль у ног великого султана и не смеем ослушаться его. Но мы просим милостью Аллаха мудрого и милосердного, не вели, Гурку-хан, своим аскерам занимать город. В городе нет таборов, они ушли с Сулейман-пашой.

Слушал Иосиф Владимирович, хмурился. Но вот он заговорил:

— Если в Адрианополе нет войск, гвардия не станет вступать в город. Город займет лейб-гвардии Московский полк, а комендантом назначаю генерала графа Шувалова. — Повернулся к свите: — Господа, определите дивизии и соединения на бивак согласно диспозиции.

С театра военных действий пришла радостная весть: войска генерала Гурко овладели Адрианополем. Российская армия готова начать марш к сердцу Оттоманской Порты.

По этому поводу в Санкт-Петербурге в Зимнем дворце давали бал. Гремела музыка, и все разговоры сводились к близкому скончанию войны. Царь не скрывал радости. Ухаживая за Долгоруковой, он бравировал:

— Нас отделяет от Константинополя всего сто пятьдесят верст. Представьте, Катенька, это как от Москвы до Рязани.

Государь говорил это своей возлюбленной Катеньке Долгоруковой, с которой его связывала десятилетняя любовь с той первой парижской встречи, Катеньке, ставшей после смерти жены Марии Александровны его морганатической женой.

Тогда, на балу, Александр наказывал Горчакову:

— В Сан-Стафано мы должны показать свой характер. Надо поставить Европу перед свершившимся фактом.

День только начинался, а гвардия уже изготовилась: конные и пешие дивизии, бригады, полки, артиллерия. Двинулись из адрианопольского предместья по дороге, которая вела на Стамбул. Сопровождаемый денщиком и несколькими адъютантами, в сопровождении штаба и конвоя проскакал генерал Гурко, приветствовал войска на ходу. Ему дружно отвечали.

По данным разведки, турки не готовы к сопротивлению. Однако Иосиф Владимирович предчувствовал: взять Стамбул, столицу Оттоманской Порты, ему не дадут. Уже было известно, в защиту турецкой империи на Россию набросилась вся Европа. Европейская дипломатия даст бой российской делегации на конгрессе. Там постараются умалить победы российского оружия.

Становилось обидно за Россию и ее армию. Гурко не был политиком, он был солдатом и видел, каким трудом и какими жертвами давалась победа.

Уже на вечернем биваке, когда Иосиф Владимирович возвратился в штаб отряда, его подозвали к аппарату. Гурко прочитал ленту. Командующий Дунайской армией приказывал остановить гвардию до особого распоряжения...

Но Иосифу Владимировичу было понятно: никакого распоряжения впредь не последует.

Лондонские газеты надрывались, раздувая страсти. Истерия достигла своего апогея. Россию винили в агрессии и чуть ли не в попытке посягнуть на святая святых — британское морское владычество.

От лондонской прессы не отставала венская. Газетчики старой Вены спешили перещеголять друг друга, изощряясь убедить обывателя, что Россия теснит австро-венгерскую монархию, а создавая на Балканах крупное славянское государство, закладывает мину под покрывшийся плесенью Шенбрунн.

Парижская печать, предав забвению российское заступничество от пруссаков, теряла свою сдержанность. В Версале забыли топот сапог прусских гренадеров в приграничных районах.

Берлинские бюргеры, постукивая пивными кружками, во всем полагались на своего железного рейхсканцлера. А Бисмарк, поедая за ужином вторую дюжину свиных сосисок, жаловался своему слуге:

— Проклятые русские, они стоят у меня, как кость в горле. Не окажись в России ясновидящего Горчакова и готовых к подвигам солдат, мы бы уже решили вековую проблему...

Кабинет лорда Биконсфилда лихорадило. Несмотря на неоднократные предупреждения, наконец, на угрожающие маневры английского военного флота, российская армия не остановила наступление и продвигается к столице Оттоманской Порты.

Лайард информировал Биконсфилда о паническом страхе членов правительства Оттоманской Порты и о согласии султана немедленно начать переговоры. Абдул-Хамид готов принять все требования России.

Настроенный, как и королева Виктория, решительно, Биконсфилд готов вести флот в проливы, но министр иностранных дел лорд Дерби и статс-секретарь по делам колоний Карнарвак грозят отставкой...

Адмирал Хорнби жалуется, его эскадра сделалась предметом насмешек. Звоном якорных цепей и давлением в котлах Россию не устрашить.

Согласовав свои действия, Биконсфилд и Андраши пригласили российских послов, в Лондоне — Шувалова, в Вене — Новикова и потребовали предъявить условия русско-турецкого мира на обсуждение международной конвенции.

Послы обещали известить свое правительство, хотя, как они сказали, пункты договора касаются лишь интересов воюющих государств.

В последний день января стало известно: турки подписали перемирие на условиях, продиктованных Россией, и Абдул-Хамил не возражает принять мирный договор, коий изменит существующее положение не только на Балканах, но и в проливах.

Палата лордов в замешательстве, российская гвардия преодолела марш к Стамбулу, не встречая серьезного сопротивления османов. Создавалась реальная угроза: Россия может отобрать у султана ключи от проливов...

Лайарду было велено запросить ставку главнокомандующего Дунайской армии, когда российская армия остановит свой марш на Стамбул. На что великий князь Николай Николаевич поспешил успокоить: гвардия в столицу Порты не вступит, а ее продвижение объясняется условиями перемирия, в которых определены районы оккупации до Чаталджи и Булаира, в настоящий момент еще свободных от присутствия российских войск.

Ответ великого князя незамедлительно лег на стол английского премьера. Лайарду было приказано заручиться согласием султана на проход британских воен-

ных кораблей через проливы, а адмиралу — Хорнби ввести эскадру в Дарданеллы и, бросив якоря в Чанаке, ожидать дальнейших распоряжений.

Не успели улечься волны Эгейского моря, поднятые английскими эсминцами, как адмиралу Хорнби поступило новое указание — возвращаться в Бизекую бухту: Абдул-Хамид отказался пропустить корабли через Босфор, заявив Лайарду:

— Ах, если бы британское правительство выразило это желание хотя бы месяц назад, когда русские еще не перешли Балканы. Теперь же своим согласием я открою ворота своей столицы российским солдатам. Вам известно, что заявил царь Александр? Если Порта пропустит флот Англии в Черное море, он введет армию в Стамбул...

Посылая проклятия палате лордов и своему морскому ведомству, адмирал Хорнби мрачно бросил:

— Мои эсминцы не обрастут ракушками...

А какой-то злой шутник на здании английского посольства в Стамбуле наклеил объявление: «Между Безикой и Стамбулом утерян флот. Нашедшему будет выдано вознаграждение».

Армия генерала Гурко вступила в Сан-Стефано.

Под Сан-Стефано шайка кривого Селима спозаранку наскочила на походную колонну генерала Гурко. В пешем строю шли батальоны, двигалась дружина болгар, ехал полк кубанцев. В первой сотне запевала завел песню:

Дремлет явор над водою,
К речке нахилився...

Казаки, подремывая в седлах, подхватили недружно, и песня вскоре угасла.

По низине стлался молочный туман, солдаты переговаривались негромко.

— У нас, на вологодчине, поди, снегов навалило, морозы лютуют, а тут ровно осень сырая.

— Снежок, какой днем припорошил, и тот земля забрала.

— Зима без снега и не зима! Как вспомнишь архангельщину свою, деревню родную, тоска-кручина заедает. Из бани выскочишь, аки благ, аки наг, в сугроб нырнешь — и сызнова на полок, парком да веничком тело тешишь. Оно красное да нежное, что у дитяти грудинка.

— А опосля того с девкой побаловаться! — озорно добавил какой-то солдатик.

Рота поручика Узунова шла в голове отряда. Все вокруг было тихо и не предвещало появления турок. Башибузуки вынырнули из тумана, как тени. Захлопали выстрелы. Неожиданно удар толкнул Стояна в грудь. Теплая липкая кровь растеклась под рубахой. Сделалось приторно тошно, в голове закружилось, помутнело сознание. Узунов склонился к гриве коня, медленно сполз под копыта.

И уже не слышал Стоян команды полковника Кухаренко:

— Первая сотня, в до-огон!

Развернулись казаки, настигли башибузуков, рубили без жалости. Казак-запевала, румяный, длиннорукий налетел на Селима. Зазвенела сталь, закружились кони. Привстал казак в стременах, изловчился. В удар вложил всю силу. От плеча и до седла надвое развалил кривого Селима.

Райчо Николов писал в Кавказскую армию в Эриванский отряд поручику графу Василию Андреевичу Узунову:

— Судьбе было угодно свести меня с вашим братом... Мы делили с ним пищу и кров, отражали неприятеля и участвовали в наступлении, Стоян был для меня младшим братом. Я привез его в дом Светозары, но их мечты не сбылись. Графа Узунова не стало на марше к Чаталдже. Его рота продвигалась в авангарде, когда на нас нашли конные башибузуки. Они обстреляли дружинников. В той перестрелке и погиб Стоян. Как тысячи рос-

сийских солдат, он отдал жизнь во имя независимости Болгарии...

Я посылаю вам, граф Василий Андреевич, его неоконченное письмо.

«Сегодня я воротился из Систово. Я поехал туда, получив отпуск от генерала Столетова, которого сопровождал на Лысую гору к Хаджи-Осман-паше. Миссия парламентера у Николая Григорьевича оказалась весьма трудной, но увенчалась успехом. В Систово я провел пять дней... Господи, это были лучшие дни моей жизни... И знаешь, Василько, теперь, когда я снова среди моих болгарских друзей, дружинников, хочу поделиться с тобой своим сокровенным, у моей Светозары будет сын. Да, я убежден. Мы заранее решили назвать его в честь нашего деда графа Петра Андреевича. Он, презрев злые языки, привез невесту из Болгарии, ставшую нам с тобой и бабушкой, и матушкой...

Знаю, ты улыбаешься, читая эти строки, и думаешь, а если дочь? Что же, тогда имя ей будет Росица...»

С 18 октября 1877 года и по 8 января 1878 года в особом присутствии правительственного Сената длился процесс 193. Подсудимые обвинялись в покушении на государственный строй империи, 88 были приговорены к каторге, другие к ссылке.

Поликарпа Саушкина с товарищами увозили на поселение в российскую глухомань, к Белому морю.

От стражников Поликарпу было известно, что в Петербурге и иных городах имеют место волнения среди фабричного люда.

Жандармы говорили:

— Скоро войне конец, настанет примирение, и тогда государь примется за вас...

В беспорядках винили нигилистов и не хотели замечать, что вся российская действительность вела страну к революции.

Тщетно пытались бороться с революционным движением. В ответ на применение к политическим заключенным экзекуций народники ответили террором. В январе

1878 кода на Гороховой в Санкт-Петербурге Вера Ивановна Засулич стреляла в петербургского генерал-губернатора генерала Трепова...

Этот выстрел всколыхнул революционную Россию, но в международной печати он остался мелким эпизодом. Взоры политиков и журналистов были обращены к Сан-Стефано. Неожиданно маленький городок Оттоманской Порты под Стамбулом стал предметом больших обсуждений. За ходом переговоров в Сан-Стефано следили пристально. И хотя переговоры шли при закрытых дверях, многое просачивалось преждевременно, давая пищу журналистской братии.

Канцлер Горчаков, листая по утрам газеты, брюзжал:

— Пашквилянты, умней бы чего напридумали.

А накануне говорил Жомини:

— Любезный Александр Генрихович, видимо, у османов короткая память, так намекните им, генерал Гурко, ключи от ворот Стамбула держит в своих руках, а российский солдат готов распахнуть их. Стоит лишь дать команду. Отправить депешу о том в Константинополь послу Игнатьеву, дабы тот в Сан-Стефано не поступился ни одним пунктом договора.

Но граф Игнатьев и без указаний давил на Саффет-пашу, диктуя нелегкие для Порты условия мира.

Убедившись, что Англия дальше угроз не пойдет, Турция согласилась на Сан-Стефанский мирный договор, отвечающий интересам России, Болгарии, Сербии и Черногории.

Подписав его условия, Саффет-паша горько изрек:

— Европа покинула нас, после того как побудила к войне с Россией...

А покидая Сан-Стефано, заметил Игнатьеву:

— Я всегда знал, инглизы коварны, но к чему было бряцать оружием и мутить воду Золотого Рога и Эгейского моря своими военными кораблями?

Игнатьев усмехнулся:

— Сиятельный Саффет-паша, история учит.

Тот поклонился.

— Прошу вас, граф, передайте вашему императору, а паче канцлеру, чтобы генерал Гурко увел гвардию от

Стамбула. Дым солдатских костров тянет во дворцы светлейшего султана...

Европа не ожидала подобного мирного договора. Оттоманская Порта, гроза Востока, унижена и раздавлена, а Россия, два десятка лет как отлученная от Черного моря, вдруг становится морской державой и от нее будет зависеть, войдут ли корабли в проливы.

Бисмарк сказал:

— Я думал, России нужно несколько бунчуков* пашей да победная пальба в Москве, но Александр и Горчаков наставляют нас проглотить горькую пилюлю. Они перекроили карту Европы так, как они это задумали.

Сан-Стефано прозвучал как взрыв бомбы, вызвавший короткий шок в правительственных кругах европейских государств, после чего разразилась дипломатическая буря, заставившая российское правительство согласиться на созыв Берлинского конгресса. Но прежде Горчаков побывал в Вене.

Австро-Венгрия усмотрела в Сан-Стефанском договоре нарушение Рейштадской и Будапештской конвенций, заявив, что границы Болгарии по перемирию значительно шире предусмотренных по этим соглашениям.

Кабинет Биконсфилда лихорадило. Лорды гневно обрушились на Россию, обвиняя в посягательстве на Парижский договор: она-де посягает на целостность Турции. И тут же раздавались голоса, призывающие взять у Порты Кипр и Египет, якобы для того, чтобы предупредить расширение российской экспансии на район Суэцкого канала.

От приезда Горчакова в Вену Андраши многого не ожидал. Россия не откажется от создания на Балканах славянского государства, а он, Дьюла Андраши, если встала так остро речь о Болгарии, согласен видеть ее разделенной на две автономные области: одна под протекторатом Оттоманской Порты, другая под протекторатом австро-венгерской монархии.

---

*Бунчук — конский хвост на древке, знак власти пашей.

Однако российский канцлер и слышать о том не хотел, заявив в Шенбрунне:

— Наша внешняя политика зиждется на постоянстве и, как было обусловлено прежде, Вена получит протекторат над Боснией и Герцеговиной, и не более.

От такой категоричности Андраши даже растерялся. Мягкий тон он сменил на скрытые угрозы:

— Ваша внешняя политика, князь, вызывает неудовольствие не только нашего кабинета.

Губы Горчакова тронула легкая усмешка.

— Что вы имеете в виду?

— Я имею в виду английский кабинет.

— Разве лорд Биконсфилд уполномочил вас говорить от имени его кабинета?

Андраши смутился:

— Вы неправильно меня истолковали.

— Весьма возможно. Но вы упомянули Британию.

— На сегодня, князь, во внешней политике у Австро-Венгрии с Англией больше точек соприкосновения, чем с Россией, к сожалению. Лично я бы этого не желал.

— Мы тем более. Наш император питает к вашему глубокую симпатию, а история взаимоотношений России и Австро-Венгрии изобилует добрыми отношениями более, нежели отрицательными.

— Создание независимой Болгарии, которая в своей политике ориентируется на Россию, нас беспокоит.

— Отчего же? Если Болгария будет создана на правах независимой, то и ее внешняя политика должна ориентироваться только на интересы своего государства и своего народа. И потом, к чему столь могучему государству, как Австро-Венгрия, опасаться Болгарии? Думаю, Стамбул для Вены грознее. Тем более, когда во дворце султана англичане чувствуют себя хозяевами. Считаю, это опасно и для нас, и для вас.

— Австро-Венгрия не относится к черноморским державам.

— Это еще не означает, что ей безразлично, чьи корабли бороздят Черное море и поднимают дунайскую волну...

Венские встречи между Андраши и Горчаковым не привели к установлению единства взглядов России и

Австро-Венгрии. Российский канцлер покинул Вену с твердым убеждением — на предстоящем конгрессе столкновения неизбежны...

А в штабе Дунайской армии главнокомандующий великий князь Николай Николаевич на совещании, задержав генералов Гурко и Радецкого, говорил возмущенно:

— Неблагодарные австрияки, давно ли они дрожали при появлении башибузуков? А теперь готовы в вступать в обнимку с британцами против России, грозят нам войной. Им мало Боснии и Герцеговины.

— Австрия и Британия рядятся в тогу защитников Оттоманской Порты, но молчали, когда турки резали славян и разрушали православные храмы, — сказал Радецкий. — Может, они повели бы себя менее задиристо, вступи генерал Гурко в Стамбул.

— Пожалуй, нет, Федор Федорович, это бы еще больше взбудоражило европейскую дипломатию. — Великий князь посмотрел на карту. — А не перебросить ли нам Балканский отряд к границам Австро-Венгрии?

— Впервой ли австрийцам предавать российского солдата? — заметил Гурко. — Мы готовы напомнить им, что у России не все резервы исчерпаны...

— Пожалуй, вам, Иосиф Владимирович и Федор Федорович, надо быть готовыми встать со своими отрядами к границам с Австрией. Дабы австрияки знали: испугать Россию нельзя...

— Когда сражаются армии, проверяется всесторонняя подготовка к войне, — заметил Гурко. — В том числе штабная, военно-стратегическая и тактическая. Но не хотел бы я оказаться в роли нашего канцлера, который выдерживает ныне на конгрессе дипломатический натиск европейских стран, чьи интересы сошлись на границах Оттоманской Порты и в водах черноморских.

— Вы правы, Иосиф Владимирович, — согласился великий князь. — От этих коварных хитрословов, их наглости государства-победители подчас остаются обделенными... Пожалуй, нашей делегации доведется выдержать серьезный натиск...

— С той поры, когда нашу внешнюю политику принял князь Горчаков, мы свои интересы блюдем, — заметил Радецкий.

— Канцлер, достойный России, — кивнул главнокомандующий.

В кабинет внесли кофе. Великий князь пригубил чашечку и тут же отставил. Посмотрел на Гурко:

— Что вы думаете, Иосиф Владимирович, устоит ли князь Горчаков, удержится ли против нападок на самостоятельность Болгарии?

— Ваше высочество, со времен Византийской империи Болгария не имела государственного образования и то, что она его ныне получит его, дело рук России, дай Бог болгарам помнить об этом. Но ведь говорят же, благодеяние наказуемо. И кто знает, может, пройдут десятилетия, сменятся поколения и забудут болгары, как гибли за ее свободу российские солдаты, как создавали ей армию, в своих военных училищах готовили ей офицерский корпус. Весьма возможно, еще и попрекать в чем-либо Россию-матушку станут.

— Ну, генерал Гурко, слишком мрачную картину вы рисуете, — поднял брови великий князь. — И какой совет дадите?

— Мой совет таков, ваше высочество, уж коли мы солдатские жизни не жалели и народ болгарский от неволи освободили, так давайте же заставим всех, за кого Россия кровь проливала, уважать народ русский, дань ему отдавать...

— А ведь Иосиф Владимирович, поди, прав, — поддержал Гурко генерал Радецкий.

— Весьма возможно, — кивнул главнокомандующий, — стоит нам вспомнить уроки польских мятежей. — Великий князь поднялся. — Благодарю вас, господа. Прошу вас продумать возможность переброски ваших отрядов к границам Австро-Венгрии.

Атмосфера была как бы насыщена порохом. Одно неосторожное обращение с огнем — и Европа взорвется. Лорд Биконсфилд продолжал угрожающе размахивать

пылающим факелом. Петра Шувалова затаскали в британское министерство иностранных дел, пока наконец российский посол не ответил раздраженно:

— Ко всем вашим канавам мы касательства не имеем, но и вы не лезьте в нашу черноморскую лужу.

Своим же сотрудникам на последующие звонки велел отвечать: «Господин посол болен».

Андраши усердно раздувал тлеющий фитиль. Встретив на прогулке в парке российского посла Новикова, Дьола Андраши заметил раздраженно:

— Вы создаете зависимое от вашей политики славянское государство на Балканах. Прошу информировать Петербург, что в Шенбрунне этого не потерпят...

О возвращении Дунайской армии в Россию до окончательного решения всех спорных вопросов не могло быть и речи. Император Александр Второй писал брату, великому князю Николаю Николаевичу: «Англия ищет только предлог, чтобы объявить нам войну».

Европейский конгресс стал необходимостью. Россия склонна была провести его в Баден-Бадене. Австрия настаивала на Вене. Пруссия и Англия делали вид, что на конгресс не явятся.

Горчаков обратился с посланием к Бисмарку, предложив местом конгресса Берлин, а железному канцлеру отводил роль председателя.

Рейхсканцлер Бисмарк хохотал гомерически, предвкушая скорую дипломатическую схватку. Постукивая каблуками кованых сапог по дворцовому паркету, канцлер, будто фельдфебель на плацу, чеканил императору Вильгельму:

— Ваше величество, Европа накануне кульминационных событий, и на Берлинском конгрессе нам, немцам, предстоит рядиться в тогу миротворцев, ни на пфенниг не поступаясь собственной выгодой...

В ожидании конгресса Бисмарк удалился в свое поместье Фридрихсруе, что близ Гамбурга.

В самом конце марта Горчаков направил в Вену графа Игнатьева.

— Граф, — сказал российский министр иностранных дел, — посылая вас в Шенбрунн, предпринимаем еще одну попытку договориться с Австрией по спорным вопросам. Хотя я, милостивый государь, в эту затею не сильно верю, ибо недавно проделал в Вену бесполезный вояж. Аппетиты австрийцев непомерны, их уже не устраивает Босния и Герцеговина, им подавай политический и экономический контроль над всем Западным Балканским полуостровом. Франц-Иосиф мечтает иметь выход к Салоникам и Эгейскому морю... Однако поезжайте, любезный Иван Павлович, с Богом...

Игнатьев возвратился в Санкт-Петербург ни с чем.

Вопрос о мире или о войне не приблизился к развязке. Россия оставалась непреклонной, Англия и Австрия угрожали боевыми действиями. Биконсфилд издал указ о призыве резервистов.

Министр иностранных дел Британской империи лорд Дерби подал в отставку. Лорд Биконсфилд поручил новому министру Солсбери повести с российским послом графом Шуваловым тайные переговоры. Но всякое тайное становится явным. Выяснилось: Англия, соглашаясь на присоединение к России придунайского участка Бессарабии, Карса, Батума, требовала разделить Болгарию на две части — северную и южную, а границей между ними должны были служить Балканы.

Канцлер Горчаков с досадой изрек:

— Российские солдаты не жалели живота своего, дабы видеть свободной Болгарию...

По дороге в Петербург Шувалов не преминул навестить своего друга Бисмарка в его охотничьем замке Фридрихсруе.

За бокалом рейнского рейхсканцлер сказал графу:

— России надо проявить уступчивость. Ваш уговор с англичанами снимает вопрос: быть или не быть войне между вами и Англией. А одна Австрия начать боевые действия с русской армией не решится.

В Санкт-Петербурге весна еще не взяла свое, снег осел, но не стаял, ночами держались морозы.

В обеденный час Горчаков спустился по широкой мраморной лестнице Зимнего дворца, по ту и другую сторону которой застыли бравые гренадеры. Проворный швейцар с осанкой генерала помог надеть шубу, распахнул дверь перед российским канцлером.

У царского подъезда Александра Михайловича дожидались легкие саночки. (Горчаков не спешил пересаживаться в коляску, сани меньше трясло на булыжной мостовой.) Кучер разобрал поводья, и сытые застоявшиеся кони, пританцовывая, пошли в рысь.

— Смотри, Ванька, опрокинешь, с тебя шкуру спустят, а моих костей не соберут!

— Ниче, барин, доставлю в целости!..

Вот и Певческий мост. Министерство иностранных дел России.

Покуда Горчаков выбирался из саночек и волочил ноги по коридорам в свой кабинет, сотрудники успели сообщить советнику Жомини о приезде министра.

— Любезный Александр Генрихович, — встретил Жомини Горчаков, — государь согласен с нами по всем пунктам, какие нам предстоит отстаивать в Берлине. Император, слушая графа Шувалова, сказал, что Сент-Джеймский кабинет требует полного пересмотра Сан-Стефанского договора, будто не мы, а они одержали победу над Портой. Я ответил Петру Андреевичу: страшусь политической изоляции, коей нас попытаются окружить на конгрессе, но Россия не подсудная, а страна победительница, и мы будем решительно отклонять притязания англичан и австрийцев...

Горчаков помолчал, потом снова заговорил:

— Не доведи Бог расхвораться, тогда на конгрессе меня заменит Шувалов. Хотя я бы желал видеть в этой роли графа Николая Павловича Игнатьева. Но такова воля государя. — Канцлер вздохнул, пожевал губами. — В трудный час для России сел я в кресло министра, в нелегкий час покину его.

Жомини молча согласился. Горчаков подошел к камину, погрел озябшие руки. Потом подставил огню спину.

— Поясница болит, а еще больше душа. — Неожиданно хитрая усмешка тронула тонкие губы. — Утром

встретил Швейница и сказал ему: в свое время наш покойный государь Николай Павлович водил дружбу и верил императору Австро-Венгрии, а он, неблагодарный, спокойно взирал, как нас били в Крыму французы, англичане и турки. Не вытрут ли немцы английский плевок сегодня? На что Швейниц заверил: на конгрессе рука нашего канцлера будет в вашей руке, князь.

— Можно ли верить германскому послу? Ему всегда недоставало искренности.

— Как и Бисмарку. Дипломатия рейхсканцлера покоится на мордобитии и коварстве, а интрижки прусского канцлера шиты белыми нитками.

— Рейхсканцлер намерен обращаться с Европой, как его предки-портняжки со штукой сукна, ваше сиятельство.

— Так-то так, дорогой Александр Генрихович, однако любить мы не любим прусского канцлера, а лобызаться с ним доведется. Он председатель конгресса, и в дипломатических раундах с Андраши и Биконсфилдом будем надеяться хотя бы на малую поддержку Бисмарка... В Берлин мы должны отправиться, готовые ко всяким неожиданностям. Постараемся отстоять основные пункты Сан-Стефанского договора. — Горчаков вздохнул. — Ах, любезный Александр Генрихович, я свято верил в незыблемость союза трех императоров. Но теперь я горько разочаровался: более всего хочет ослабить Россию Германия.

Жомини раскрыл синего сафьяна папку.

— Ваше сиятельство, лондонские сведения. Новый министр иностранных дел Солсбери обнародовал циркуляр к дипломатическим представителям Англии, в коем обвиняет Россию в распространении преобладания на Востоке, а будущую Болгарию как проводника русского влияния на Балканах.

— Вы, барон, неизменны. Всегда оставляете на закуску какую-нибудь микстуру. Что же, дадим знать лорду, что созданная сообща Болгария не может быть поставлена в зависимость от России, что она есть самостоятельное государство, а не вассальная от России земля... Касательно Бессарабии, так это наш утраченный

край. А Батум и иные кавказские города — то право России помочь многострадальному армянскому народу и ни в коем разе не угрожает европейскому статусу.

Накануне конгресса в Берлине социалист Нобилинг покушался на кайзера Вильгельма. Выстрел привел Бисмарка в ярость. Созвав политических чиновников, рейхсканцлер сурово отчитывал их:

— Созданная мною Германия должна являть собой образец покоя и порядка, и, если объявились террористы, нам следует задуматься: уж не вылез ли германский социализм из своих испачканных пеленок?

Рейхсканцлер проплелся вдоль застывшей шеренги блюстителей порядка, задержался перед полицай-президентом:

— И это когда прибывают иностранные делегации...

Бюргеры судачили о покушении на кайзера, а дипломатов заботил предстоящий конгресс. Ожидали политического скандала, строили прогнозы. Печать называла Англию и Австрию прессом, неумолимо давящим на Горчакова...

Накануне отъезда из Вены Дьюла Андраши имел аудиенцию у императора Франца-Иосифа, и тот, приглаживая пышные усы, недвусмысленно дал понять министру, чтобы он не впутывал Австрию в военный конфликт.

— Ваш альянс с Биконсфилдом не должен обнадеживать Англию, будто Австро-Венгрия подставит своих солдат под русские пули в угоду британскому флагу. Я соглашусь на совместные военные упражнения, когда увижу, как мои полки маршируют под барабанную дробь в единых колоннах с полками королевы Виктории...

Лорд Биконсфилд не нуждался в напутствии Виктории. Премьера и королеву заботили морские пути к Ближнему Востоку и в Индию.

Что до императора российского, то он только и сказал Горчакову:

— Во всем полагаюсь на вас, Александр Михайлович. Знаю, вы сделаете все возможное...

А Милютину заметил:

— Жалею, Дмитрий Алексеевич, что остановил корпус Гурко под Стамбулом. Уверен, гвардия пронесла бы свои победоносные знамена по улицам покорной столицы Оттоманской Порты... Теперь эта йоркширская свинья Виктория считает, что нас испугали ее обросшие ракушками дредноуты. А распинавшийся в братской любви Франц-Иосиф решил, что мы и дальше пойдем ему на уступки.

Потом задумался. Милютин молчал. Но вот Александр спросил:

— Скажите, Дмитрий Алексеевич, можно ли за добро платить черной неблагодарностью?

— Благодеяние, ваше величество, иногда может быть наказуемо. Вы имеете в виду Австрию?

— Нет, собственный народ. Я сделал все, чтобы облегчить его положение, отменил крепостное право и решил земельный вопрос, расширил полномочия земства, суд сделал состязательным, отказался от рекрутской повинности... Так отчего покушаются на меня всякие нигилисты, бомбисты, почему моей смерти жаждут?

— Ваше величество, на террор надо отвечать террором.

— Может, и так, но я хотел бы, чтобы Россия пошла по пути буржуазному, по пути процветания демократии.

— Но так и будет, ваше величество.

— Дай-то Бог. Я очень надеюсь.

— О вашем здравии, государь, Россия молится.

— Верю в народ русский, Дмитрий Алексеевич... И еще прошу Всевышнего, чтобы не оставил без своего покровительства нашу делегацию в Берлине.

Германская столица встретила российскую делегацию пасмурным небом, моросящим дождем. Берлинский вокзал из темно-красного кирпича, с закопченными, давно немытыми окнами, выглядел довольно мрачно. Высокие стеклянные навесы прикрывали мощенный булыжником перрон.

Сопровождаемый Шуваловым, Горчаков выбрался из вагона. В немецком поезде, в который делегация пересела на границе (европейская железнодорожная колея узкая), купе тесные и неудобные.

В пути российского канцлера потрясло изрядно. Разболелись ноги, хотелось полежать, отдохнуть, Горчаков брюзжал:

— Скверный город, того и гляди, протопают сапожищами пруссаки с ружьями наперевес... И погода мерзкая, промозглая. Как бы не расхвораться. Вы уж, любезный Петр Андреевич, берегите свое здоровье. Ежели чего, вам отбиваться от англо-австрийских бульдогов.

На вокзале их ждал посол России в Берлине Убри и чиновники германского министерства иностранных дел. После взаимных приветствий Горчаков спросил посла:

— Не внесло ли каких изменений в распорядок конгресса здоровье императора Вильгельма?

— Нет, ваше сиятельство.

— Итак, господа, как говаривали наши далекие предки: «Потягнем же, братие!»

Узнав, что российскую делегацию возглавил Горчаков, Бисмарк не сдержал гнева. На приеме во дворце, едва прослушав наследного принца Фридриха-Вильгельма, провозгласившего здравицу монархам и пожелавшего успеха конгрессу в умиротворении Европы, железный канцлер отвел Шувалова в сторону:

— Вы привезли с собой развалюху Горчакова, что меняет мое отношение к России. Мы с вами, граф, останемся друзьями, но я не позволю вашему канцлеру на конгрессе влезть мне на шею и обратить меня в свой пьедестал, как он того добился три года назад.

Шувалов развел руками:

— Речь идет не о личных отношениях ваших к князю Горчакову, а о дружественном расположении Германии к России. Мы хотим иметь наступательный и оборонительный союз между нашими странами.

— Я предлагал это вашему канцлеру, — оборвал Шувалова Бисмарк. — Заверял, что Германия поддержит Россию против Турции. Мы соглашались выставить

вспомогательную армию в сто тысяч солдат в обмен на согласие России не мешать нам решать спорные вопросы с Францией. Но на нашем пути встал Горчаков с вашим императором. И теперь вы смеете заявлять о дружественном расположении...

Шувалов передал содержание разговора Горчакову, не преминув упомянуть и про «развалюху».

Российский министр иностранных дел нахмурился.

— Бисмарк прав, физически я развалюха, но мозг мой по-прежнему ясен и гибок. Железный канцлер, любезный Петр Андреевич, отплачивает нам валютой за валюту. Он не забыл тот день и час, когда мы с государем помешали пруссакам промаршировать по земле Эльзаса и Лотарингии и поставить на колени французов... Сегодня Бисмарку нет нужды прикрываться заявлением о вековой дружбе между Берлином и Санкт-Петербургом. Выдержав паузу, добавил: — Подобные откровения председателя конгресса заставляют нас, любезный Петр Андреевич, быть готовыми ко всяким неожиданностям и проявлять осторожность и твердость.

Минул месяц...

Месяц российская делегация в полном одиночестве отражала ежедневные атаки европейской дипломатии, где оружием служили шантаж и угрозы.

13 июля 1878 года Берлинский трактат наконец был подписан.

Перед отъездом в последний день князь провел за письменным столом. Он готовил отчет о конгрессе.

Давно отцвели липы на Унтер-ден-Линден, но приторно-сладкий дух, замешанный на сырости Гольфстрима, еще носился в воздухе,

Из открытых дверей ресторана вырывалась музыка и гул голосов.

Горчаков встал, подошел к окну. Блекло горели газовые фонари, щедро светились рекламы магазинов, уличные торговки продавали горячие сосиски и бутерброды, жарили на мангалах каштаны...

Утром российская делегация покинет Германию. Князь неважно чувствовал себя в Берлине, дышалось с трудом, легкие свистели, как дырявые кузнечные меха. Особенно болели ноги. Иногда недомогающий российский канцлер не присутствовал на заседаниях конгресса, и тогда к нему являлся Шувалов с докладом и испрашивал совета...

По ту и другую сторону улицы тек говорливый людской поток. Катили по булыжной мостовой экипажи, фаэтоны, проезжали верховые. Цокали копыта, стучали кованые колеса карет...

Горчаков вернулся к столу, записал: «В Берлине Бисмарк оставил нас в изоляции перед представителями Австро-Венгрии и Англии...»

И снова князь мысленно перенесся к работе конгресса. При открытии Бисмарк фарисейски призывал делегатов к взаимному уважению и уступкам, на что Горчаков заметил Шувалову:

— Железный канцлер выступает, как частный маклер, однако его язык выражает нечто противоположное тому, о чем он думает.

Дьюла Андраши уже в первой речи подверг сомнению необходимость существования самостоятельного болгарского государства с соответствующими границами. Австрийского министра поддержал Бисмарк. Обратив взгляд на Горчакова, он как бы задавал ему вопрос:

— Стоит ли России рисковать, балансируя на грани войны с соседней великой державой из-за большего или меньшего протяжения границ Болгарии?

Отбросив английскую чопорность, лорд Биконсфилд держался вызывающе. Его речи были крикливыми, запальчивыми. Он обвинял Россию в концентрации армии под Стамбулом, на что Горчаков ответил ему невозмутимо:

— Дунайская армия продолжает оставаться на исходных позициях, и тому виновница Англия. Она подстрекает Порту. Но я бы хотел задать вопрос сэру лорду Биконсфилду: зачем британские дредноуты маневрируют у Босфора и объявлен призыв резервистов в английскую армию? И еще, господа, вам прекрасно известны

факты массовой резни христиан в Оттоманской Порте, как на Балканах, так и на Кавказе. Разве вы желаете повторения кровавой оргии?

Почти на каждом заседании Горчаков твердил:

— Пока не создана независимая Болгария, российские солдаты останутся на Балканах для поддержания порядка...

Опасения Горчакова сбылись. На конгрессе Россия оказалась в изоляции. Он, министр иностранных дел, почувствовал это на первых заседаниях...

Князь недоволен собой, болезнью, его раздражал состав российской делегации. Он хотел взять в Берлин Игнатьева, но государь навязал Шувалова. Убри оказался безгласной личностью. Военный советник генерал Анчурин не имел голоса.

Ни Черногорию, ни Сербию не допустили к участию в конгрессе, игнорировали их государственные интересы.

— Да-с, — вздохнул Горчаков, — Биконсфилд и Андраши сыграли в одну дудку.

Российскому министру иностранных дел передали разговор, состоявшийся между Биконсфилдом, Андраши и Деказом на приеме в английском посольстве.

— Наша цель — ликвидировать победу России, — сказал британский премьер.

— Только ли? — удивился француз.

— И укрепить наше влияние на Ближнем Востоке, герцог, — закончил Биконсфилд.

В разговор вмешался Андраши:

— Австро-Венгрию волнует Западная Европа и особенно Балканы. Мы обязаны предотвратить создание нового славянского государства.

Горчаков подумал об Игнатьеве. Еще в Сан-Стефано тот отстаивал идею союза балканских народов. Накануне отъезда делегации в Берлин граф сказал Горчакову, что он-де против того, чтобы Босния и Герцеговина отошли к Австрии...

...Да, здесь в Берлине Игнатьев был бы надежным помощником ему, Горчакову, Игнатьев не Шувалов. От российского министра иностранных дел не укрылось,

что его планы нередко становились известны Бисмарку прежде, чем он, Горчаков, с ними выступит на заседании конгресса.

Берлинский конгресс заставил Россию поступиться некоторыми статьями Сан-Стефанского договора... У Болгарии урезали южную часть Черноморского побережья. Австрия вводила войска в Боснию и Герцеговину... Англия добилась права на Кипр... Встал на пути объединения армянского народа, вернув Западную Армению под власть Турции....

Горчаков не раз вспоминал разговор с царем. Как-то Александр сказал ему:

— Овладев Карсом, Баязетом, Ардаганом и иными землями, захваченными турками, мы воссоединяем обе части Армении.

На что он, российский канцлер, ответил:

— Ежели на конгрессе нам не удастся отстоять единую Армению под российским правительством, предчувствую многие страдания народа армянского, коему суждено будет оказаться в составе Оттоманской Порты.

Что и случилось.

Подписав Берлинский трактат, Горчаков заметил Шувалову и Убри:

— Султан не простит Лондону Кипра, а Вене — Боснии и Герцеговины.

— Ваше сиятельство, — сказал Убри, — Бисмарк заявил корреспонденту газеты «Таймс», что дал миру сколько возможно и содействовал его сохранению.

На губах Горчакова скользнула ироническая усмешка:

— Германский рейхсканцлер такой же миротворец, как факельщик у стога сена...

В Санкт-Петербурге российскую делегацию встретили граф Игнатьев и Жомини. Настроение у Горчакова мрачное. Игнатьев обронил со вздохом:

— Могу констатировать, ваше сиятельство, Берлинский договор сделан под австро-английским соусом.

Канцлер остановился, посмотрел на Игнатьева, затем перевел глаза на Жомини:

— Господа, начинается новый виток в восточном вопросе. С сожалением оставляю его своим преемникам.

Эпилог

Еще не просохли чернила под Берлинским трактатом и не выветрился едкий запах табака из зала заседаний конгресса, а из Дунайской армии в Санкт-Петербург был отозван генерал Гурко.

Отъезжал в неведении, какое назначение его ожидает. Всякое предполагал, пока ехал. Больше всего склонялся к мысли, что пошлют его на Кавказ, где не все еще было спокойно и мирно.

По прибытии в Санкт-Петербург явился в военное ведомство, но не внес ясности военный министр. Дмитрий Алексеевич только и сказал, что Гурко затребован в столицу самим государем.

Иосиф Владимирович и дома как следует не побыл, с сыном не успел повидаться, как был вызван во дворец к императору.

Александр Второй принял генерала немедленно, едва адъютант доложил о нем.

Когда Гурко вошел в просторный кабинет императора, государь стоял у письменного стола. Не предложив сесть, повел разговор. И был он непродолжительным и весьма доброжелательным.

— Иосиф Владимирович, — сказал Александр, — когда я предложил великому князю назначить вас командовать в Дунайской армии гвардией, вы оправдали мое доверие и под Плевной, и в преодолении зимних Балкан. И не ваша вина, что гвардия остановилась под Стамбулом. Видит Бог, я не желал этого... — Император задумался, потом снова заговорил: — Сегодня я назначаю вас помощником главнокомандующего войсками гвардии в Петербурге и Петербургского военного округа. В это время, когда зараза нигилизма и бомбизма проникла в наше общество, я вверяю вам гвардию столицы. Убежден, вы верно будете служить престолу и Отечеству.

Пожалуй, ни у кого не возникало вопроса, почему царский выбор пал на Гурко. В верности присяге и честности Иосифа Владимировича никто не сомневался. Он был твердым сторонником единства России и служил ей как в царствование Александра Второго, так и Александра Третьего.

Из Санкт-Петербурга Гурко вскоре перевели в неблагонадежную Одессу, чтобы через год на одиннадцать лет отправить генерал-губернатором Привиленского края и командующим войсками неспокойного Варшавского военного округа.

Накануне отъезда в Варшаву Иосиф Владимирович имел аудиенцию у императора. Александр Второй, напутствуя его, требовал не давать никаких послаблений польским конфедератам.

По приезде в Варшаву на встрече с дворянством генерал-губернатор категорично заявил:

— Господа, забудьте печальные дни истории, когда отдельные шляхтичи подбивали поляков на бунты. Я поставлен государем командующим войсками Варшавского военного округа и не потерплю никакого вольнодумства. Поляки должны помнить: у них одна отчизна, империя Российская. Забудьте шляхетский гонор. Честь и долг поляков служить России...

На следующий день вельможные паны выразили протест столь великорусским проявлениям генерал-губернатора. Ознакомившись с их протестом, Гурко ответил резко:

— О какой независимости они мыслят? Разве поляки имеют мало свободы? Помилуйте, шляхта имеет свои школы и гимназии, развиваются мануфактуры и купечество... Или государь запретил язык польский?..

Я требую, чтобы все славяне и здесь, и на Балканах помнили: российский солдат их защитник. Коли же запамятуют, то, не ровен час, сапог чужеземца будет топтать их славянскую землю. Дабы такого не произошло, Россия должна быть единой и неделимой.

Таким и запомнили в Польше и Литве государственного и военного деятеля Иосифа Владимировича Гурко.

Минуло одиннадцать лет...

Поезд Варшава — Вильно — Санкт-Петербург увозил Гурко в столицу Российской империи. Царь Александр Третий пожаловал его высоким чином сенатора и присвоил звание генерал-фельдмаршала.

Впредь до 1894 года, когда он ушел в отставку, генерал-фельдмаршал Гурко являлся членом Государственного Совета.

В последние годы жизни Иосиф Владимирович часто вспоминал родовое имение и сожалел, что здоровье не позволяет ему навестить милые сердцу края.

Когда его сын, генерал российской армии Василий приехал проведать отца, фельдмаршала и полководца, то услышал:

— Вся жизнь моя прошла под стягом Российской империи, и я горжусь, что служил России. Запомни, России единой и неделимой...

КОММЕНТАРИИ

Тумасов Борис Евгеньевич родился на Кубани в 1926 году. В 16 лет ушел на фронт. После окончания войны закончил Ростовский-на-Дону университет, аспирантуру. Кандидат исторических наук, доцент. Автор исторических романов: «На рубежах южных» — о восстании черноморских казаков начала XVIII века; «Русь залесская» — об Иване Калите; «Лихолетье», «Землей да волей жалованы будете» — о Смутном времени на Руси; «Зори лютые» — о времени княжения Владимира Святославовича и многих других.

Писатель живет и работает в Краснодаре.

Роман «Под стягом Российской империи» печатается впервые.

С. 14. *С Василием, проходившим учебу в старшем классе Пажеского корпуса...* — Сын И.В. Гурко Василий Иосифович (1864–1937) в будущем русский генерал, с 10.11.1916 по 17.2.1917 замещал генерала М.В. Алексеева в должности начальника штаба верховного главнокомандующего. Оказавшись в эмиграции, издал на немецком языке мемуары «Россия 1914–1917 гг. Воспоминания о войне и революции» (Берлин, 1921).

С. 14. *...получил приглашение от баронессы Вревской...* — Юлия Петровна Вревская (в девичестве Варпаховская) (1841?–1878), фрейлина императрицы Марии Александровны, с которой путешествовала по всему миру, знакомая И.С. Тургенева, состояла с ним в переписке. Добровольно принимала участие в качестве сестры милосердия в Русско-турецкой войне на Балканах 1877–1878 гг. и умерла от тифа в Болгарии.

С. 15. *...война с гяурами.* — Гяуры — у исповедующих ислам презрительное название всех иноверцев, неверных (тур.).

С. 15. *Башибузуки* — солдаты нерегулярных турецких войск в XVIII–XIX вв. (тур.).

С.23. *Горчаков Александр Михайлович* (1798–1883) — князь, дипломат; лицейский однокашник А.С. Пушкина. В

1856–1882 гг. — министр иностранных дел. Благодаря его дипломатическим усилиям был обеспечен нейтралитет европейских держав в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг.

С. 23. *Хитро плетет интриги бывший прусский канцлер, ныне рейхсканцлер германский Бисмарк.* — Бисмарк (Отто фон Шенхаузен, 1815–1898) — князь, первый рейхсканцлер германской империи (1871–1890). Организатор Тройственного союза (1882), направленного против Франции и России.

С. 24. *...после неудачной Крымской войны.* — Имеется в виду Крымская война 1853–1856 гг., завершившаяся Парижским миром (1856).

Нессельроде... никогда честно не служил России. — Нессельроде Карл Васильевич (Карл Роберт, 1780–1862) — граф, государственный деятель, канцлер с 1845 г., министр иностранных дел (1816–1856). Главный виновник изоляции России во время Крымской войны. Сторонник Священного союза.

С. 25. *Тебе рукой Фортуны своенравной...* — Строки из стихотворения А.С. Пушкина «Князю А. М. Горчакову», 1817 г.

Что должен я, скажи, в сей час / Желать от чиста сердца другу — А.С. Пушкин «Князю А.М. Горчакову», 1814 г.

...рука лорда Биконсфилда. — Речь идет о Дизраэли Бенжамане, графе Биконсфилде (1804–1881), премьер-министре Великобритании в 1868 и 1874–1880 гг. — лидере Консервативной партии. Правительство Дизраэли вело политику колониальной экспансии.

С. 27. *Дьюла Андраши* (1823–1890) — граф, участник Венгерской революции 1848–1849 гг., в 1867–1871 председатель Совета Министров Венгрии. В 1871–1879 гг. — министр иностранных дел Австро-Венгрии. Содействовал заключению австро-германского договора 1879 г., направленного против России и являвшегося основой Тройственного союза.

С. 28. *Абдул-Хамид играет на соперничестве великих держав.* — Речь идет об Абдул-Хамиде II, турецком султане с 1876 по 1909 г. Низложен после Младотурецкой революции 1908 г.

С. 49. *Скобелев Михаил Дмитриевич* (1843–1882) — генерал от инфантерии. Участвовал в завоевании Средней Азии: Хивинский поход (1873), Ахалтекинская экспедиция (1880–1881), принимал участие в подавлении Кокандского восстания 1873–1876 гг. В Русско-турецкую войну 1877–1878 гг. успешно командовал отрядом под Плевной-Шейново. После трех неудачных штурмов Плевна была осаждена и турецкие войска во главе с Осман-пашой, совершив тщетную попытку прорыва, сдались.

С. 72. *Румелия* (тур. Rumeli) — общее название завоеванных в XIV–XVI вв. турками-османами балканских стран. С конца XVI до XIX в. название турецкой провинции с центром в Софии (включая Болгарию, Сербию, Герцеговину, Албанию, Македо-

нию, Эпир и Фессалию). Современное название европейской части Турции, кроме Стамбула.

С. 77. *«Младотурки»* — европейское название членов турецкой организации «Единение и прогресс», основанной в 1889 г. и возглавлявшей борьбу против феодализма и абсолютизма. В результате руководимой ими младотурецкой революции 1908 г. пришли к власти, но не изменили существовавшего строя Османской империи. После поражения Турции в Первой мировой войне организация самораспустилась.

С. 81. *...расскажет... об Апрельском восстании.* — Апрельское восстание 1876 г., крупнейшее восстание болгарского народа против турецкого ига. Подготовлено Болгарским революционным комитетом. При его подавлении погибло около 30 тысяч человек.

С. 205. *Тотлебен Эдуард Иванович* (1818–1884) — граф, русский инженер-генерал. Руководил инженерными работами во время обороны Севастополя в 1854–1855 гг. В 1863–1877 гг. глава военно-инженерного ведомства. Во время Русско-турецкой войны 1877–78 гг. руководил осадой Плевны.

С. 363. *...на предстоящем конгрессе...* — Речь идет о Берлинском конгрессе 1878 г., созванном для пересмотра условий Сан-Стефанского мира по инициативе Великобритании и Австро-Венгрии, выступавших против усиления позиций России на Балканах.

С. 369. *В Сан-Стефано мы должны показать свой характер.* — В Сан-Стефано близ Стамбула был заключен прелиминарный (предварительный) мир, завершивший Русско-турецкую войну 1877–1878 гг.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

1828 год

16 июля — в семье российского генерала от инфантерии Владимира Иосифовича Гурко (потомка дворянского рода белорусского происхождения Ромейко-Гурко) родился сын Иосиф Владимирович.

1846 год

Иосиф Гурко окончил Пажеский корпус, выпущен корнетом в лейб-гвардии Гусарский полк.

1862–1866 годы

Состоял в свите императора флигель-адъютантом. Выполнял административные поручения по проведению крестьянской реформы.

1866–1869 годы

Командир 4-го гусарского Мариупольского полка.

1869–1874 годы

Командир лейб-гвардии Конно-гренадерского полка.

1875–1877 годы

Начальник 2-й гвардейской кавалерийской дивизии.

Русско-турецкая война 1877–1878 годов.

1877 год

Июль — командуя Передовым отрядом, Гурко совершил успешный переход через Балканы и освободил значительную часть Южной Болгарии. Получил чин генерал-адъютанта. Сентябрь-октябрь — начальник кавалерии Западного отряда под Плевной.

12 октября — овладел турецким опорным пунктом Горный Дубняк. *16 октября* — овладел турецким опорным пунктом Телиш, чем завершил окружение Плевны. *Ноябрь* — наступлением на Этрополь — Орхание занял удобные исходные позиции в предгорьях Балкан. *Декабрь* — командуя 70-тысячным отрядом, Гурко совершил переход через Балканы, считавшиеся недоступными зимой, занял Софию, *19 декабря* — разбил турецкие войска под Ташкисеном.

1878 год

3–5 января — Гурко нанес поражение турецким войскам под Филиппополем и без боя занял Адрианополь. Получил чин генерала от кавалерии.

1878–1879 годы

Помощник главнокомандующего войсками гвардии и Петербургского военного округа. Временный петербургский генерал-губернатор.

1882–1883 годы

Временный одесский генерал-губернатор.

1883–1894 годы

Гурко генерал-губернатор Привисленского края и командующий войсками Варшавского военного округа.

С 1886 года член Государственного Совета.

1884 год в отставке, жил в имении в Тверской губернии.

1901 год

15 января — умер Иосиф Владимирович Гурко.

Содержание

И. В. Гурко. ***Биографическая статья*** 5

Б. Тумасов. Под стягом Российской империи
Исторический роман 9

Комментарии 394
Хронологическая таблица 397